

sci_history
nonf_publicism

Иосиф
Гофман

Нюрнберг предостерегает
2007
ru

Иосиф
Гофман

ABBYY FineReader 11
129886859421170000
ABBYY FineReader 11
{111BBA2D-1319-4412-9605-40430D8995EC}
1.1

Иосиф Гофман

НЮРНБЕРГ

предостерегает

Воспоминания телохранителя главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко о Нюрнбергском
судебном процессе
(Издание второе дополненное)
Полтава
2007
УДК: 94(4) «1945» ББК: 63.3(2)622 Г 745

Гофман И. Д.

НЮРНБЕРГ ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ. — Полтава, 2007 — 376 с.

ISBN 966-7879-01-1

В основе книги — материалы Нюрнбергского процесса над главными фашистскими преступниками. В ней рассказывается о многих событиях, которые раньше в открытой печати упоминались очень сдержанно или вообще замалчивались. Уникальность книги в том, что её автор был свидетелем и отчасти соучастником этого исторического события.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

Все права на книгу сохраняются за автором.

© И. Гофман, 2007 ISBN 966-7879-01-1

Это судебное разбирательство приобретает значение потому, что эти заключенные представляют в своем лице зловещие силы, которые будут таиться в мире еще долго после того, как тела этих людей превратятся в прах.

Главный обвинитель от США Р. Джексон

Бессмертный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне спас человеческую цивилизацию.

Минуло шестьдесят лет со времени суда над главными нацистскими преступниками. Приговор Нюрнбергского трибунала — это грозное предостережение тем, кто пытается ввергнуть человечество в новую войну.

Фашизм, под каким бы флагом и в каком бы обличьи, со свастикой или без неё, ни маскировал свою звериную сущность, больше не должен существовать. Ради этого отдали свои жизни павшие в Великой Отечественной войне против фашистской Германии.

Автор выражает глубокую признательность за содействие в издании книги директору Полтавской областной дирекции ОАО «Райффайзен Банк Аваль» Владимиру Васильевичу Шияну

Иосиф Давидович Гофман

Иосиф Гофман в 1942 году 17-летним юношей добровольно пошел в Красную Армию. С июня 1943 года — на фронтах Великой Отечественной войны. Разведчик, старший группы захвата, командир взвода разведки стрелкового полка.

Войну закончил в Берлине. В конце 1945 года направлен на Нюрнбергский процесс в личную охрану главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко.

В 1957 году закончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина и продолжал служить в Советских Вооруженных Силах. Закончил службу в звании полковника.

После увольнения из Советской Армии активно участвует в военно-патриотическом воспитании молодежи.

Предисловие

Бессмертный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне с фашистской Германией спас человечество от превращения в сплошной концентрационный лагерь. Гитлер планировал в молниеносной войне разгромить Советский Союз, захватить его богатства, превратить наш народ в рабов и тем самым открыть себе путь к мировому господству. Говорил же Гитлер своему фотографу, снимаясь в Париже на фоне Эйфелевой башни: «Снимай, затем снимешь меня в Букингемском дворце, а там и перед небоскребами...».

Нюрнбергский военный трибунал впервые за всю историю человеческой цивилизации осудил банду преступников, завладевших целым государством и сделавших само государство орудием своих чудовищных преступлений.

...Передо мной лежит только что прочитанная рукопись книги, готовой ко второму, дополненному изданию, ветерана войны, полковника в отставке Иосифа Давидовича Гофмана «Нюрнберг предостерегает».

На богатом документальном материале он повествует о Нюрнбергском трибунале, начиная с большой подготовительной работы и первого судебного заседания — вплоть до кремации тел преступников, казненных по приговору Международного военного трибунала.

Автор, седой ветеран, свидетель такого исторического события, подкрепил личные воспоминания многими документами, фотографиями, которые стали доступными в последнее время, создав свое нюрнбергское предостережение.

Меня, юриста с большим опытом работы, поражает работоспособность Иосифа Давидовича, сумевшего за относительно короткое время создать интересную книгу-предостережение всем тем силам, которые не извлекли уроков Международного военного трибунала над главными преступниками фашистской Германии.

То, что гвардии сержанту Гофману доверили охрану главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко, в комментариях не нуждается.

С большим уважением и теплотой автор рассказывает о государственном муже, юристе высокого класса, порядочном человеке Романе Андреевиче Руденко.

Обращаясь к читателю, Иосиф Давидович пишет: «Могу уверить читателя, что всегда был готов защитить Романа Андреевича. Я ни на секунду не задумался бы, если обстоятельства потребовали закрыть своим телом Романа Андреевича от вражеской пули. Я был готов действовать в любой нештатной обстановке».

В книге много глав и каждая несет свою смысловую нагрузку, и в то же время все вместе взятые раскрывают роль и значение Нюрнбергского процесса. Книга написана простым и ясным языком. Складывается впечатление, будто автор ведет с читателем дружескую беседу, постепенно вводя его в курс событий того времени, не навязывая своей точки зрения, давая ему возможность самому делать выводы.

Может возникнуть вопрос: «Нужно ли обращаться к страшному прошлому, рассказывать о злодеяниях фашистских преступников?». Ответ однозначен! Нынешнее и грядущие поколения должны знать о подвиге, совершенном советским народом «не ради славы, а ради жизни на земле». В мире еще сохранились силы, которые пытаются обелить гитлеризм, замалчивать масштабы фашистских злодеяний. Они хотят, чтоб народы мира забыли о Бухенвальде, Освенциме, Майданеке, Бабьем Яре.

В Нюрнберге судили не только два десятка кровавых преступников, но и фашизм, его идеологию. Уроки Нюрнберга призывают к бдительности, предостерегают против всяческих форм возрождения идей фашизма, ксенофобии, антисемитизма. Остается в силе предупреждение украинского писателя Ярослава Галана, который писал в репортаже из Нюрнберга:

«Фашистская чума будет угрожать человечеству до тех пор, пока не будут ликвидированы ее бактерии».

...Лучший и единственный способ избежать пожара — уничтожить поджигателей».

В наши дни, в условиях высокого уровня ядерной вооруженности, необходимы решительные действия по преодолению взрывоопасной для всего мира ситуации.

Взявшись за перо, автор вернулся в свою боевую молодость с единственной целью — сохранить для потомков правду о войне, Нюрнберге, какими он их видел, пережил, запомнил. Война оставила зарубки не только на теле ветерана, но и в его памяти. Раны зарубцевались, а память — нет, болит. Для него работа над книгой была возвращением частички долга, который числится за каждым живущим перед теми, кто погиб в боях с фашизмом, кто был замучен, расстрелян в лагерях смерти.

Судьба автора — это судьба целого поколения молодежи времен Великой Отечественной войны.

В огне войны горела их молодость. Они отдали во имя Победы все, что могли, что имели. Они уходили на фронт, на войну и ... в бессмертие. Большинство ветеранов уже отметили восьмидесятилетний юбилей. Лимит почти исчерпан. С каждым ушедшим ветераном мы сиротеем.

Народ — это единое целое, мертвые и живые. Вечная память тем, кто отдал жизнь, чтоб жили мы. Слава тем, кто, как автор книги, выжил в кромешном аду войны. Их было немало, осталось совсем немного.

Так пусть же лучшее будущее, достойное народа-победителя, станет реальностью его жизни.

Владимир Шиян, заслуженный юрист Украины

Меня бросала жизнь и в морду била...

Е. Евтушенко

1

Долгая дорога в Нюрнберг

Война настигла меня пятнадцатилетним мальчишкой в городе Николаеве. Папу в первые дни войны призвали в армию. От него мы с мамой не получили ни одной весточки. Пришло извещение, что рядовой Гофман Давид Михайлович пропал без вести. Мама, я и четырехлетний брат Лёня вместе с семьёй Зборовских на двуконной повозке, но с одной лошадью, успели выехать из города за день до того, как его заняли немецкие войска.

Сколько раз мы попадали под бомбёжку, не сосчитать. Самыми трудными и опасными были переправы через реки. На всю оставшуюся жизнь запомнил одну из них, хотя названия реки запомнил. Все дороги там были забиты отступающими войсками и беженцами. Фашистские самолёты обстреливали даже отдельные повозки. Что касается скопления войск и беженцев у переправ, то тут немцы действовали нагло, безжалостно и безнаказанно. Как правило, у переправ скапливалось сколько глаз видел неорганизованного народа. Все бежали в панике от смертельной опасности, и каждый стремился переправиться раньше других. Поскольку никаких регулировщиков не было, а жить хотелось всем, то тут на многие километры образовывались пробки. Немецкая авиация обычно уничтожала переправу, а затем на бреющем полёте расстреливала безоружных людей. Убитых никто не хоронил, и вокруг переправы стоял стойкий смрад разлагающихся человеческих тел. К раненым ни скорую, ни медленную помощь никто не вызывал. Её просто не существовало. Я до сих пор не могу забыть раненых, моливших о помощи, детей, плачущих у тел убитых родителей. Кромешный ад.

Только поздней ночью военные восстановили переправу и небольшая часть бегущих от смерти успела переправиться до очередной бомбёжки.

Где-то в сентябре на станции Ясиноватая мы оставили местным жителям лошадку и поездом в «телячьем» вагоне, набитом беженцами, добрались до Астрахани. Дальше на телеге, которую тащил ...верблюд, нас повезли в населённый пункт Линейное. Не теряя времени, я устроился на работу землекопом. Строил железную дорогу Астрахань-Кизляр. Возил тачкой грунт. В бригаде были в основном калмыки. Несовершеннолетним был я один. Уставал страшно. Рук и ног не чувствовал. Бывало, придя с работы, пока мама собиралась подать еду, я успевал уснуть за столом.

Не помню, сколько платили денег и платили ли вообще. Главное, тем, кто выполнял норму, по списку, который составлял бригадир и подписывал мастер, в магазине отпускали пайку хлеба — 400 граммов. Кто не работал, тому хлеба не было. Эти 400 граммов приносил на троих, хотя мама всегда отдавала хлеб мне и брату. Когда исполнилось шестнадцать, меня назначили бригадиром землекопов. В 1942 году добровольцем пошёл служить в Красную Армию, хотя железнодорожники имели бронь.

Службу начал курсантом Симферопольского пулеметно-минометного училища, которое находилось тогда в городе Балаков Саратовской области. До сих пор помню: взвод идет на стрельбище или на занятия по тактике, а это километров шесть, я навьючен станком пулемета. Не помню, сколько он весил, но хорошо помню команды командира взвода лейтенанта Неведниченко: «Танки слева, укрытие справа! Взвод, к бою!». Пока дойдем до стрельбища, эти команды подавались пять-шесть раз.

Помню, что всегда хотелось кушать. Попасть рабочим на кухню было большой радостью. Хоть работы много, зато наешься досыта. За раз съедал котелок пшеничной или перловой каши и полбулки хлеба, а то и целую. О том, что служба не казалась медом, говорит такой факт: всем взводом написали рапорта с просьбой отправить на фронт. Если читатель думает, что нас похвалили за патриотизм, то он ошибается. Нам за это... попало от начальства училища, а командир взвода увеличил в два-три раза количество команд: «Взвод, к бою!» и занятия по строевой подготовке.

Лютый мороз. Лейтенант Неведничий в хромовых сапогах, начищенных до блеска, проводит с нами занятия. Их цель — отбить охоту проситься на фронт. Видно, ему попало за плохую воспитательную работу. Но Сталин нас выручил. Пришел приказ — весь наш курс отправить на фронт. Воевать с фашистами начал стрелком 9-й стрелковой роты 3-го батальона 271-го гвардейского стрелкового полка 88-й стрелковой дивизии 8-й гвардейской Сталинградской Армии. Прошло уже более полувека, а мне до сих пор снится команда: «Взвод! В атаку, вперед!»

У разведчиков работа такая

Я только раз был в рукопашной.
Раз наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Юлия Друнина

Где-то летом 1943 года меня взяли во взвод полковой разведки. Позже появилось немало произведений, описывающих подвиги фронтовых разведчиков. Их показывали этакими лихими ребятами, которые шутя ходили во вражеский тыл и играючи брали в плен офицеров, а то и генералов немецкой армии.

Имея за плечами два года службы разведчиком, старшим группы захвата, командиром взвода разведки, могу из собственного опыта утверждать: реальная фронтовая жизнь войсковых разведчиков была совершенно иной.

Труд разведчика без преувеличения можно сравнить с работой сапера, который, говорят, ошибается только один раз. Это самый тяжелый солдатский труд. Ведь задачу выполняешь в окружении врагов, а их всегда больше. Ошибка разведчика дорого обходилась однополчанам. Малейшая оплошность приводила к провалу поиска и гибели самих разведчиков.

Вот как порой бывало. Дело было в Западной Украине. Немцы отступали. Причем днем ожесточенно оборонялись, а ночью отходили на подготовленные позиции. Я был контужен, и наш врач по согласованию с командиром полка решил лечить меня в полковом медпункте. За меня командовать взводом остался заместитель — старший сержант Фролов.

Ему было приказано разведать, покинули ли немцы село, за которую целый день шел тяжелый бой. Что-то подозрительно тихо...

Ни стрельбы, ни осветительных ракет... Группа разведчиков из шести человек во главе с Фроловым прошла немецкую передовую, подошла к окраине села — тоже тихо, спокойно. Фролов решает, что нечего тянуть время: надо возвращаться и доложить командиру полка, что немцы драпанули. Так и сделал.

Получив разведанные, командир полка приказал стрелковому батальону преследовать противника. Наша пехота вошла в деревню и попала в засаду. Залегли, окопались и стали обороняться. Лишь после артиллерийской подготовки и при поддержке танковой роты немцы были выбиты из села. О потерях не буду говорить. Фролова судил военный трибунал...

Разведка — дело тонкое, ответственное. Любая оплошность, неумение правильно оценить обстановку стоят большой крови.

Служба разведчиков существенно отличается от службы в обычном стрелковом подразделении. Как нельзя научиться плавать по книге, так нельзя стать и разведчиком без многотрудных боевых будней.

Я принимал участие во многих поисках, счета им не вел. Много стёрлось из памяти за эти годы, но самые удачные выходы в тыл врага и те, в которых теряли боевых товарищей, помнятся по сей день.

Учиться пришлось самым простым вещам: как одеться потеплее, чтобы не замерзнуть в окопе или лежа на нейтральной полосе в ожидании удобного момента для броска; как распорядиться сухим пайком; как подготовить себя для боя, чтобы самому уцелеть, а врага уничтожить. «На фронте, — говорили бывалые солдаты, — уцелей в первом бою, а во втором пуля облетит». В этой поговорке есть большая доля истины. Для меня первое задание тоже стало настоящей солдатской академией.

Разведчик обязан уметь передвигаться ползком и короткими перебежками. Трудно сосчитать, сколько километров пришлось преодолеть таким образом. А кто не овладел этим мастерством, нередко погибал сам и ставил под угрозу жизнь своих товарищей.

Вспоминается и такой эпизод: ползем по нейтральной полосе, как вдруг один разведчик закашлял... В небо тут же полетели осветительные ракеты и немцы обнаружили нас. Один разведчик тогда погиб, другого тяжело ранили. Только после того, как полковая артиллерия открыла шквальный огонь по немецкой передовой, нам удалось вынести к своим убитого и тяжело раненного.

Много времени разведчики уделяют наблюдению за противником, хотя, казалось бы, это проще простого. Нет, бывалый разведчик умеет заметить, вычислить то, что неспособен заметить не обученный искусству разведки солдат. Методом наблюдения и слежки мы собирали немало сведений о противнике. Умение все видеть и слышать помогало нам разгадывать его замыслы. Когда я только стал разведчиком, мне больше по душе были дерзкий захват «языка» в тылу врага или засады, нежели дежурство на наблюдательном пункте или в боевом охранении. Но впоследствии я убедился, что неправ. Не раз и не два убеждался, что томительные часы наблюдения порой дают больше, чем захват немецкого солдата, который ночью копал картошку на нейтральной полосе (было и такое).

Ответственность за жизнь не только свою, но и однополчан перерастала в прочный сплав армейского братства. Между собой разведчики были дружны и каждый старался выполнить просьбу товарища, выручить в трудной обстановке. Так как по горькому опыту знал: совсем скоро можно навсегда утратить человека, которому ты сегодня отказал в помощи.

Как-то, уже с «языком», прорывались через боевые порядки немцев. Ночь, ненастье. Где свои, где чужие — не понять. В этой неразберихе потерялся один разведчик. Об этом мне доложили уже на нейтральной полосе. Надо вернуться! Возвращаемся... Немцы решили, что их атакуют. Засвистели пули над головами, рядом рвутся мины. Мы все же нашли нашего товарища у переднего края фрицев. Он был тяжело ранен. Вытащили его на плащ-палатке. После выздоровления он нашел свою часть и опять служил в разведке. У разведчиков железный закон: никто не должен остаться у противника.

В бою у командира самый веский аргумент — личный пример. В руководителе любого ранга должен быть фундамент — моральная безупречность. Нет такого фундамента, значит все остальное (знание, хватка, организаторские способности) повисает в воздухе и не ценится подчиненными. Особенно это важно в разведке. Если разведчики не видят в своем командире верного, смелого товарища, успеха не будет. Не случайно, когда о ком-то хотят сказать, что это надежный человек, говорят: «С ним бы я в разведку пошел».

Скажу без хвастовства, разведчики видели во мне командира, знающего толк в организации поиска.

Больше полувека прошло, а я до сих пор с благодарностью вспоминаю своего заместителя, орловского парня Володю Повагу.

Однажды мы решили в тылу у противника атаковать отдельный блиндаж, чтобы захватить «языка». В бою у меня отказал автомат (заклинило затвор), но Володя успел застрелить немца, который целился в меня. «Языка» мы взяли. Им оказался немецкий капитан. Я был награжден орденом Славы III степени.

Особенно трудно приходилось разведчикам, когда войска долго стояли в обороне. Противник все время совершенствовал оборону. Здесь и минные поля, и несколько рядов колючей проволоки, банки-склянки на ней. А однажды нас обнаружила собака. Немцы порой и их использовали. Я уже не говорю о секретах, которые располагались впереди траншей метров на 100-150. Так было на Одерском плацдарме.

Не раз и не два мы возвращались без «языка». И не только мы.

Начальник разведки дивизии решил собрать со всех полков по парочке разведчиков и сформировать сводную группу захвата. Командир дивизии обещал всех наградить, если приведем стоящего «языка» (они ведь тоже разные были...). Сообща решили, что ошибка была в том, что действовали шаблонно. Немцы уже привыкли к тому, что как только стемнеет, через «нейтралку» пробирается очередная разведгруппа. Надо менять тактику. Решили нейтральную полосу переходить под утро и пленного брать, когда немцы после завтрака пойдут спать: ночью они копали какое-то укрытие. Обсудили варианты и пришли к выводу, что самое трудное предстоит нам после захвата «языка». Отходить к своей передовой около 300 метров, по времени это где-то 6-8 минут. Много... Настало время идти в поиск. Присели по русскому обычаю и гуськом направились к передовой. Разведчики обычно ходят строго след в след. След остается один — попробуй разберись, сколько человек прошло. А если нарвется группа на минное поле, то потерь будет меньше... Никто не провожал нас, не говорил длинных речей — не принято было. Этим подчеркивалось, что мы идем выполнять свою обычную задачу, что работа у нас такая.

Вот и передний край нашей обороны. Изредка вспыхивают осветительные ракеты. Где-то пророкотал пулемет, пронеслась короткая цепочка трассирующих пуль. И снова тихо. Достигли окопа нашего боевого охранения. Поиск начался. Вперед ушли два сапера и один наш разведчик — уточнить, а не произошло ли перемен на немецкой передовой? Через час они вернулись: проходы в минном поле и в проволочном ограждении проделаны. Настал черед группы захвата. Один за одним поползли по нейтральной полосе — от воронки к воронке, от куста к кусту... Минное поле. Ориентировались по колышкам, что оставили саперы. Проход «в колючке» обозначен двумя кусками бинта. Совсем рядом раздается резкий хлопок. Над головой вспыхнула осветительная ракета, залив все вокруг молочным светом. Впереди что-то лязгнуло, послышался негромкий разговор. Поднял голову и замер. Передо мной метрах в пятнадцати были немцы. Старший группы захвата дал красную ракету. Тут же заработала артиллерия. Была по флангам и тылу немецкого участка обороны выбранного нами объекта. По команде «Вперед!» мы рванулись к вражеской траншее.

Фрицы не ожидали ни артналета, ни нас. Буквально в считанные минуты мы захватили одного пулеметчика (второй был убит на месте) и без потерь (один разведчик был ранен) прибежали к своей передовой. Кажется, все просто, а сколько было пережито за эти мгновения.

Командир дивизии слово сдержал. Старший группы захвата был награжден орденом Красной Звезды, а каждого из нас пятерых наградили медалью «За отвагу».

И тогда на фронте, и сейчас я горжусь этой медалью, этой высокой солдатской наградой. И когда говорят, что воин награжден такими-то орденами и у него столько-то медалей, то мне (и, думаю, не только мне) становится больно за такое пренебрежительное отношение к медали «За отвагу».

Вдумайтесь в смысл её названия. Ох, как трудно было ее заслужить! Не случайно, через полвека четыре таких медали приравнивали к званию Героя Советского Союза. Только почему четыре? Как и кем определялась эта цифра? Да ладно! Спасибо, кто-то все же додумался, что медаль «За отвагу» — это высокая награда.

В законе «Про пенсп за особлив! заслуги перед УкраТною» написано: «Пенсп за особлив! заслуги перед УкраТною встановлюються громадянам УкраТни, яи нагороджеш чотирма і бшьше орденами, чо-тирма і бшьше медалями «За вщвагу», ветерани ВеликоТ В!тчизняноТ вшни, нагороджеш в период бойових дш медаллю «За вщвагу».

Я процитировал закон от 1 июня 2000 года, чтобы еще раз убедить тех, кто причисляет медаль «За отвагу» к числу «прочих» наград.

Я уже говорил о фронтовой дружбе. Помню, как перед первым поиском, в котором довелось мне участвовать, подошел мой друг Коля и сказал, чтобы я не волновался. Что бы ни случилось, он будет рядом. И сразу легче стало на душе. Ведь мне тогда и восемнадцати не было...

По-другому мы работали при наступлении. Используя промежутки в боевых порядках противника, мы проникали в его тыл, на возможные пути отхода. Пытались в первую очередь разведать, не вводит ли он свежие силы. В ходе наступления пленных мы брали десятками. Однако трудно приходилось в наступлении. Уставали до того, что засыпали на ходу. Нет, это не образное выражение. Так было. Бывало, заснешь на ходу и идешь куда-то в другую сторону, пока не наткнешься на препятствие. Не потому ли у меня сейчас такой плохой сон?

Мы нередко шли впереди наступающих — на нашу долю приходилось больше цветов, улыбок, поцелуев. И больше слез, когда рассказывали нам жители освобожденных городов и сел о зверствах, которые совершали фашисты...

Уважали в полку разведчиков. Ни для кого не было секретом, что фронтового лиха нам достается гораздо больше, чем воинам других военных специальностей, что труд наш тяжел и опасен. Разведвзвод в полку — отдельное подразделение. Я ни разу не слышал, чтобы кто-то позавидовал нашему более сытному питанию, лучшему обмундированию и уважительному отношению к нам полкового начальства.

Перед поиском нам давали по стопке. Кое-кому этого казалось мало, и два-три человека отдавали свои «сто» кому-то одному, и так по очереди...

Был у нас и такой разведчик — орловский мужик Володя Повага (помните, он спас мне жизнь). Повага брал эти триста граммов водки, наливал в котелок, крошил туда хлеб и ложкой ел... Он был разведчиком высшего класса. Я, командир взвода, многому у него научился. А главное, разведчики признали меня командиром взвода, когда Повага это сделал первым.

Одеды разведчики не всегда по-уставному. Расскажу о курьезном случае. Однажды я сопровождал командира полка, который проверял, как несут службу пехотинцы на переднем крае, как они обмундированы. Он был одет в видавшую виды шинель и солдатскую шапку. Это для того, чтобы не засек немецкий снайпер. Я же в кожаной куртке, кубанке, новых польских хромовых сапогах с высоким задником.

Когда мы проходили по траншее, то один солдат командиру честь не отдал, а вот передо мной вытянулся по стойке смирно. Командир улыбнулся и ничего не сказал. Но с тех пор он меня называл не иначе как «полковник». Часто в сложной обстановке раздавалась команда: «Полковника ко мне!», и все знали, что командир вызывал меня, сержанта Гофмана. Командир уважал меня и даже по-отечески любил.

Когда подполковник был тяжело ранен (это было в Польше), то попросил разрешения у командира дивизии, чтобы именно я сопровождал его до госпиталя. Разрешение было дано. И пока я не убедился, что операция прошла успешно, не уехал в часть. Это очень много говорит о наших взаимоотношениях.

У меня в семейном альбоме сохранилась дорогая мне фотография командира полка, которую он прислал из госпиталя. На её обратной стороне написано: «Полковнику Гофману от подполковника Олефи-ренко». Письмо, к сожалению, не сохранилось.

На войне нередко героическое и трагическое переплеталось. За два дня до наступления с Одерского плацдарма на Берлин в блиндаж командира полка зашли два капитана-артиллериста, оба «под мухой». И стали доказывать, что немцы уже драпанули, надо, мол, поднимать пехоту, а то проснетесь, а Берлин уже будет взят. Командир вызвал начальника штаба полка и меня. Мы оба доложили, что данная информация не заслуживает внимания. Он велел артиллеристам покинуть блиндаж, но те решили доказать, что немцев нет. Пошли на передовую (все это было ночью), подняли шум, крик и... были убиты немцами.

Я где-то читал, что на фронте сама обстановка воспитывает у воинов волевые качества, храбрость. Мне кажется, что обстановка постоянной опасности — скорее экзамен на боевую зрелость. Нелепая гибель двух артиллеристов подтверждает мою мысль.

И в заключение хочу отметить: воевал как все, понимал, что надо бить фашистов. Такая работа была, и я старался делать ее с умом и полной отдачей.

В семнадцать лет я не гулял по паркам,

В семнадцать лет я в танцах не кружил,

В семнадцать лет сигарочным огарком Я больше, чем любовью, дорожил!

В семнадцать лет среди тощих однолеток Я шел, и бил мне в спину котелок.

И песни измерялись не в куплетах,

А в километрах пройденных дорог.

...А я бы мог быть нежен, смел и кроток,

Чтоб губы в губы, чтоб хрустел плетень!

... В семнадцать лет с измотанных обмоток Мой начинался и кончался день.

Евгений Винокуров

Последний бой, он самый трудный...

И тишиною потрясен,
Солдат, открывший миру дверь,
Не верит в день, в который он Четыре года верил...

В. Прокопенко

Подвиг, совершенный советским народом в дни штурма Берлина — одна из самых ярких страниц истории Великой Отечественной войны.

Наша 88-я гвардейская стрелковая дивизия готовилась к битве за Берлин с плацдарма на реке Одер. Особенно досталось разведчикам. Надо было во что бы то ни стало взять «языка» — и не любого, а такого, чтобы рассказал о численности обороняющихся, вооружении, расположении штабов и огневых точек. Я вывел закономерность: чем острее необходимость в «языке», тем труднее его взять.

Разведчики с задачей справились. За несколько дней до наступления «языка» мы взяли.

В предрассветные часы исторического 16 апреля 1945 года 40000 орудий и минометов ударили по левому берегу Одера. Яркие лучи прожекторов осветили прибрежное поле боя и ослепили врага. Над нашими головами гремел огненный вал. Под ногами дрожала земля.

Не знаю, о чем думали солдаты и офицеры в траншеях и штабах, меня же охватило радостное возбуждение. Мне казалось, будто это была не артиллерийская подготовка, а салют Победы.

Самый тревожный час — ожидание атаки. В ходе же боя одна задача: убить фрица, ведь если ты не убьешь его, то он убьет тебя. На войне смерть всегда шагает рядом с солдатом.

Первые километры наступления мы преодолели без особого сопротивления противника. Горели подбитые вражеские танки, валялись трупы немецких солдат. Но у подножья Зееловских высот, в чистом поле, немцы заставили нас прижаться к земле. Попытались окопаться: только шевельнешься — вражеские снайперы открывают огонь. Пришлось целый световой день лежать не шелохнувшись. У многих и фляги с водой не было. Зачем? В Берлине напьемся!

Наша артиллерия непрерывно ведет огонь по высоте — результаты минимальные. Поздно вечером маршал Жуков, вопреки всем канонам военной науки, отдал приказ танкистам атаковать Зееловские высоты. Приказ был выполнен. Ломая отчаянное сопротивление

противника, вгрызаясь в каждую пядь земли, наш полк 21 апреля вышел на окраину Берлина. Из огня да в полымя.

Перебегая от воронки к воронке, прячась за укрытия, преодолевая рвы и завалы, по-пластунски переползая открытые места, мы с ходу начали штурм фашистского логова.

Мины, снаряды рвались на каждом метре. И не было ничего удивительного в том, что человек, с которым ты только что разговаривал, падая, нажимал на курок уже в мертвом оцепенении.

До полной Победы осталось пройти одну площадь и взять один дом — рейхстаг.

После тяжелых фронтовых дорог длиной в тысячи километров остались считанные метры. Наша дивизия наступала с юга к парку Тиргартен, недалеко от имперской канцелярии. Вся площадь и прилегающие улицы забаррикадированы и заминированы. По нам стреляли... окна, чердаки, крыши. Приходилось выбивать фрицев из каждого дома, этажа, каждой комнаты. Враг сражался с отчаянием смертника. Через этот ад нужно было пройти и еще очень хотелось остаться живым.

Каждый такой бой, каждый шаг — это великое преодоление себя.

Красное знамя на куполе рейхстага — победа! В 15 часов 2 мая 1945 года Берлинский гарнизон капитулировал. Конец войне! Конечно, радость безбрежная. Солдатский салют из личного оружия. Обнимаемся, жмем друг другу руки, выпиваем за победу. Поминаем тех, кто не дожил до этого дня. По официальным данным, при штурме Берлина наши потери составили 300 тысяч человек.

С тех пор прошло более шестидесяти лет. Автографы воинов, в том числе и мой, на рейхстаге стерты, но никогда не стереть, не вычеркнуть нашу победу в смертельной схватке с фашизмом. Никогда не утихнет боль утрат, скорбь о погибших. Мы воевали. Мы победили. Великая Отечественная война была, есть и будет для нас святой. Надеюсь, что она будет такой и для будущих поколений.

Каждый участник штурма Берлина не сомневался, что долгожданная победа будет за нами. Но никому из нас не дано было знать, доживет ли он сам до самого светлого, воистину святого праздника Победы.

Иногда в день Победы меня поздравляют с «праздничком». Я обязательно напоминаю, что это праздник из больших букв — ПОБЕДЫ.

...С фашистским зверем у меня были особые счеты. Об отце я уже писал. Бабушку Маню и дедушку Пиню Вайнтруб, которые не успели эвакуироваться, фашисты закопали в землю живыми.

Бабушка возглавляла виноградческую бригаду в колхозе. Дедушка возил молоко с фермы на сепараторную. У него одна нога не сгибалась. В гражданскую войну к ним в дом ворвались бандиты, их тогда было много, и потребовали золото: раз еврей — значит есть. Ходил такой анекдот о еврейском золоте. Бандиты спрашивают: «Золото есть?» Еврей отвечает: «Есть, и много. Сара, иди, за тобой пришли!». У дедушки золота не было. В отместку один из бандюг прострелил ему ногу.

В дни летних школьных каникул я приезжал к ним в гости и был счастлив, когда дедушка разрешал мне управлять лошадью. Вообще, им было со мной нескучно. Известно, что утки едят и одновременно пьют воду. Когда бабушка их кормила, я постепенно отодвигал от кормушки посуду с водой и утки бегали от кормушки к воде и обратно. Мне это очень нравилось. Бабушке — не очень. Я любил подбрасывать молодых индюшат, чтоб они летали. Они летали плохо.

После моего «эксперимента» больше половины уже не только не летали... Бабушке это совсем не нравилось. Она говорила: «Иосиф, чтоб ты лопнул!» Это у нее было самое ужасное ругательство. Несмотря на мое не совсем примерное поведение, дедушка и бабушка радовались, когда я приезжал к ним в гости. Думаю, что радовались и когда я уезжал. Они были для меня примером трудолюбия и порядочности. После войны я был в селе Синюхин Брод, где они жили до войны. Сельчане тепло вспоминали о их доброте и способности сопереживать чужой боли. Искренне, со слезами на глазах, говорили они о их мученической смерти.

Их сын Юра, мой дядя, погиб на войне. Вот ответ на запрос о его судьбе: «

Вайнтруб Юрий Пинкусович был захоронен в братской могиле. Но в списках погибших его не увековечено. В настоящее время ведется реконструкция братской могилы. В результате реконструкции имя Вашего брата и еще 26 погибших будут увековечены на братской могиле. Их имена значатся в книге памяти Темрюкского района.

10.09.93 г.»

Двадцать семь воинов пали в бою, а те, кому они спасли жизнь, только через полвека обещают реконструировать могилу и назвать их имена. Это письмо не нуждается в комментариях. Скажу лишь, что отношение к фронтовикам и особенно к воинам, павшим в бою, является показателем морального климата общества.

Моя тетя Муся Вайнтруб вышла замуж за военного летчика. Он погиб в первые дни войны. Тогда погибли и попали в плен многие. Тетю Мусю война застала в Ворошиловграде. Я помню ее. Она была очень красивой. Блондинка, голубые глаза. Все было при ней, и все было на месте. Совсем не была похожа на еврейку. Она долго жила в оккупации. Правда, свекровь, украинка, обычно сопровождала ее на работу и старалась встретить после работы. Боялась, что какая-то сволочь выдаст невестку фашистам. Обошлось. Когда Ворошиловград освободили, тетя Муся пошла на фронт медсестрой. Ее свекровь писала, что невестка спасла жизнь многим раненым бойцам. Была награждена двумя орденами за мужество и храбрость. Погибла, когда выносила раненого с поля боя.

Муж моей тети Жени, Иосиф Нахманович, в начале войны попал в плен. Бежал из плена и прятался на квартире первой жены-украинки. Кто-то его выдал. Вместо него в полицию, рискуя жизнью, пошел брат жены. Обошлось. После очередного доноса арестовали. Когда группу военнопленных вели на работу (в ней был и мой родственник), они разоружили конвой и бежали. Около двух лет он прятался в каменоломнях возле Одессы. Во время наступления на Одессу, весной 1944 года, мы встретились, когда разведчики прочесывали катакомбы. Он меня узнал, я его — только по голосу: так он изменился за годы плена и мытарств!

Шел тяжелый бой. Командир взвода разведки должен быть вблизи командира полка. Я отдал всем, кто прятался в катакомбах, продовольственные запасы разведчиков и почти полную канистру спирта. попрощался с дядей и договорился после войны отметить нашу встречу. Не довелось. Его призвали в армию и в боях за освобождение Молдавии он погиб. Ко мне судьба была благосклонна. Из пяти членов нашей семьи, воевавших с фашистами, в живых остался я один. Дошел до Берлина и расписался на рейхстаге.

После капитуляции фашистской армии наш 271-й стрелковый гвардейский Берлинский полк был передислоцирован в город Дрезден. Сразу после войны на должность командира взвода разведки назначали офицера. Я был в этой должности полтора года. Для войны это солидный срок. Если к этому добавить, что полк, в котором я воевал последние два года войны, по официальным документам, только 8 дней не участвовал в боевых действиях.

Меня назначили парторгом 3-го батальона. Того самого батальона, в котором я начинал службу стрелком 9-й стрелковой роты.

Во время войны и некоторое время спустя парторги не избирались, а назначались. В партию я был принят после удачного рейда полковых разведчиков в тыл противника.

До сих пор помню первое партийное собрание. Во взводе разведки было два коммуниста — я и старший группы захвата. Самое страшное было для меня то, что парторг полка велел мне выступить на собрании. Читатель, поверь мне, солдату, я бы лучше два раза сходил в разведку, чем выступать на партийном собрании. У меня было в то время одно желание: чтобы фрицы обстреляли расположение штаба полка и сорвали партсобрание. Но моему желанию, к счастью, не суждено было сбыться. Пришлось выступить... Не помню, что я говорил, но только до сих пор помню, что когда шел к месту, где стоял парторг, чтобы выступить, ноги стали вроде ватными и подкашивались.

Парторгом батальона я пробыл несколько месяцев. Ранней осенью звонит парторг полка и говорит:

— На завтра к 10 часам утра тебя вызывает начальник политотдела дивизии.

Я пытался узнать, по какому вопросу.

— Завтра у начальника политического отдела спросишь, — ответил парторг.

Конечно, я плохо спал эту ночь. Думал: наверное, опять будут агитировать поступать на учебу в военно-политическое училище. В начале 1945 года такое предложение уже было. Я отказался. Из-за этого наши отношения с парторгом полка стали более официальными. Побрился, нагладил, подшил свежий подворотничок и поехал в штаб дивизии. Начальник политического отдела без всякого вступления говорит: «От 8-й гвардейской Сталинградской армии велено направить нескольких человек в Нюрнберг, где будут судить главных военных преступников. От нашей дивизии велено подобрать одного сержанта. Предстоит охранять советских юристов. Политический отдел дивизии рекомендовал тебя». Я растерялся. Предложение заманчивое, а возьмут ли меня по возвращении из Нюрнберга на прежнюю должность — неизвестно. Это был тот случай, когда заглядывать слишком далеко недальновидно. Решил посоветоваться с начальником. Реакция была быстрой и неожиданной: «Да я хоть в звании рядового туда бы поехал, а ты еще сопротивляешься!». Это и решило мою судьбу. Несколько месяцев компетентные органы проверяли мою родословную. Для меня Нюрнбергский процесс — не только огромное событие в истории человеческой истории, но и глубоко личное событие. Судьба в очередной раз преподнесла мне щедрый подарок. Всех, кто направлялся для дальнейшей службы в Нюрнберг, собрали в штабе армии. Занятия по строевой подготовке — три-четыре часа в день. Огневая подготовка и, конечно, политические занятия. Пошли новую форменную одежду.

Напутственный инструктаж ответственных товарищей о бдительности в логове фашистского зверя. На машине нас повезли в Нюрнберг. Сопровождал нас офицер. Не знаю, кем он был. Думаю, что из «СМЕРШа» («Смерть шпионам». — Прим. авт.).

Никто ни разу не остановил нас в пути, аж до границы между советской и американской зонами оккупации. Встречались колонны американских войск. На стоянке американские солдаты рассредоточивались по обе стороны дороги: ели, пили, курили... Колонну никто не охранял — ни одного часового! Может быть, оттого, что немцы не сопротивлялись, не было ни диверсий, ни партизан. Никто из немцев не ушел в подполье, чтобы сражаться с оккупантами. Они были верны Гитлеру, когда побеждали. Беспощадны к побежденным. По отношению же к победителям были исполнительными и услужливыми.

Я не могу утверждать, но мне казалось, что у американцев с бдительностью и дисциплиной не все было в порядке. Когда мы следовали на процесс, то проезжали мимо громадного танкового парка. Его охранял один негр. Он сидел и покуривал. Наверное, они менялись, но что-то белые нам не попадались. Не видел, чтобы проводили парковый день или вообще кто-то обслуживал танки за все время процесса. Несколько раз мне приходилось обращаться к военнослужащим американской армии. На проходной никто не спросил пропуск, не поинтересовался, куда и зачем иду. Достаточно было, что я был в форме сержанта Советской Армии. Ходил по штабу, искал нужного мне человека. Никто меня не остановил.

Когда мы ехали в Нюрнберг, то ожидали, что на каждом шагу увидим танки, полицию, будет объявлен комендантский час. Ведь судят правительство, которое немцы обожествляли. Недалеко от Нюрнберга, в нескольких десятках километров, был лагерь военнопленных эсесовцев. Никто не перебрасывал в Нюрнберг дополнительно специальные подразделения, ни у кого не проверяли документов. Нюрнберг жил обычной серой, унылой жизнью. Не было демонстраций, митингов в защиту подсудимых.

Но это вовсе не значит, что в Нюрнберге тем, кто отвечал за жизнь и безопасность советской делегации, не было забот. Было, и немало, как говорило мое начальство, «внештатных ситуаций». Однажды поступила информация, что пленные эсесовцы дивизии «Эдельвейс» собираются проникнуть во Дворец юстиции с тем, чтобы освободить подсудимых и прихватить в заложники судей.

Молодой немке-заговорщице удалось с помощью американского офицера по фальшивому пропуску проникнуть в зал заседания трибунала, с разведывательной целью — изучить расположение подсудимых, охраны, судей. К счастью, один из заговорщиков был арестован. Он выдал остальных. Все были арестованы. Как с ними обошлись, не знаю. После этого была

усилена охрана Дворца юстиции танками, увеличилась вдвое наружная охрана. Нас на процесс стали сопровождать вместо одной две машины с американскими военными полицейскими, вооруженными автоматами.

То, что город кишел эсэсовцами, доказывать нет необходимости.

Почему-то долгое время мало кто писал о том, что под американским покровительством осели те, которых называли «невозвращенцами». Это советские люди, которые сотрудничали с фашистами и, опасаясь наказания, бежали вместе с гитлеровской армией с советской территории. Они оказались без родины, очага, работы и с неизвестным будущим. К советским людям «невозвращенцы» относились враждебно. Их в Нюрнберге хватало, а за городом было несколько поселений.

Однажды небольшая группа нашей делегации отправилась отдыхать за город и наткнулась на «невозвращенцев». Последних оказалось значительно больше, и наши товарищи были зверски избиты. После этого события нам запретили ходить по одному в город, а тем более в район поселения «бывших» советских людей.

По приезде в Нюрнберг со мной беседовал человек в гражданской одежде, но с армейской выправкой. Ни звания, ни фамилии я так и не узнал. Меня это не интересовало. А главное, соблюдался железный принцип: не спрашивай, не старайся выяснить того, что не относится к выполнению твоих обязанностей.

Суть беседы:

- а) за жизнь человека, которого вам поручено охранять, отвечаете головой;
- б) никаких контактов с другими делегациями и немецким населением;
- в) все вопросы, возникающие по службе, решать с одним человеком. У него получите конкретный инструктаж;
- г) ваша работа подобна работе сапера — одна ошибка и службе конец. И не только в Нюрнберге.

Мне рассказывали ребята, что командир взвода наружной охраны (кроме нашей была и американская), влюбился в француженку. В 24 часа его убрали из Нюрнберга. Больше о нем никто ничего не слышал.

Меня назначили в личную охрану главного обвинителя от СССР Романа Андреевича Руденко. До Нюрнбергского процесса он занимал пост прокурора Украины. Ему было лет сорок.

В своей яркой, эмоциональной вступительной речи он говорил: «Господа судьи! Я выступаю здесь как представитель Союза Советских Социалистических Республик, принявшего на себя основную тяжесть ударов фашистских захватчиков и внесшего огромный вклад в дело разгрома гитлеровской Германии и ее сателлитов».

Этим очень важным аргументом определялась позиция и авторитет советской делегации на процессе. На советско-германском фронте было уничтожено: 507 немецких дивизий и 100 дивизий союзников Германии. Это в три с половиной раза больше, чем на всех остальных фронтах второй мировой войны. На Восточном фронте война длилась 1418 дней, на Западном — 338, на территории Германии — менее 5 месяцев. Рузвельт в 1942 году писал: «Ясен простой факт — русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения и снаряжения, чем остальные 25 государств, вместе взятые».

Даже самый главный антисоветчик Черчилль признал в своих мемуарах: «Именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины». На плечи главного обвинителя Советского Союза легли ответственные задачи.

Аркадий Иосифович Полторак дал очень объемную и верную характеристику Р. А. Руденко: «Высококвалифицированный и острый юрист, человек, от природы щедро наделенный чувством юмора, очень живой собеседник, умеющий понимать и ценить тонкую шутку, он импонировал всем своим партнерам, и они относились к нему с чувством глубокого уважения, искренней симпатией. Это, конечно, очень облегчало совместную работу».

Главной моей задачей было обеспечить безопасность Романа Андреевича Руденко. Я, поочередно со своим напарником, сопровождал Романа Андреевича на процесс и с процесса, в служебные поездки, и не только. Вся моя служба контролировалась и регулярно анализировалась. Однажды на приеме у американской делегации ко мне подошла американка, возможно, переводчица с английского на русский язык. Спросила, откуда я родом, не скучаю ли по дому. Разговор длился не более 5-7 минут. На следующий день меня вызвал

соответствующий начальник и поинтересовался, о чем мы с ней беседовали. Я еще раз убедился, что и за мной тоже ведётся наблюдение.

Когда я пишу, что был на приеме или на охоте, то это вовсе не значит, что я пил на брудершафт или охотился. Могу заверить читателя, что я всегда был готов защитить Романа Андреевича. Скажу без хвастовства: я ни на секунду не задумался бы, если обстоятельства потребовали закрыть своим телом Романа Андреевича от вражеской пули. Я был готов действовать в любой нештатной обстановке.

Запомнилась мне одна интересная встреча. На одном из приемов, который устраивала наша делегация, ко мне подошел американский полковник и предложил бокал шампанского. Я, конечно, отказался под предлогом, что вообще не употребляю спиртного. Он не настаивал. Я обратил внимание, что американцы во время застолья никого не принуждают есть или пить. Все на столе — хочешь ешь и пей, а не хочешь — твое личное дело. Они не требуют пить под предлогом: «Ты меня не уважаешь?!». Я действительно не пил. Полковник не успокоился и предложил сфотографироваться на память о пребывании в Нюрнберге. Я немного растерялся. Вдруг увидел своего напарника. Он дал мне сигнал — мол, порядок, действуй, я подстрахую. Нас сфотографировал один из американских гостей. Жмем друг другу руки. Он обнял меня за плечо. Через несколько дней мне передали эту фотографию.

У меня было много фотографий с членами нашей делегации, и не только нашей. Но, увы...

С 1947 по 1949 годы я учился в Ивановском военно-политическом училище. Это было время «борьбы с безродными космополитами». Молодые люди вряд ли знают, что это такое. В нескольких словах попытаюсь объяснить. Борьба с преклонением перед иностранщиной. Советское — самое передовое, самое лучшее.

Поэт Сергей Михалков включился в эту борьбу и написал стихотворение о тех, кто преклонялся перед «диким Западом» с такой концовкой: «... а сало русское едят». Ходил такой анекдот.

Спрашивают советского человека: «Кто придумал рентген?» Ответ: «Австриец по фамилии Рентген». Нет, первым придумали рентген в России. Еще в XVII веке один мужик сказал своей жене: «Я тебя, насквозь вижу.» Как бы он ее видел насквозь, если бы не было рентгена?

Даже мензурки переименовывались. Страшное время. Это была явно антисемитская кампания.

И я все фотографии уничтожил. Была у меня цветная фотография красивой женщины из американского журнала. И ее сжег. Единственный документ, который я сохранил на память потомству — это пропуск в зал заседаний суда. Сегодня он стал исторической реликвией.

Когда речь заходит о Нюрнбергском трибунале, меня часто просят рассказать об отношении ко мне Романа Андреевича. Наверное, этот вопрос интересует и читателя. Относился он ко мне с уважением и где-то по-отечески. Мог, если у него было хорошее настроение, пошутить:

«Указания начальства подлежат исполнению, даже если они неисполнимы». То, что Роман Андреевич написал после процесса письмо командирующему 8-й гвардейской армии генералу Чуйкову, в котором благодарил меня за усердие в службе и просил предоставить мне месячный отпуск, говорит о многом. У него было столько государственных забот, но он нашел время позаботиться обо мне.

Еще один пример, который характеризует его отношение ко мне. Когда мы приезжали после приема, Роман Андреевич почти всегда говорил кому-то из своих помощников, чтобы позаботились обо мне и добавлял: «Мы отдыхали, а он работал».

О его такте говорит такой, казалось бы, незначительный штрих. Роман Андреевич выходит из кабинета и обращается ко мне с вопросом: «Вам не хочется прогуляться?» Конечно, его желание всегда совпадало с моим. Но сама форма обращения говорит о многом.

Ведь речь-то шла не о том, чтобы я составил ему компанию. Просто Роман Андреевич не должен был выходить из дому один, без сопровождения!

Я никогда первым не начинал разговор. Если у него было хорошее настроение, а это было нечасто — забот у него хватало, он интересовался, как живется мне. Нет ли вопросов, которые требуют его вмешательства.

Как-то к нему приехала жена. Иногда о женщине говорят, как о печке — «неплохо сложена».

Жена Романа Андреевича была женщиной, которая рождена быть женщиной и которая ни на минуту не забывает, что она женщина. Была стройна и миловидна. Во время застолья проникновенно пела украинские песни. Я, как и все присутствующие, горячо ей аплодировал.

Но чтобы у читателя не сложилось впечатление, что мы с генералом Руденко были чуть ли не друзьями, считаю необходимым уточнить — дистанция между нами всегда и во всем существовала.

Наверное, это ценилось моим начальством. Малейшее некорректное поведение было бы строго наказано. Там было кому оценить мое поведение. И не только мое.

Рассказывают, что более тысячи человек утверждало, что они вместе с Лениным на субботнике несли бревно. Я не нес с Руденко «бревно». Моя роль на Нюрнбергском процессе была скромной и ограничивалась конкретными служебными обязанностями.

Открою тайну: у Романа Андреевича в личной охране нас было двое. И оба — в звании сержанта. Только я был настоящим сержантом, а напарник — ...капитаном «компетентных органов».

Нюрнберг находился в американской зоне оккупации, и американцы разрешали приехать на процесс определенному количеству офицеров. Поэтому часть «нужных товарищей» из числа офицерского состава были обмундированы в солдатскую форму с соответствующими документами. Я не знал, что мой напарник — офицер КГБ. Между нами никогда не возникало серьезных конфликтных ситуаций. Постоянная забота о безопасности Романа Андреевича было главным в нашей службе. Все остальное было несущественным. О том, что мой напарник капитан, я узнал после процесса, когда мы выехали из американской зоны оккупации. На одном из привалов он вышел из машины в офицерской форме и погонах капитана. Пожал мне руку, поблагодарил за совместную службу. Я так, к сожалению, и не узнал его имени и фамилии (убежден, что он работал не под своей). Скажу лишь, что это был порядочный и обязательный человек, ко мне относился, как к младшему брату. Не раз и не два, когда создавалась нештатная ситуация, он оказывал мне помощь. Не все кагэбисты были лютые звери, как стало «модно» о них писать теперь.

По приезду к месту службы меня вызвали в политический отдел армии. Член военного совета армии долго и с нескрываемым интересом беседовал со мной. Прочитал мне письмо Р. А. Руденко генералу Чуйкову и велел отправить меня в отпуск.

В отпуске я был где-то в декабре 1946-го или январе 1947-го года. А чтобы девушки видели, какой я геройский парень, иногда ходил по городу без шинели, при всех наградах. После отпуска в свою часть я уже не вернулся: ездил по воинским частям советской зоны оккупации и рассказывал о Нюрнбергском трибунале. Так началась моя жизнь политработника в послевоенное время.

2

О тех, кто покончил счеты с жизнью до суда народов

Историки утверждают, что после поражения в России Наполеон «искал смерти на поле боя». 1814 год. Битва при Арси-сюр-Об. Наполеон направляется к месту боя, где почти не было солдат, так как все они погибли в тяжелом неравном бою. Адьютанты бросились за императором, чтобы удержать его. Маршал Себастьян закричал им: «Оставьте его, ведь вы видите, он делает это нарочно, он хочет покончить с собой».

...«Но ни картечь, ни ядра его не брали», — комментирует этот эпизод академик Тарле в книге о Наполеоне. Легенда о неуязвимости оказалась мифом. После смерти Наполеона на его теле были обнаружены следы многих ранений, о которых никто не знал. Наполеон скрывал их от армии, боясь посеять панику.

Что же касается фашистских правителей, то никто из них не искал смерти в бою. Они бросали в бой все, что наскребли для обороны Берлина, чтобы продлить свое существование. Ни фюрер, ни его «партайгеноссе» не покончили жизнь по-офицерски — не застрелились. Лишь страх

возмездия за чудовищные злодеяния заставил их принять яд или повеситься в Нюрнбергской тюрьме на унитазе. Вот почему в руки правосудия попала не вся главная когорта правителей фашистской Германии. Заочно судили «серого кардинала» Гитлера Мартина Бормана. Позже, в 70-е годы прошлого столетия, было установлено, что он погиб, когда бежал из окруженного Советской Армией Берлина. Об этом говорил на допросах и личный шофер Гитлера Кемпка. Шеф гестапо Мюллер исчез без следа. Долгие годы ходили слухи, что он оказался после войны в Москве. Но никаких подтверждений эта версия не имеет.

Израильская правозащитная организация Центр Симона Визенталя в свое время обратилась к конгрессу США с просьбой обязать спецслужбы рассекретить документы, касающиеся Генриха Мюллера.

Мария Селезнева в газете «Новые известия» писала:

«По сути, запрошенные Центром Симона Визенталя документы сейчас могут оказаться единственным свидетельством того, что же на самом деле произошло с одним из руководителей Третьего рейха после падения преступного режима. У исследователей, изучающих историю нацизма, на этот счет существуют разные версии. Некоторые говорят, что Мюллер бежал в Бразилию и там шпионил на СССР. Немецкие специалисты утверждают, что во время «холодной войны» он, наоборот, довольно плотно сотрудничал с американскими спецслужбами. Ни та, ни другая теории не подтверждены документально и в равной степени имеют право на существование. Мюллер был известен своими приспособленческими качествами. Он служил Гитлеру — так же ревностно, как в свое время Веймарской республике».

Гиммлер, Геббельс, Геринг и Мюллер — это, конечно, архизлодеи, «палачи высшей марки», по вине которых были убиты, замордованы миллионы невинных людей, исковерканы миллионы человеческих судеб. Но на процессе не хватало главаря фашистских палачей Гитлера.

Вряд ли он там повторил бы то, что говорил о себе в дни триумфальных побед: «Я самый великий деятель, какого только знала история Германии». Пусть бы выслушал показания свидетелей, которые обвиняли его от имени 50 миллионов, по его вине лишенных жизни. Мертвые не могут обвинять. За них говорили оставшиеся в живых.

В заключительной речи Р. А. Руденко сказал: «...За каждое убийство, за каждую каплю невинной крови несут ответственность подсудимые, ибо между ними и непосредственными исполнителями убийств, истязаний разница только в масштабе преступлений: те — непосредственные палачи, а они — главные палачи, начальники палачей, палачи высшей марки».

Адольф Гитлер

Нам недостаточно просто разбить русскую армию и захватить Ленинград, Москву, Кавказ. Мы должны стереть с лица земли эту страну и уничтожить ее народ...

А. Гитлер

1889 — 1939 годы

«Он родился на свое собственное и всего мира несчастье», — так определил Томас Манн факт рождения Гитлера.

В католической метрической книге в Браунау об Адольфе Гитлере есть две записи, сделанные католическими священниками: это обычные свидетельства о рождении и — с опозданием — запись о смерти.

«Адольф Гитлер родился 20.04.1889 года в половине седьмого, крещен 22.04. в четверть четвертого Игнатием Пробстом, законнорожденный католик.

Отец: Алоиз Гитлер, таможенный чиновник, мать Клара, дочь Иоганна Пельцла, строителя из Шпитала в Нижней Австрии».

Адольф Гитлер покончил с собой 30 апреля 1945 года. Только спустя 12 лет, 11 января 1957 года, настоятель и приходской священник Иоганн Людвиг внес запись в метрическую книгу:

«Решением суда первой инстанции Берхтесгадена от 23 октября 1956 года объявлен мертвым».

Подпись.

Так описывает историк Мазер факт рождения Гитлера и запись о его смерти.

Отец фюрера Алоиз родился в Нижней Австрии в 1837 году как внебрачный сын крестьянской дочери Марии Анны, прозванной Марианной, Шикльгрубера. Спустя пять лет бабушка Гитлера вышла замуж за Йогана Георга, прозванного Хансьергом, Хидлер. Его брат Ио-ган Непомук Хюттлер вырастил Алоиза. В 1877 году, уже после смерти своего брата и невестки, состоятельный крестьянин смог добиться от властей признания 40-летнего Алоиза Шикльгрубера как сына Йогана Георга и своего законного племянника. Приходский священник в Деллерсхайме сделал соответствующую запись в церковную книгу и будущий отец фюрера стал Алоизом Гитлером. Изменение фамилии сыграло не последнюю роль и в карьере фюрера. 3 июля 1933 года рейхсканцелярия телеграфировала: «Рейхсканцлер запретил кому бы то ни было выбирать в качестве имени фамилию «Гитлер».

Немецкий профессор Кох Хиллебрехт в книге «Ношо Гитлер: психограмма диктатора» пишет: «С точки зрения расовой чистоты происхождение Адольфа Гитлера было безупречно. Все его предки были крестьянами из поросшей лесами низинной части Австрии. Мать Гитлера Клара Пельцль не колеблясь вступила в связь со своим дядей. Даже после брака она не переставала называть своего мужа «дядя Алоиз».

По примеру своего отца и деда Адольф Гитлер с удовольствием принимал в своей холостяцкой квартире красивую племянницу Гели Раубаль.

Противники фанатичного антисемита Гитлера очень хотели найти обоснование, что отец Адольфа происходил от еврея. Но так как доказательств не было, придумывались разного рода легенды.

Сам Гитлер в «Майн кампф» высказывался коротко и не совсем ясно о своих родителях и их предках. И это давало повод его противникам приписывать Гитлеру еврейское происхождение. Так, в статье «Дейли миррор» от 14 октября 1933 года был помещен снимок надгробного камня, на котором на еврейском языке было написано имя «Адольф Гитлер». Журналисты «сделали» погребенного там дедушкой фюрера. То, что еврей из Бухареста родился в 1832 году и умер в 1892 году и был только на пять лет старше отца Гитлера, не смутило сочинителей этой истории. Необходимо отметить, что близкие родственники не интересовали Гитлера. Лишь немногие из них имели доступ к Гитлеру: сестра Паула, сводная сестра Ангела и ее дети — Лео и Гели. Гитлер был даже готов обменять Лео, лейтенанта-сапера, на сына Сталина, Якова, попавшего в плен в 1941 г., но Сталин не согласился. Одно время в СССР ходил слух, что немцы хотели обменять Якова Сталина на немецкого генерала, и якобы Сталин ответил, что не меняет старшего лейтенанта на генерала.

Дочь Сталина Светлана написала в 1967 году: «Зимой 1943-44 гг., то есть после победы под Сталинградом, отец сказал мне: «Немцы предложили обменять Яшу на одного из их военных... Нужно ли мне ввязываться в торг с ними? Нет. Война есть война». Под «одним из их военных» имелся в виду Лео Раубаль, чего Светлана не знала.

В 1907 г. Гитлер проваливается на вступительных экзаменах в Венскую Академию художеств. Вторая попытка поступить в Академию художеств снова оказалась неудачной.

В феврале 1909 г., через два месяца после смерти любимой матери, Гитлер перебрался в Вену. Спустя многие годы он назвал годы пребывания здесь «самым печальным периодом» всей жизни.

Если кратко подвести итоги отрезка времени от 1907-го до 1914 года, надо сказать, что он был для будущего фюрера плачевным. В 25 лет у него не оказалось ни семьи, ни любимой

женщины, ни друзей, ни постоянной работы. Адольф Гитлер вращался в среде полуголодных, а иногда и уголовных элементов.

Мировую войну будущий фюрер встретил с восторгом. Шовинистический угар в среде немецких обывателей в 1914 г. был на подъеме.

В «Майн кампф» Гитлер написал по этому поводу: «Мне эти часы (часы объявления войны) показались как бы избавлением от злых впечатлений юности. Я и сейчас не стыжусь сказать, что преисполненный бурного воодушевления, упал на колени и от всего сердца возблагодарил судьбу...»

Среди миллионов бойцов западного фронта находился и рядовой А. Гитлер, получивший позднее звание ефрейтора. В декабре 1914 г. его наградили Железным крестом II степени, а в августе 1918 г. — Железным крестом I степени. Окончание войны застало Гитлера в лазарете, где его лечили после ожога глаз боевыми отравляющими газами.

В конце марта 1920 г. Гитлер уволился из армии. Внешность этого человека не сулила ему успешной карьеры. Разговаривая или улыбаясь, он обнажал два ряда гнилых зубов. Вряд ли кто-нибудь из тех, кто знал Гитлера в молодости, мог себе представить, что настанет время, когда эта невзрачная личность будет распоряжаться жизнями миллионов людей.

Народ, измученный войной, жил в страшной бедноте. Германия в 20-х годах переживала голод и гиперинфляцию. В июле 1923 г.

1 доллар стоил... 4 миллиарда марок. Зарплату немцам выдавали два раза в день. В обед был часовой перерыв, чтобы люди успели потратить заработок, так как к вечеру цены могли вырасти в два раза. Со дна побежденной и разоренной Германии поднялись деклассированные элементы, обладавшие огромным потенциалом озлобленности, жестокости, пренебрежения к человеческим судьбам. Появились десятки, сотни реваншистских союзов, банд, шаек, жестоких, кровожадных и очень живучих. Известно, что все крупные функционеры нацистской партии, СА, СС прошли школу в этих союзах.

Мюнхенский путч 1923 г., так называемый «пивной путч», нацисты называли «генеральной репетицией» революции 1933 года. Путч провалился.

Вот как описывает историк Хайбер смехотворный процесс над Гитлером.

«Он стучал кулаком по столу, угрожал немцам грядущим судом, обвинял действующего президента в измене родине, разносил в пух и прах своих противников и уверял, что «вечная богиня правосудия оправдает его».

Судья генерал Лоссов строго накричал на распоясавшегося хулигана. Всего один раз. Но по свидетельствам очевидцев, нацистский фюрер сразу замолк, съезжился. Гитлер заявил в зале суда, что не стремился занять какой-либо государственный пост, умолчав при этом, что в ночь с 8 на 9 ноября провозгласил себя «канцлером рейха». Приговор суда был мягким: пятерых обвиняемых приговорили менее чем к 15 месяцам лишения свободы, четырех (среди них и Гитлера) — к пяти годам тюрьмы. Однако уже в декабре 1924 года Гитлера вместе с другими обвиняемыми выпустили на свободу.

Да, лично Гитлер никого не убил.

Гитлер еще не стал в 1923 году военным преступником, не организовал геноцид против евреев, поляков, цыган, «мирового славянства», не начал мировую войну. Но он был наемным убийцей на службе реакции. Он посягнул на законное правительство, на конституцию.

История учит, что грош цена демократии, которая не способна себя защищать.

В тюрьме Гитлер написал (продиктовал) библию нацизма «Майн кампф» («Моя борьба»).

До сих пор ведутся споры, сам ли Гитлер писал «Майн кампф» или ему помогали. На мой взгляд, не в этом суть. Важно то, что идеи, которые изложены в этой книге, Гитлер претворял в жизнь до последнего вздоха, пока не отравился. А то, что, по утверждению историка Мазера, пришлось сделать 2500 стилистических поправок, не помешало Гитлеру и его подельникам уничтожить многие миллионы невинных людей.

По меткому выражению американца Ширера, «Майн кампф» — «как эту книгу не листай, логически не выстроишь». Она представляет собой лабиринт — все свалено в одну кучу, не проберешься к сути. Высказывания о культуре, истории, воспитании, театре, кино, живописи, литературе, истории, любви и браке, проституции и даже сифилисе (СПИДа тогда еще не было) перемежаются с проклятиями в адрес врагов нации и врагов Гитлера, рассуждениями о еврействе. Один из биографов Гитлера утверждал, что антисемитизм Гитлера был далек от реальности. «Он никогда не рассказывает о каком-либо конкретном случае, не называет

конкретные имена и не обвиняет конкретных евреев». Однажды Гитлер пришел в бешенство, когда ему попался пустой лотерейный билет. Он считал, что это козни евреев. Картина мира Гитлера напоминала лоскутное одеяло. В его мыслях и действиях все было построено на голом насилии. Коммунисты и социал-демократы Германии предупреждали немецкий народ, что национал-социализм является проявлением «всего скотского в человечестве». Даже Эрих фон Людендорф в письме своему другу рейхспрезиденту Гиндебургу писал: «Я торжественно предрекаю вам, что этот безумный человек столкнет наш рейх в пропасть и доставит непостижимые бедствия нашему народу. Если Вы сделаете это, то потомки будут плевать на Вашу могилу». Правда, законченный антисемит Людендорф предостерегал рейхспрезидента от Гитлера прежде всего потому, что считал фюрера марионеткой евреев. С момента прихода к власти, за шесть с половиной лет, Гитлер протасил закон о полномочиях (24.03.1933 г.), подготовил для евреев рейха первую фазу кромешного ада на земле, устранил профсоюзы (2.05.1933 г.), принудил к «самороспуску» политические партии (июнь-июль 1933 г.), провозгласил закон «О новом переустройстве рейха» (30.01.1934 г.), сделал себя фюрером и рейхсканцлером (2.08.1934 г.), заставил вермахт присягать «Адольфу Гитлеру, фюреру немецкого народа и рейха», получил 90 процентов голосов на всенародном опросе 13 января 1935 года, объявил 11 марта 1935 г. всеобщую воинскую повинность, установил 7 марта 1936 г. суверенитет над Рейнской областью (1938 г.), оккупировал в марте 1939 г. Богемию и Моравию, образовал протекторат рейха.

1939-1941 годы

Л. Черная в книге «Коричневые диктаторы» пишет: «В исторической литературе до сих пор обсуждается вопрос, кто первый сказал «А» — Гитлер или Сталин?». Важно другое: только два диктатора могли буквально за несколько дней повернуть руль своей иностранной политики на 180 градусов».

Предлагая Верховному Совету СССР ратифицировать советско-германский договор о ненападении, Молотов как председатель Совнаркома и народный комиссар иностранных дел напомнил, что еще на XVIII партийном съезде (то есть 10 — 21 марта 1939 г.) т. Сталин разъяснил «нашу внешнюю политику».

«Говоря о наших задачах в области внешней политики, тов. Сталин, — сказал Молотов, — так определял тогда наши отношения с другими странами.

1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами.
2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликт нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками.

Безусловно, Молотов был прав: «В Германии в общем правильно поняли... заявления тов. Сталина», для них они послужили сигналом к началу контактов с Советским Союзом по всем линиям.

Вторым сигналом была отставка наркома иностранных дел Максима Литвинова в мае 1939 г. Он был снят и заменен Молотовым совершенно внезапно, без всяких видимых причин. На посту наркома старый коммунист Литвинов пробыл целых 9 лет — с 1930 по 1939 г. Литвинов был еврей. Сталин не хотел оскорблять «лучшие чувства» своих будущих партнеров. Молотов к тому же был вторым человеком в государстве, что сделало впоследствии его подпись под договорами с Германией особо весомой.

20 августа Гитлера осенила мысль. Он написал личное письмо.

«Господину Сталину. Москва.

Я уверен, что в самое ближайшее время прояснится суть дополнительного протокола, на котором настаивало ваше правительство, когда лицо, ответственное за подписание договора с немецкой стороны, лично прибудет в Москву для переговоров... Тем не менее я повторяю свое предложение о том, чтобы вы приняли моего министра иностранных дел 22 или в крайнем случае 23 августа. Он будет наделен всеми полномочиями составлять и подписывать как договор, так и протокол. Надеюсь на Ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер».

Сталин не задержался с ответом.

«Канцлеру Германского Рейха г-ну А. Гитлеру

Я благодарю вас за письмо и надеюсь, что советско-германский пакт о ненападении ознаменует благоприятный поворот в политических отношениях наших стран... Советское правительство поручило мне довести до вашего сведения, что оно согласно перенести визит г-на Риббентропа в Москву на 23 августа.

И. Сталин».

23 августа четырехмоторный «Кондор», личный самолет фюрера, с Риббентропом и 37 членами немецкой делегации на борту приземлился на центральном аэродроме Москвы.

Риббентроп, ожидавший пышного приема, был удивлен. Его встретили лишь заместитель наркома В. П. Потемкин и шеф протокола Барков.

После завтрака в посольстве Риббентроп отправился на переговоры в Кремль. Переговоры начались в кремлевском кабинете Молотова ровно в 15 часов 30 минут.

Риббентроп не сомневался, что в начале переговоров он будет иметь дело с Молотовым и лишь на заключительной стадии к ним присоединится Сталин. «Поэтому он так изумился, — вспоминал Хильгер, — когда, войдя в кабинет, увидел Сталина, стоявшего рядом с Молотовым. Это был ход, рассчитанный на то, чтобы вывести Риббентропа из равновесия; это был намек на то, что договор будет заключен либо сейчас, либо никогда».

Риббентроп подготовил высокопарную речь о том, что «дух братства, который связывал русский и немецкий народы.» Но Молотов его оборвал: «Между нами не может быть братства. Если хотите, поговорим о деле».

Переговоры длились три часа. За основу договора о ненападении был положен проект, предложенный ранее советской стороной. Обе стороны обязались воздерживаться от всякого насилия, агрессивного действия и нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами (ст. 1). В случае если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий (в советском проекте было «насилия или нападения») со стороны третьей державы, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу (ст. 2). В случае возникновения споров или конфликтов между договаривающимися державами они будут разрешаться исключительно мирным путем (ст. 5). По инициативе немецкой стороны было добавлено, что ни одна сторона не будет участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны (ст. 4). Немецкая сторона настояла, чтобы договор вступал в силу с момента его подписания. Церемонию подписания договора отложили на вечер и тут же приступили к обсуждению протокола к договору. Это был плод личной дипломатии Гитлера. Текст документа гласил:

«В

случае подписания Пакта о ненападении между Германской империей и Союзом Советских Социалистических Республик уполномоченные обеих сторон, подписавшие документ, в строго конфиденциальном порядке обсудили вопрос о разграничении сфер интересов обеих сторон в Восточной Европе. Этот обмен мнениями привел к следующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Латвии одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом обеими странами признаются интересы Литвы в Виленской области.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет проходить примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

3. Вопрос о том, явится ли в интересах обеих сторон желательным сохранение независимого польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в ходе дальнейшего политического развития.

В любом случае оба правительства будут решать этот вопрос на путях дружественного обоюдного согласия».

Хотя стрелки часов давно перевалили за полночь, когда Молотов и Риббентроп ставили свои подписи под документами — советско-германским договором о ненападении и секретным протоколом к нему, они были датированы 23 августа 1939 г.

После этого был организован длившийся почти до утра дипломатический прием, сопровождавшийся беседой Сталина с Риббентропом. Остальные участники переговоров, в том числе Молотов и Шу-ленбург, в ней участия не принимали.

Были поданы бокалы с шампанским.

Первый тост был, естественно, за Сталиным.

«Я знаю, — сказал он, подняв свой бокал, — как сильно немецкий народ любит своего вождя, поэтому я хотел бы выпить за его здоровье».

Последним аккордом этой встречи стали слова Сталина, сказанные Риббентропу при прощании: «Советское правительство очень серьезно относится к новому договору. Я могу дать мое честное слово, что Советский Союз не обманет своего партнера».

После телефонного звонка Риббентропа из Москвы утром 24 августа Гитлером овладела патологическая мания величия. Он стучал кулаками по стене и вопил: «Теперь весь мир в моем кармане! Теперь вся Европа принадлежит мне!». Гитлер считал, что ему удалось нейтрализовать СССР до того момента, когда, по гитлеровским планам, немецко-фашистской агрессии подвергнется сам Советский Союз.

Правительствам западных стран стал известен текст советско-германского секретного протокола. Утром 24 августа, то есть в то время, когда Риббентроп еще не покинул Москву, референт Шулен-бурга Херварт, являвшийся давним осведомителем американского посольства в Москве под кличкой «Джонни», встретился с сотрудником посольства США Боленом (будущим — в 1953-1957 гг. — послом США в СССР) и подробно проинформировал его о содержании секретного протокола. Уже в 12 часов дня американский посол в Москве Л. Штейнгардт направил телеграмму об этом государственному секретарю К. Хэллу, а вечером сообщил о содержании секретного протокола британскому послу в Москве У. Сидсу.

Заключая договор, СССР стремился выиграть время для подготовки к отражению немецко-фашистской агрессии, которую Сталин считал неизбежной. Договор ставил своей целью отвести от СССР угрозу надвигающейся войны. «В конечном счете, — констатировал Второй съезд народных депутатов СССР, — эта цель не была достигнута, а просчеты, связанные с наличием обязательств Германии перед СССР, усугубили последствия вероломной нацистской агрессии».

Значительно более сложным для современной оценки является секретный протокол к советско-германскому договору о ненападении.

Второй съезд народных депутатов СССР, осудив факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 г., провел четкую границу между правомерным, обоснованным советско-германским договором о ненападении и морально негодным, неприемлемым, несовместимым с социализмом секретным протоколом.

Сталин, как свидетельствует в своих воспоминаниях Н. Хрущев, «...правильно оценивал значение этого договора и понимал, что Гитлер хочет нас обмануть, перехитрить. Он считал, что мы его перехитрили, подписав договор. ...Естественно, что мы — члены Политбюро, были за это, хотя чувство было смешанное. Ведь мы вроде отдали Польшу на растерзание

гитлеровской Германии и сами приняли в этом участие. Сталин это понимал. Он говорил: «Тут, знаете, идет игра, кто кого перехитрит, кто кого обманет» (сб. «Накануне. 1931-1939» М. 1991 г.).

С началом 1 сентября 1939 года второй мировой войны советско-германские отношения определялись развитием военных действий на фронтах воюющих государств.

«Успех в Польше, — признал на процессе главных военных преступлений в Нюрнберге генерал Ф. Гальдер, — стал возможен лишь в результате полного оголения западной границы. Если бы французы использовали скованность вермахта в Польше, они были бы в состоянии форсировать Рейн без сопротивления с нашей стороны и угрожать Рурской области, что явилось бы решающим фактором для дальнейшего хода войны».

17 сентября 1939 года Красная Армия перешла определенную Рижским мирным договором (от 18 марта 1920 г.) советско-польскую границу. Возникла ситуация, предусмотренная в секретном протоколе к подписанному 23 августа советско-германскому пакту о ненападении. В связи с вхождением Литвы в состав Советского Союза встал вопрос о судьбе Литовской территории, которая по секретному протоколу от 28 сентября 1939 года вошла в сферу государственных интересов Германии.

В начале июля Германия напомнила Москве о своем праве занять эту территорию.

13 июля Молотов заявил Шуленбургу, что Москва настоятельно просит германское правительство, учитывая чрезвычайно дружеские отношения между Германией и СССР, оставить эту часть территории за Литвой. Риббентроп ответил, что Германия хочет узнать, что советское правительство предлагает взамен.

12 августа Молотов сообщил Шуленбургу, что советское правительство готово в течение двух лет уплатить за отказ Германии от части литовской территории 3,86 миллиона долларов. Шуленбург с нескрываемым удовлетворением отмечал, что предложенная Москвой сумма составляет половину той, которую США уплатили России за продажу Аляски. Тем не менее, 11 октября Берлин заявил, что предложенная сумма компенсации для него неприемлема, и добился подписания 10 января 1941 г. секретного советско-германского протокола, по которому СССР должен был выплатить Германии 7,5 млн. долларов. Причем часть этой суммы СССР должен был выплатить поставками цветных металлов в течение трех месяцев с момента подписания протокола. Остальная часть суммы просто списывалась с германского долга в золоте, платежи по которому Германия по имевшимся соглашениям должна была произвести к 11 февраля 1941 г.

Эту линию Берлин проводил и дальше. С одной стороны, всячески тормозились предусмотренные соглашениями поставки немецких товаров в СССР. С другой стороны, предъявлялись требования выплаты Германии 315 млн. марок в качестве компенсации немцам, переселившимся в 1939-1940 г.г. из Прибалтики в рейх.

Сталин, возможно, питал иллюзии относительно того, как долго может продержаться нацистско-советский пакт, но только не относительно конечного намерения Гитлера напасть на Советский Союз.

И главной его целью было во что бы то ни стало оттянуть войну с Германией.

Война с Финляндией показала, что Советский Союз не готов к войне с Германией. Германский генеральный штаб внимательно изучил действия Красной Армии в войне с финнами и завершил свой доклад таким выводом: «советская «масса» не может противостоять армии и искусному командованию».

О том, что Советский Союз вынужден был идти на уступки Германии во имя укрепления обороноспособности страны, можно сделать вывод из доклада начальника генерального штаба Красной Армии народному комиссару обороны СССР от 20 июня 1940 года.

Из доклада начальника генерального штаба Красной Армии народному комиссару обороны СССР 20 июня 1940 г. маршалу Советского Союза тов. Тимошенко

...Резкий рост численности командного состава при недостаточной емкости существующих военно-учебных заведений и недостатке командного состава потребовал ускоренных выпусков командиров из училищ и переподготовки из младших командиров — младших лейтенантов, что не могло не отразиться на качестве командных кадров...

Материальное обеспечение.

1) По артиллерии — за исключением тяжелой артиллерии и малокалиберной зенитной — мобилизационное развертывание обеспечивается материальной частью. Однако в этом числе имеются устаревшие образцы, требующие замены более современными...

2) По выстрелам — потребность армии обеспечивается недостаточно, причем выполнение плана заказов в текущем году имеет срывы...

...5) Авиация — имеется ряд существенных недочетов в производстве, во внедрении новых типов самолетов и в (их) вооружении.

6) Бронетанковое вооружение — требует перевооружения на более современные образцы, улучшения качества брони.

7) По автотракторному парку — недостаточная обеспеченность тракторами артиллерии и по спецмашинам.

8) По имуществу связи — обеспеченность недостаточна...

...Оперативная подготовка.

Состояние подготовки высшего начальства в настоящее время характеризуется большой пестротой, требует принятия особых мер по усовершенствованию высшего начсостава, имеющего хорошие боевые качества, но не имеющего достаточного военного образования...

1

Начальник генерального штаба Красной Армии маршал Советского Союза Шапошников
ВРИД. Военный коомиссар генштаба Красной Армии Гусев

Выступая перед руководством фашистского рейха Гитлер заявил, что неудачи Красной Армии в войне с Финляндией — «это результат внутренних процессов». Речь шла о сталинских процессах. «Конечно, Сталин сделает из неудач необходимые выводы и примет меры для укрепления «русского вермахта», но для этого потребуется время. А его у Сталина не будет». Руководство фашистского рейха сроки агрессии против СССР максимально сжало. 18 декабря 1940 года Гитлер подписал самую важную из всех его директив № 21 об операции «Барбаросса». «Германские вооруженные силы должны быть готовы раздавить Советскую Россию за одну быструю кампанию даже до завершения войны против Англии.

Приготовления, требующие большего времени, следует начать сейчас, если этого еще не сделано, и должны быть завершены к 15 мая 1941 года».

Вместе с подписанием директивы № 21 Гитлер подписал себе смертный приговор.

22 июня 1941 года войска фашистской Германии вероломно вторглись на территорию Советского Союза. «Тысячелетнему рейху» осталось жить 1418 дней. Самых кровавых дней в его кровавой истории.

Это было нарушением ряда договоров. Фашистская Германия нарушила, грубо порвала в 1939-1941 годах 69 международных договоров...

С самого начала политической деятельности Гитлера отличала лживость и наглость. Как писал историк Буллок: «Гитлер — неприкрытая мерзость».

Близкий друг Гитлера Раушинг однажды заметил: «Всем его словам — грош цена, и его обещания предназначены только для того, чтобы использовать других. В нем нет ничего естественного, даже его любовь к детям и животным — только поза». Он никогда не выполнял как публично данных обещаний, так и подписанных договоров.

Перед самым нападением Германии на Польшу шведский предприниматель Биргер Далерус предпринял одну из последних попыток предотвратить развязывание войны и 26 августа 1939 года встретился с Гитлером в присутствии Геринга. Гитлер начал беседу с вопроса, почему англичане угрожают объявлением войны. Получив ответ, что они не доверяют ему, Гитлер воскликнул: «Идиоты, разве я хоть раз кого-то обманывал?»

В ходе войны с Советским Союзом в узком кругу генералитета Гитлер часто говорил, что в военной пропаганде ложь необходима. «Кто знает, как далеко это может зайти. Представляете, какой психологический эффект будет иметь мое высказывание о том, что мы готовы дать независимость Украине? Причем я скажу это с серьезным видом, но затем ничего не сделаю».* Американские войска захватили архивы германского верховного командования и среди них — совершенно секретный меморандум от

2 мая 1941 года о результатах обсуждения плана «Барбаросса». Заместитель главного обвинителя от США С. Олдерман огласил в заседании трибунала два первых абзаца этого документа:

«1. Война может продолжаться только в том случае, если на третий год войны все вооруженные силы будут снабжаться продовольствием из России.

2. Несомненно, что если мы вывезем из этой страны все то, что для нас необходимо, многие миллионы людей России будут обречены на голодную смерть».

В этом документе, предназначенном сугубо для внутреннего использования, мотивы нападения на СССР изложены четко и откровенно. О «коммунистической опасности» и речи нет. Надежда на скорую победу над Англией угасла. Продовольственный кризис нарастает, и разрешить его за счет уже оккупированных европейских стран не удастся. И вот — ставка на легкую добычу за счет народов СССР.

Сохранилась подробная запись Бормана о совещании 16 июля 1941 года, которое провел Гитлер и было названо «секретным государственным делом». Эта запись цитировалась на процессе.

Гитлер заявил на этом совещании:

«... Важно, что наши цели мы не будем провозглашать всему миру.

Мотивы нашего шага (нападения на СССР. — Прим. авт.) для всего мира должны быть объяснены исходя из тактических соображений.

... Крым необходимо освободить от коренного населения и заселить немцами.

... В принципе дело идет, стало быть, о том, чтобы этот гигантский пирог правильно разделить, чтобы мы, во-первых, им овладели, во-вторых, правили и, в-третьих, использовали в своих целях.

... Все наследники фюрера должны знать, что безопасность рейха будет упрочена лишь тогда, когда западнее Урала не будет существовать никакой другой военной силы; защиту этого пространства от всех возможных опасностей берет на себя Германия.

... Фюрер подчеркивает, что балтийские государства должны войти в состав рейха.

... Точно так же Крым со значительной тыловой областью (область севернее Крыма) войдет в состав рейха.

... Фюрер подчеркивает далее, что и колония на Волге должна стать частью рейха, а также область вокруг Баку должна стать немецкой военной колонией.

Большой Карельский полуостров Гитлер также намеревался присоединить к Германии. «И со всей осторожностью подготовить вхождение Финляндии в рейх на правах автономии». «На территорию вокруг Ленинграда претендуют финны; фюрер хочет стереть с лица земли Ленинград. А потом передать его финнам».

Страшный документ! И не только своей жестокостью, а больше всего какой-то тупой уверенностью в полной безнаказанности, в праве повелевать чужими народами, «делить» чужие страны, стирать с лица земли красивейшие города мира.

3 октября 1941 года Гитлер публично заявил: «С 22 июня идет борьба, имеющая решающее значение для судеб мира. Масштабы и глубину этого события полностью осознают лишь потомки. Это было мое самое трудное решение. Наши солдаты одержали победу над сильным вооруженным противником. Германский народ может гордиться. Он имеет лучших политических руководителей, лучших военных командиров. Лучших инженеров, экономистов, организато-

ров, лучших рабочих и крестьян. Поэтому наш главный противник сломлен и никогда уже не сможет подняться».

Рано ефрейтор Гитлер хоронил Красную Армию. Лучшие воины, командиры, рабочие и крестьяне были не в Германии, а в Советском Союзе. В битве под Москвой был развеян миф о «непобедимости фашистской армии».

«Желаю успеха. На параде в Москве увидимся», — заявил Гитлер 9 июня 1941 года после доклада командующих о готовности к агрессии против Советского Союза.

Немцы в конце концов вошли в Москву. Но только в качестве военнопленных. Они были доставлены в столицу 22 железнодорожными эшелонами.

Необычное сообщение прозвучало по московскому радио утром 15 июля 1944 года: «17 июля через г. Москву будет проконвоирована направляемая в лагеря для военнопленных колонна рядового и офицерского состава в количестве 57 тыс. человек. Граждане обязаны соблюдать порядок и не допускать каких-либо выходок по отношению к военнопленным».

Всего было 26 колонн. В каждой по 800 человек, по 20 человек в шеренге. Между колоннами интервал 25 метров. 18 генералов и 1200 офицеров следовали в отдельной колонне; генералам были оставлены форма, знаки отличия и ордена.

Движение началось в 9 часов утра и продолжалось 2 часа 25 минут. Тысячи москвичей вышли на объявленный маршрут. Гитлер намеревался снести, срыть, затопить Москву. И вот теперь москвичи смотрят на этих жалких, оборванных пленных...

Улицы города после прохождения колонн были очищены и промыты специальными поливальными машинами. К 19 часам все колонны были погружены в вагоны и отправлены в лагерь. Генералов отвезли в автомашинах.

1941-1944 годы

После японской атаки на Перл-Харбор Гитлер был уверен в падении морского могущества США. 11 декабря 1941 года, выступая в рейхстаге, Гитлер разразился бранью в адрес президента Рузвельта:

«Этот человек спровоцировал мировую войну... Поддерживаемый миллионерами и евреями, он несет ответственность за страдания всего мира. Он называет меня гангстером. Это типично для Америки. Впрочем, Рузвельт не в своем уме и потому не может оскорбить меня.

...

Германия находится с сегодняшнего дня в состоянии войны с Соединенными Штатами».

Гитлер надеялся, что 1942 год будет решающим в войне с Советским Союзом.

1 июня 1942 года в штабе группы армий «Юг» в Полтаве состоялось расширенное совещание высшего военного руководства вермахта.

Обсуждался план действий на южном направлении. Гитлер уточнил цели наступления, намеченные в директиве от 5 апреля 1942 года. Он вел большую игру, по поводу чего и сам заметил: «Если мы не возьмем Майкоп и Грозный, то я должен буду покончить с этой войной». На юге России, западнее Дона, намечалась крупная операция с целью окружения и уничтожения основных сил Красной Армии. При успехе этой операции открылся бы доступ к Волге и Кавказу с его нефтяными источниками и, по замыслу Гитлера, «был бы нанесен смертельный удар по Советскому Союзу».

Однако советские войска выстояли, нанесли фашистским войскам в обороне ощутимые потери и 19 ноября 1942 года перешли в наступление, разгромив 6-ю немецкую армию фельдмаршала Паулюса. Сталинград стал предвестником неизбежного краха гитлеровской Германии.

Великодержавная программа Гитлера была рассчитана на «блицкриг», на победу в самые короткие сроки. Единственным способом ведения войны были быстрые, неожиданные удары, в которых страх и превосходящие силы решали исход войны.

Война против Польши длилась четыре недели, против Норвегии

— восемь, Голландия была покорена за пять дней, Бельгия — за семнадцать, Франция — за шесть недель, Югославия — за одиннадцать дней, Греция — за три недели.

Вспомогательная операция под Курском и Орлом, генерал Гудериан писал: «В результате провала операции «Цитадель» танковые войска понесли большие потери в людях и технике и надолго потеряли свою боеспособность. Русские, разумеется, не преминули воспользоваться своей победой. С этих пор на Восточном фронте для нас не было ни минуты покоя».

20 июля 1944 г.

Когда военная фортуна перестала улыбаться Гитлеру, нашлась горстка офицеров, которые были преданы идее освободить Германию от господства нацистов. Среди них — старший офицер оперативного отдела штаба группы армии «Центр» фон Трескоф. Он собрал вокруг себя единомышленников с целью, высказанной однажды своему адъютанту: «Долг чести требует от нас не щадить себя ради скорейшего падения Гитлера и национал-социализма, чтобы спасти Германию и Европу от варварства». Заговорщики предприняли попытку убить Гитлера 13 мая 1943 года. Им удалось подложить бомбу замедленного действия в самолет, в котором должен был лететь Гитлер, но бомба не взорвалась. Фон Шлабрендорф не растерялся и сразу же вылетел в штаб-квартиру фюрера, изъясил бомбу до того, как ее успели обнаружить: она была спрятана в свертке с двумя бутылками коньяка в виде передачи другу. В поезде по пути в Берлин он разобрал ее на части. Еще много раз планировались покушения на Гитлера, но по разным причинам они срывались. К заговору примкнул решительный, смелый офицер граф фон Штауффенберг. На восточном фронте его сомнения переросли в уверенность о необходимости устранить Гитлера от власти.

Еще в Тунисской кампании он получил тяжелые увечья: лишился левого глаза, правой руки и двух пальцев на левой руке. Выписавшись из госпиталя, он принялся за новую подготовку переворота.

Все вроде складывалось удачно. Штауффенберга назначают начальником штаба резервной армии.

Уже дважды подготавливаемые им покушения на Гитлера не удавались. 20 июля он вылетел в штаб в Восточной Пруссии с решимостью, что третья попытка будет окончательной.

Фон Штауффенберга ждали с докладом о создании новых войсковых формирований. В портфель с документами он положил бомбу с часовым механизмом, который должен был сработать через десять минут после включения. Совещание уже началось, когда фон Штауффенберг присоединился к группе офицеров, окруживших большой тяжелый дубовый стол с разложенными на нем картами. Фюрер стоял у середины стола, то и дело наклоняясь, чтобы взглянуть на карты. Фон Штауффенберг поставил портфель под стол, включив взрывное устройство перед тем, как войти в комнату, затем тихо вышел, извинившись за необходимость позвонить в Берлин. Он отсутствовал одну-две минуты, когда сильный взрыв потряс комнату и разнес стены и крышу. На людей в комнате обрушились загоревшиеся обломки.

Все, кто стоял на том конце стола, где фон Штауффенберг поставил портфель, были либо убиты, либо тяжело ранены. Гитлера спасла верхняя крышка стола, на которую он опирался в момент взрыва.

В половине первого ночи с 20-го на 21-ое июля все германские радиостанции передали дрожащий, но все еще узнаваемый голос фюрера, говорившего из Восточной Пруссии.

«Я убежден, что с раскрытием крошечной клики предателей и саботажников наконец-то после долгого времени в тылу создана атмосфера, в которой нуждается сражающийся фронт...

На этот раз мы рассчитаемся с ними привычным для национал-социалистов способом».

Гитлер редко угрожал впустую. Первое заседание «народного суда» под председательством судьи Фрейслера (фюрер называл его: «Мой Вышинский») состоялось 7 августа и закончилось немедленным осуждением фельдмаршала фон Вицлебена, генералов Гепнера, фон Хазе и Штиффа вместе с четырьмя другими офицерами. Их казнили с неимоверной жестокостью 8 августа, медленно затягивая на шее прикрепленную к мясному крюку петлю из струны для рояля. Говорили, что казни и суд были сняты на киноплёнку от начала до конца, чтобы Гитлер мог увидеть их в тот же вечер у себя в канцелярии рейха.

Сорок девять генералов и три фельдмаршала лишили себя жизни, опасаясь пыток во время следствия.

2

Гитлер всех подозревал в измене и новой попытке покушения. Когда он проводил совещание командующих, от всех присутствующих требовали сдать личное оружие и портфели. За каждым креслом присутствующих в зале стоял вооруженный охранник СС и следил за каждым движением.

3

Агония и смерть Гитлера

Грабительская военно-экономическая система Германии, основанная на эксплуатации поработенных стран, оказалась на краю пропасти.

15 марта 1945 года министр вооружения Шпеер представил Гитлеру памятную записку, где сообщал, что за последние недели снабжение промышленности сократилось почти в 10 раз. В ближайшие 4-8 недель следует считаться с окончательным крушением экономики Германии. Главные фашистские преступники, изгнанные с захваченных земель, перебрались в Берлин. Их возвращение не носило триумфального характера.

Берлин лежал в развалинах. Немцы копошились в мусорных баках, развалинах, на свалках. В связи с частыми налетами на Берлин Гитлер со своей свитой из имперской канцелярии переселился в бомбоубежище, которое начали сооружать на всякий случай в 1943 году. К весне 1945 года было готово только одно крыло, предназначавшееся для Гитлера.

Советские воины пришли в логово фашистского зверя.

На Нюрнбергском процессе мир узнал, какие мысли обуревали Гитлера, когда он почувствовал крах своей империи. На процессе было процитировано его высказывание: «Если война будет проиграна, то и сам народ должен погибнуть. Такая судьба неотвратима. Народ показал... что он слаб. Кроме того, те, кто остался в живых — люди малоценные, хорошие погибли». Это высказывание сравнительно хорошо известно. Но менее известно, что Гитлер давно так решил.

8 ноября 1942 года, выступая перед участниками фашистского путча, Гитлер хвастался: «Кайзер сложил оружие без четверти двенадцать, я принципиально всегда прекращаю то, за что берусь, лишь в пять минут первого».

Л

Геринг, бывший друг, получает «взбучку» за неспособность Люфтваффе противостоять авиации союзников.

Немецкий народ смог убедиться, во что ему обходится сохранение «после двенадцати» преступного фашистского рейха. Как зарвавшийся игрок, он бросает на смерть новые тысячи немцев, лишь бы отсрочить свою собственную гибель.

Гитлер поклялся, что такого краха, как 11 ноября 1918 года, он не допустит. И сдержал слово — такого краха он не допустил. Он допустил более страшный крах Германии.

Гитлер отдает преступный приказ: чтобы не допустить проникновения советских частей в район имперской канцелярии по тоннелям метро, открыть шлюзы на Шпрее и затопить станцию, расположенную южнее бомбоубежища. Тысячи раненых, женщин, стариков, детей, укрывшихся в метро, погибли мученической смертью.

После полуночи 29 апреля в подземелье имперской канцелярии разыгрывается сцена, которая приводит в замешательство даже тех из окружения Гитлера, кто привык к его причудам.

Гитлер объявляет о своем бракосочетании с Евой Браун. Вся процедура заканчивается в несколько минут. После этого Геббельс и его жена, Борман и две секретарши Гитлера удалились вместе с «новобрачными» на «свадебный пир».

На рассвете 29 апреля в бункере узнают, что советские войска по Вильгельмштрассе рвутся к имперской канцелярии. Все находящиеся в бункере понимают, что это конец.

В подземелье творится нечто невообразимое. «В бомбоубежище, — пишет Болдт, — воцарилась атмосфера настоящего «конца света». Каждый старался заглушить свое отчаянье алкоголем. Были извлечены на свет лучшие вина, ликеры и деликатесы. Раненым, лежащим в подвалах и помещениях метро, нечем было утолить ни голод, ни жажду, хотя некоторые находились в нескольких метрах от нас, на подземных станциях Потсдамской площади, зато здесь вино лилось рекой».

Кровавый фашистский рейх рушился среди той же мерзости и зловония, которые сопровождали его появление на свет и все двенадцатилетнее существование.

Всю ночь Гитлер диктовал «политическое завещание», в котором пытался анализировать причины краха рейха и национал-социалистических идей, оправдывал свою полководческую бездарность и сваливал вину на генералов. Он призывал немецкий народ лучше погибнуть, чем прекратить войну, чтобы тем самым содействовать «возрождению национал-социалистического движения в будущие столетия».

Во второй половине завещания он пишет: «Перед моей смертью я исключаю бывшего рейхсмаршала Германа Геринга из партии и лишаю его всех прав, которые могли бы вытекать из декрета от

29 июня 1941 года и из моего выступления в рейхстаге 1 сентября 1939 года. Я назначаю на его место в качестве имперского президента и верховного главнокомандующего вооруженными силами гросс-адмирала Деница. Перед своей смертью я исключаю из партии и снимаю со всех государственных постов бывшего рейхсфюрера СС и министра внутренних дел Генриха Гимmlера». Это завещание было по существу политическим некрологом.

В 10 часов вечера 29 апреля Гитлер собирает свое окружение последний раз. Генерал Вейдлинг, бледный, как полотно, докладывает, что советские войска уже ведут бои у здания министерства авиации, и сообщает, что самое позднее 1 мая они будут у входа в бункер.

Лишь когда штурмовые группы советских войск с боями проникают на улицу, куда фасадом выходит имперская канцелярия, Гитлер, наконец, решается. За обедом, где, как обычно, собирались приближенные к Гитлеру лица, царило гробовое молчание. Присутствие живого покойника сковывало. Распрощавшись со всеми, Гитлер и Ева проковыляли в свои покои.

Сначала Гитлер, чтобы проверить действенность яда, отравил свою собаку и четырех щенят. Однако матерый убийца все еще трусливо медлит. И всё же страх попасть живым в руки советских войск и понести кару за свои преступления берет верх.

Насчет того, как покончил жизнь Гитлер, имеется много версий. Наиболее вероятной является следующая. Гитлер боялся, что яд может не подействовать, и приказал одному из своих приближенных сделать контрольный выстрел в висок. Вот откуда идет версия, что Гитлер застрелился.

Группа офицеров-эсесовцев стаскивает труп Гитлера с дивана и закручивает в разостланный на полу ковер. По запасному выходу они выволакивают свою ношу в сад имперской канцелярии. Борман, перекинув через плечо, тащит труп Евы. Трупы кладут друг подле друга, быстро обливают бензином и поджигают. Эсесовцы смотрят, как поднимается дым и распространяется зловоние от того, что в течение двенадцати лет, подобно чуме, отравляло мир.

В это время усиливается огонь советской артиллерии. Эсесовцы бегут в бункер. До фюрера уже никому нет никакого дела.

В ночь на 1 мая на командный пункт генерала Чуйкова были доставлены парламентарии. Маршал Жуков поручил принять их. Генерал пехоты Ганс Кребс, предъявив свои полномочия, протянул Чуйкову пакет и сказал:

«Буду говорить особо секретно. Вы первый иностранец, которому я сообщаю, что 30 апреля Гитлер покончил самоубийством».

Затем Кребс зачитал обращение нового рейхсканцлера Германии Геббельса. В нем сообщалось о самоубийстве фюрера и что Геббельс поручил Борману установить связь с вождем советского народа для мирных переговоров между державами, понесшими наибольшие потери. К этому письму было приложено политическое завещание Гитлера. Чуйков связался с маршалом Жуковым. Маршал сообщил, что направляет для переговоров своего заместителя, генерала армии Соколовского. Тут же Жуков связался с Москвой.

В книге «Воспоминания и размышления» Жуков пишет: «Я позвонил И. В. Сталину. Он был на даче. К телефону подошел дежурный генерал, который сказал:

— Товарищ Сталин только что лег спать.

— Прошу разбудить его. Дело срочное и до утра ждать не может.

Очень скоро Сталин подошел к телефону. Я доложил о самоубийстве Гитлера и письме Геббельса с предложением о перемирии. Сталин ответил:

— Доигрался, подлец! Жаль, что не удалось взять его живым. Где труп Гитлера?

— По сообщению генерала Кребса, труп Гитлера сожжен на костре.

— Передайте Соколовскому, — сказал Верховный, — никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести. Если ничего не будет чрезвычайного, не звоните до утра. Хочу немного отдохнуть. Сегодня у нас первомайский парад».

Немецкий народ проиграл две войны. Со всем миром и с нацизмом. Второй проигрыш оказался трагичнее. Польстившись на обещанную райскую жизнь, немцы продали душу дьяволу — Гитлеру.

Немецкий историк Герт Калов подсчитал: «тысячелетний рейх» Гитлера длился 4482 дня. Все эти четыре тысячи четыреста восемьдесят два дня ознаменованы кровавыми событиями либо в Германии, либо на оккупированных территориях.

На советскую контрразведку легла задача разыскать главарей рейха. Первоначально эту работу возглавил подполковник Иван Исаевич Клименко, начальник отдела контрразведки 79-го стрелкового корпуса. Подполковник Клименко рассказывал: «Это было во второй половине дня 2 мая. Мы подъехали к имперской канцелярии, вошли в сад и оказались около запасного выхода из фюрер-бункера. Не успели мы подойти к этому выходу, как кто-то из немцев закричал:

— Вот труп Геббельса! Вот труп его жены!

Я решил вывезти их. Положить было не на что. Нашли оторванную дверь, положили на неё трупы, погрузили в грузовик (он был крытым) и направились в Плетцензес. На следующий день, то есть 3 мая 1945, года были найдены в бункере трупы шестерых детей Геббельса и генерала Кребса. Был составлен акт опознания трупов германского рейхсминистра пропаганды Йозефа Геббельса, жены Геббельса и шестерых их детей.

Но это было лишь начало. Задача была искать Гитлера — мертвого или живого.

... Наступило 4 мая. Примерно с 11 часов я с шестью опознавателями снова вернулся в сад имперской канцелярии. Солдат нашего взвода Иван Чураков залез в воронку и кричит:

«Товарищ подполковник, отсюда ноги торчат!» Стали раскапывать, вытащили два трупа —

один мужской, другой женский, оба сильно обожжены. Разумеется, в этот момент у меня даже и

мысли не было, что это могут быть трупы Гитлера и Евы Браун, поскольку я считал, что труп Гитлера уже лежит в здании имперской канцелярии и его нужно только опознать. Поэтому я приказал завернуть их в одеяла, которые лежали рядом, и закопать снова».

А в здании продолжали заниматься опознанием. По заключению дипломата А. А. Смирнова труп, который лежал в имперской канцелярии, не был трупом Гитлера. Все это заставило Клименко снова вернуться к находке Чуракова.

Рано утром 5 мая он вернулся в сад. Воронку разрыли. Оба трупа снова извлекли. Составили акт, датированный 5 мая. Хотя находка была фактически сделана 4 мая.

«...Около личного бомбоубежища Гитлера были обнаружены и изъяты два обожженных трупа, один женский, другой мужской. Трупы сильно обгорели и без каких-либо дополнительных данных опознать невозможно

...

...

Трупы хранятся при отделе контрразведки «Смерш» 79-го стрелкового корпуса».

Далее следуют подписи.

Трупы Гитлера и Браун были завернуты Клименко в одеяло, положены в деревянные ящики и отвезены в отдел контрразведки штаба 3-й ударной армии.

Для более целенаправленной работы было заведено агентурно-розыскное дело на Адольфа Гитлера под № 300919.

В этот период усилиями розыскников, в том числе и по линии органов контрразведки «Смерш» в действующей армии, были арестованы: начальники I и III отделов абвера Ганс Пиккенброк и Франц Бен-тивеньи, полицай-президент города Берлина Курт Герум, гауляйтер Саксонии Мартин Мучман, гебитс-комиссар Полтавской области (во время ее оккупации) Густав Мартен, командир дивизии СС «Адольф Гитлер» Вильгельм Монке, старший личный слуга фюрера Гейнц Линге, личный адъютант фюрера Отто Гюнше и личный пилот фюрера Ганс Бауер. Последние находились при Гитлере в бункере до дня его самоубийства.

Важными трофеями стали дневники Геббельса и Бормана. Были перехвачены все экземпляры «политического завещания» Гитлера и инструкции гросс-адмиралу Деницу о формировании нового правительства Германии — без Геринга и Гимmlера, которых фюрер снял со всех занимаемых постов за предательство.

На этом заканчивается часть розысков, производившихся в саду имперской канцелярии. К работе приступила судебно-медицинская комиссия под началом главного судебно-медицинского эксперта 1-го Белорусского фронта подполковника медицинской службы Шкаравского Ф. И.

Акт № 12 судебно-медицинского исследования обгоревшего трупа мужчины

(предположительно трупа Гитлера).

8 мая 1945 года город Берлин-Бух, морг

При исследовании обнаружено:

наружный осмотр

...

Труп в значительной мере обугленный, от него ощущается запах горелого мяса.

...

На лице и туловище кожа отсутствует, сохранились лишь остатки обугленных мышц.

...Язык обуглен. Кончик его плотно сжат между зубами верхней и нижней челюсти.

Далее идет описание всех зубов трупа.

В заключительной части наружного осмотра трупа указывается:

«Во рту обнаружены кусочки стекла, составляющие часть стенок и дна тонкостенной ампулы. Мышцы шеи обуглены, ребра справа отсутствуют, выгорели. Правая боковая часть грудной клетки и живота выгорела, через образовавшееся отверстие видно правое легкое, печень и кишечник.

Половой член обуглен, в обожженной, но сохранившейся мошонке обнаружено только одно правое яичко. По ходу пахового канала левое яичко не обнаружено

...

...Обе ноги тоже обуглены, мягкие ткани во многих местах отсутствуют, обгорели и отпали. Кости обгорели и обломились

...

Внутренний осмотр.

Описывается расположение и состояние внутренних органов.

В акте №12 имеется примечание:

1. Отряду Смерш 3-й ударной армии 8.05.45 г. переданы изъятые из трупа:
 - а) желтый металлический мост верхней челюсти с 9-ю зубами;
 - б) обгоревшая нижняя челюсть с 15-ю зубами.
2. Из протокола допроса гражданки Хайзерман Кетте можно предположить, что описанные в акте зубы и мост принадлежат рейхсканцлеру Гитлеру.
3. Гр. Хайзерман в разговоре с главным судебным экспертом фронта подполковником Шкаравским, имевшем место 11.5.45 г. в 496-м полевом госпитале, детально описывала состояние зубов Гитлера. Её описание совпадает с анатомическими данными ротовой полости вскрытого нами обгоревшего неизвестного мужчины.

Приложение: к акту прилагается пробирка с кусочками стеклянной ампулы, обнаруженная во рту трупа».

Далее следуют подписи.

В заключении указывается причина смерти.

«... Результаты судебно-химического исследования внутренностей с обнаруженными цианистыми соединениями позволяют комиссии прийти к заключению, что в данном случае смерть наступила в результате отравления цианистыми соединениями»

Подписи.

В акте № 13 указывается, что непосредственной причиной смерти Евы Браун явилось отравление цианистыми соединениями.

...Во время прогулок Романа Андреевича в саду резиденции я никогда первым не начинал разговора, а лишь поддерживал беседу. Однажды я осмелился спросить Романа Андреевича: «Говорят, что Гитлер жив и прячется где-то в Тибете». Я не могу передать дословный ответ, но смысл передам точно. «У советского правительства имеются неопровержимые доказательства, что Гитлер отравился. Его труп опознан. Разговоры о том, что Гитлер жив, — не что иное как политическая спекуляция», — ответил Роман Андреевич. Хочу обратить внимание, что Руденко сказал не «покончил с собой», а «отравился». Уж он-то знал, как было дело.

Акт о смерти Гитлера в Москве комиссия доложила Абакумову. Сталин комиссию не принял. Абакумов сказал, что Сталин доволен их работой. Вопросов у него нет. Акт оглашать не будем. Абакумов добавил, что за разглашение сути акта от 10 до 15 лет заключения.

Ассистентку стоматолога привезли в Москву. Она отсидела в одиночной камере 6 лет, а всего 10 лет. За что? Формулировка — «как свидетель смерти Гитлера». Союзники по коалиции предложили проект расследования обстоятельств смерти Гитлера. Сталин не ответил.

В Москву привезли повара, адъютанта, камердинера, начальника охраны. Из них выбивали показания, что Гитлер жив. Они стояли на своём.

Поэт Безыменский в архивах Политбюро нашёл, что Сталин во время беседы с американским дипломатом Гопкинсом спросил: «Может, Гитлер жив?» В мае 1945 года «Правда» писала: «Распространением утверждения о смерти Гитлера германские фашисты, очевидно, надеются представить Гитлеру возможность сойти со сцены и перейти на нелегальное положение». Почему же не были опубликованы результаты медицинского обследования? Почему Сталин высказывал сомнения в том, что Гитлер покончил с собой? До настоящего времени какие-либо официальные документы, объясняющие такую позицию советского руководства по данному вопросу, не публиковались. Ему нужно было... пугало!

В 1948 году «трофеи» из бункера в виде вещественных доказательств (обгоревшие предметы, протез Геббельса, а главное — фрагменты челюстей и зубов, по которым проводилась идентификация трупов Гитлера, Евы Браун и других) из Германии были направлены в Москву, в следственный отдел 2-го Главного управления МГБ СССР, который суммировал все факты, связанные с обстоятельствами смерти главарей рейха.

В связи с передислокацией отдела контрразведки «Смерш» 3-й ударной армии трупы, которые исследовались в мае 1945 года, были в начале июня перезахоронены в лесу в районе города Ратенов. По указанию начальника «Смерш» группы советских оккупационных войск в Германии генерал-лейтенанта П. В. Зеленина 21 февраля 1946 года останки были перезахоронены на территории военного городка в Магдебурге, где располагался отдел контрразведки «Смерш» 3-й ударной армии.

Надо отметить, что самоубийство Гитлера было с радостью встречено в Лондоне и Вашингтоне. Они боялись разоблачений на процессе. Черчилль в своих мемуарах писал: «Исход, избранный Гитлером, был более удобным для нас, чем тот, которого я опасался...».

Обычно окончание войны выглядит иначе, чем планирует агрессор.

Гитлер рассуждал о послевоенном устройстве в ночь с 8 на 9 сентября 1941 года: «Немецкие учреждения и власти должны располагаться в чудесных зданиях, губернаторы — во дворцах. Вокруг городов, в радиусе 30-40 километров, будут сооружены кольца прелестных деревень, связанных наилучшими дорогами. Всё, что вне этого — другой мир, в котором русские будут жить, как им заблагорассудится. При одном лишь условии: мы будем властвовать над ними. Если разразится революция, то будет достаточно бросить пару бомб на их города, и делу конец.

Раз в год мы будем привозить группы низов в имперскую столицу, чтобы они прониклись сознанием мощи и величия наших монументальных сооружений».

Гимлдер добавлял: «Сразу после войны мы построим здание, которое будет самым чудесным в мире, высотой 355 м. Залы вместимостью 200-300 тысяч человек. В подземелье будет помещение, которое превзойдет всё то, что строили фараоны. Золотой саркофаг, украшенный уральскими самоцветами. Это будет последнее пристанище величайшего немца из всех немцев — Адольфа Гитлера. Пройдут тысячи лет, из всех германских земель от Урала до Северного моря, от Ледовитого океана до Средиземного моря будут совершать паломничество германские люди к этой святыне».

Советский воин, водрузивший Знамя Победы над поверженным рейхстагом, позволил свершиться международному правосудию — Нюрнбергскому процессу над главными нацистскими военными преступниками.

Наступил час расплаты, о котором Илья Эренбург писал в своем репортаже из Нюрнберга: «Чувствуешь горячее дыхание истории. Повесят преступников: того требует совесть. Но осудят не только фашистов — осудят и фашизм».

Неоднократно после моего выступления с воспоминаниями о Нюрнбергском трибунале меня спрашивали: «Почему именно

Гитлер — сын австрийского чиновника, неудавшийся художник, оказался во главе Германии?»

А однажды меня спросили: «Была бы война, если бы мама Гитлера сделала аборт?»

Большинство историков и политиков на Западе пытаются искать разгадку в личных качествах Гитлера — безудержной самоуверенности и мании величия, фанатизме и садистской решимости, с которой он добивался поставленных целей. Нельзя отрицать, что именно эти качества способствовали Гитлеру занять руководящее положение в национал-социалистической партии.

Нюрнбергский трибунал осудил фатальную троицу: германские монополии, национал-социализм и германскую военщину. Трибунал убедительно засвидетельствовал, что германские монополии финансировали фашистскую систему уничтожения миллионов ни в чем не повинных людей. Густав Крупп писал, что германские промышленники «рассматривали великие намерения фюрера, как свои собственные... и стали его верными последователями».

Р. А. Руденко, осуждая фашистскую военщину на Нюрнбергском процессе, заявил: «Никакие изощренные, надуманные доводы защиты не смогут снять с Кейтеля ответственность за кровь и бесчисленные человеческие жизни, оборванные рукой фашистской военщины».

Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП)

— так ее для обмана народа именовали гитлеровцы — была выпестована монополистским капиталом и германским генералитетом.

До тех пор, пока ее не подобрал монополистический капитал, она, по существу, была шайкой бродяг и уголовников, негодяев и головорезов.

Геббельс цинично заявлял: «Социализм в нашей программе есть лишь клетка для того, чтобы поймать птичку». В нацистской партии немецкие магнаты и германская военщина нашли верных, надежных исполнителей своих преступных планов.

Подводя итоги судебного следствия, главный обвинитель от США Джексон сказал об этой фатальной троице: «... Они поработили миллионы людей. В конце концов злодеяния и вероломство достигли таких размеров, что поставили под угрозу существование цивилизации. Их деяния затопили мир кровью и отбросили цивилизацию на столетие назад».

Их деяния затопили мир кровью и отбросили цивилизацию на столетие назад».

Что же касается роли Гитлера, то, на мой взгляд, ее нельзя и переоценивать и тем более недооценивать. Он более полно выражал взгляды, интересы монополистического капитала, имперской военщины и националистической элиты Германии. Говоря современным языком, Гитлер был менеджером этой фатальной троицы. К сожалению, не только рядовые граждане, но и некоторые политики очень слабо представляют себе фигуру Гитлера и гитлеризм.

Я решительно против тех, кто изображает Гитлера придурком. Это не отвечает истине и умаляет значение нашей победы, за которую советский народ заплатил столь высокую цену. Даже Молотов признал: «Гитлер не был дураком, очень способный человек...».

(Сборник «Откровения и признания»). Г. К. Жуков в беседе с К. Симоновым сказал: «...А когда мы изображаем его (Гитлера —

Прим. авт.

) чуть ли не идиотиком, это уменьшает наши собственные заслуги. Дескать, кого разбили? Такого дурака? А между тем нам пришлось иметь дело с тяжелым, опасным, страшным противником».

Выступая перед международным трибуналом в Нюрнберге, фельдмаршал Кейтель заявил, что фюрер смог добиться у него полного признания: «Гитлер в невообразимых количествах изучал книги по работе Генерального штаба, литературу по военным, тактическим, оперативным и стратегическим вопросам. Его знания в военной области были поразительны. Он был прекрасно осведомлен об организации, вооружении, руководстве и оснащении всех армий и флотов мира. Невозможно себе представить, чтобы он допустил в этой области хоть одну ошибку». Даже генерал Гудериан, который не единожды открыто спорил с Гитлером, признавал способности фюрера. Гитлер был «очень светлая голова». В качестве основания для подобной оценки Гудериан указывал на «необычайную память», «особенно на исторические сведения, технические данные и экономическую статистику».

В то же время у меня возникает мысль, что только человек (если Гитлера можно назвать человеком) с нарушенной психикой мог заявлять: «Несомненно, многие миллионы умрут от голода (в Советском Союзе —

Прим. авт.

), если мы вывезем те вещи, которые нам необходимы».

А вот еще одно заявление бесноватого ефрейтора: «Все зависит от моего существования. Никто и никогда не будет в такой степени обладать верой германского народа, как я. Мое существование — фактор величайшего значения».

К счастью человеческой цивилизации, настоящим фактором величайшего значения был не Гитлер, а героические усилия советского народа, обратившие гитлеровские полчища вспять и принудившие мнимого «фактора» принять яд.

Приложения

Агрессивная война против Союза Советских Социалистических Республик

(Из приговора Международного военного Трибунала)

23 августа 1939 г. Германия подписала пакт о ненападении с Союзом Советских Социалистических Республик.

Представленные доказательства безошибочно показывают, что Советский Союз со своей стороны придерживался условий этого пакта, и, действительно, само германское правительство получало заверения в этом из авторитетных германских источников. Так, германский посол в Москве сообщил правительству, что Советский Союз будет воевать только в том случае, если на него нападет Германия, и это заявление зафиксировано в германском дневнике боевых действий от 6 июня 1941 г.

Однако уже в конце лета 1940 года Германия начала подготовку к нападению на СССР, невзирая на пакт о ненападении. Эта операция планировалась секретно под условным названием «План Барбаросса», и бывший фельдмаршал Паулюс показал, что 3 сентября 1940 г., когда он стал сотрудником германского генерального штаба, он продолжал разработку «Плана Барбаросса», которая окончательно была завершена к началу ноября 1940 года, и даже тогда германский генеральный штаб не имел никаких сведений о том, что Советский Союз подготавливается к войне.

18 декабря 1940 г. Гитлер издал директиву № 21, на которой стояли инициалы Кейтеля и Йодля и которая требовала окончания всех приготовлений, связанных с выполнением «Плана Барбаросса», 15 мая 1941 г.

Эта директива гласит:

«Германские вооруженные силы должны быть подготовлены, чтобы разгромить Советскую Россию в быстрой кампании, до окончания войны с Англией. Должны быть приняты особые

меры предосторожности для того, чтобы не были обнаружены намерения совершить нападение...».

До издания директивы от 18 декабря 1940 г. подсудимый Геринг сообщил об этом плане генералу Томасу — начальнику управления военной экономики ОКВ, и генерал Томас составил обзор экономических возможностей СССР. В соответствии с этим обзором под непосредственным руководством Геринга был создан экономический штаб по делам восточных территорий со многими военно-хозяйственными учреждениями (инспекторами, командами, группами). Совместно с военным командованием эти учреждения должны были добиться как можно более полной и эффективной экономической эксплуатации оккупированных территорий в интересах Германии.

Подсудимый Розенберг в течение трех месяцев разрабатывал основы будущей политической и экономической организации оккупированных территорий.

В этих планах намечалось уничтожение Советского Союза как независимого государства, его расчленение, создание так называемых имперских комиссариатов и превращение Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и других территорий в германские колонии.

В то же время Германия вовлекла в войну против СССР Венгрию, Румынию и Финляндию. В декабре 1940 года Венгрия согласилась принять участие в войне, за что Германия обещала ей некоторые территории за счет Югославии.

... 22 июня 1941 г. без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными планами.

Доказательства, представленные трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную державу, для того чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток, в соответствии с ее стремлениями. В «Майн кампф» Гитлер писал:

«Если мы хотим приобрести новую территорию в Европе, то это может быть сделано в основном за счет России, и опять новая германская империя должна следовать по стопам тевтонских рыцарей. Но на этот раз земли для германского плуга будут приобретены германским мечом, и таким образом мы обеспечим нации хлеб насущный».

Но существовала еще одна, более непосредственная цель, и в одном меморандуме, изданном ОКВ, указывалось, что эта ближайшая цель заключалась в том, чтобы прокормить немецкие армии за счет советских территорий на третьем году войны, даже если «в результате этого погибнут многие миллионы людей от голода вследствие того, что мы вывезем из страны все необходимое для нас».

Конечные цели нападения на Советский Союз были сформулированы на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г., в котором принимали участие подсудимые Геринг, Кейтель, Розенберг и Борман.

«Создание военной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня, даже если бы нам для этого пришлось воевать 100 лет... Вся Прибалтика должна стать частью империи. Крым, с прилегающими районами (область севернее Крыма) также должен быть включен в состав империи. Приволжские районы точно так же, как и район Баку, должны быть включены в империю. Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду больших залежей никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии».

От имени подсудимых выдвигалось утверждение о том, что нападение на СССР было оправдано, потому что Советский Союз намеревался напасть на Германию и готовился к этому. Невозможно поверить, что эта точка зрения когда-либо являлась искренним убеждением. Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия.

Письмо И. А. Серова Л. П. Берии о судьбе Гитлера и Геббельса

31 мая 1945 года Народному комиссару внутренних дел Союза ССР

Совершенно секретно Товарищу Берия Л. П.

Направляю при этом акты судебно-медицинского исследования и акты опознания предполагаемых нами трупов Гитлера, Геббельса и их жен, а также протоколы допросов приближенных Гитлера и Геббельса и фотодокументы.

Перечисленные документы и фотографии подтверждают правильность наших предположений о самоубийстве Гитлера и Геббельса.

Ранее у нас была неясность, какая нога у Геббельса имела физический недостаток, теперь точно установлено по фотографии Геббельса, на которой ясно видно, что искривленной была правая нога.

Точно так же не вызывает сомнения то, что предполагаемый нами труп Гитлера является подлинным. Это удалось установить на основании показаний зубного врача и медицинской сестры, лечивших Гитлера, которые начертили расположение вставных зубов Гитлера. Их показания подтверждены судебно-медицинской экспертизой.

Кроме того, командированный нами к союзникам вместе с группой штаба фронта капитан госбезопасности тов. Кучин присутствовал при аресте так называемого «правительства» Деница.

Тов. Кучин донес, что они в помещении германского военного командования нашли подлинную телефонограмму руководителя партийной канцелярии Бормана на имя гросс-адмирала Деница, в которой он указывает о смерти Гитлера, последовавшей 29 апреля с.г., а в связи с этим уведомляет Деница о том, что вступает в силу завещание Гитлера, по которому вся власть переходит к Деницу как к его преемнику.

Телефонограмма имеет входящий номер, а также на ней записаны фамилии передавших и зашифровавших лиц.

Среди документов также изъят текст приказа гросс-адмирала Деница, в котором он говорит о том, что в создавшихся условиях для Гитлера не было иного выхода, кроме самоубийства, которым он хотел развязать руки германскому правительству для заключения перемирия. В этом сообщении Дениц призывает к продолжению борьбы за идеи Гитлера, смерть которого он называет «последней службой Гитлера германскому народу».

И. Серов 31 мая 1945 года

Резолюция Л. П. Берии: «Послать т.т. Сталину и Молотову. Л. Берия. 07.06.45».

АКТ

о захоронении трупов Гитлера, Геббельса и других лиц

Совершенно секретно

4 июня 1945 года 3-я ударная армия

4-го июня 1945 года комиссией в составе: (перечисляются фамилии и должности), составили настоящий акт о нижеследующем:

2-го мая 1945 года группой оперативных работников отдела контрразведки «Смерш» 3-й ударной армии в гор. Берлине — в районе рейхсканцелярии, в нескольких метрах от запасного выхода из бомбоубежища Гитлера-Геббельса, были обнаружены трупы рейхсминистра пропаганды Германии доктора Йозефа Геббельса и его жены Магды Геббельс, а при осмотре внутренних помещений бомбоубежища, в спальном комнате были обнаружены трупы детей Геббельса: дочь Гильда, сын Гельмут, дочь Гельда, дочь Гедда, дочь Гайде и дочь Гольде.

Тогда же во дворе министерства пропаганды был найден труп начальника генерального штаба германской армии генерала Кребса.

Все эти трупы были доставлены в отдел контрразведки «Смерш» 3-й ударной армии — гор. Бух (Берлин).

Дальнейшим розыском 5-го мая 1945 года в нескольких метрах от места, где были найдены трупы Геббельса и его жены, в воронке от бомбы были обнаружены два сильно обгоревших трупа: труп рейхсканцлера Германии Адольфа Гитлера и труп его жены Браун Евы. Эти два трупа также были доставлены в отдел контрразведки «Смерш» 3-й ударной армии — гор. Бух (Берлин).

В отношении всех вышеуказанных трупов, доставленных в отдел контрразведки «Смерш» 3-й ударной армии, были проведены: судебно-медицинская экспертиза и опознание лицами, хорошо знавшими их при жизни.

После окончания судебно-медицинской экспертизы и проведения всех оперативных мероприятий по их опознанию все трупы были закопаны в районе гор. Бух.

В связи с передислокацией отдела контрразведки «Смерш» армии трупы были изъяты и перевезены сначала в район гор. Финов, а затем, 3-го июня 1945 года, в район гор. Ратенов, где и закопаны окончательно.

Трупы находятся в деревянных ящиках, в яме на глубине 1,7 метра и размещены в следующем порядке: с востока на запад — Гитлер, Браун Ева, Геббельс, Магда Геббельс, Кребс, дети Геббельса.

В западной части ямы находится также корзина с двумя трупами собак, принадлежавших: одна — лично Гитлеру, другая — Браун Еве.

Местонахождение закопанных трупов: Германия, Бранденбургская провинция, район гор. Ратенов, лес восточнее гор. Ратенова: по шоссе с Ратенова на Штехов, не доходя дер. Ной Фридрихсдерф, что 325 метров от железнодорожного моста, по лесной просеке, от каменного столба с числом 111 на северо-восток до каменного четырехгранного столба с тем же числом 111 — 635 метров.

От этого столба в том же направлении до следующего каменного 4-гранного столба с тем же числом 111 — 55 метров. От этого 3-го столба строго на восток — 26 метров.

Закопанная яма с трупами сравнена с землей, на поверхности ямы высажены из мелких сосновых деревьев число 111.

Председатель комиссии полковник Мирошниченко.

Члены комиссии.

Совершенно секретно вх. № 1759
Экземпляр единственный 10.04.1970 г.
Серия «К» г. Магдебург (ГДР)
в/ч п/п 92626
5 апреля 1970 г.
АКТ

(о физическом уничтожении останков военных преступников)

Согласно плану проведения мероприятия «Архив» оперативной группой в составе начальника ОО КГБ при СМ СССР в/ч п/п 92626 полковника Коваленко Н. Г. и сотрудников того же отдела... произведено сожжение останков военных преступников, изъятых из захоронения в военном городке по ул. Вестендштрассе-се возле дома № 36 (ныне Клаузенераштрассе).

Уничтожение останков произведено путем их сожжения на костре на пустыре в районе г. Шенебек в 11 км от Магдебурга. Останки перегорели, вместе с углем истолчены в пепел и выброшены в реку Бидериц, о чем и составлен настоящий акт.

Начальник ОО КГБ в/ч п/п 92626 полковник Коваленко Сотрудники ОО КГБ в/ч п/п 92626

(подписи)

Смерть Гитлера: анализ источников

(из письма директора разведки США Брайана Конрада. 1945 год)

Заключение

...37. Вышеуказанные показания не полны, но они положительны, обстоятельны, убедительны и независимы. Нет доказательства для поддержки циркулировавших теорий, предполагающих, что Гитлер еще жив. Все такие истории, о которых сообщалось, были расследованы, и найдено, что они не имеют под собой оснований. Большинство из них распалось при первом же сопоставлении с фактами, некоторые оказывались чистым вымыслом их авторов.

Невозможно опровергнуть существующие доказательства, суммированные выше. Невозможно предположить, что версии различных очевидцев представляют собой заранее сфабрикованную историю. Они все были слишком заняты планами своего собственного спасения, чтобы быть в состоянии или иметь расположение к заучиванию выдуманной шарады, которую они защищали бы в течение пяти месяцев изоляции друг от друга, при детальном и настойчивых перекрестных допросах.

Не является возможным, чтобы свидетели ошиблись в отношении трупа Гитлера (в идентичности трупа Евы Браун сомнения невозможны — она не была завернута в одеяло и ее легко было опознать).

Была теория, что Гитлер бежал 30 апреля после 14.30, а Ева Браун была подменена трупом дублерши, которую тайно доставили. Но побег после 14.30 был почти невозможен. Если было даже возможно улететь на учебном самолете с Шарлоттенбургер шоссе, не было пилота, так как оба пилота Гитлера, которые были в бункере 30 апреля, участвовали в попытке побега ночью 1 мая. Баур сейчас в русском госпитале, Беетца видели в последний раз с тяжелыми ранениями головы на Фридрихсштрассе. Во всяком случае, нет достаточных оснований для построения таких теорий, которые противоречат положительным свидетельствам и не подтверждаются вообще никакими данными.

Перевела (с английского) Бойко 6.11.1945 г.

Показания начальника личной охраны Гитлера Ганса Раттенхубера
20 мая 1945 года г. Москва

Я, Ганс Раттенхубер, бывший обергруппенфюрер СС и генерал-лейтенант германской полиции, являясь свидетелем смерти Гитлера, считаю своим долгом рассказать о его последних днях и обстоятельствах смерти.

Мое желание вызвано тем, что будучи в советском плену и имея возможность знакомиться с прессой, я вижу, что еще до сих пор как в Германии, так и в других странах муссируются различные слухи о судьбе Гитлера и даже о том, что он жив.

В течение 12-ти лет, начиная с 1933-го года и вплоть до дня смерти Гитлера 30 апреля 1945 года, я бесменно являлся начальником его личной охраны.

Считаю нужным заявить также, что после смерти Гитлера и краха германской империи я не связан больше присягой и намерен говорить здесь об известных мне фактах, невзирая на мою былую преданность Гитлеру и его ближайшим помощникам.

Прежде всего, следует изложить вкратце ту обстановку, которая сложилась в Берлине в апреле 1945 года.

Стремительный прорыв русскими наших укреплений на Одере явился полной неожиданностью для германского верховного командования, так как эти укрепления считались неприступными.

Ставку Гитлера охватило смятение и растерянность. Под сокрушительным наступлением Красной Армии рушились последние надежды на спасение германской столицы.

Спустя несколько дней неприятельское кольцо замкнулось вокруг Берлина. В концентрированном наступлении русские танковые и стрелковые дивизии с ожесточенными боями неудержимо продвигались к центру города.

21 апреля 1945 года, после того как первый русский снаряд разорвался у Бранденбургских ворот, фюрер переселился в новое бомбоубежище, в саду имперской канцелярии.

В нижнем этаже, в условиях искусственного освещения и довольно скверной вентиляции размещались личные комнаты Гитлера, его жены Евы Браун и приемная.

...Что же представлял собой в эти критические для германского народа дни верховный глава германского государства и его вооруженных сил — Адольф Гитлер?

Физическое и моральное состояние Гитлера в те дни было потрясающим. Он представлял собой в буквальном смысле развалину. На лице — застывшая маска страха и растерянности.

Блуждающие глаза маньяка. Еле слышный голос, трясущаяся голова, заплетающаяся походка и дрожащие руки. Человек, окончательно потерявший самообладание.

Беспрерывная цепь поражений и неудач на Восточном фронте, крушение его военно-политических планов, особо сильно сказавшихся в разгроме германских войск под Сталинградом, выбили Гитлера из колеи.

Я вспоминаю в связи с этим мой разговор с Гитлером во время пребывания в Виннице осенью 1942 года.

Гитлер, взбешенный неудачами наших войск по развитию прорыва на Сталинград, после одного из военных совещаний заявил в моем присутствии генералу Шмундту, адъютанту от главного командования вооруженных сил, что германские войска в настоящий момент остановлены, потому что Красная Армия сражается с непревзойденным ожесточением и упорством.

Причину, как заявил Гитлер, следует искать в приказе маршала Сталина — не отступать ни на шаг.

Мы не учли, продолжал Гитлер, что народы Советской России и Красная Армия безгранично доверяют Сталину. После некоторой паузы он назвал маршала Сталина «гигантом»
(Курсив автора).

Гитлеру до последнего дня ежедневно делались впрыскивания для поддержания энергии, а также для предотвращения внезапного удара. Впрыскивания производились так часто, что профессор Морелль вообще не отходил от него.

Если после покушения у него дрожала правая рука, то вскоре это перенеслось также и на левую руку, а в последние месяцы он уже заметно волочил левую ногу. Тогда он совсем перестал выходить на воздух.

Все это привело к тому, что он сильно опух, поседел и постарел, а в последние дни ставки он все больше дрожал и при каждом взрыве снарядов, выскакивая из комнаты, спрашивал: «Что случилось?».

...Обстановка в Берлине в конце апреля не оставляла никаких сомнений в том, что наступили наши последние дни.

События развертывались быстрее, чем мы предполагали. Огонь со стороны советских войск настолько усилился, что связь с учреждениями, находившимися вне Берлина, а затем и в самом Берлине, была полностью утеряна.

... Я всю жизнь буду помнить один из вечеров конца апреля 1945 года, когда Гитлер, придя с очередного совещания разбитым, сидел за своим столом, сосредоточенно разглядывая карту Берлина с нанесенной на ней оперативной обстановкой.

Я зашел к нему доложить о неотложных мерах по охране ставки.

Невольно вспомнил я в этот момент, как фюрер еще не так давно в своей ставке в Восточной Пруссии вместе с окружающими его маршалами и генералами стоял над огромной картой Европы, где германские войска добывали ему победы...

Встав из-за стола, Гитлер посмотрел на меня и сказал:
«Красная Армия в Берлине... Сделать это мог только Сталин».

Задумавшись, Гитлер вернулся к столу. Я тихо вышел из комнаты.

... 29 апреля явилось поистине роковым днем!..

Часов около десяти вечера Гитлер вызвал меня к себе в комнату и поручил к 10 часам собрать у него в приемной руководящих сотрудников ставки и его близких.

Помню, что Гитлер в этот момент производил впечатление человека, принявшего какое-то чрезвычайно важное решение. Он сидел у края письменного стола, глаза его были устремлены в одну точку, взор сосредоточен.

Я направился к двери выполнять его приказание. Гитлер остановил меня и сказал, как помню, следующее: «Вы честно служили мне много лет. Завтра ваш день рождения, я хочу сейчас поздравить вас и поблагодарить за верную службу, так как завтра уже не смогу этого сделать... Я принял решение... Я должен уйти из этого мира...».

Я подошел к Гитлеру и стал говорить о необходимости его жизни для Германии, что есть еще возможность попытаться прорваться из Берлина и спасти его жизнь.

«Зачем? — возразил Гитлер. — Все разбито, выхода нет, а бежать — это значит попасть в руки русских... Никогда бы не было этой страшной минуты, Раттенхубер, — продолжал он, — и никогда бы я не говорил с вами о своей смерти, если бы не Сталин и его армия.

Вы вспомните, где были мои войска... И только Сталин не позволил мне выполнить возложенную на меня свыше миссию...».

... В 10 часов вечера в приемной Гитлера собрались: генералы Бургдорф и Кребс, вице-адмирал Фосс, личный пилот Гитлера генерал Баур, штандартенфюрер Бец, оберштурмбанфюрер Хегель, личные слуги штурмбанфюреры Лин-ге, Гюнше и я.

Он вышел к нам и сказал буквально следующее: «Я решил уйти из жизни. Благодарю вас за добросовестную честную службу. Постарайтесь вместе с войсками вырваться из Берлина. Я остаюсь здесь».

Прощаясь, он пожал каждому из нас руку, и еле волоча ноги, с поникшей головой ушел к себе.

Спустя несколько минут Гитлер позвал меня, Линге и Гюнше и еле слышным голосом сказал нам, чтобы трупы его и Евы Браун были сожжены. «Я не хочу, — сказал Гитлер, — чтобы враги выставили мое тело в паноптикум».

... Наступило 30 апреля. ...Примерно часа в 3-4 дня, зайдя опять в приемную Гитлера, я почувствовал сильный запах горького миндаля. Мой заместитель Хегель с волнением сказал, что фюрер только что покончил с собой.

Должен признаться, что несмотря на то, что я был подготовлен к этому испытанию, оно все же меня глубоко потрясло, и я в бессилии опустился в кресло. В этот момент ко мне подошел Линге, он подтвердил известие о смерти Гитлера, заявив при этом, что ему пришлось выполнить самый тяжкий приказ фюрера в своей жизни.

Я удивленно взглянул на Линге. Он пояснил мне, что Гитлер перед смертью приказал ему выйти на 10 минут из комнаты, затем снова войти, обождать в ней еще 10 минут и выполнить приказ. При этом Линге быстро ушел в комнату Гитлера и вернулся оттуда с пистолетом «Вальтер», который положил передо мной на столе. По специальной внешней отделке я узнал в нем личный пистолет фюрера. Теперь мне стало понятно, в чем заключался приказ Гитлера.

Гитлер, видимо, усомнившись в действии яда, в связи с многочисленными впрыскиваниями, которые на протяжении длительного времени ему ежедневно производились, приказал Линге, чтоб тот пристрелил его после того, как он примет яд. Линге стрелял в Гитлера (Курсив автора).

Присутствовавший при нашей беседе имперский руководитель гитлеровской молодежи Аксман взял пистолет Гитлера себе и сказал, что он его спрячет до лучших времен.

Нервное напряжение разрядилось полной депрессией, и я в течение какого-то времени не мог прийти в себя. Перед моим мысленным взором как на экране проходило все прошлое. Из состояния оцепенения, в котором я находился, меня вывел шум в комнате. И я увидел, что из личной комнаты Гитлера

Линге, Гюнше, личный шофер Гитлера Кемпка и еще 2-3 эсэсовца в сопровождении Геббельса и Бормана вынесли на руках трупы Гитлера и Евы Браун, завернутые в серые солдатские одеяла.

Взяв себя в руки, я отправился следом за ними проводить в последний путь того человека, которому я отдал 12 лет своей жизни.

Поднявшись наверх, эсэсовцы положили трупы в небольшую ямку, недалеко от входа в убежище.

Ураганный обстрел территории не позволил воздать хотя бы минимальные почести Гитлеру и его жене. Тела их были облиты бензином и подожжены, и не нашлось даже государственного флага, чтобы прикрыть останки Гитлера.

Тела Гитлера и Евы Браун плохо горели, не хватало бензина, и я спустился вниз распорядиться о доставке горючего. Когда я поднялся наверх, трупы уже были присыпаны немного землей.

Охранник Менгерсхаузен заявил мне, что невозможно было стоять на посту от неприятного запаха горящих трупов, и они скатили их в яму, где лежала отравленная собака Гитлера.

Возвратившись в убежище, я узнал, что Геббельс намеревался написать письмо советскому главнокомандованию о том, что Гитлер покончил с собой, назначив перед смертью своим преемником адмирала Деница, рейхсканцлером — доктора Геббельса и министром по делам партии — Бормана.

В ночь на 1-е мая с разрешения Геббельса была предпринята попытка прорваться из Берлина, однако из этого ничего не вышло.

Я был ранен и попал в плен к русским.

Как впоследствии мне стало известно, Геббельс и его жена, отравив собственноручно шестерых детей, покончили с собой в том же убежище, где и Гитлер.

Палач № 1

Не было ни одного заседания трибунала, на котором не упоминалось бы имя Генриха Гиммлера, самого отвратительного и самого хищного из всех фашистских зверей.

Борис Полевой

Идут последние дни самой кровавой войны в истории человеческой цивилизации. Крах «третьей империи» неминуем. Планы фашистских главарей превратить Советский Союз в «обезлюженное» пространство, а весь мир — в огромную могилу провалились благодаря героическим усилиям советского народа. Гиммлер, боясь кары за страшные злодеяния, пытается втайне от фюрера вести сепаратные переговоры с западными противниками через шведского графа Бернадотта.

В книге «Финал» Бернадотт вспоминает:

Гиммлер.

В создавшемся ныне положении у меня больше не связаны руки. Для того, чтобы спасти как можно большую часть Германии от русского вторжения, я готов капитулировать на Западном фронте, с тем чтобы войска западных держав как можно скорее продвинулись на восток. Однако я не намерен капитулировать на Восточном фронте. Я всегда был заклятым врагом большевизма и всегда останусь им. Готовы ли вы передать подобного рода сообщение шведскому министру иностранных дел, дабы он смог информировать о моем предложении западные державы?

Бернадотт:

По-моему, капитуляция на Западном фронте и продолжение войны на Восточном полностью исключены. Англия и Америка наверняка не согласятся на сепаратное соглашение с Германией.

Гиммлер:

Я понимаю, как это невыносимо трудно. Но при всех обстоятельствах я хотел бы предпринять такую попытку, спасти миллионы немцев от русской оккупации.

Бернадотт:

Я готов передать ваше предложение шведскому министру иностранных дел лишь в том случае, если вы пообещаете включить в условия капитуляции Данию и Норвегию.

Гиммлер, не раздумывая, ответил, что он готов на это. Он сделал лишь одну оговорку: Дания и Норвегия не должны быть заняты русскими войсками.

Я спросил Гиммлера, что он собирается делать, если его предложение будет отклонено.

«В таком случае, — ответил он, — я поведу в бой батальон на Восточном фронте и погибну в бою».

Переговоры не состоялись.

Американцы и англичане настаивали на безоговорочной капитуляции на всех фронтах.

В поисках спасения Гиммлер склоняет голову даже перед стокгольмским представителем еврейского всемирного конгресса Сторчем.

По настоятельной просьбе Гиммлера из Швеции в Берлин прилетает Мазур, чтобы вести переговоры об освобождении из концентрационных лагерей оставшихся в живых евреев.

Встреча состоялась в кабинете Гиммлера.

Автор и ярый исполнитель чудовищного плана поголовного уничтожения целых народов стремится через Мазура убедить Запад, что он, Гиммлер, не имеет никакого отношения к «окончательному решению еврейского вопроса». Он показывает Мазуру инструкцию, которая гласит: «Приказ фюрера об уничтожении всех концлагерей со всеми находящимися в них

людьми и лагерной стражей настоящим отменяется. При подходе армий противника должен быть выброшен белый флаг. ... Впредь запрещается убивать евреев». Кровавый злодей надевает маску ангела-хранителя.

30 апреля Дениц получает радиограмму:

«Раскрыт заговор. Гиммлер через Швецию добивается капитуляции. Фюрер рассчитывает, что в отношении всех заговорщиков вы будете действовать молниеносно и с негибимой твердостью. Борман»

Состоялась встреча Деница с Гиммлером. Дениц о ней писал в дневнике:

«Мы встретились с Гиммлером с глазу на глаз в моем кабинете. На всякий случай я положил свой пистолет на письменный стол и спрятал его под бумагами. Затем дал Гиммлеру прочитать телеграмму. Он поблел и углубился в размышления. Гиммлер встает, поздравляет меня и говорит: «Разрешите мне быть вторым лицом в государстве».

Новый фюрер отвергает это предложение. С этих пор Гиммлеру хотелось только одного: чтобы о нем забыли.

Рейхсфюрер СС сбрил усы, на левый глаз надел черную повязку. С удостоверением на имя Генриха Хицингера он бежит в горы.

В конце мая 1945 года Гиммлера и его двух спутников встретил патруль — два русских парня из военнопленных, которые добровольно оказывали помощь британской армии.

Подозрительно осмотрев новенький документ (из всех, кого патруль останавливал, никто не имел такого нового удостоверения), добровольцы на всякий случай задержали господина с черной повязкой на левом глазу. Гиммлер решает сдать англичанам. Просит доставить его к коменданту лагеря. «Хицингер» снимает черную повязку, надевает очки и представляется: «Генрих Гиммлер».

Его тщательно обыскивают, раздевают догола. В кармане куртки находят ампулу с цианистым калием, после чего Гиммлера отправляют в камеру.

К вечеру из штаба Монтгомери прибывает полковник Мэрфи.

Гиммлера доставляют для повторного обыска. Предлагают открыть рот. Он сдавливает челюсти и падает мертвым. Вторая ампула с ядом была вмонтирована позади зубов.

Таким был конец главного палача третьего рейха. Его похоронили где-то в лесу близ Люненбурга.

Сохранилось описание внешности Гиммлера графом Бернадоттом.

«Я на самом деле не увидел в нем ничего дьявольского. Он был на редкость вежлив, старался острить, причем в его остротах было нечто от юмора висельника».

Все, кто знал, видел Гиммлера, отмечают, что его внешний вид не соответствовал злодейской натуре. «Внешность обманчива», — сказал еж, глядя на сапожную щетку.

Но главное, что удивляло всех его биографов — это пенсне. Почти все, кто о нем писал, сходились на одной мысли: на «арийца» он явно не тянул. Заурядной внешности Гиммлера соответствовала его заурядная биография — до прихода фашистов к власти.

Пролог

Гиммлер родился в Мюнхене, в семье учителя. По совету отца Генрих избрал карьеру сельского хозяина. Он даже год проработал на ферме, но заболел и вернулся в город.

По окончании агропромышленного факультета получил диплом эконо-номиста-аграрника. На деньги жены Гиммлер покупает хутор вблизи Нюрнберга. Занимается разведением кур, но прогорает основательно.

В конце 20-х годов Гиммлер переходит на службу к Гитлеру. Служит преданно и инициативно. Организовывает и участвует в злодеяниях, перед которыми меркнет испанская инквизиция. Особое внимание Гиммлер уделял подбору кадров. Он лично разработал программу и ритуал приема в войска СС.

Геринг в свое время говорил: «Я ставлю ставку на негодяев». Именно из них Гиммлер подбирал кадры. В приговоре трибунала написано: «войска СС состояли ... из негодяев и головорезов».

Прежде чем стать эсэсовцем, желающий или, вернее, отобранный для службы в СС проходил «кандидатский стаж». Перво-наперво предъявить документы о «чистоте крови». Офицер должен был предоставить сведения с 1750 года, а рядовой — с 1800 года. Затем специальная комиссия определяла, соответствуют ли внешние данные «расовым нормам». Речь шла о росте, цвете волос и глаз, походке. Кандидат в эсэсовцы обязан был иметь светло-русые волосы, голубые глаза, пропорциональное телосложение. Умственные способности, моральные качества комиссию не интересовали.

Затем проводилось посвящение в эсэсовцы. 9 ноября, в годовщину «пивного путча», кандидату выдавалась форма, но без петлиц.

30 января, в годовщину захвата власти Гитлером, он получал удостоверение.

20 апреля, в день рождения фюрера, эсэсовцу вручались петлицы и он принимал присягу фюреру.

«Клянусь тебе, Адольф Гитлер, как фюреру и канцлеру немецкого рейха, быть храбрым и верным. Торжественно обещаю тебе и назначенным тобой начальникам быть послушным до самой смерти. И да поможет мне Бог!».

Через год эсэсовец принимал новую клятву. Он торжественно обещал, что его супруга будет отвечать расовым и наследственным требованиям и что он женится только с разрешения старших начальников или лично Гимmlера.

На пряжках ремней эсэсовцев были выгравированы слова:

«Наша честь в верности».

Во время церемонии принятия присяги офицер произносил:

«Мы верим в Бога и в призвание нашей немецкой крови, которая, вечно молодая, прорастает из немецкой земли; мы верим в народ, в котором течет эта кровь, и в фюрера, которого ниспослал нам Бог».

Гимmlеровское «государство в государстве» имело свои специальные суды. Почти все фюреры низших рангов награждались перстнем-печаткой с мертвой головой. Кинжал чести был поощрением для высших офицеров СС.

Был построен и свой «храм». Площадь зала, где находился Гимmlер, составляла 525 квадратных метров. Над залом находились покои Гимmlера, жилье для гостей и апартаменты Гитлера.

Рядом располагались коллекция оружия и библиотека с 12 тысячами томов.

Этот храм обошелся налогоплательщикам в 13 миллионов марок — гигантскую по тем временам сумму.

Гимmlеру было подчинено: имперское ведомство безопасности, которым руководил его ближайший соратник — Гейдрих, а после удавшегося покушения на него чехословацких патриотов — Каль-тенбруннер. Ведомство делилось на семь отделов, где самым вездесущим был главный отдел — печально знаменитое гестапо, то есть тайная полиция.

Руководил гестапо Генрих Мюллер — «профессионал», главным образом в области борьбы с коммунистами, рабочими и интеллигенцией. Важным был также VI отдел РСХА, во главе которого долгие годы стоял Вальтер Шелленберг. Этот отдел устраивал провокации за границей, плел сложные кровавые интриги, осуществлял связь с зарубежными разведками. Добавим, что именно Шелленберг преследовал эмиграцию, убивал с помощью ядов и выстрелов из-за угла политических и партийных деятелей.

Во-вторых, Гимmlер руководил всеми вооруженными формированиями СС — фактически огромной армией внутренних войск и фронтовыми дивизиями, а также пресловутыми эйнзацгруппами.

В уставе нацистской партии прямо говорилось: «Создание войск СС явилось осуществлением идеи сформировать для фюрера отборные отряды для выполнения специальных заданий».

Садизм, неслыханная жестокость, моральная деградация были характерны для этих извергов.

17 июля 1936 года Гимmlер назначен рейхсфюрером СС и начальником немецкой полиции.

Рейхсфюрер СС означает «имперский вожь охранных отрядов». Ему подчинялись сотни тысяч головорезов со штабами и училищами. Огромная сеть концлагерей, лагерей для военнопленных, «рабочих лагерей», лагерей уничтожения. Гимmlеру подчинялись

политическая, уголовная, «мировоззренческая» полиции. Бесчисленное множество людей пало жертвами этой преступной гвардии гитлеровского фашизма.

За оккупационными армиями Гитлера всегда следовали соединения СС, которые устанавливали во всех оккупированных странах режим террора и страха.

В приговоре Международного военного трибунала по делу о преступлениях против мира говорится: «Накануне нападения на Советский Союз Гиммлер заявил на совещании высших руководителей в Везельбурге, что «одной из задач похода на Восток является уничтожение тридцати миллионов славян». В ноябре 1941 г. Геринг сказал итальянскому министру иностранных дел: «В этом году в России умрет от голода от двадцати до тридцати миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдет, ведь некоторые народы необходимо сокращать».

На нацистских совещаниях говорилось, что нечерноземные области России надо превратить в зону «величайшего голода».

В речи в Познани от 4 октября 1943 г. перед своими группенфюрерами «человек в пенсне» заявил:

«Что происходит с русскими, что происходит с чехами, мне в высшей степени безразлично.

Но будут ли жить другие народы в довольстве или они будутдохнуть с голода, интересует меня лишь в том смысле, в каком для нашей культуры потребуются рабы; остальное мне безразлично. Если при постройке противотанкового рва десять тысяч русских женщин помрут от истощения, я проявлю интерес лишь к одному — построен ли будет для Германии противотанковый ров».

Неизгладимый кровавый след на оккупированных территориях Европы оставили злоеущие эйнзацгруппы. Об одной из таких групп давал показания на процессе ее главарь эсэсовец Отто Олендорф. Эта эйнзацгруппа уничтожила 90 тысяч женщин, детей, стариков. Она была придана 11-й немецкой армии, которой командовал фон Манштейн.

Эсэсовец Отто Олендорф заявил, что за две недели до нападения на Советский Союз между человекоистребительским ведомством Гиммлера и Верховным командованием вооруженных сил было заключено соглашение о том, что при армиях или группах армий будут назначены представители СС и СД, имеющие под своим командованием специальные подразделения — эйнзацгруппы, которые состоят из эйнзацкоманд.

Начальник VI управления главного имперского управления безопасности бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг подтвердил показания Олендорфа и отметил, что «сотрудничество» армии с полицией безопасности и СД по истреблению людей было хорошим, а в отдельных случаях, как, например, с 4-й танковой группой, которой командовал генерал-полковник Эрих Геппнер, очень хорошим.

В заключение Шелленберг заявил:

«Упомянутое выше сотрудничество между командующими армиями и эйнзацгруппами в составе действующих армий приводит меня к твердому выводу, что верховное командование вооруженными силами еще до начала русской кампании осведомило командующих армейскими группами и армиями о предстоящих задачах эйнзацгрупп и эйнзацкоманд полиции безопасности и СД, включая планомерное массовое истребление евреев, коммунистов и всех других элементов сопротивления».

В скобках замечу, что после окончания процесса над главными нацистскими военными преступниками Шелленберг был приговорен в Нюрнберге к шести годам тюрьмы, но не отсидел и половины срока: американцы досрочно выпустили его из тюрьмы «по состоянию здоровья».

Заместитель главного обвинителя от США Додд, выступая на процессе 13 декабря 1945 года, на конкретных фактах и документах, подписанных подсудимыми, убедительно доказал:

«Концентрационный лагерь является одним из основополагающих институтов нацистского режима. Концентрационный лагерь фактически является основным орудием в борьбе против

евреев, против христианской церкви, против рабочих, против тех, кто хотел мира, против любого рода оппозиции и инакомыслия».

Гиммлер во время наступления фашистских армий на Москву создал специальную зондеркоманду «Москва», которая предназначалась для массовых убийств москвичей. Узник Освенцима, бывший глава правительства послевоенной Польши Юзеф Циранкевич, произнося присягу во время суда над эсэсовцами, требовавшую говорить только правду и всю правду, воскликнул: «Правда об Освенциме! Нет такого человека, который мог бы рассказать всю правду об Освенциме!».

Человеческое сознание не в силах охватить, найти слова, чтобы выразить мучения, которым подвергались миллионы (читатель, вдумайся — МИЛЛИОНЫ) людей на фабриках смерти. Я ознакомлю читателя с тысячной долей документов, которые были представлены Трибуналу. Без комментариев.

Предупреждаю, что кровавый свиток так ужасен, что надо иметь крепкие нервы, чтобы его прочитать. Но прошу, дорогой читатель, прочти это.

Нельзя позволить фашистским молодчикам, марширующим по улицам России и Украины в день рождения Гитлера, внушать сверстникам, новым поколениям мысль, что не было Освенцима, Майда-нека, Бухенвальда...

Приложения

Запрос Гиммлера о том, за какой срок можно стерилизовать тысячу женщин

Секретный документ Ставка фюрера 10.07.42 г.
государственной важности

6 копий, 6-я копия

«Глубокоуважаемый господин профессор!

Рейхсфюрер СС поручил мне сегодня написать Вам и передать его желание, чтобы Вы после предварительной договоренности с обергруппенфюрером СС Полем и лагерным врачом женского концентрационного лагеря в Равенсбрюке поехали в Равенсбрюк для проведения там стерилизации евреек по Вашему способу.

Прежде чем вы начнете вашу работу, рейхсфюрер хотел бы еще узнать у вас, какое приблизительно время потребуется для стерилизации 1000 евреек. Сами еврейки не должны знать ничего. По мнению рейхсфюрера СС, Вы могли бы делать соответствующий укол в ходе общего обследования.

Затем должны быть также проведены тщательные опыты по проверке эффективности произведенной стерилизации, которые в большей части должны сводиться к тому, что через некоторое время, которое вы должны будете определять, будет устанавливаться, вероятно, путем рентгеновских снимков, какие произошли изменения. В том или ином случае мог бы быть произведен также и практический опыт таким образом, чтобы еврейку на некоторое время посадили вместе с евреем, а затем наблюдали, какой успех будет достигнут при этом.

Прошу вас сообщить мне для информации рейхсфюрера ваши соображения по поводу моего письма.

Хайль Гитлер!

Брандт, оберштурмбанфюрер СС»

Приказ Гиммлера об опустошении советской территории

Рейхсфюрер СС Полевой командный пункт, 10.07.43 г.

«1. Фюрер решил, что зараженные бандами (так нацисты кощунственно называли партизан — Прим. авт.) территории Северной Украины и центра России следует очистить от населения.

2. Все трудоспособное мужское население в соответствии с положениями, которые следует еще составить, передается имперскому комиссару по использованию рабочей силы, однако на условиях военнопленных.

3. Женское население передается имперскому комиссару по использованию рабочей силы для работы в рейхе.
 4. Часть женского населения и все не имеющие родителей дети направляются в наши сборные лагеря.
 5. Эвакуированные и освобожденные от населения территории по соглашению с имперским министром продовольствия и министром по делам оккупированных территорий, которые еще нужно принять, по возможности следует взять в обработку высшим руководителям СС и полиции и там частично засеять коксагизом и, насколько возможно, использовать их для сельского хозяйства. Детские лагеря следует расположить на границе этих территорий, так чтобы дети могли быть использованы в качестве рабочей силы.
- Окончательные предложения следует представить мне как можно скорее.

Г. Гиммлер»

Рейхсфюрер СС № 38/33/43 секр.
Полевой командный пункт 16 февраля 1943 г.
Секретно

Высшему руководителю СС и полиции на Востоке

обергруппенфюреру СС Крюгеру

Краков

«В целях обеспечения безопасности приказываю после перевода концентрационного лагеря снести Варшавское гетто, причем перед этим следует использовать все годные части домов и всякого рода материалы.

Снос гетто и устройство концентрационного лагеря осуществить необходимо, так как иначе мы никогда не успокоим Варшаву, а бесчинства преступных элементов не смогут быть искоренены, если гетто будет оставлено.

Мне должен быть представлен общий план по ликвидации гетто. В любом случае нужно добиться, чтобы имеющиеся жилые строения, в которых проживают 500000 недочеловеков и которые никогда не будут пригодны для немцев, были стерты с лица земли, а миллионный город Варшава, всегда являвшийся опасным очагом разложения и мятежа, был уменьшен.

Г. Гиммлер

- 2) Копия переслана для ознакомления начальнику полиции безопасности и СД».

Из речи генерал-губернатора Польши Франка

на совещании с чиновниками полиции

14.01.44 г.

15 час. 00 мин.

«Если мы выиграем войну, то тогда, по моему мнению, поляков и украинцев, все то, что околачивается вокруг генерал-губернаторства, можно пустить хоть на фарш. Но в данный момент речь идет только о том, удастся ли удержать в спокойствии, порядке, труде и дисциплине почти 15 миллионов организующегося против нас враждебного народонаселения. Если это не удастся, тогда я, вероятно, смогу торжествуя сказать: я погубил 2 миллиона поляков...

Станислав Пиотровский, Дневник Ганса Франка Варшава, 1963 г.

Из стенограммы заседания Международного военного трибунала

Дюбост:

Не говорили ли вам о «научных» экспериментах?

Лампе:

Да, в Маутхаузене, как и во всех других лагерях, они были обычным явлением. Я думаю, что мы имеем обнаруженные вещественные доказательства этого; речь идет о двух черепах, которые служили главному врачу СС в качестве пресс-папье. Это были черепа двух голландских евреев, которые были отобраны и изъяты из транспорта в восемьсот человек, потому что у них были особенно красивые зубы. Врач СС, который произвел этот отбор, сообщил, что оба этих молодых голландских еврея должны были разделить судьбу своих товарищей по транспорту. Он сказал им: «Здесь евреи не живут. Мне нужны для хирургических экспериментов два молодых сильных человека. У вас есть выбор: либо вы предоставите себя для этих опытов, либо будете прикончены с другими». Оба этих еврея были доставлены в «лазарет», где одному удалили почку, другому — желудок. После этого им сделали уколы бензина в область сердца, затем их обезглавили. Я уже упомянул, что оба черепа с красивыми зубами украшали письменный стол лагерного врача СС до самого освобождения.

Показания бывшего заключенного Лампе.

Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала

Дюбост:

Не скажете ли Вы нам, что Вы об этом знаете?

Балаховский:

Татуированная человеческая кожа хранилась в блоке 2 в Бу-хенвальде, в так называемом «патологическом блоке».

Дюбост:

Много ли было татуированной человеческой кожи в блоке 2?

Балаховский:

В блоке 2 всегда имелась татуированная человеческая кожа. Я не знаю, было ли ее много, так как кожа постоянно поступала и вновь отправлялась дальше; имелась не только татуированная, но и просто дубленая кожа, которая не была татуирована.

Дюбост:

Значит, с людей снимали кожу?

Балаховский:

Кожу снимали и затем дубили.

Дюбост:
Не продолжите ли Вы показания по этому пункту?

Балаховский:
Я видел ээсовцев, вышедших из блока 2, «патологического блока», с дубленой кожей под мышкой. Я знаю от товарищей, которые работали в блоке 2, что туда поступали заказы на кожу и что эта дубленая кожа дарилась некоторым охранникам и посетителям, которые использовали ее для книжных переплетов.

Дюбост:
Нам сказали, что тогдашний комендант Кох был за это наказан.

Балаховский:
Я не был очевидцем случая с Кохом, который произошел до моего появления в лагере.

Дюбост:
Значит, после его ухода также имелась еще татуированная и дубленая кожа?

Балаховский:
Дубленая и татуированная кожа имелась всегда, ибо когда американцы освободили лагерь, они нашли еще 11 апреля 1945 г. в блоке 2 татуированную и дубленую кожу.

Дюбост:
Где дубилась эта кожа?

Балаховский:
Эта кожа дубилась в блоке 2 и, быть может, также в помещениях крематория, которые были неподалеку от блока 2.

Дюбост:
По Вашим словам, это был, таким образом, постоянный обычай, который продолжался даже после казни Коха?

Балаховский
: Да, это происходило все время, но я не знаю, в каком масштабе.

Рецептура мыла, обнаруженного союзниками в Данцигском анатомическом институте медицинской академии

(Документ СССР-196) Анатомический институт Медицинской академии Директор проф. д-р Шпаннер Данциг, 15 февраля 1944 г. Делбрюкаллея, 76
Производство мыла из остатков жиров
10-12 фунтов жира
10 литров воды
1000 граммов раствора натрона (Natrolletten) для твердого мыла или
1000 граммов калиумоксида для жидкого мыла и одна пригоршня соды.

Варить в котле три часа. Прибавить полную пригоршню поваренной соли, немного поварить и оставить застыть. Застывшую поверхность снять, разрезать и снова переварить от полутора до двух часов с одним-двумя литрами воды.

Вылить в плоские миски и оставить застыть.

Разрезать на куски для употребления.

Раствор, который остается после первого остуживания, может употребляться в разбавленном виде для чистки.

Чтобы устранить неприятный запах, можно добавлять в мыло перед застыванием вещество для запаха, например, бензальдегид.

Подопытным лицам разрешали пить в течение многих дней только морскую воду

Опыты проводились следующим образом: в течение первых трех дней подопытные лица получали морской неприкосновенный запас, состоящий из 1-й плитки шоколада с колой, небольшого количества декстропура (тонизирующий препарат глюкозы), нескольких штук печенья (около 10-12 небольших печений). С первого до последнего дня подопытным, кроме того, 4-5 раз в день давалась соленая вода в количествах, составляющих в сумме 1/2 литра. 44 человека были поделены на 5 или 6 групп. Две группы получали чистую морскую воду, две другие группы — морскую воду с дополнительным солевым препаратом, оставшаяся группа получала дистиллированную морскую воду без добавок. С самого начала подопытным ежедневно делался анализ крови. У отдельных пациентов состояние слабости и, в частности, чувство жажды проявлялись настолько резко, что они уже через несколько дней были не в состоянии вставать с постели, с одним, как я помню, случилась истерика с судорогами. Часто случалось, что эти пациенты пили из помойных ведер обслуживающего персонала, а также брали воду, когда за ними не следили, из выставленных в проходе ведер противозащитной обороны. Во время мытья полов некоторые пациенты также высасывали разлитую по полу воду. Я должен был также ежедневно взвешивать всех участников опытов и при этом установил, что ежедневная потеря веса доходила до одного килограмма. Когда однажды д-р Бейгльбек установил, что некоторые пациенты принимали другие жидкости, дежурный санитар (тоже заключенный) был переведен из лазарета.

Показания работавшего санитаром на опытной станции в концлагере Дахау венского студента Фрица Пиллдвайна.

Секретно

Копия

Список

поношенных изделий из текстиля, вывезенных по распоряжению Главного административно-хозяйственного управления СС из лагерей Освенцим и Люблин

Тряпье

1. Имперское министерство хозяйства Старая мужская одежда, не считая белья Старая женская одежда, не считая белья Женское шелковое белье

Перины и подушки Женские волосы Поношенные ткани 97 000 комплектов 75 000 комплектов 89 000 комплектов Всего 34 вагона

2 700 000 кг 270 000 »

400 вагонов 130 вагонов 1 вагон 5 вагонов

3 000 »

19 000 »

Всего 536 вагонов Итого 570 вагонов

2. Центральное управление по делам фольксдойче.

Мужская, женская, детская одежда

Всего 211 вагонов

Только из этих двух лагерей вывезено поношенных вещей более 2000 вагонов.

Иозеф Геббельс

Вот лежит перед вами колченогий Геббельс, маленький человек, сделавший людям столько зла. Какая презренная жизнь, какая отвратительная смерть.

Б. Горбатов (после опознания трупа Геббельса)

Фатальное решение немцев сопротивляться до полного разгрома определяло несколько причин:

- а) недобрая память 1918 года;
- б) немецкая дисциплина;
- в) страх перед тайной полицией Гимmlера;
- г) жесткие условия капитуляции, которые выдвинули союзники;
- д) боязнь ответственности за чудовищные злодеяния, совершенные гитлеровской бандой в оккупированных странах;
- е) последним по счету, но одним из первых по важности является фактор лживой, но профессионально поставленной пропаганды доктора Пауля Иозефа Геббельса и его соратников во всех слоях германского общества.

Нацисты создали мощный пропагандистский аппарат и взяли под контроль все средства массовой информации. Их опыт используется и в наше время во многих государствах.

Когда геббельсовские пропагандисты потеряли возможность воспевать успехи «непобедимой» фашистской армии, они обратились к обещанию грядущих успехов.

Геббельсовская пропаганда обязательно должна была иметь врагов нации. Это евреи, коммунисты, социал-демократы, свидетели Иеговы, цыгане, профсоюзы.

То, что немецкий народ дрался вплоть до 1945 года, когда практически не осталось ни одного шанса победить, можно считать успехом геббельсовской пропаганды.

В США даже вышла книга с интригующим названием «Война, которую выиграл Гитлер», в которой анализировалась умело поставленная фашистская пропаганда. Это утверждение у меня вызывает сомнение, но то, что геббельсовская пропаганда умела манипулировать немецким народом, факт неоспоримый.

Козьма Прутков писал: «Народ подобен колбасе — чем его начиняют, то он и носит». Никогда еще такой огромный аппарат не был поставлен на службу столь низменной цели.

В лице министра пропаганды Иозефа Геббельса Гитлер нашел виртуозного мастера демагогии, который представлял своего фюрера в средствах массовой информации. По его распоряжению в кинотеатрах перед каждым сеансом показывали сборник новостей «Ди дойче Во-хеншау», а режиссер Лени Рифеншталь создала зачаровывающие документальные ленты о партийных съездах нацистов.

«В 1938-1939 годах между министерством пропаганды и ОКВ было заключено «Соглашение о ведении пропаганды во время войны», по которому пропагандистские кампании, сопровождающие важнейшие операции на фронте, были признаны полноценным средством ведения войны».

Г. Л. Розанов писал: «Геббельс сам не убивал, не душил людей в газовых камерах, но кровь каждой жертвы немецкого фашизма была и на нем. Среди фашистских главарей он более чем кто-либо другой содействовал превращению значительной части великого немецкого народа, внесшего замечательный вклад в сокровищницу мировой культуры и науки, в орудие для осуществления кровавых грабительских планов гитлеровцев».

Вплоть до самого крушения фашистского рейха Геббельс выступал в качестве неугомонного барабанщика войны. «Война ужасна? Пустые слова! — провозглашал он. — ...Война — это простейшая форма утверждения жизни». Когда гитлеровцы развязали агрессивную войну, Геббельс объявил немецкому народу, что это «одна из величайших истребительных войн в мировой истории, вернее, самая великая, гениальная по плану, головокружительная по темпу, небывалая по результатам».

Последний раз доктор Геббельс собрал руководство своего ведомства в развалинах имперского министерства пропаганды, когда до капитуляции оставались считанные дни. Геббельс, скрестив на груди руки, сказал: «Господа, почему вы работали со мной? Теперь вам придется заплатить

за это своими головами». Этот безжалостный цинизм был присущ Геббельсу до самой смерти. Он относился к своим подчиненным, как к одноразовым шприцам — использовал и, за ненадобностью, выбрасывал. Далее Геббельс сообщил присутствующим, что «его семья не покинет столицу рейха, что бы ни произошло». Этот намек на самоубийство, наверно, не был для присутствующих сюрпризом.

Магду Геббельс вопрос о том, как сохранить волю и силы в последние дни Третьего рейха, не волновал. Скорее всего она думала о том, что вряд ли она поступила правильно, когда вышла замуж за колченогого Геббельса. В то же время, будучи фанатичной нацисткой, она не подвергала сомнению решение мужа покончить жизнь самоубийством. Однажды она заявила: «Мы жили для национал-социалистической Германии, и мы с нею умрем».

Гитлер был неравнодушен к Магде и оказывал ей особое уважение. Однажды он отчитал Иозефа Геббельса за его интрижки с прекрасным полом. Даже пригрозил, что строго спросит с Геббельса, если тот будет обижать Магду.

Во второй половине апреля Геббельс приступил к ликвидации своего архива. Была завершена работа по созданию микрофильмо-вых копий дневников Геббельса. Их он считал «ключом к бессмертию». Накануне дня рождения Гитлера Геббельс выступал по радио. Это была исповедь перед обманутым немецким народом. В заключение своего выступления он не применул лизнуть Гитлера: «Могу только сказать, что наше столетие во всем его мрачном величии сумело приобрести в лице фюрера единственного достойного представителя».

Вряд ли немцы в апреле 1945 года радовались такому приобретению. Чем иметь такого отца нации, лучше быть сиротами. Но прозрели они очень поздно.

Гитлер назначает Геббельса ответственным за оборону Берлина.

24 апреля подчиненные Геббельса окружили здание министерства баррикадами, используя для этого мешки с песком и рулоны газетной бумаги «для превращения министерства в неприступную крепость».

Берлин был буквально завален листовками. Листовки призывали солдат и офицеров армии Венка быстрее освободить город от большевиков, хотя Геббельс знал, что армия Венка уже разбита и небоеспособна. В своем последнем выступлении по радио Геббельс заверяет берлинцев в том, что «час перед рассветом всегда бывает темным».

Демагогия, пропагандистские выверты до самого конца — вот мир, в котором жил Геббельс.

В конце своей карьеры Геббельс не раз повторял, что если нацисты уйдут с арены, то они громко хлопнут дверью. Нам неизвестно, что имел в виду министр пропаганды и просвещения. Может, он надеялся на скорое создание атомной бомбы и уничтожение ею планеты Земля?

Большинство ученых-атомщиков успели сбежать в

США, и Геббельс с фюрером были бессильны «хлопнуть дверью». К тому же Гитлер и его советники решили, что ядерное оружие, как немецкое, так и американское, не сможет изменить ход войны. Большие усилия были направлены на производство и использование самолетов-снарядов У-1 и ракет дальнего действия У-2, но «поезд уже ушел», исход войны был предreshен.

В отличие от немцев, американцы пришли к выводу, что это не только реально, но и что немцы, вероятнее всего, должны прийти к тому же заключению. Это и заставило их с англичанами бросить все силы на то, чтобы разработать такое оружие первыми. Если принять во внимание интерес Гитлера к военной технике, можно считать, что союзникам просто повезло, что он не смог оценить потенциальную разрушительную мощь ядерного оружия.

И все же Геббельс устроил кровавый финал. Он не только покончил с собой, не только не остановил жену, решившую отравиться. Чета Геббельсов убила шестерых маленьких детей — пятерых девочек и одного мальчика. К этому времени сотни тысяч детей погибли от бомбежек, артобстрелов, голода, были заживо брошены в печи крематориев. Вся Европа была залита кровью.

Пролог

В отличие от трагического эпилога, пролог к жизни будущего министра пропаганды был вполне обыденным.

Геббельс родился 29 октября 1897 года, на восемь лет позже Гитлера.

Назвали его Паулем Иозефом.

Мать Геббельса — голландка и до конца жизни с акцентом говорила по-немецки.

Фриц Геббельс, отец будущего министра, работал посыльным на фабрике, которая производила фитили.

У Иозефа было два старших брата и две младших сестры, одна из них умерла ребенком.

Иозеф родился с физическим изъяном — одна нога короче другой. Худенький, хроменький человек с большой головой — так обычно рисовали карикатуристы Геббельса.

Геббельс всю свою жизнь вдалбливал немцам, что настоящий ариец от природы высок, широкоплеч, светловолос и голубоглаз.

Антипод немца — еврей — черноволос, низкого роста, имеет плохую фигуру и часто рождается с физическими недостатками.

Я помню, как карикатуристы изображали Геббельса в виде крысы с мордочкой летучей мыши. Этакое хвостатое, мелкое чудовище.

Юноша Геббельс хорошо учился и не подозревал, что в зените славы на него будут рисовать такие карикатуры. Он успешно сдал экзамены на аттестат зрелости. Получил высшее образование и в 1922 году защитил докторскую работу. Геббельс стал доктором философии и с этой приставкой «доктор» не расставался никогда.

Докторское звание не давало хлеба с маслом, и Геббельс пробует себя на журналистском поприще. Немецкий писатель Хоххут в предисловии к «Дневникам» Геббельса писал:

«Будущий министр сочинил тогда 50 статей и ни одна из них не увидела свет».

Дело в том, что начинал Геббельс с самой престижной и влиятельной газеты Веймарской республики «Берлинер тагенблат», которую издавал еврей Теодор Вольф. Подтекст у Хоххута такой: напечатать еврей Вольф хоть одно литературное упражнение Геббельса, и тот не был бы душителем живого слова в нацистском рейхе и одним из главных антисемитов. Отсюда вывод: евреи сами виноваты в антисемитизме правителей фашистской Германии.

В начальные годы своей карьеры Геббельс был типичным порождением своего времени, политическим провокатором, который сумел использовать в своих целях недовольство народа тяжелыми условиями жизни после поражения в первой мировой войне.

В своем первом романе «Михаэль» он писал: «Не так важно, во что верим, важно, что верим».

Отдельные историки считают, что нацизм всего добился умело поставленной пропагандой.

Нельзя умалять ее значение, конечно, Геббельс был гроссмейстером лживой, но умело поставленной пропаганды. Однако нельзя сбрасывать со счетов, что Гитлер и его заплечных дел мастера перво-наперво установили всеобщую тиранию, систему тотального подавления личности.

Одним из тех, кто создал обстановку массового психоза, был, безусловно, Геббельс. У него были свои рецепты «концентрированной пропаганды». Один из них: «Чем больше жертв, тем лучше». Его любимый лозунг: «Вперед через могилы!».

Сборища кончались побоищами, о которых писали все газеты. Если жертв не оказывалось, на носилки клали здоровых молодцов, предварительно забинтованных с головы до ног. Обычно верзилы с дубинками действовали группами, приставали к людям еврейской внешности и избивали их. Геббельс называл это «концентрированной пропагандой».

Эта «пропаганда» проводилась и на митингах. Если кто-то пытался возразить Геббельсу, на него набрасывались штурмовики. Задолго до митингов в зал вносили флаги, штандарты.

Штурмовики рас-средотачивались по залу. Геббельс появлялся обычно с опозданием на 10-15 минут в сопровождении молодчиков. Устраивались бурные аплодисменты.

Однажды известный политик сделал Геббельсу замечание, что бестактно заставлять публику ждать. На это Геббельс ему ответил: «Вы, по-моему, ничего не понимаете в пропаганде, милый доктор. Ведь на людей следует производить впечатление. И надо заставлять их ждать.».

Бесконечные побоища, хулиганские выходки в публичных местах переполнили чашу терпения властей. 5 мая 1927 года они запретили партию нацистов и СА в Берлине, а заодно и выступления Геббельса.

Он меняет вывески штурмовых отрядов. То они называются «Клуб игроков в кегли», то «Союз пловцов», то «Рак в иле», то «Клуб путешественников». Нетрудно догадаться, что это — тогдашняя «Память», боевики, ставящие своей задачей насильственное свержение демократии. Геббельс начал выпускать газету «Агриф», что в переводе означает «атака», «штурм». Наглые передержки, казарменный юмор, сальные остроты, откровенная ложь вызывали одобрение у

маргиналов. Можно с уверенностью сказать, что Геббельс за 1928-1933 гг. прошел школу предательства, кровавых интриг, беспардонного цинизма.

После захвата власти на долю Геббельса выпала задача формирования новой «идеологии» вандализма, бездуховности, слепого послушания. А главной, первостепенной задачей было «очистить» культуру от «неарийских» элементов, удалить из литературы, музыки, живописи, архитектуры, из физики, математики, биологии всех евреев. По его разумению, вся культура была создана немцами — нордической расой.

По инициативе Геббельса через сто дней после прихода нацистов к власти в Германии запылали костры, на которых сгорели книги неугодных авторов.

Геббельс дирижировал «хрустальной ночью», серией погромов немецких евреев, их синагог, домов и магазинов.

Главным стержнем его публичных выступлений была одна и главная мысль на все случаи жизни: «Евреи виноваты во всем!». Геббельс говорил: «Если мы проиграем войну, то не окажемся в руках других государств, а будем поглощены мировым еврейством».

Несмотря на серьезные успехи в первые месяцы войны с Советским Союзом, Геббельс подчеркивал: «Не должно быть никаких голословных утверждений о том, что Советы использовали все свои резервы. Они располагают огромным количеством солдат».

Перед немцами маячил призрак зимы 1941 года. Геббельс пообещал «тяжелую и горькую борьбу» и даже впервые признал: «Германия может потерпеть неудачу».

21 сентября 1942 года Геббельс заявил, что Сталинград не собирается падать к ногам немцев. После Сталинграда Геббельс взял на вооружение лозунг «Жизнь или смерть», начав готовить немцев к тотальной войне: нужно, дескать, подготовить свой разум и сердца к тяжелым испытаниям. «У Советов большой запас людских и материальных резервов, и это означает длительную войну».

Геббельс немилосердно эксплуатировал работников. Один из его подчиненных писал: «Геббельс не желает контакта со своим персоналом. Предпочитает, чтобы они были рабочими машинами, которых можно было бы включить, когда ему вздумается.» Его адъютант Ширмайстер рассказывал: «Доктор выжал меня, как лимон, но все равно я готов пойти за ним в огонь и воду».

Геббельс жил безбедно. Аристократы ходили у него в слугах. Он заплатил свыше трех миллионов марок за два загородных особняка.

В 1943 году Геббельс приблизился к пику своей власти. Министр просвещения и пропаганды появлялся в своем кабинете свежевыбритым, холеным, аккуратно одетым. От него исходил запах хорошего одеколона. Поговаривали, что у Геббельса на каждый день года существует прекрасно сшитый костюм.

Его кабинет в здании министерства на Вильгельмштрассе был скромным и деловым. Он предпочитал еще удовлетворение от своих монологов. После обеда любил вздремнуть. Раз или два в день считал своим долгом позвонить жене Магде. В отличие от Гитлера, Геббельс был «сексуально озабоченным».

Иоахим Фест в своей книге «Лицо Третьего рейха» рассказывает о записях Геббельса в дневнике 1925-1926 г.г. «Альма прислала мне открытку. Первая весточка из той ночи. Ах, эта лукавая, очаровательная Альма. Первое письмо от Эльзы из Швейцарии. Анка, я тебя никогда не забуду. Горе тем, кто меня любит! Жениться было бы для меня мукой. От каждой женщины все во мне переворачивается. Я схожу с ума. Как голодный волк, я рыскаю вокруг них».

Когда стало ясно, что Германия проиграла войну, Геббельс собрал все свои мысли о евреях: «Взгляните на лагерь врага. Куда бы вы не бросили взгляд — везде еврей на еврее. Евреи стоят за Рузвельтом, они его мозговой трест. Евреи стоят за Черчиллем, евреи — агитаторы, евреи — заговорщики во всей англо-американской прессе, евреи в темных углах Кремля. Это они истинные носители идеи большевизма».

Не думаю, что Геббельс был настолько глуп, чтобы самому верить в этот бред. Все это должно было служить доказательством лояльности Гитлеру.

Геббельс был вознагражден за это. Фюрер позволил чете Геббельсов поселиться в его бункере, а в апреле 1945 года даже назначил Геббельса своим преемником на посту рейхсканцлера.

В последний день рождения Гитлера Геббельс заявил: «Теперь не будет пресловутой сдачи врагу, а только гибель в героической обороне».

Геббельс отказался от преклонения перед «богиней истории» и если Германия не победит (он еще сомневался), то имя истории — «шлюха», продавшаяся тому, у кого много войска и большие деньги.

В своем завещании он признал за собой наличие «небольших проступков, человеческих слабостей и ошибок». В завещании указывалось, что будущие поколения увидят себя в таких людях, как он — «сияющий образец смелости, стойкости и всех национальных достоинств».

На экранах кинотеатров рейха шел фильм «Ритуал самопожертвования». В нем врата рая открываются перед мертвым героем фильма. В конце своей жизни Геббельс считал, что и перед ним обязательно растворятся врата рая.

За те злодеяния, которые были совершены фашистской армией под идейным руководством Геббельса, перед ним должны были открыться только врата ада.

Приложение

Спецсообщение Г. К. Жукова и К. Ф. Телегина И. В. Сталину

3 мая 1945 года Совершенно секретно

Верховному главнокомандующему

Маршалу Советского Союза

Товарищу И. Сталину

2-го мая 1945 года в городе Берлин на территории имперской канцелярии рейхстага на Вильгельмштрассе, где в последнее время была ставка Гитлера, обнаружены обгоревшие трупы, в которых опознаны имперский министр пропаганды Германии доктор Геббельс и его жена.

3-го мая с.г. на той же территории в штаб-квартире Геббельса (бомбоубежище на глубине 80 метров) обнаружены и извлечены трупы шестерых детей Геббельса.

По всем признакам трупов детей можно судить, что они были отравлены сильно действующими ядами.

Лично начальником Управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенантом товарищем Вадис были предъявлены обнаруженные трупы задержанным: личному представителю гросс-адмирала Денница при ставке Гитлера — вице-адмиралу Фоссу, начальнику гаража рейхсканцелярии Шнайдеру, повару Ланге, начальнику технических учреждений имперской канцелярии Циму, в которых они опознали Геббельса, его жену и детей.

При осмотре трупов Геббельса и его жены были обнаружены золотые значки НСДАП, 2 пистолета «Браунинг №1», портсигар с монограммой от Гитлера. По заявлению Фосса, золотой значок имела только единственная женщина в Германии — жена Геббельса, который ей был вручен Гитлером за 3 дня до его самоубийства, а также Фосс опознал личную подпись Гитлера на портсигаре.

На территории имперской канцелярии во дворе министерства пропаганды был обнаружен труп в форме генерала, в котором Фосс опознал генерал-лейтенанта Кребса. Трупы Геббельса, его семьи, а также Кребса находятся в «Смерш».

Подписи

3 мая 1945 г. г. Берлин

Роберт Лей

Хорошо, что Лей мертв.

Все равно ведь он мертвецки пил.

Г. Геринг

В 1925 году он был гауляйтером Кельна, затем стал рейхсляйтером и ведал вопросами кадров нацистской партии. Этот приспешник Гитлера «прославился» дикими оргиями, необузданной жестокостью и воровскими проделками. Люди, близко знавшие Лея, уверяли, что только в

Нюрнбергской тюрьме они увидели его трезвым. Лей активно участвовал в захвате гитлеровцами власти, а затем, возглавив так называемый «Немецкий трудовой фронт» (ДАФ), руководил разгромом профессиональных союзов (захватив при этом и передав Гитлеру средства рабочего банка), расправой над их лидерами и подавлением рабочего движения. Это Лей говорил о системе оболванивания немецкого народа:

«Мы начинаем с детей еще в трехлетнем возрасте. Как только ребенок начинает что-либо смыслить, он получает в руки флажок, затем следует школа, организация гитлеровской молодежи, штурмовой отряд, трудовая и воинская повинность. А когда все это уже позади, на очереди — «трудовой фронт», он втягивает людей и не выпускает их из рук до самой могилы — хотят они того или нет!». Вот эту «систему» хотели ввести гитлеровцы во всем мире.

Почуввав крах фашистского режима, Лей сбежал в Баварские Альпы. Изменив фамилию, он надеялся, что о нем забудут.

Но Лею не повезло. Командование 110-й американской парашютной дивизии получило сигнал о нем от местного населения.

16 мая 1945 года в домике, затерянном в горах, в полутемной комнате обнаружили бородатого мужчину. Заметно испуганного, его пробивала сильная дрожь.

— Вы доктор Лей?

— Нет, я доктор Достермайер.

— О'кей, следуйте за нами.

В штабе дивизии задержанный продолжал отрицать, что он доктор Лей.

Тогда ему устроили очную ставку с бывшим казначеем национал-социалистической партии Шварцем. Увидев задержанного, Шварц громко воскликнул: «Доктор Лей! Что Вы тут делаете?», и Лей с досадой сказал американскому офицеру: «Вы выиграли».

Так Лей был арестован, а затем водворен в Нюрнбергскую тюрьму и включен в список главных военных преступников.

В тюрьме Лей строчил мемуары, где предостерегал американцев, что только в союзе с Германией они могут избежать поражения в войне с Советским Союзом.

Говоря о необходимости освобождения из-под стражи всех нацистских руководителей, всех нацистских генералов, он предупреждает американцев, что это надо делать в полной тайне, «...чтобы американские руки не были слишком рано видны».

Лей надеялся, что американцы по его совету спустят дело на тормозах.

Но все надежды в одночасье рухнули, когда ему вручили обвинительное заключение. Перед Леем во всей жуткой реальности представилось его будущее. Нервы его подводят, весь день он ходит по камере...

После беседы с ним тюремный психиатр Джильберт записывает в своем дневнике, что глаза подсудимого «имеют безумное выражение». Это было в ночь на 25 октября 1945 года, когда произошел последний диалог между Леем и часовым, охранявшим его камеру.

Часовой спросил, почему он не спит. Лей подходит к глазку, смотрит в лицо часовому и невнятно бормочет: «Спать? Спать? Они не дают мне спать... Миллионы чужеземных рабочих... Боже мой! Миллионы евреев... Все убиты... Как я могу спать?».

Палач понял: ему не избежать неотвратимого возмездия. Наверно, генералу СС почудилась веревочная петля. Ему стало невыносимо страшно и он сам полез в петлю...

Часовой после обхода других камер заглянул в камеру Лея и увидел в углу на туалете согнувшуюся фигуру заключенного.

— Эй, доктор Лей! — кричит он в «глазок». Ответа нет.

Американские военные вбегают в камеру. Перед ними — жалкое зрелище: Роберт Лей висит на канализационной трубе — в петле, сделанной из кусков полотенца. В своей предсмертной записке Лей, который незадолго до этого в разговоре с Джильбертом подавленно признавался, что ему ничего не известно о преступлениях, перечисляемых в предъявленном ему обвинении, написал, что он больше не в силах выносить чувство стыда.

Если до этого один часовой полагался на четыре камеры, то после самоубийства Лея охрана была выставлена у каждой двери. Круглые сутки за всеми подсудимыми неотрывно велось наблюдение в «глазок».

Имперский руководитель «трудового фронта» не дожидая суда. Он ответил на обвинение самоубийством.

Но прежде чем повеситься Лей написал завещание. В нем он обращался к немецкому народу, к молодежи: «Я мучительно стараюсь найти причину такого падения и вот к какому выводу пришел. Мы, немцы, должны иметь силу отречься от антисемитизма. Мы должны объявить юношеству, что это было ошибкой». Видно, антисемиты здраво мыслят только в тюрьме.

3

Краткая историческая справка

Попытки запрета войн и применения силы для разрешения международных конфликтов предпринимались давно. Особую роль сыграли Гаагские конвенции по мирному урегулированию споров между государствами (1899-1907 гг.).

Устав Лиги Наций в ряде статей содержал положения, осуждавшие агрессивные войны. Среди других документов следует назвать Женевский протокол о мирном разрешении международных споров (1927 г.).

Версальский мирный договор предусматривал предание германского кайзера международному уголовному суду за тяжчайшие преступления. Однако Вильгельму II дали возможность бежать в Голландию, где он прожил в роскоши ещё 20 лет.

Принимались безуспешные попытки привлечь к ответственности военных преступников после окончания первой мировой войны.

В январе 1919 г. на предварительной мирной конференции была утверждена комиссия из пятнадцати человек для решения вопроса об уголовной ответственности подданных Германии и ее союзников, «виновных в нарушениях законов и обычаев войны или законов человечности».

Комиссия решила, что независимо от ранга уголовному преследованию подлежат все «лица, находящиеся под контролем той страны, где совершались военные преступления».

В то же время комиссия пришла к выводу, что ряд преступлений требует учреждения Международного трибунала. Такой трибунал должен состоять из трех членов, которые назначаются союзными правительствами и правительствами малых государств.

Американцы возражали против учреждения «международного уголовного суда для процесса над отдельными лицами, ибо такого прецедента не было».

Немцы в январе 1920 года предложили в порядке компромисса, чтобы все лица, которых союзники обвиняют в совершении военных преступлений, были судимы имперским Верховным судом в Лейпциге. Союзники, сделав несколько оговорок, согласились с этим предложением, но первоначально составленный союзниками список, в котором значились 900 фамилий, был сокращен до двенадцати человек. Из этого списка судили только шестерых. Их приговорили к заключению от двух месяцев до четырех лет. В знак протеста представители союзных держав покинули зал заседаний.

Безнаказанность агрессоров в прошлые времена поощряла нацистов к новым агрессиям.

Гитлер был убежден, что суждения Паскаля о человеческой справедливости в сфере международных отношений сохранятся навсегда. «Справедливость является предметом споров. Силу легко узнать, она неоспорима. Вот почему не смогли сделать так, чтобы справедливое было сильным. А сделали сильного справедливым».

Но Гитлер просчитался.

Создание Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками фашистской Германии во второй мировой войне было делом непростым.

Руководители антигитлеровской коалиции во время войны в различных заявлениях излагали разные подходы, порой противоречащие друг другу предложения относительно того, как надо решать судьбу военных преступников.

В том, что виновных должно постигнуть неотвратимое возмездие, союзники по антигитлеровской коалиции были едины. Но по вопросу, какой характер должно получить решение об ответственности, были высказаны разные мнения.

Еще не имея полного понимания о глубине падения немцев и масштабах совершенных ими злодеяний, еще не зная об ужасах Освенцима, Да-хау и Бухенвальда, союзники предлагали карать немцев их же методами.

Президент США Франклин Д. Рузвельт поначалу абсолютно серьезно воспринял идею своего министра финансов Генри Моргентау о деиндустриализации Германии и превращении ее в огромное пастбище для скота. Согласно этим же планам функционеров партии и государства следовало расстрелять в соответствии со списками «махровых преступников», а всех членов НСДАП выселить в отдаленные районы планеты. Обсуждался вопрос и о том, что же делать с малолетними детьми эсэсовцев. Дуайт Д. Эйзенхауэр, который открыто говорил: «Я ненавижу немцев!», порекомендовал 10 июля 1944 года в Портсмуте «ликвидировать» 3500 офицеров немецкого генштаба, нацистов, занимавших посты от бургомистра и выше, а также всех сотрудников гестапо.

Английский министр иностранных дел Антони Иден еще в 1942 году советовал судить германское руководство, исходя не из правовых, а из политических соображений. Лорд-канцлер Саймон в 1944 году призывал казнить без суда всю верхушку национал-социалистической партии. Рузвельту пришлось по душе идея поголовной стерилизации немцев. Он даже набросал проект специальной машины для проведения массовых операций подобного рода.

В сентябре 1944 года в соответствии с решением Квебекской конференции У. Черчилль подготовил телеграмму Сталину: «Не находите ли Вы, что следовало бы подготовить список, включающий, скажем, пятьдесят или сто лиц, чья ответственность за руководство или санкционирование всех преступлений и зверств установлена самим фактором их высоких официальных постов? Этот список не был бы, конечно, окончательным. Новые имена могли бы добавляться в любое время». У. Черчилль предлагал на выбор два варианта: решать совместно судьбу каждого из нацистских лидеров, как только они будут попадать в руки союзников, или заранее составить список таких лиц, которых любой офицер в ранге генерала после установления их личности распорядится расстрелять в течение часа, не докладывая командованию.

Эта телеграмма не была отправлена адресату, так как Черчилль в октябре 1944 года приехал в Москву. Глава советского правительства в беседе с ним подчеркнул, что наказание главных военных преступников должно осуществляться только в соответствии с решением суда. «Встретившись с такой точкой зрения по данному вопросу, — писал У. Черчилль Ф. Рузвельту, — я не стал настаивать на меморандуме, который я вручил Вам и который Вы обсудили с госдепартаментом. Будьте добры считать этот вопрос снятым с повестки дня». В ответном послании Ф. Рузвельт заметил, что его очень заинтересовало отношение главы Советского правительства к вопросу о военных преступниках и что эту тему следует обсудить на предстоящей конференции глав трех правительств.

Однако незадолго до смерти, 3 марта 1945 года, он высказал пожелание вновь превратить побежденную страну в «Германию Шиллера и Гете». А военный министр Генри Симсон потребовал соблюдения права обвиняемых на защиту: «На потомков произведет лучшее впечатление, если мы будем судить этих людей в соответствии с нормами цивилизации». По его мнению, главные военные преступники заслуживают виселицы, но только по суду.

Советское руководство выдвинуло обвинения по поводу преступлений гитлеровских оккупантов вскоре после вероломного нападения на Советский Союз.

6 ноября 1941 года Сталин заявил: «...Немецкие захватчики стремятся к войне на уничтожение с народами СССР» и предупредил Берлин, что «если немцы хотят иметь войну на уничтожение, они ее получат».

Советское правительство неоднократно в официальных заявлениях возлагало ответственность на преступное правительство Германии.

Но если в первых нотах говорилось об ответственности «правительства Германии», то в последующих официальных документах, когда стали известны чудовищные преступления, говорилось о «шайке оголтелых убийц, именуемых правительством гитлеровской Германии». Сама идея создания Международного военного трибунала впервые была выдвинута Советским Союзом в его заявлении от 14 октября 1942 года, где говорилось: «Советское правительство

считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии».

На конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, состоявшейся в Москве с 19 по 30 октября 1943 года, была принята «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства». В ней, в частности, заявлялось:

«...Три союзные державы, выступая в интересах тридцати двух объединенных наций, торжественно заявляют и предупреждают своей нижеследующей декларацией:

...

немцы, которые принимали участие в массовых расстрелах

...

должны знать, что они будут отправлены обратно в места их преступлений и будут судимы на месте народами, над которыми они совершали насилие. Пусть те, кто еще не облил своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзные державы наверняка найдут их даже на краю света и предадут в руки обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие.

Эта декларация не затрагивает вопроса о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств-союзников».

Рузвельт, Сталин, Черчилль».

Ялтинская конференция

(Кодовое название «Агронафт»)

В начале февраля 1945 г. в Крыму состоялась конференция руководителей трех союзных держав — Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина, президента Соединенных Штатов Америки Ф. Д. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля при участии министров иностранных дел, начальников штабов и других советников. Вопрос о месте встречи «Большой тройки» обсуждался несколько месяцев. Сталин в письмах Рузвельту и Черчиллю сообщал, что поскольку советские войска ведут широкие наступательные операции, требующие его участия в решении многих вопросов, он не может выехать за пределы Советского Союза.

Несмотря на свою болезнь, президент Рузвельт согласился на проведение конференции в Крыму.

Рано утром 3 февраля 1945 года самолет Рузвельта «священная корова», эскортируемый шестью истребителями, совершил посадку на аэродроме Саки. Примерно через полчаса произвел посадку и самолет Черчилля.

Один из членов американской делегации вспоминал: «Русские установили три большие палатки, где стояли столы со стаканами горячего сладкого чая с лимоном, бутылки водки, коньяка, шампанского, тарелками с икрой, копченой осетриной и семгой, сыром, вареными яйцами, черным и белым хлебом. Мы надолго запомнили оказанный нам русскими в то раннее утро на аэродроме теплый прием».

Американская делегация разместилась в Ливадийском дворце, английская — в Воронцовском, в Алушке. Советская делегация расположилась в Юсуповском дворце в Кореизе. Все пленарные заседания глав правительств проводилась в Ливадийском дворце. Начинались они в 16.00 и заканчивались в 20.00, а иногда и позже. Совещания министров иностранных дел начинались в 12.00, велись поочередно в расположении каждой делегации.

Первое пленарное заседание началось 4 февраля. Сталин выразил надежду, что откроет конференцию президент Рузвельт. Тот ответил, что считает большой честью открыть столь

важную конференцию, от имени американской делегации выразил глубокую признательность хозяевам за гостеприимство и прекрасную организацию совещания.

11 февраля Сталин, Рузвельт и Черчилль подписали «Соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока». Этот секретный документ не упоминался в совместном коммюнике, которое было опубликовано на следующий день.

В соглашении предусматривалось, что Советский Союз вступит в войну с Японией через два-три месяца после капитуляции Германии. В нем также было предусмотрено, что Советскому Союзу будет возвращена южная часть Сахалина и все прилегающие к ней острова, а также Курильские острова. Это соглашение было настолько секретным, что хранилось в личном сейфе Рузвельта.

В протоколе Ялтинской конференции не упоминалось соглашение о том, что США и Великобритания поддержат на учредительной конференции ООН в Сан-Франциско предложение СССР о членстве в ООН Украины и Белоруссии. На заключительном заседании было утверждено совместное коммюнике. В нем о Германии говорилось:

«Нашей непреклонной целью является подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию и взыскать в натуре возмещение убытков за разрушения, причиненные немцами; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа и принять совместно такие другие меры к Германии, которые могут оказаться необходимыми для будущего мира и безопасности всего мира. В наши цели не входит уничтожение германского народа. Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций».

Уинстон Черчилль Франклин Д. Рузвельт Иосиф Сталин

В США конференция в Крыму подверглась ожесточенной критике, якобы там соглашательство Рузвельта достигло своей высшей точки, а сам стремится угодить Сталину. Отвечая противникам Ялтинских соглашений, бывший государственный секретарь США Эдвард Стеттиниус писал: «...Американскому народу следует помнить, что Соединенные Штаты были в 1942 году на грани катастрофы. Если бы Советский Союз не сумел одолеть Гитлера на своем фронте, немцы были бы в состоянии завоевать Африку, а после этого создать плацдарм в Латинской Америке. Эта угроза постоянно присутствовала в уме президента Рузвельта». Стеттиниус не рассказал американскому народу, что в ходе Ялтинской конференции военные советники сообщили Рузвельту, что без вступления Советского Союза в войну на Дальнем Востоке завоевание Японии потребует от США дополнительно миллион человеческих жертв. Ялтинская конференция ознаменовала высокий уровень сотрудничества трех держав в вопросах войны и заложила фундамент основ международного сотрудничества. Газета «Нью-Йорк Таймс» 13 февраля 1945 года писала: «Союз большой тройки прочен. Прогресс достигнут. Надежды на дальнейший успех велики. Эта конференция стала важной вехой на пути к победе и миру».

Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав

(Кодовое название «Терминал»)

... В период с 17 по 25 июля состоялось девять заседаний. После этого конференция была прервана на два дня — на время, когда объявлялись результаты общих выборов в Англии. 28 июля г-н Эттли вернулся на конференцию в качестве премьер-министра и в сопровождении нового министра иностранных дел г-на Э. Бевина. Конференция закончилась 2 августа 1945 г. Были приняты важные решения и соглашения, в том числе о военных преступлениях.

«Основной задачей Потсдамского соглашения, —

говорится в заключительном сообщении о конференции, — является выполнение Крымской декларации о Германии. Германский милитаризм и нацизм будут искоренены и союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире». «Союзники не намерены, — говорится далее, — уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ». Несмотря на ужасные преступления Германии против человечества, союзники обещают немцам то, чего они не хотели давать поработенным Германией народам. Цель оккупации Германии:

— осуществить полное «разоружение и демилитаризацию Германии, ликвидацию всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или контроль над ней». (В тексте перечислены все военные и нацистские организации, подлежащие упразднению, «включая Генеральный штаб, офицерский корпус, корпус резервистов, военные училища, организации ветеранов и все другие военные и полувойенные организации, вместе с их клубами и ассоциациями, служащими интересам поддержания военных традиций в Германии...»);

— уничтожить национал-социалистическую партию, ее филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность или пропаганду.

Далее в Политических принципах соглашения предусмотрено:

— все нацистские законы, которые создали базис для гитлеровского режима или которые установили дискриминацию на основе расы, религии или политических убеждений, должны быть отменены...;

— военные преступники должны быть арестованы и преданы суду;

— образование в Германии должно так контролироваться, чтобы полностью устранить нацистские милитаристские доктрины и сделать возможным успешное развитие демократических идей...

Договоренность о репарациях занимает отдельный раздел Потсдамского соглашения. На этот раз, в отличие от победителей в Версале, союзники не предусматривают денежных репараций. Все репарации с Германии будут взиматься «натурой».

Союзники подтвердили твердую решимость достижения соглашения о методах суда над теми главными преступниками, чьи преступления не относятся к определенному географическому месту.

«Три правительства подтверждают свои намерения предать этих преступников скорому и справедливому суду. Они надеются, что переговоры в Лондоне будут иметь своим результатом скорое соглашение, достигнутое с этой целью, и они считают делом огромной важности, чтобы суд над этими главными преступниками начался как можно скорее. Первый список обвиняемых будет опубликован до 1 сентября сего года».

И. Сталин Г. Трумэн К. Р. Эттли

В Потсдаме союзники решили навсегда уничтожить источники и очаги немецкой военной мощи. Немецкому народу предлагалась перспектива стать свободными людьми в миролюбивом и демократическом обществе.

Лондонская конференция

С 26 июня по 8 августа 1945 г. в Лондоне проходила конференция представителей СССР, США, Великобритании и Франции по выработке соглашения о создании Международного военного трибунала и его состава.

Советское правительство назначило представителями СССР на конференции заместителя председателя Верховного суда СССР Иону Тимофеевича Никитченко. Вторым членом советской правительственной делегации был профессор Московского университета, видный советский криминалист и международник Арон Наумович Трайнин. В 1944 году им была написана книга на злобу дня «Об уголовной ответственности гитлеровцев», которая была переиздана в ряде стран.

Роберт Джексон возглавлял американскую делегацию. Английскими представителями на конференции были генеральный прокурор Файф, а после смены правительства (с 1 августа 1945 года) — лорд-канцлер В. Джоуитт.

В течение четырех недель представители четырех стран решали сложные проблемы, связанные с созданием Международного военного трибунала. Обсуждалось два проекта — советский и американский, имевшие принципиальные различия.

Подавляющее большинство статей было согласовано, но в ряде вопросов возникли серьезные трудности. Джексон срочно выехал в Берлин, где проходила Потсдамская конференция глав правительств, для консультации с руководством страны. Он предлагал создать Международный трибунал без СССР. Это предложение руководством США было отвергнуто и предлагалось «сделать все возможное для достижения соглашения».

8 августа 1945 г. в Лондоне было подписано соглашение о судебном преследовании и наказании главных военных преступников, в соответствии с которым учреждался Международный военный трибунал. Правительства СССР, США, Великобритании и Франции обязывались действовать в интересах всех Объединенных Наций и приглашали последних присоединиться к соглашению. В результате правительства 19 стран заявили о своем полном одобрении принципов устава трибунала и стали участниками соглашения.

Правительства СССР, США, Великобритании и Франции назначили в Международный военный трибунал по одному члену суда и его заместителю.

Членами трибунала являлись: от СССР — заместитель Председателя Верховного Суда СССР И. Т. Никитченко; от США — член Верховного федерального суда Фрэнсис Биддл; от Великобритании

— лорд-судья Джеффри Лоуренс; от Франции — профессор уголовного права Анри Доннедь де Вабр.

Заместители членов трибунала: от СССР — А. Ф. Волчков; от США — Джон Дж. Паркер; от Великобритании — Норман Биркетт; от Франции — Робер Фалько.

Заместители должны были присутствовать на всех заседаниях трибунала, а также замещать членов трибунала, когда они в случае болезни или по другим причинам не в состоянии были выполнять свои обязанности.

Ни члены трибунала, ни их заместители не могли быть отведены обвинением, подсудимыми или их защитниками. Они могли быть отозваны лишь назначившими их правительствами, при этом во время судебного процесса член трибунала мог быть заменен только его заместителем.

Вопросы признания виновности и определения наказания должны решаться большинством голосов, не менее трех членов трибунала. Такое же число голосов требовалось и при избрании председателя. Статья 4 устава трибунала предусматривает: «Члены трибунала до начала судебного процесса договариваются между собой о выборе одного из их числа председателем; председатель выполняет свои обязанности в течение этого судебного процесса или так, как будет решено голосами не менее трех членов трибунала».

На одном из организационных заседаний трибунала по предложению Ионы Тимофеевича Никитченко председателем Международного военного трибунала был избран член Верховного суда Великобритании лорд-судья Джеффри Лоуренс.

В одних источниках (даже официальных) пишут фамилию председателя трибунала Лоуренс, а в других — Лоренс. Я избрал первый вариант (так писал в своих книгах, статьях и секретарь советской делегации Аркадий Иосифович Полторак. Он часто по долгу службы общался с председателем трибунала, после окончания процесса входил в комиссию по написанию полного стенографического отчета).

Лоуренс (краткая биографическая справка о Лоуренсе дана в приложении) крепко держал в своих руках бразды правления судебного следствия, но делал это очень деликатно, внешне спокойно, никогда не повышал голоса. Вывести его из состояния равновесия никому не удавалось. Он сразу поставил себя так, чтобы самым развязным подсудимым и защитникам приходилось строго выполнять все его указания.

«Сама природа щедро наделила этого человека данными, необходимыми для судьи», — писал в своих воспоминаниях А. И. Полторак.

Американская газета поместила карикатуру. За судебным столом сидит один лорд-судья Лоуренс. Его борода стелится через стол и весь зал. На скамье подсудимых нет ни одного человека. Лоуренс ударяет молотком и объявляет: «Процесс закончен. Последний подсудимый умер по старости лет».

Кстати о молоточке. В первые дни процесса он лежал на столе, возле Лоуренса. Привез его с собой американский судья Биддл. Ему его подарил президент Рузвельт. Американцы надеялись, что Биддл будет избран председателем трибунала. Когда же по предложению И. Т. Никитченко председателем трибунала был избран Лоуренс, Биддл подарил этот исторический молоток ему. Случилось это перед открытием первого судебного заседания — 20 ноября 1945 года. Но председательский молоток просуществовал всего два дня. Его увели, скорее всего, американские журналисты. Лоуренс, уходя на перерыв, оставил его на столе. Мне рассказывали члены советской делегации, что по фотографиям был сделан такой же молоток, и лорд-судья больше не оставлял его на столе.

Пропажа молотка никак не повлияла на Лоуренса. Он вел заседания уверенно, умело и многое сделал, чтобы судебный процесс проходил в соответствии с уставом и регламентом трибунала.

4

Нюрнберг

Трудности были с выбором места проведения процесса.

Советский Союз предлагал, чтобы процесс проходил в советской зоне оккупации в Берлине. Американцы настаивали на проведении процесса в Нюрнберге. В противном случае они были готовы совсем отказаться от совместных действий и отказывались финансировать подготовку и проведение процесса. А это были большие деньги. США брали на себя обязательство финансировать воздушные и железнодорожные перевозки, связь, почтовые услуги, лечение участников процесса, а также всю большую подготовительную работу, сам ход процесса, безопасность судей и обвинителей, для верующих — богослужения. Кроме того, американцы обещали кормить все делегации бесплатно.

Французы и англичане привезли с собой на процесс своих родственников, близких (и не очень). Когда кончился процесс, американцы выставили счета за питание. Американцы просто так, даром, ничего не делают. Может, потому они богаты, что умеют не только зарабатывать деньги, но и считать их.

Была еще причина, из-за которой американцы наотрез отказались проводить процесс в советской зоне оккупации. Они боялись наших «компетентных органов». Однако и в Нюрнберг приехало достаточное количество сотрудников этих органов. Трудились они активно и результативно.

Если отвлечься от государственных интересов победителей, то с политической, психологической и пропагандистской точек зрения было показательным, что местом суда выбран Нюрнберг.

В течение тысячи лет Нюрнберг был символом агрессивной политики «Священной Римской империи». С 1356 года, согласно «Золотой булле» Карла IV, каждый новый император свой первый императорский сейм должен был собирать обязательно в Нюрнберге.

Гитлеровцы признавали три германские империи: первая — Священная Римская империя, вторая — которую создал в 1871 году Бисмарк. Основателями третьей империи нацисты считали себя. По этой причине Нюрнберг стал партийной столицей нацистов. Здесь фашисты приняли расовые законы, названные потом «Нюрнбергскими». В этом городе ежегодно проходили нацистские партийные съезды. Здесь с огромным размахом и помпой праздновали захваты чужих земель.

В 1933—1938 годах все партийные съезды проходили в Нюрнберге в первой декаде сентября и длились около недели. Им давали различные названия: в 1933 году «Съезд победы», в 1934-м — «Съезд рейха», в 1935-м — «Съезд свободы», в 1936-м — «Съезд чести», в 1937-м — «Съезд труда». Последним был «Съезд Великой Германии» в 1938 году. Запланированный на 1939 год съезд, названный по иронии судьбы «Съездом мира», не состоялся.

В общей схеме съездовского церемониала особое место отводилось фюреру и его ближайшему окружению. Сильное впечатление производили световые эффекты — от горящих факелов до направленных в небо лучей прожекторов, образующих контуры готического собора. Во время съездов Гитлер и несколько рейхсляйтеров выступали с речами на стадионе или в специально построенном зале конгрессов.

Каждый партийный съезд открывался увертюрой оперы композитора Вагнера «Риенци».

Знаменитое приветствие «Хайль!» («Да здравствует!») было взято из оперы Вагнера.

Биограф Гитлера Хилленбрехт пишет: «Его ненависть к евреям уходила корнями в театральные подмостки. Можно утверждать, что анти-семитский стержень Гитлера был получен в наследство от Вагнера».

Еще в молодые годы Гитлер нарисовал торжествующего римского военного начальника с протянутой рукой, послужившего образцом нацистского приветствия.

Партийные съезды не оказывали влияния на генеральную линию НСДАП. Они представляли собой прежде всего «орган демонстрации единодушия». В конце съездов проходили встречи партийных функционеров центрального и окружного уровней. На них Гитлер появлялся редко, отдавая предпочтение таким рассчитанным на публику мероприятиям, как освящение знамен НСДАП, СС, СА и «Гитлерюгенд».

К традиционному съездовскому ритуалу относился и своеобразный диалог между фюрером и участниками съезда. Гитлер восклицал: «Дой-чланд!» («Германия!»), хор голосов отвечал: «Зиг хайль!» Решения, выражавшие поддержку политике НСДАП, принимались единодушно.

Выступления заканчивались скандированием лозунгов: «Адольф Гитлер! Зиг хайль!», «Один народ — один рейх — один фюрер!», хоровым пением государственного гимна «Германия превыше всего!»

В 1937 году на партийном съезде в Нюрнберге Адольф Гитлер выступал перед 20 тысячами восторженных женщин. Находясь в апогее, Гитлер задал собравшимся риторический вопрос: «Что я дал всем вам?» И спустя мгновение сам на него ответил: «Мужчину!». «То, что в это мгновение происходило со слушавшими его женщинами, можно смело назвать оргазмом», — пишет историк Штрассер.

Съезды партии открывали серию очередных торжеств, сопровождавшихся собраниями и выступлениями. В конце сентября проходил «Праздник урожая», на который из различных регионов страны приезжало около 50 тысяч крестьян в праздничных народных костюмах. На знаменитом Нюрнбергском стадионе Гитлер принимал грандиозные военные парады. Среди трибун из серого камня выделялась центральная трибуна, откуда в дни фашистских сборищ Гитлер взирал на марширующие войска и штурмовые отряды. Отсюда Гитлер напутствовал их на захват чужих земель и уничтожение целых народов. В такие дни город содрогался от топота тысяч кованых сапог. А вечерами колонны факельщиков с дикими возгласами проходили по улицам города.

В дни Нюрнбергского процесса стадион пустовал, но туристы и многие участники процесса фотографировались на том месте, где обычно стоял Гитлер. На центральной трибуне снизу

вверх широкая темно-синяя стрела своим острием указывала, где обычно стоял Гитлер. Я тоже однажды сфотографировался на этом знаменитом стадионе. Но обстоятельства вынудили меня эту и многие другие фотографии уничтожить.

Год 1948-й. Я курсант Ивановского военно-политического училища. Отличник. Парторг роты. В роте 100 курсантов и, конечно, все коммунисты. Приказом по училищу назначен знаменосцем училища.

Однажды меня вызывает начальник училища, хотя обычно это делал начальник политотдела, полковник Голубев. Я насторожился, хотя вроде ничем не провинился.

Прихожу. Докладываю. Смотрю — сидят начальник училища, начальник политического отдела, начальник учебного отдела и отдельно офицер «Смерша». Расспросили меня, как служится, как дела в роте, как кормят в столовой. Я ответил, что нормально. Никак не пойму, что им от меня надо. После такой, ничего не значащей беседы, начальник учебного отдела полковник Быков задает вопрос:

— Как вас кормили в Нюрнберге и вообще, как снабжалась советская делегация?

Я ответил:

— Нормально.

— У нас есть сведения, что вы восхищались, как материально была обеспечена американская делегация. Особенно, как они питались, — вмешался в разговор полковник Голубев.

«Мало что я мог говорить в беседе с товарищами», — задумался я.

Пауза затянулась. Начальник политического отдела подбадривает меня:

— Говори, как было. Это же не трибунал, а беседа коммунистов с коммунистом.

— Я не знаю, кто вас информировал, но точно знаю, что это непорядочный человек. Я никогда не хвалил американцев ни на фронте, ни на процессе, ни после него.

Уже много-много лет прошло после этой «беседы», но я благодарен начальнику училища полковнику Ефанову. Он подошел ко мне, похлопал по плечу и говорит:

— Я не сомневаюсь в том, что ты настоящий коммунист.

И тут все залепетали, что, мол, все нормально, не зря же тебя назначили знаменосцем...

Справка.

В Нюрнберге мы находились на американском довольствии. Так как я не был гурманом, то ассортимент меня вполне удовлетворял. Вообще на питание никто не роптал. Мне первое время не хватало хлеба. Он был нарезан тоненькими ломтиками, «сквозь него можно было читать», но добавки я не просил.

Кроме питания существовала система еженедельного снабжения зубной пастой, мылом, ручками, сигаретами. Надо отдать должное американцам — они заботились об участниках процесса довольно прилично.

Я не помню, чтобы те, кто писал о Нюрнберге, поднимали эту тему. Пишу о ней лишь потому, что ею заинтересовалось руководство Ивановского военно-политического училища, чтобы молодой читатель понял время, в котором проходила моя молодость. Одно необдуманное слово могло кончиться трибуналом.

5

Дворец юстиции

За несколько массированных налетов американская авиация превратила Нюрнберг, особенно его центральную часть — Альт-Нюрнберг в груды битых камней и металлического лома. На широкой и прямой Фюртштрассе остался почти невредимым комплекс зданий, и среди них за каменной оградой — массивное четырехэтажное здание бывшего земельного суда, известного под названием Дворца юстиции. Первый его этаж без окон представлял собой крытую галерею с овальными сводами, опирающуюся на короткие круглые тяжелые колонны.

Выше — два этажа, оформленных гладким фасадом. А на четвертом этаже — в нишах — статуи каких-то деятелей германской империи. Каждый этаж опоясан коридором, вдоль которого тянутся сотни комнат для делегаций и служб.

На втором этаже Дворца — помещение, отведенное для советской делегации, а зал судебных заседаний — на третьем. В здании размещены две важные вспомогательные службы: комната, где были сосредоточены нацистские документы, и обширная библиотека.

Зал заседаний. Он явно недостаточен для суда, привлечшего внимание всего мира. Соорудили балкон для посетителей, но и это дало немного: зал вместе с балконом вмещал всего около 400 человек. Пришлось создать бюро по распределению мест, чтобы установить какой-то порядок. Было выдано 60 тысяч посетительских пропусков.

В зале судебных заседаний постоянно горел искусственный свет. Наглухо были закрыты тяжелыми портьерами окна, рассеянный свет скрытых светильников тонул в темной зелени мраморной отделки стен. Сюда не доходили звуки, солнечные лучи, дыхание ветра. Стены зала облицованы дубовой панелью. Одна из филенок облицовки отодвигалась в сторону и открывала дверь в лифт.

На возвышении — длинный стол. За ним восседали те, кто должен был беспристрастно, точно и всесторонне оценить кровавые, страшные злодеяния подсудимых и их сообщников, те, кто от имени народов мира должен был вынести суровый, но справедливый приговор.

Судей восемь: четыре члена трибунала и четыре их заместителя. Шестеро — в черных мантиях, двое — в форме Советской Армии, со знаками различия, положенными по их воинскому званию: генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко и подполковник юстиции

А. Ф. Волчков. Они в мундирах, потому что на процессе выполняли свой воинский долг перед своим народом, который внес решающий вклад в разгром немецко-фашистских агрессоров, перед памятью десятков миллионов погибших, перед народами всех стран мира.

Внизу перед судьями — секретари, стенографисты, которые менялись каждые 25 минут, чтобы к концу дня успеть расшифровать стенограмму и перевести ее на четыре языка. Напротив — в два ряда адвокаты в черных и лиловых мантиях, защитник Редера — в военно-морском мундире. Переводчики — за стеклянной перегородкой. За барьером на двух длинных скамьях — те, кто организовал и совершил чудовищные злодеяния, пролил море крови: Геринг, Гесс, Риббентроп, Розенберг, Кальтенбруннер, Кейтель — всего 21 преступник. Подсудимые доставлялись из тюрьмы по подземному переходу. При помощи специально встроенного в стене лифта они поднимались в зал судебного заседания в таком порядке: впереди — солдат охраны с рукой на пистолете, за ним — Геринг, снова — солдат, за ним — Гесс и так далее...

Американская контрразведка и служба безопасности считались с возможностью попыток освободить подсудимых или взорвать здание, чтобы помешать окончанию процесса и вынесению приговора. Американский майор Джек Тейх в этой связи говорил: «Никогда в истории ни один суд не охранялся так тщательно, как этот. Сколько охранников я разместил около бесчисленных дверей, в коридорах и переходах, конечно, секрет. Но могу сказать, что многие сотни моих людей несут охрану».

При входе в зал, справа от возвышения, где находились судьи, параллельно друг другу стояли четыре длинных стола — места для обвинителей. За столами — кресла для почетных посетителей, а еще дальше, за барьером, места для журналистов, писателей, художников.

Советскую прессу представляли К. Федин, И. Эренбург,

В. Вишневский, В. Иванов, Л. Леонов, С. Кирсанов, Б. Полевой,

Б. Афанасьев, Кукрыниксы, Б. Ефимов, В. Саянов, П. Трояновский, Д. Заславский, Ю.

Яновский, Я. Галан, В. Темин, Е. Халдей и другие. Особо хотелось бы вспомнить добрым словом выдающегося советского кинодокументалиста и режиссера Романа Кармена и его боевых товарищей Бориса Макасева, Виктора Штатланда, Сергея Семенова, создавших фильм «Суд народов».

В центре зала — две невысокие трибуны: одна — для обвинителей и адвокатов, другая, расположенная напротив первой, для свидетелей. В соответствии с процедурой англосаксонского судопроизводства, свидетели и подсудимые давали показания сидя на стуле, а обвинители и защитники задавали вопросы и выступали стоя.

По углам зала и в специальных (непробиваемых) застекленных нишах разместились фотокорреспонденты и кинооператоры.

Оригинальный голубой пропуск давал право на вход в зал заседаний трибунала. У меня до сих пор сохранился такой. Я сижу и держу на коленях черную доску, на которой написана моя фамилия.

Процесс и само здание охраняло специальное американское подразделение военной полиции. Одеты были в обычную форму МР -белые ремни, белые каски. На касках и на рукавах мундира были изображены весы, символ правосудия. Вооружены лишь резиновыми дубинками, тоже белыми. Винтовками были вооружены только двое, стоявшие в почетном карауле. Почетный караул несли, сменяя друг друга, советские, американские, английские и французские солдаты - они олицетворяли совместную борьбу антигитлеровской коалиции.

Сотрудники делегаций, прокуратуры, судебные чиновники, немецкие защитники проходили в здание через особый вход.

Без пропусков, через подземный вход от тюрьмы в зал судебного заседания, но зато под усиленной охраной, входили только подсудимые. Они всегда сидели на заранее определенных местах.

Во время заседания возле подсудимых стояли американские солдаты в белых касках и ремнях.

Основная стойка - ноги на ширине плеч, руки сзади держат белую резиновую палку.

Если кто-то из подсудимых засыпал или нарушал установленный порядок, то солдат этой палкой указывал, что так делать не полагается.

У входа в зал проверяли, нет ли у кого оружия. После проверки охранник говорил: «О`кей». Это означало: «Проходи, не задерживай других».

Последняя резиденция фашистского правительства

Со двора перпендикулярно внутреннему фасаду, вплотную к Дворцу юстиции примыкал корпус Нюрнбергской каторжной тюрьмы. Американцы провели специальный ход под землей в здание Дворца юстиции, что должно было исключить возможность побегов при доставке подсудимых в зал судебных заседаний. Кроме основного корпуса, как и во всякой тюрьме, имелись служебные помещения для охраны и администрации, а также большой спортивный зал. В нем десять подсудимых будут повешены.

Еженедельно полагалась баня, но перед ней заключенные в специальном помещении проходили осмотр.

Подсудимые часто жаловались на то, что их содержание в тюрьме не соответствует их бывшему положению. Им ответили, что они не военнопленные, а военные преступники и режим их содержания определяется не Женевской конвенцией, а уголовным законом.

Начальник тюрьмы полковник Эндрюс жаловался на Геринга: «Понимаете, этот толстяк Герман все-таки неблагодарная свинья. Я ж его избавил от пагубной привычки целыми пригоршнями поедать наркотические таблетки. Ведь когда он прибыл ко мне, никак не хотел расставаться с чемоданом, наполненным наркотиками. Я отобрал. Он ругался, но вынужден был примириться. Я сделал из него человека и спас от верной и позорной для мужчины смерти...»

Каждое утро один их немецких военнопленных солдат передавал господам фельдмаршалам и генералам обыкновенную метлу, которой они сами подметали свою камеру. Нюрнбергская тюрьма была похожа на обычную тюрьму.

Илья Эренбург как-то остроумно заметил, что палка, в чьих бы руках она не оказалась, не перестает быть палкой — ни мандолиной, ни японским веером она стать не может.

Тюрьма представляла собой двухэтажное здание со множеством камер. На первом этаже содержались главные военные преступники. В каждой камере — окно с небьющимся стеклом в тюремный двор. В дверях — другое окошко, постоянно открытое. Через него велось наблюдение за подсудимыми.

Мебельный «гарнитур» заключенных составляли: кровать, жесткое кресло и прикрепленный к полу стол (его ножки были подпилены). На столе разрешалось иметь карандаши, бумагу, семейные фотографии, табак и туалетные принадлежности. В углу — параша. В то время, когда заключенный отправлял свои потребности, были видны ноги и голова. Когда же подсудимый ложился на койку, всегда должны были оставаться на виду его голова и руки.

Ежедневно заключенных брил безопасной бритвой парикмахер из военнопленных — под наблюдением охраны. Свет в камеры подавался снаружи, что исключало самоубийство током.

Очки выдавались на определенное время и на ночь обязательно отбирались.

Каждый день подсудимые совершали прогулки в тюремном дворе. Им давали из тюремной библиотеки книги.

Тюремное начальство заботилось о здоровье и быте заключенных, чтобы они не пропускали судебные заседания из-за болезни и здоровенькими были... повешены.

На втором этаже располагались камеры, в которых содержались военные преступники: Гудериан, Манштейн, Кессельринг, Шелленберг, Бах-Зелевски, Олендорф и другие. Они также ожидали суда, но на процессе главных военных преступников фигурировали в качестве свидетелей. У каждой камеры круглые сутки посменно стояли американские солдаты. Часовой сквозь «глазок» в двери должен был наблюдать, что делается в камере.

Главный американский обвинитель Джексон с полным основанием мог отметить в докладе президенту США: «Думаю, что извинительной будет моя похвальба, если я подчеркну, что гигантский процесс был организован и мы были готовы к представлению доказательств 20 ноября 1945 года, менее чем через семь месяцев после моего назначения и после капитуляции Германии». И далее он отмечал, что во время подготовки к процессу было собрано или проверено свыше 100 тысяч захваченных немецких документов и около 10 тысяч отобрано для более детального изучения.

6

Распорядительные заседания Международного военного трибунала

До начала судебного процесса в Нюрнберге трибунал провел несколько организационных заседаний в здании контрольного совета по Германии в Берлине.

Первое такое заседание состоялось 9 октября 1945 года. На этом и других организационных заседаниях рассматривались вопросы регламента трибунала, порядок размещения судей в зале суда, о защитниках, о присяге членов трибунала, об одежде судей.

В частности, члены трибунала от США, Великобритании и Франции настаивали, чтобы судьи на судебных заседаниях были в мантиях, как это принято в их странах.

Члены трибунала от Советского Союза заявили, что будут заседать в военной форме, так как трибунал военный и они осуществляют правосудие в той форме, в которой Советская Армия разгромила фашистскую Германию.

На одном из организационных заседаний присутствовали главные обвинители.

Председествовал член трибунала от СССР генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко.

Все судьи поочередно приняли присягу, торжественно заявив, что будут выполнять свои обязанности честно, объективно и добросовестно.

Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко передал суду русский текст обвинительного акта, а другие главные обвинители — идентичные тексты на английском и французском языках, сообщив суду, что этот документ принят ими единодушно.

Закрывая заседание, И. Т. Никитченко заявил:

«...Международный военный трибунал назначает дату суда в Нюрнберге не позднее чем через 30 дней после вручения обвинительного заключения.

Обвинительный акт будет опубликован одновременно в Лондоне, Москве, Вашингтоне и Париже не раньше 20 часов по гринвичскому времени в четверг, 18 октября сего года».

Опубликовав обвинительное заключение, газета «Правда» писала: «Это не акт мести, это торжество справедливости. ...Перед судом народов предстанет не только банда преступников — предстанет фашизм, предстанет гитлеризм — чудовищное порождение германского империализма».

В этот же день всем подсудимым были вручены под расписку обвинительный акт, списки немецких защитников и регламент трибунала на немецком языке.

Вот как выглядела, к примеру, расписка подсудимого Редера:

«Я, Эрих Редер, получил сегодня, 18 октября 1945 года, в 18 час. 50 мин. по берлинскому времени, обвинительный акт Комитета главных обвинителей, разъяснение моих прав на защиту, список немецких защитников и регламент трибунала на немецком языке. Вышеупомянутые документы были вручены мне офицером Красной Армии, действующим по распоряжению военного трибунала, который разъяснил мне на немецком языке содержание документов и мое право на защиту».

Было изготовлено такое извещение для подсудимых:

Международный военный трибунал

Извещение подсудимым

Для: (вставить 24 фамилии подсудимых)

Имейте в виду, что для правосудия и для обеспечения вам справедливого суда в комнате № 54 в здании суда в Нюрнберге создается центральный аппарат, к которому могут обращаться ваши адвокаты для получения сведений относительно списка доказательств и комментариев к этим доказательствам, приложенным к этому списку, в зависимости от известных установок, или тех установок, которые будут приняты впоследствии.

Заметьте также, что, давая вашим адвокатам любые сведения, касающиеся доказательств, как было указано выше, обвинение оставляет за собой право предоставлять суду доказательства любого характера, включая доказательства, перечисленные в вышеуказанном приложении, а также любые доказательства, направленные против вас, без дальнейшего уведомления.

(подписано) Нюрнберг, октябрь 1945 г.

Интересна первая реакция подсудимых на вручение обвинительного акта. Штрейхер, получивший список сорока четырех адвокатов, среди которых были еврейские фамилии, заявил: «Я не могу просить, чтобы еврей защищал меня». Шахт и Заукель изъявили желание посоветоваться со своими семьями относительно выбора защитника. Гесс сделал вид, что его этот вопрос не интересует. Геринг, внимательно перелистав документ, сказал: «Конечно, я хочу защитника, но еще более важно иметь хорошего переводчика».

Когда вручался обвинительный акт Густаву Круппу, врачи, которые его лечили, заявили, что он не может присутствовать на процессе. После автомобильной катастрофы 4 февраля 1944 года у Круппа начался процесс разрушения мозга. Он едва мог пробормотать несколько слов, не узнавал своих родных и близких. Экспертиза, которую назначил трибунал, установила, что физическое состояние Круппа такое, что он никогда не сможет присутствовать на суде. Советский судья предложил судить сына Круппа Альфреда или рассматривать дело Круппа заочно. Трибунал отклонил это предложение.

Из краткого обзора предварительной работы трибунала можно сделать вывод:

- 1) трибунал стремился создать для подсудимых возможность защищаться и быть услышанными трибуналом;
- 2) как заявил главный обвинитель от США Р. Джексон: «Такую счастливую возможность эти люди, когда они были у власти, редко предоставляли даже своим соотечественникам. Несмотря на то, что общественное мнение уже осудило их действия, мы согласны с тем, что здесь мы должны исходить из предположения, что они невиновны, и мы принимаем на себя бремя

доказать их преступления и ответственность каждого из этих подсудимых за совершение этих преступлений».

Для истории не будет иметь никакого значения, длился этот процесс два месяца или десять. Но зато будет иметь значение то обстоятельство, что в результате справедливого и терпеливого разбирательства была установлена истина о деяниях столь ужасных, что след их никогда не изгладится и, в конце концов, восторжествует справедливость и закон.

Главный обвинитель от Великобритании Х. Шоукросс

7

Открытие процесса

Судебное заседание Международного военного трибунала по делу главных военных преступников началось 20 ноября 1945 г. в 10 часов утра по местному времени.

В составе суда участвовали:

от Союза Советских Социалистических Республик
— член Международного военного трибунала Никитченко Иона Тимофеевич; заместитель члена Международного военного трибунала Волчков Александр Федорович;

от Соединенных Штатов Америки
— член Международного военного трибунала Френсис Биддл; заместитель члена Международного военного трибунала Джон Паркер;

от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии
— член Международного военного трибунала лорд-судья Джеффри Лоуренс; заместитель члена Международного военного трибунала Норман Биркетт;

от Французской Республики
— член Международного военного трибунала Анри Доннедье де Вабр; заместитель члена Международного военного трибунала Робер Фалько.

Председательствовал
лорд-судья Джеффри Лоуренс.

В качестве обвинителей по делу выступали:

от Союза Советских Социалистических Республик
— Главный обвинитель Р. А. Руденко;

от Соединенных Штатов Америки

— Главный обвинитель Роберт Джексон;

от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии
— Главный обвинитель Хартли Шоукросс;

от Французской Республики

— Главный обвинитель Франсуа де Менточ (в первые дни процесса отсутствовал, его заменял Шарль Дюбост, затем де Менточ был заменен Шампетье де Риб).

В качестве подсудимых на скамье подсудимых под стражей находились:

1. Герман Вильгельм Геринг 2. Рудольф Гесс 3. Иоахим фон Риббентроп 4. Вильгельм Кейтель
5. Альфред Розенберг 6. Ганс Франк 7. Вильгельм Фрик 8. Юлиус Штрейхер 9. Вальтер Функ
10. Гель-мар Шахт 11. Карл Дениц 12. Эрих Редер 13. Бальдур фон Ширах, 14. Фриц Заукель 15.
Альфред Йодль 16. Франц фон Папен, 17. Артур Зейсс-Инкварт 18. Альберт Шпеер 19.
Константин фон Нейрат 20. Ганс Фриче.

Дело в отношении Мартина Бормана на основании ст. 12 Устава рассматривалось заочно.

Дело в отношении Густава Круппа фон Болен унд Гальбаха, признанного медицинской комиссией тяжело больным, в связи с чем он не мог быть доставлен в суд, было производством приостановлено^ оставлением материала в общем деле.

Дело в отношении Роберта Лея, покончившего жизнь самоубийством 25 октября 1945 г. в тюрьме, было прекращено за смертью обвиняемого.

В первые дни процесса подсудимый Эрнст Кальтенбруннер отсутствовал на суде в связи с болезнью.

В зале Нюрнбергского Дворца юстиции снова встретились бывшие вершители судеб немецкого народа.

В судебном зале был барельеф: Адам и Ева. Убежден, что подсудимые не мучались, не калялись в грехопадении. Их никто не соблазнял. Они сами соблазняли своих соотечественников на агрессивные войны и тягчайшие преступления против человечности.

Большинство из них последний раз виделись на дне рождения Гитлера в осажденном Берлине. Только в тюрьме они, наверно, осознали крах своей власти, замешанной на крови и виселицах, штыках и газовых камерах.

Никогда еще на скамье подсудимых не сидели виновники таких огромных бедствий, такого количества убийств, насилия и грабежей.

Они располагались на своих местах в два ряда, всегда в одном и том же порядке. Большинство подсудимых в штатском, при галстуках, которые они получали перед тем, как следовать на процесс (в камере эту одежду отбирали, и они надевали тюремную робу).

Военные сидели в военных мундирах, но без знаков различия. Геринг на процессе был в брюках галифе с лампасами и в сапогах. Он приносил с собой тюремное одеяло. Ему жестко было сидеть на скамье подсудимых.

Все, кто присутствовал на этом историческом процессе, жалели, что на скамье подсудимых недоставало «большой тройки»: Гитлера, Геббельса, Гимmlера.

Когда я зашел первый раз в зал и увидел фашистских извергов на скамье подсудимых, мне показалось, что вместе с живыми в зале присутствуют мученики Майданека, Освенцима, Дахау...

Однажды для нас, военнослужащих, организовали экскурсию в угрюмую Нюрнбергскую пятиугольную башню. Наверное, это входило в план политико-воспитательной работы. На подходе к ней были прибиты надписи на немецком языке. Они сообщали, как пройти к башне и что в ней находится знаменитая Нюрнбергская «железная дева». Так немцы называли орудие пыток, внутренние стенки которого утыканы гвоздями. Посредством рычагов стенки сжимались, впивались в тело, и железные гвозди прокалывали приговоренного к смерти насквозь. Человек умирал в страшных муках.

Никто из наших экскурсантов не захотел фотографироваться на фоне башни.

Палачи, сидящие на скамье подсудимых, превзошли в своих злодеяниях палачей, которые использовали это орудие пыток не только в жестокости наказаний, но и в миллионы раз по количеству пыток.

Из стенограммы заседания МВТ от 20 ноября 1945 г.

Председательствует лорд-судья Дж. Лоуренс

Председатель: Прежде чем подсудимые по настоящему делу дадут ответ на вопрос, признают ли они себя виновными в предъявленном им обвинении в преступлениях против мира, военных преступлениях, преступлениях против человечности и в создании общего плана или заговора для совершения данных преступлений, трибунал желает, чтобы я от его имени сделал очень краткое заявление.

...Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре. По этой причине на всяком, кто принимает какое-либо участие в этом процессе, лежит огромная ответственность, и он должен честно и добросовестно выполнять свои обязанности без какого-либо попустительства, сообразно со священными принципами закона и правосудия.

Четыре подписавшие Соглашение стороны возбудили судебное преследование, и теперь на всех, кто участвует в процессе, лежит обязанность позаботиться о том, чтобы он ни в каком отношении не уклонялся от тех принципов и традиций, которые придают правосудию авторитет и поднимают его на то место, которое оно должно занимать в делах всех цивилизованных государств.

Этот процесс является публичным процессом в самом широком смысле этого слова, и я должен поэтому напомнить всем присутствующим в зале суда, что трибунал будет настаивать на полном соблюдении установленного порядка и принимать строжайшие меры для обеспечения этого.

Теперь, в соответствии с порядком, предусмотренным уставом трибунала, мне остается предложить огласить обвинительное заключение (оглашается по разделам поочередно представителями обвинения от США, Великобритании, Франции и СССР —

Прим. авт.

). В нем четыре пункта:

- участие в составлении и осуществлении заговора для совершения преступлений против мира;
- участие в планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны;

— военные преступления (преступления против норм международного права, относящихся к войне, особенно нарушения Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, а также Женевской конвенции об отношении с военнопленными);

— преступления против человечности.

Обвиняемые своим видом выражают кто равнодушие, кто беспокойство, кто несогласие или высокомерие. Бывший министр иностранных дел Иоахим Риббентроп при зачитывании разделов о жестокости и преступлениях против человечности лишается чувств. Рудольф Гесс читает книгу...

...Председатель: Ввиду того, что подсудимый Эрнст Кальтенбруннер в настоящее время болен, трибунал определил продолжать слушание дела о нем в его отсутствие на время его болезни.

Опрос подсудимых о признании или непризнании ими своей виновности

Из стенограммы Международного военного трибунала от 21 ноября 1945 г.

...Председатель: Теперь я буду опрашивать подсудимых, признают ли они себя виновными или не признают себя виновными в предъявленных им обвинениях. Они по очереди будут подходить к микрофону и говорить. Герман Геринг.

Герман Вильгельм Геринг: Прежде чем ответить на вопрос Высокого Суда, признаю ли я себя виновным...

Председатель: Я уже объявил о том, что подсудимым не разрешается делать заявления. Вы должны сказать, признаете ли себя виновным или нет.

Геринг: Я не признаю себя виновным в том смысле, как мне предъявлено обвинение.

Председатель: Рудольф Гесс.

Рудольф Гесс: Нет. Признаю себя виновным перед Богом.

Председатель: Это является признанием себя невиновным. (Смех в зале.)

Если в зале суда будет какой-нибудь шум, все, кто нарушают порядок, должны будут оставить зал суда. Иоахим фон Риббентроп.

Иоахим фон Риббентроп: Я не признаю себя виновным в том смысле, как предъявлено мне обвинение.

Председатель: Вильгельм Кейтель.

Вильгельм Кейтель: Не признаю себя виновным.

Председатель: В отсутствие Эрнста Кальтенбруннера судебное дело будет продолжаться против него, но у него будет возможность ответить на вопрос, признает ли он себя виновным, когда он будет достаточно хорошо себя чувствовать для того, чтобы быть доставленным в зал.

Никто из подсудимых не признал себя виновным.

Джилберт, судебный психолог, который обязан был поддерживать контакты с подсудимыми, передал каждому подсудимому копию обвинительного заключения и попросил их высказать свое мнение о нем. Вот что они написали после официального ответа:

«Не виновен».

Геринг: «Победители всегда будут судьями, а побежденные — обвиняемыми».

Риббентроп: «Обвинение предъявлено не тому, кому следует».

Гесс: (написал по-английски): «Не могу вспомнить».

Кальтенбруннер: «Не считаю себя виновным в каких-либо военных преступлениях. Я исполнял лишь свой долг как руководитель разведки и отказываюсь выступать в качестве замены Гимmlера».

Розенберг: «Я отвергаю обвинение в заговоре (против мира.—

Прим. авт.

). Антисемитизм был только мерой защиты».

Франк: «Я рассматриваю этот процесс как божьей волей мировой суд, которому предстоит провести расследование и положить конец страшной эпохе страданий под властью Адольфа Гитлера».

Фрик: «Все обвинительное заключение держится на предположении о несуществующем заговоре».

Заукель: «Пропась между идеалами социальной общности, которые я представлял себе и защищал как бывший моряк и рабочий, ужасы концентрационных лагерей глубоко потрясли меня».

Шпеер: «Процесс необходим. Коллективная ответственность за такие ужасающие злодеяния существует даже при системе диктатуры».

Шахт: «Совершенно не могу понять, почему я в числе обвиняемых».

Функ: «Никогда в жизни я не делал ничего, что могло бы послужить поводом для такого обвинения. Если за действия, о которых говорится в обвинении, меня сделали виновным по ошибке или непреднамеренно, то моя вина — это человеческая трагедия, а не злодеяние».

Папен: «Обвинение ужаснуло меня по причине: 1) безответственности, с которой ввергли Германию в эту войну и всемирную катастрофу; 2) массы преступлений, совершенных некоторыми моими соотечественниками. Это последнее с психологической точки зрения трудно понять. Думаю, главная вина — в языческом духе и годах тоталитарной системы. То и другое сделало Гитлера в последние годы патологическим лгуном».

Нейрат: «Я всегда был противником вынесения наказания, если не предоставлена возможность защищаться».

Ширах: «Источником несчастья была расистская политика».

Зейсс-Инкварт: «Питаю надежду, что это последний акт трагедии второй мировой войны».

Штрейхер: «Этот процесс является триумфом всемирного еврейства».

Кейтель: «Для солдата приказ есть приказ!»

Иодль: «Сожалею, что обоснованное обвинение смешано с политической пропагандой: ни один из разделов обвинения ни в малейшей степени меня не касается. Типичный пример американского юмора».

Фриче: «Это самое страшное обвинение во все времена. Одна только вещь может быть еще хуже: обвинение, которое предъявит германский народ за то, что злоупотребили его идеализмом».

Здесь недостает заявления Редера (адмирал, предшественник Деница). Редер, привезенный в Нюрнберг прямо из советского плена, отказался давать какие бы то ни было показания, устные или письменные.

Наши доказательства будут ужасающими, и вы скажете, что я лишил вас сна.

Главный обвинитель от США Р. Х. Джексон

Деятельность комитета обвинителей

Для координации действий главных обвинителей на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников был учрежден комитет обвинителей. В его состав входили главные обвинители от СССР, Англии, США и Франции или их заместители.

В начальный период комитет главных обвинителей, по предложению Х. Шоукросса, работал в Лондоне. За две недели до назначения главным обвинителем он стал генеральным прокурором Англии и не мог длительное время отсутствовать в Лондоне.

Согласно статье 15 устава к числу обязанностей главных обвинителей относятся:

- а) расследование, собирание и представление до или во время судебного процесса всех необходимых доказательств;
- б) производство предварительного допроса всех необходимых свидетелей и подсудимых;
- в) производство других действий, которые окажутся необходимыми в целях подготовки дела и производства суда.

Статья 16 устава, устанавливающая для подсудимых процессуальные гарантии, обеспечивающие справедливый суд над ними, предусматривает следующие обязательные нормы:

- а) при любом предварительном допросе и на суде подсудимый имеет право давать любые объяснения по обстоятельствам выдвинутых против него обвинений;
- б) предварительный допрос подсудимого и судебное заседание будут вестись или переводиться на язык, который подсудимый понимает.

Таким образом, согласно уставу Международного военного трибунала главным обвинителям представлялось право собирать доказательства обвинения и до судебного процесса. Кроме того, необходимо было разработать регламент трибунала, подготовить и принять обвинительное заключение.

На Нюрнбергском процессе основными видами доказательств, которые представлялись обвинением, являлись документы, показания подсудимых и свидетелей.

Задача советского обвинения в значительной мере облегчалась наличием обширных материалов, собранных в ходе самой войны Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Эта комиссия учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР 2 ноября 1942 г. и к моменту процесса над главными немецкими военными преступниками располагала огромным количеством документальных доказательств.

При каждом обвинителе был создан свой аппарат.

Советская часть обвинения строилась по следующему принципу: главный обвинитель, его заместитель, помощники, консультанты, секретариат, следственная часть, документальная часть, бюро переводов, пресс-бюро, административно-хозяйственная служба и служба связи. Следственную часть, в которую входили П. И. Гришаев, Н. А. Орлов, С. К. Пирадов, С. Я. Розенблит, Б. А. Соловов, возглавлял Г. Н. Александров; документальной руководил помощник главного обвинителя Д. С. Карев. Научным консультантом советской части трибунала был профессор А. Н. Трайнин.

В процессе работы советские следователи обнаружили ряд особо ценных документов, в том числе и подлинный план «Барбаросса», представлявший собой законченную разработку плана военного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Советское обвинение представило 520 документов, из которых более 60 составляли акты и сообщения Чрезвычайной государственной комиссии и приговоры по делу военных преступников, совершавших свои злодеяния на территории Харьковской, Краснодарской, Смоленской, Брянской, Орловской, Николаевской, Ленинградской и других областей.

Большое место занимали фото- и кинодокументы, в том числе отснятые самими нацистами. В частности, был представлен фашистский фильм о разрушении чехословацкого селения Лидице, документальные фильмы о преступлениях в Освенциме, Майданеке, о разрушении Смоленска,

уничтожении памятников культуры и искусства, фотодокументы о военных преступлениях в Латвии, во Львове.

Американская часть обвинения состояла из двух отделов — документального и следственного. В ходе процесса был создан специальный отдел возражений защите.

Начальником документального отдела стал полковник Роберт Стори, юрист по образованию и профессии. Его штаб-квартира находилась сначала в Париже, а затем в Нюрнберге.

Начальником следственной части был бывший специальный помощник генерального прокурора США полковник Д. Х. Эмен, который руководил расследованием среди военнопленных и допросами главных военных преступников. Всего в аппарате главного обвинителя от США работало около трехсот пятидесяти оперативных и технических сотрудников. Роберт Джексон имел шесть заместителей и шестнадцать помощников.

Английская и французская части обвинения уступали по своему составу американской и советской делегациям.

Правительства Польши, Чехословакии и Югославии, присоединившиеся к соглашению 8 августа 1945 г., собрали и передали комитету обвинителей много важных доказательств. Большая работа по сбору и систематизации документальных доказательств была проделана также обвинителями США. Обнаруженные ими документы доставлялись в специальные центры, созданные при каждой американской армии. Настойчивые поиски документов гитлеровской Германии объяснялись не столько стремлением тщательно подготовить Нюрнбергский процесс, сколько желанием получить ценную информацию военного, экономического и разведывательного характера. Именно поэтому помощником Р. Джексона был назначен глава разведывательной службы США У. Донован.

Отобранные в армейских центрах документы пересылались в главный аппарат обвинения США (первоначально он помещался в Париже и возглавлялся полковником Р. Стори, отсюда шифр на многих документах, предъявлявшихся трибуналу: — P5 — Париж, Стори).

Отступая под сокрушительными ударами доблестной Советской Армии, гитлеровские заправилы эвакуировали значительную часть наиболее ценных архивов на территорию Западной Германии, поэтому они и были захвачены англо-американскими войсками.

В распоряжении главного обвинителя от США оказалось значительное количество весьма ценных документальных доказательств, большинство обвиняемых и основная часть свидетелей из числа фашистских главварей.

Более 485 тонн (!) бумаг из архивов нацистского МИДа было захвачено только одной американской армией: во Фленсбурге — архив ОКВ, в Марбурге — архив МИДа. В Баварских Альпах найдены важнейшие документы главного командования воздушным флотом, которым руководил Геринг. В Восточной Баварии, в одном из старых замков, за фальшивыми стенами был обнаружен архив Розенберга, включая его дневники и переписку по делам нацистской партии. В Оберзальцбурге был выявлен архив адъютанта Гитлера — Шмутца, в котором находился план операции «Грюн» (захвата Чехословакии). В подвалах Государственного банка в Кёльне среди бумаг банкира К. фон Шредера были найдены письма на имя Гиммлера от 27 августа и 21 сентября 1943 г., изобличающие немецких промышленников в соучастии в военных преступлениях.

Перед советским обвинением стояла задача максимального использования всех этих документальных материалов.

После отбора нужных и важных документов для обвинителей работа только начиналась. Эти документы необходимо было заверить, составить протокол о месте и способе их обнаружения, перевести на три языка (русский, английский, французский), затем заверить правильность перевода.

Для включения в число вещественных доказательств процесса требовалось еще шесть других документов. Затраты только на эту часть работы составляли около пяти миллионов долларов США.

В ходе войны и в первые месяцы после нее были арестованы многие военные преступники. 11 апреля 1945 г. близ Стокхаузена (Вестфалия) лейтенант 9-й американской армии Т. Мак-Кинли с группой солдат арестовал бывшего посла в Вене и Турции, одного из организаторов захвата власти Гитлером Франца фон Папепа.

2 мая подразделением 7-й армии США был арестован Фрик, бывший имперский министр внутренних дел, имперский протектор Богемии и Моравии.

4 мая заместитель Геббельса Фриче, возглавлявший радиопропаганду в нацистской Германии, был вызван в штаб маршала Г. К. Жукова для опознания трупа Геббельса, после чего арестован. Советской военной администрацией арестован и гросс-адмирал Редер, бывший главком военно-морских сил.

6 мая 1945 г. 30-я пехотная дивизия США арестовала Франка, баварского министра юстиции, генерал-губернатора Польши. При аресте он пытался покончить жизнь самоубийством, вскрыв артерию, но ему помешали. В этот же день во французской зоне оккупации был арестован фон Нейрат, бывший министр иностранных дел Германии, протектор Богемии и Моравии.

7 мая канадцы задержали подводную лодку, на борту которой они обнаружили Зейсс-Инкварта, бывшего имперского наместника Австрии, а затем Нидерландов. Добровольно явился к американцам министр вооружений, близкий друг Гитлера Шпеер, передавший им все, чем располагал — материалы, касающиеся военного производства Германии.

11 мая в Берлине арестован Функ, бывший имперский министр экономики, президент рейхсбанка, ближайший помощник Шахта. В Австрии, в Тироле, 15 мая был схвачен бывший начальник главного имперского управления безопасности Кальтенбруннер — ближайший помощник Гимmlера.

16 мая в Баварских Альпах арестован бывший глава так называемого германского трудового фронта и организатор центральной инспекции по наблюдению за иностранными рабочими Лей.

19 мая во Фленсбурге 11-й английской армией был схвачен Розенберг, бывший имперский руководитель нацистской партии по вопросам идеологии и внешней политики, имперский министр по делам оккупированных восточных территорий.

Заигрывание западных держав с Деницем и его «правительством», попытка использовать эту клику для создания государственной администрации послевоенной Германии вызвали решительный протест со стороны правительства Советского Союза. В результате западные державы вынуждены были отказаться от планов, связанных с «правительством» Деница.

21 мая ставка Деница была распущена.

23 мая частям 7-й армии США удалось захватить близ Берхтес-гадена Штрейхера, идеолога антисемитизма, одного из организаторов фашистской партии.

3 июня в Тироле был арестован скрывавшийся на ферме под чужим именем фон Ширах — организатор и руководитель гитлерюген-да, рейхсляйтер фашистской партии, имперский наместник Вены.

14 июня 21-я английская армейская группа задержала в Гамбурге Риббентропа, бывшего министра иностранных дел и генерала войск СС. 21 июля в своем поместье был арестован Густав Крупп, глава концерна «Фридрих Крупп», бывший президент имперского объединения германской промышленности.

Таким образом, к середине июня 1945 г. большинство главных военных преступников находилось в руках союзников.

Делегация от США считала, что допросы находившихся в ее распоряжении подсудимых и свидетелей должны производить только американские следователи. Но советская делегация настояла на том, чтобы советским следователям было предоставлено право допроса всех подсудимых до суда, а также право допроса всех необходимых свидетелей. Это законное требование советского обвинения было удовлетворено.

Были изучены и подготовлены для использования во время допросов сотни различных документов, произведена классификация и подборка этих документов по отдельным подсудимым, изучены протоколы допросов, производившихся американскими следователями, основные «литературные произведения» фашистских главарей вроде «Майн кампф», «Миф XX века» и т. д. Наконец, разработаны подробные перечни вопросов, которые должны были быть положены в основу допросов подсудимых. Перед советскими следователями стояла задача выяснить во время этих допросов линию поведения и отношение подсудимых к важнейшим и основным вопросам, представлявшим интерес для советского обвинения.

Все допросы стенографировались, причем в ряде случаев велись параллельные стенограммы на русском и немецком языках.

Об участии обвинителей в допросах подсудимых и их свидетелей говорят следующие данные:

подсудимые свидетели

от СССР

16

14

от США

14

23

от Великобритании

10

20

от Франции

4

5

* * *

Во время судебного следствия комитет обвинителей принимал меры к пресечению попыток подсудимых и их защитников затянуть процесс. Одним из их тактических приемов были ходатайства о вызове множества свидетелей. По инициативе главного обвинителя от СССР комитет обвинителей обратился к трибуналу со специальным меморандумом, в котором указал, что «подсудимые и их защитники используют в ущерб делу предусмотренные уставом права подсудимых и заявляют многочисленные ходатайства о вызове свидетелей, которые по существу дела ничего показать не могут, а вызов их приведет лишь к неоправданной задержке процесса».

Обвинение просило пересмотреть решение о вызове свидетелей защиты, и трибунал удовлетворил его ходатайство.

Главные обвинители выступали на процессе с речами — вступительными и заключительными, допрашивали подсудимых, наиболее важных свидетелей, участвовали в решении всех существенных процедурных вопросов.

Кроме главных обвинителей, на процессе поддерживали обвинение (представляли доказательства, допрашивали свидетелей и подсудимых) заместители и помощники главных обвинителей.

Надо отметить, что советские обвинители представляли доказательства не только по преступлениям, совершенным против СССР, но и против Чехословакии, Польши, Югославии, Греции. Кроме того, советский обвинитель Л. И. Смирнов представлял доказательства о преднамеренном убийстве 50 пленных офицеров британского воздушного флота, бежавших в марте 1944 года из лагеря (их расстреляли после поимки по прямому приказу Гитлера).

Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко допросил подсудимых: Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга и Фриче; его заместитель Ю. В. Покровский — Йодля, Деница и Редера; помощник главного обвинителя М. Ю. Рагинский — Функа, Шпеера и Нейрата; помощник главного обвинителя Л. Н. Смирнов — Кальтенбруннера и Франка; руководитель следственной части Г. Н. Александров — Шираха и Заукеля.

Выступает помощник главного обвинителя Н. Д. Зоря (стенограмма заседаний трибунала от 11, 12, 13 февраля 1946 года). Он представляет доказательства агрессии против Советского Союза, организованной военными преступниками, сидящими на скамье подсудимых.

«...Я представляю заявление Паулюса, датированное 9 января 1946 г. и написанное в лагере военнопленных под номером СССР-156, и прошу принять его заявление в качестве доказательства».

К микрофону подходит защитник Кейтеля Нельте.

Нельте:

Господин председатель, ...это заявление не является показанием, данным под присягой, которое могло бы быть допущено в качестве доказательства.

Председатель

(обращается к генералу Зоря): Не хотите ли вы ответить на то, что сказал доктор Нельте?

Зоря:

В соответствии с пожеланиями трибунала, высказанными на одном из предыдущих заседаний, советское обвинение приняло меры к тому, чтобы в распоряжение трибунала через генерального секретаря были представлены подлинники всех документов советского обвинения или документы, заверяющие подлинность этих документов с указанием места их нахождения...

В частности, то заявление Паулюса, на которое я собираюсь сослаться в некоторых частях моего выступления и о котором только что говорил председатель защиты, может быть проверено не позднее чем сегодня, когда Фридрих Паулюс будет доставлен в зал судебного заседания».

Для защиты это было полной неожиданностью.

Председатель:

Из того, что вы сказали, я понял вас так, генерал, что поскольку это касается фотокопии заявления фельдмаршал-ла Паулюса, то согласно желанию трибунала будет представлено удостоверение о том, что фотостат является копией подлинника, а что касается вопроса о вызове свидетелей, которые могут дать очень важные показания, то фельдмаршал Ф. Паулюс будет вызван как свидетель для того, чтобы защита подвергла его перекрестному допросу. Я думаю, что ответ на ваше возражение удовлетворяет вас, доктор Нельте?

Поняв, что Паулюс может быть вызван для допроса в суд, защитник по существу отказался от допроса свидетеля Паулюса в суде.

Нельте:

Следует предпочитать личный допрос заявлениям, но если это невозможно по причинам, о которых судить мы не можем, то защита не очень заинтересована в формальностях и хочет лишь иметь материальные доказательства. Если советское обвинение в этой области сможет помочь нам, то мы будем ему очень благодарны.

Председатель:

Вы можете продолжать, генерал.

Зоря:

Я думаю, что значительную помощь могут оказать в нашем исследовании показания Фридриха Паулюса...

(Объявляется перерыв до 14.00 часов).

Необходимо отметить, что Р. А. Руденко действовал на опережение. Он, предвидя реакцию защитников, летал на рождественские каникулы в Москву, чтобы допросить Ф. Паулюса.

Больше того, фельдмаршала Паулюса доставили из Москвы в Берлин, а затем тайно — в Нюрнберг.
После объявленного перерыва состоялся допрос свидетеля Паулюса.

Из заседания Международного военного трибунала

11 и 12 февраля 1946 г.

Руденко:

Как и при каких обстоятельствах было осуществлено вооруженное нападение на Советский Союз, подготовленное гитлеровским правительством и верховным командованием немецких войск?

Паулюс:

Нападение на Советский Союз состоялось, как я уже говорил, после длительных приготовлений по строго обдуманному плану, который тщательно скрывался. Войска, которые должны были осуществить нападение, располагались в глубине стратегического плацдарма. Только по особому распоряжению они были поэтапно выведены на исходные позиции и затем одновременно выступили по всей линии фронта — от Румынии до Восточной Пруссии. Это не коснулось только финского театра действий.

Так же тщательно, как был продуман и проанализирован оперативный план, произведен анализ наступления в штабах групп армий, армий, корпусов и дивизий в ходе ряда военных игр. Результаты этого анализа были еще задолго до начала войны зафиксированы в соответствующих приказах, которые касались всех деталей наступления. Был организован очень сложный обманный маневр, который был осуществлен из Норвегии и с французского побережья. Эти операции должны были создать в июне 1941 года видимость операций, намечаемых против Англии, и тем самым отвлечь внимание от Востока. Однако не только оперативные неожиданности были предусмотрены. Были также предусмотрены все тактические возможности ввести в заблуждение противника. Так, например, было запрещено производить явную разведку на границе, тем самым допуская возможные потери во имя достижения внезапности нападения. С другой стороны, это означало, что не существовало опасений, что противник внезапно попытается перейти границу. Все эти мероприятия говорят о том, что здесь речь идет о преступном нападении.

Руденко:

Как вы определяете цели нападения Германии на Советский Союз?

Паулюс:

Конечная цель нападения, заключавшаяся в выходе на линию Волга — Архангельск, превышала силы германской армии. И эта цель характеризует не знавшую пределов захватническую политику Гитлера и нацистского руководства.

Со стратегической точки зрения достижение этой цели означало бы, по их мнению, уничтожение Вооруженных Сил Советского Союза и покорение главных областей Советской России, в том числе столицы Москвы, политического и экономического центра Советской России.

Экономический захват линии Волга — Архангельск означал бы обладание важнейшими источниками продовольственного снабжения, важнейшими полезными ископаемыми, включая нефтяные источники Кавказа, а также важнейшими промышленными центрами России и далее — центральной транспортной сетью европейской части России.

Насколько важно было для Гитлера в этой войне осуществление экономических целей, можно судить по тому примеру, который я лично знаю. 1 июня 1942 г. по случаю совещания командующих в рамках группы армий «Юг» в районе Полтавы Гитлер заявил: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, тогда я должен буду покончить с этой войной». Для эксплуатации и администрирования захваченных территорий все экономические и административные организации и учреждения были созданы еще до начала войны. В заключение я хотел бы сказать: указанные цели означали завоевание с целью колонизации русских территорий, эксплуатация и ресурсы которых должны были дать возможность завершить войну на Западе с той целью, чтобы окончательно установить господство Германии в Европе.

Из числа подсудимых, насколько я их здесь вижу, хочу назвать следующих важнейших советников Гитлера: Кейтеля, Йодля, Геринга — в качестве главного маршала и главнокомандующего военновоздушными силами Германии и уполномоченного по вопросам вооружения.

Руденко:

Заканчивая допрос, я резюмирую. Правильно я заключил из ваших показаний, что еще задолго до июня гитлеровское правительство и верховное главнокомандование германских вооруженных сил планировали агрессивную войну против Советского Союза с целью колонизации территорий Советского Союза?

Паулюс:

В этом нет никаких сомнений, если судить по тем событиям, о которых я рассказал здесь, а также иметь в виду те директивы, которые содержатся в знаменитой Зеленой папке.

Руденко:

У меня нет более вопросов, господин председатель.

Показания Паулюса разнесли в пух и прах версию о превентивном характере войны против СССР. Обычно защитники торопились к перекрестному допросу, если он давал хотя бы какие-то контршансы. Но в тот раз и адвокатов, и скамью подсудимых как бы охватила прострация. Однако порядок есть порядок. После того, как с трибуны ушел советский обвинитель, председательствующий обращается к защите с предложением начинать перекрестный допрос. Доктор Латерзнер медленно поднимается со своего места. На его лице никаких следов энтузиазма. Обращаясь к Лоуренсу, он заявляет: «Господин председатель, я прошу дать мне возможность в качестве защитника генерального штаба поставить вопрос свидетелю завтра, во время утреннего заседания. Свидетель появился крайне неожиданно, во всяком случае, для защиты»...

Но и перерыв ничего не дал защите. Показания фельдмаршала Паулюса прозвучали как удар гонга на ринге, возвещающий о совершенно беспорном нокауте.

Необходимо отметить глубоко аргументированные эмоциональные речи Р. А. Руденко. Главный обвинитель от СССР начал 8 февраля свое выступление с характеристики значения процесса и его правовых особенностей.

— Я приступаю к своей вступительной речи,— сказал он,— завершающей первые выступления главных обвинителей на данном процессе, с полным сознанием его величайшего исторического значения. Впервые в истории человечества правосудие сталкивается с преступлениями такого масштаба, вызвавшими такие тяжелые последствия. Впервые перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений. Гитлеризм навязал миру войну, которая принесла народам неисчислимы бедствия и безмерные страдания.

Миллионы людей пали жертвами войны, которую зажгли гитлеровские разбойники, возмечтавшие о покорении демократических стран и установлении гитлеровской тирании в

Европе и во всем мире. Пришел день, когда народы мира требуют справедливого возмездия и суровой кары для гитлеровских палачей, требуют сурового наказания преступников. Этого выступления давно ждали в Нюрнберге, в нашей стране, в других государствах. В Советском Союзе народы видели надежного гаранта того, что реакции не удастся свернуть ход процесса с правильного пути, что многолетнее ожидание человечества покарать нацистских агрессоров станет реальностью.

— Советский народ, — подчеркнул Р. А. Руденко, — на полях битв, невиданных по своим масштабам и ожесточению, стойко и мужественно защищал и защитил честь, свободу и независимость своей Родины и вместе с войсками союзных наций избавил свободолюбивые народы мира от страшной опасности фашистского порабощения.

Строгую по форме, яркую по содержанию и неотразимую по убедительности речь наш представитель закончил так:

— От имени Советского Союза я предъявляю подсудимым обвинение по всем пунктам ст. 6 устава Международного военного трибунала. Вместе с главными обвинителями Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции я обвиняю подсудимых в том, что они подготовили и осуществили вероломное нападение на народы моей страны и все свободолюбивые народы.

Во имя священной памяти миллионов невинных жертв фашистского террора, во имя укрепления мира во всем мире, во имя безопасности народов в будущем — мы предъявляем подсудимым полный и справедливый счет. Это счет всего человечества, счет воли и совести свободолюбивых народов. Пусть свершится правосудие!

Такой же яркой, убедительной была и заключительная речь советского главного обвинителя.

— Моей речью заканчиваются выступления обвинителей. Выступая на этом суде от имени народов Союза Советских Социалистических Республик, я считаю полностью доказанными все обвинения, предъявленные подсудимым. И во имя подлинной любви к человечеству, которой исполнены народы, принесшие величайшие жертвы для спасения мира, свободы и культуры, во имя памяти миллионов невинных людей, загубленных бандой преступников, представших перед судом передового человечества, во имя счастья и мирного труда будущих поколений я призываю суд вынести всем без исключения подсудимым высшую меру наказания — смертную казнь. Такой приговор будет встречен с удовлетворением всем передовым человечеством. Обвинение выполнило свой долг перед высоким судом, перед светлой памятью невинных жертв, перед совестью народов, перед своей собственной совестью.

Да свершится же над фашистскими палачами Суд Народов — суд справедливый и суровый.

Прогрессивные люди всех континентов с большим удовлетворением восприняли выступления главного обвинителя от Советского Союза.

Весьма актуально звучит и сегодня многое из того, что говорилось на Нюрнбергском процессе.

О переводчиках

Среди сложных технических вопросов, возникших при организации процесса, не последнее место занял вопрос о языке. Официальными были признаны три языка: русский, английский и французский. Но процесс должен был вестись и на языке, доступном подсудимым, то есть на немецком.

В Нюрнберге впервые применялся синхронный перевод. Подсудимые бились за каждое слово, так как от него зависела их жизнь.

Переводчица Наталья Лебедева вспоминала: «Это был настолько изнуряющий труд, что только молодой организм, да и то с огромным трудом, мог выдержать его. Замечательный переводчик А. Каминкер (к слову, отец Симоны Синьоре), имевший большой опыт работы в Лиге Наций, говорил на одном из заседаний до начала процесса, что это выше человеческих сил — перевод такого трудно воспринимаемого на слух материала со множеством сугубо специальных терминов из области экономики и права, медицины и дипломатии, военной техники и физиологии, да еще в крайне нервной обстановке. Каждый день полтора часа синхронного перевода... На различных съездах и конференциях предельная норма синхронного перевода много меньше -

15 минут. Считается, что за такой срок при таком напряжении мозг отдает всю заключенную в нем энергию, и потом требует восстановления. Но советские переводчики после смены в зале

заседаний направлялись не на отдых, а приступали к обработке стенограмм. Требовалось обеспечить аутентичность перевода на четырех рабочих языках, унифицировать терминологию. Работали по 15-16 часов в сутки. Когда я приехала домой, родные не узнавали меня — кожа да кости:

— Ты где была — в Нюрнберге или Освенциме? — спрашивали они».

Советская группа переводчиков состояла из сорока человек, а американская — из более чем шестисот человек, хотя объем работы был примерно одинаков.

На каждом кресле в зале была коробочка с номерами. Всего цифр было пять. Третий номер — русский текст. Одеваешь наушники, ставишь стрелку на третий номер и синхронно слушаешь процесс. Например, англичанин спрашивает подсудимого: «Вы подписывали этот приказ?» Наш переводчик с английского на русский говорит в микрофон: «Вы подписывали этот приказ?». Немец отвечает: «Нет, не подписывал». Наш переводчик с немецкого на русский переводит ответ. Все техническое оснащение процесса, его эффективность и точность вызывали искреннее восхищение. Продуманно было даже то, чтобы, к примеру, с немецкого на английский переводил один переводчик, а с английского на немецкий — другой.

В немецкую стенограмму включался текст всех документов на языке их оригинала, даже если они были оглашены прокурором на другом языке.

Кроме блестящих знаний языка синхронный перевод требовал максимального напряжения, так как каждое слово переводчика стенографировалось и записывалось на магнитную ленту.

Помимо того, делалась запись на диски, что исключало возможность перемонтировать ленту.

От правильности перевода зависел нормальный ход допросов и выступлений на процессе.

Советские переводчики успешно справились с обеспечением работы трибунала квалифицированным переводом. Было сделано все, чтобы полностью зафиксировать ход исторического процесса в форме бесспорно неопровержимого документа.

На Нюрнбергском процессе синхронными переводчиками с немецкого языка на русский работали Е. А. Гофман, С. И. Дорофеев, Т. Ю. Соловьева, Е. Е. Стенина (Щемилева), Т. С. Ступникова.

Синхронный перевод с английского языка осуществляли И. М. Ку-лаковская, Э. М. Мамедов, Т. А. Рузская, О. А. Трояновский.

Синхронный перевод с французского вели Н. Л. Еселева, Н. В. Орлова, М. А. Соболева (Бердникова), К. Ф. Стариков, К. В. Цуринев.

Этим людям обязаны советские историки, экономисты, философы, юристы, которые могут изучать документы Нюрнбергского трибунала.

О. А. Трояновский знал несколько иностранных языков. Его рабочее место находилось за судейским столом, обеспечивая контакт советских судей с судьями других государств, вершивших суд в Нюрнберге. Он участвовал во всех закрытых судебных совещаниях.

А. И. Полторак с большой теплотой отзывался о советских переводчиках. Он благодарил Лену Дмитриеву и Нину Орлову, которые на протяжении всего процесса работали с Р. А. Руденко и И. Т. Никитченко. Они своей работой много сделали для установления хороших деловых отношений между руководителями делегаций. По переводу документов большую работу проделали Т. Г. Назарова, Н. Ю. Топуридзе, Г. Н. Цыганова.

Как-то я прочитал в одной из газет воспоминания одного «переводчика» на Нюрнбергском процессе. Не буду называть солидную газету, которая поместила эти воспоминания, а тем более автора этих «воспоминаний». Сплошная чушь! Он пишет, что один наш переводчик сидел за столом, а двое прятались... под ним. Это бред!

Синхронный перевод был организован так: рядом со скамьей подсудимых располагались четыре стеклянные кабины. В них размещались от каждой страны по три переводчика. Каждая группа переводила с трех языков на свой родной — четвертый. И, конечно, никто под столом не прятался.

К тому же автор «воспоминаний» утверждает, что он окончил трехмесячные курсы переводчиков с немецкого языка и его с ходу командировали в Нюрнберг.

В составе делегаций США, Англии и Франции было на службе большое количество русских эмигрантов. Переводчиком во французской делегации был Лев Толстой — внучатый племянник великого писателя. Ему было в то время лет 30-35. Русскую секцию американских переводчиков возглавляла княгиня Татьяна Трубецкая. Они тянулись к нашим переводчикам.

По просьбе русских переводчиков из зарубежных делегаций им показали документальный

фильм о преступлениях нацистов на советской земле. Волнение зрителей было неопишным. Они общались с нашими переводчиками и порой помогали, если тем приходилось трудно.

Немного статистики

Союзники обнаружили и захватили 1 100 тонн немецких документальных материалов. Было прочитано, проанализировано тридцать миллионов страниц. Трибунал рассмотрел более пяти тысяч подлинных документальных доказательств.

За время процесса было изготовлено более 30 тысяч фотокопий документов. Написано свыше 5 миллионов страниц печатного материала. Израсходовано 200 тонн бумаги, 27 тысяч метров звуковой пленки.

Стенограмма каждого судебного заседания дублировалась звукозаписью, а затем с ней сверялся перевод.

Сотни километров пленки захваченных документальных фильмов были просмотрены. Многие из них доставлены в Нюрнберг в качестве доказательств.

В Нюрнберг был доставлен и личный фотограф Гитлера, а также более 20 тысяч фотографий, около двух тысяч из них отобрано для использования в качестве доказательств. Анализируя это огромное количество документов, Нюрнбергский трибунал провел патологоанатомическое вскрытие преступной политики фашистской Германии.

Штат трибунала — 3200 человек. Американская делегация насчитывала более тысячи человек, советская — около двухсот человек.

Всего за время работы трибунала состоялось 403 открытых заседаний, по два ежедневно — утреннее (с 10 до 13 часов) и дневное (с 14 до 17 часов). Иногда заседания проводились в субботние и воскресные дни.

Скамья подсудимых полна и без Гитлера.

В лицах, вернее, в мордах, здесь представлен весь германский фашизм...

Все, что есть самого отвратительного, самого дикого, самого преступного, собрано на скамье подсудимых в Нюрнберге.

Журналист Давид Заславский

9

Скамья подсудимых

Все, кто присутствовал на процессе, часто задумывались над тем, как могли эти выродки погубить десятки миллионов людей, превратив Европу в развалины и кладбища.

Есть что-то ужасающее в том, что эти люди сумели создать и организовать массовое движение, миллионную партию, завладеть большим государством, что их лозунги, идеи и действия с энтузиазмом одобряли миллионы людей, что их «новый порядок» должен был быть навязан всей Европе.

И. Г. Эренбург в книге «Люди, годы, жизнь» пишет:

«Я не раз думал, сидя на Нюрнбергском процессе, до чего это страшно. Ведь весь мир знал: есть Геринг. А что он собой представляет? Пошлый жуир, карьерист, бесчестный делец, ничтожество и, вместе с тем, он — один из главных виновников убийства пятьдесят миллионов людей.

А я теперь думаю и не могу понять, почему в центре внимания всего человечества оказались взбесившиеся обыватели: «Гитлер сказал», «Геринг не согласен», «Риббентроп предлагает»

...Судьям было не трудно разобраться. Состав преступления был «на лице». А мы, писатели, хотели понять другое — как эти люди стали такими, способными на все то, о чем шла речь, и как могли другие люди беспрекословно выполнять их прихоть. Хотели понять и не могли». Все честные люди планеты Земля были убеждены, что все они — Гитлеры, только с другими именами. Они все отвечают за преступления, которые совершил гитлеровский режим.

Нацист № 2

Вина Геринга не имеет себе равных по своей чудовищности.

(Из приговора Международного военного трибунала)

Первым шагом Геринга на пути к виселице стала его встреча с Гитлером в Мюнхене. Это произошло в 1922 году.

Геринг вспоминает: «Он сразу принял меня, и после того, как я представился, сказал: «Какой это поворот судьбы, что мы встретились!». Мы стали говорить о поражении Германии и несправедливом Версальском договоре. Я протянул ему руку и сказал, что я веряю ему судьбу, к лучшему или худшему. на хорошие времена и плохие. Даже если это будет стоить мне жизни».

Эта встреча впоследствии стоила жизни не только Герингу, но и пятидесяти миллионам человек, погибшим в застенках, концентрационных лагерях, на полях сражений во второй мировой войне.

О «пивном путче» написано много. На второй день неудавшегося государственного переворота Геринг был ранен в пах. Он долго лежал на мостовой, истекая кровью. Его подобрала и внесла в дом семья торговца мебелью. Эта еврейская семья оказала ему помощь и отправила ночью к знакомому профессору. После провала путча Геринг бежит за границу.

Вернувшись на родину, он становится ближайшим соратником Адольфа Гитлера. Именно Геринг помог Гитлеру захватить власть в стране и превратить Германию в средневековую тюрьму.

На процессе Геринг утверждал, что он не знал о злодеяниях, которые творили Гитлер и Гиммлер, что он не участвовал в «окончательном решении еврейского вопроса». Больше того, он пытался убедить судей, что даже... спасал евреев от неминуемой гибели.

Он действительно спас нескольких евреев, но по его приказам были уничтожены сотни тысяч, миллионы евреев.

Когда фашисты пришли к власти и приступили к решению «еврейского вопроса», Геринг вспомнил о еврейской семье, которая спасла ему жизнь в дни «пивного путча». По его распоряжению всем членам этой семьи были оформлены соответствующие документы, и они благополучно эмигрировали из Германии.

Еще один пример. У заместителя Геринга Мильха отец был евреем. Кто-то донес об этом Герингу. Геринг ответил: «В моем штабе я сам решаю, кто еврей, а кто нет». В Берлин была вызвана мать Мильха, которую уговорили ради сына оговорить себя и опорочить мужа. Фрау Мильх дала у нотариуса клятвенное заявление, что во время своего замужества имела тайную связь с неким бароном фон Биром и от него родила сына.

«Раз уж мы забираем у Мильха настоящего отца, — усмехнулся Геринг, — пусть получит взамен аристократа». Настоящее свидетельство о рождении было изъято и вместо него подшили новое, с указанием фамилии барона фон Бира в качестве отца Мильха.

30 июля 1941 года Гейдрих представил на подпись Герингу людоедский документ «об окончательном решении еврейского вопроса», то есть о физическом уничтожении евреев Европы. Геринг, твердо веривший, что победа над СССР уже предрешена, подписал этот документ. Он был уверен, что «расе господ» все дозволено.

Геринг — провокатор, садист, палач, высококлассный интриган. Его путь к вершинам власти и богатства был устлан трупами.

Ему, к примеру, становится известно, что руководитель трехмиллионного отряда СА Рэм мечтает о слиянии своих головорезов с рейхсвером и хочет стать во главе германских вооруженных сил. Это означало, что Геринг будет оттеснен на второй план. С подачи Геринга Гитлер принимает решение о ликвидации Рэма и его активных сторонников.

Гитлер с Розенбергом едут в Мюнхен, где Рэм был схвачен прямо в постели, доставлен в тюрьму и расстрелян.

Геринг расправляется с заговорщиками в Берлине. Устранение своего политического соперника он считал делом первостепенной важности. Ради этого стоило прикончить сотню-другую своих вчерашних друзей и сообщников. Эту кровавую бойню Геринг проводит под кодовым названием «ночь длинных ножей».

4

Министр обороны фон Бломберг был вдовцом и хотел жениться во второй раз на даме, социальная принадлежность которой была не ясна и у неё было «прошлое». Он понимал, что такой брак шокирует офицерский корпус с его строгими представлениями о социальном статусе жены фельдмаршала и одновременно министра обороны. Он неосторожно решился посоветоваться с Герингом, который не только поддержал его, но и помог сплавить одного неудобного соперника в Южную Америку. Когда 12 января 1938 года состоялось бракосочетание, Гитлер и Геринг присутствовали в качестве главных свидетелей. Вскоре после этого было сообщено, что жена фельдмаршала зарегистрирована в полиции как проститутка и имела судимость за позирование для порнографических открыток. Фон Бломберг и до этого был не популярен среди офицерства за его уступчивость по отношению к Гитлеру. При поддержке Геринга, действовавшего в качестве посредника, фон Фрич попросил о встрече с Гитлером, где высказал требование армии: фон Бломберг должен уйти. Гитлер охотно согласился на данное требование. После этого стал вопрос о преемнике фон Бломберга на постах военного министра и главнокомандующего вооруженными силами.

Очевидным кандидатом был фон Фрич, но против него настроены влиятельные деятели. Одним из них был Геринг, который сам хотел занять этот пост и сыграл свою провокационную роль, чтобы его заполучить. Геринг извлек на свет божий очередное полицейское досье вместе со свидетелем, чтобы доказать, что главнокомандующий армией был гомосексуалистом. Хотя к тому времени, когда было доказано, что все это дело относится к отставному кавалерист-скому офицеру по фамилии Фриш, а не фон Фричу, хитрость Геринга опять сработала.

5

Гитлер ликвидировал пост военного министра и сам стал верховным главнокомандующим всех вооруженных сил: армии, флота и авиации. Во главе штаба главнокомандующего (ОКВ) Гитлер назначил генерала Кейтеля. Бломберг называл Кейтеля «начальником своей канцелярии». А офицеры штаба называли его «Лакейтель». Когда Гитлеру об этом доложили, он ответил: «Вот такой мне и нужен!». Расчеты Геринга на пост военного министра не сбылись. Чтобы утешить его, Гитлер повысил Геринга в звании до фельдмаршала, что делало его старшим по званию военным в Германии. Для укрепления своей власти в армии Гитлер отправил на пенсию около двух десятков генералов, 44 генерала перевел на низшие должности, чтобы раз и навсегда офицеры и генералы запомнили, кто руководит не только страной, но и вооруженными силами Германии. После смерти Гинденбурга Геринг привел всех офицеров и солдат вооруженных сил к присяге не Германии, а... лично Гитлеру. В знак благодарности Гитлер издает два секретных указа. Согласно первому Геринг назначается заместителем фюрера. Согласно второму он провозглашается после смерти Гитлера его преемником. Геринг возглавил комитет по «четырёхлетнему плану». Он стал хозяином всей экономики страны, подчиненной гонке вооружений. В июле 1937 года Геринг создал концерн-гигант «Герман Геринг верке». На Геринга работало 600 тысяч рабочих.

Хапуга, сверхбогач (говоря современным языком — олигарх), собиратель драгоценностей, антиквариата, машин, лошадей, друг животных и убийца людей — таким был Герман Геринг. Купив поместье в 80 километрах от Берлина, он назвал его Ка-ринхолл (в память о первой жене Карин).

Во вновь построенном дворце вестибюль был шириной 50 метров и длиной 150 метров. Две гостиные — золотая и серебряная. Хрустальные люстры огромных размеров, золотые канделябры, ковры неслыханной ценности, многочисленные ванны, облицованные золотыми плитами. В аллеях на каждом шагу стояли мраморные статуи.

Со всей Европы в Каринхолл свозился антиквариат, старинные вазы и ковры, скульптуры, слоновая кость, золото, янтарь.

Секретарь Геринга фройлян Грудман вела учет всех сокровищ патрона. В этих книгах — нескончаемые списки «дарителей»: немцев и иностранцев, послов и шпионов, аристократов и министров, промышленников и банкиров, бургомистров всех немецких городов.

Нетрудно догадаться, что эти подарки были попросту взятками.

В домах, в которых жил Геринг, обязательно были клетки для львов. За 12 лет хапуга приручил 7 львов.

Особенно много времени он уделял своей внешности. Два раза в день менял военный костюм, а всего их у него было более сотни.

В главном здании министерства авиации 3000 комнат. Соединив четыре зала, Геринг оборудовал свой кабинет. Поверхность письменного стола составила пять квадратных метров.

Генерал-парашютист Рамке так описал встречу с Герингом в его дворце Каринхолле:

«Рейхсмаршал был в плаще до щиколоток из зеленого панбархата, расшитого золотом, благодаря пышным рукавам и сборкам плащ казался необъятным. Подпоясан Геринг был золотым поясом с золотыми кистями, обут в лаковые лодочки. Сильно напомаженные волосы и лицо довершали картину. Изумруды в золотых и платиновых кольцах, которыми были унижены толстые пальцы Геринга, он подобрал в тон своему плащу».

В публичных выступлениях Геринг требовал от немецкого народа жертв. Это он провозгласил печально знаменитый лозунг «Пушки вместо масла» и продолжал упрекать немцев: «Мы обросли жиром. у нас слишком большие животы. Я сам стал есть меньше масла и похудел на 20 килограммов».

...20 апреля 1945 г. в бункере имперской канцелярии Гитлер встречает 56-ю годовщину своего рождения. Его поздравляют соратники. А через несколько часов поздравители бегут из Берлина, как крысы с тонущего корабля.

Бежит и Геринг в южную Германию. Там после долгих тяжелых раздумий он решает совершить государственный переворот. Г. Гротов, автор книги «Герман Геринг — маршал рейха», пишет:

«Геринг по-прежнему испытывал нерешительность, его продолжали терзать сомнения.

..Наконец он решил отправить в Берлин телеграмму. Послание гласило:

«Мой фюрер! Ввиду Вашего решения оставаться на Вашем посту в берлинской твердыне согласны ли Вы, чтобы я немедленно принял общее руководство рейхом при полной свободе действий в стране и за ее пределами в качестве Вашего заместителя в соответствии с Вашим указом от 29 июня 1941 года? Если до 22 часов сегодня ответа не последует, я буду считать, что Вы утратили свободу действий и что возникли условия для вступления в силу Вашего указа, чтобы начать действовать в высших интересах нашего народа и фатерлянда. Вы знаете, какие чувства я испытываю к Вам в этот тяжкий час в моей жизни, я просто не способен найти слова, чтобы их выразить. Пусть бог хранит Вас и позволит, несмотря ни на что, прибыть сюда так скоро, как это будет возможно.

Преданный вам Герман Геринг»

Погруженный в апатию Гитлер на послание Геринга никак не отреагировал. Но через короткое время поступила новая телеграмма, на этот раз адресованная Риббентропу. Она имела своей целью разъяснить намерения Геринга и подчеркнуть их законность.

На этот раз Борман добился своего. Гитлер немедленно лишил Геринга права преемственности и обвинил его в предательстве национал-социализма и фюрера — текст соответствующей

ответной телеграммы Герингу поторопился подготовить Борман. Послание заканчивалось словами фюрера, что он воздержится от принятия каких-либо дальнейших мер, если Геринг уйдет в отставку со всех постов по состоянию здоровья. «Борману наконец удалось вывести Гитлера из состояния апатии, — пишет Шпеер, который наблюдал эту ситуацию вблизи. — Последовал приступ дикой ярости, в которой нашли выражение горечь поражения, собственное бессилие, жалость к себе и отчаяние.

Когда Гитлер велел Борману послать телеграмму Герингу, тот позаботился отправить два послания. Первое было от имени фюрера и извещало:

«Указ от 29.06.41 аннулирован моим специальным распоряжением. Свобода моих действий не вызывает сомнений. Запрещаю вам предпринимать в этом направлении любые шаги».

Второе послание Борман отправил по собственной инициативе двум старшим командирам частей СС, стоявших в районе Оберзаль-цберга, Франку и фон Бредову с приказом немедленно арестовать Геринга по обвинению в государственной измене. На случай их возможных колебаний Борман добавил: «Вы отвечаете за его исполнение собственными жизнями».

Эсэсовцы арестовали Геринга и его семью. Но вскоре офицеры военно-воздушных сил его освободили. Эсэсовцы знали, что Гитлер уже ничем не управляет, понимали, что «тысячелетнему рейху» пришел конец, и не пытались сопротивляться.

Утром 9 мая через полковника Браухича Геринг сообщает американцам, что считает войну проигранной и готов сдать ее на милость победителей.

По просьбе Геринга к нему доставляют его семью, челядь и багаж на 17 грузовых машинах.

В штабе 36-й дивизии 7-й американской армии Геринга дружелюбно принимают. Шампанское льется рекой. Геринг играет на своем аккордеоне. Генерал Эйзенхауэр прекратил это праздное застолье. Геринга на самолете отправляют в Аугсбург, в центр дознания 7-й армии. Ему велели сдать награды и увесистый золотой маршалский жезл, золотые погоны и массивный золотой перстень с бриллиантами (жезл находится в музее армии США в Вашингтоне. Перстень затерялся —

Прим. авт.

).

21 мая 1945 года Геринга переправили в Мондорф (Люксембург)

— главный центр допроса руководителей Третьего рейха. Здесь он провел четыре месяца.

Когда Геринг был доставлен в Нюрнбергскую тюрьму в сентябре 1945 года, он избавился от тридцати семи килограммов и весил только девяносто.

Ежедневные шестичасовые допросы, армейская еда и избавление от наркотиков способствовали улучшению здоровья Геринга.

...За месяц до начала процесса обвиняемые были размещены по камерам тюремного крыла здания нюрнбергского Дворца юстиции. Им были разрешены только получасовая ежедневная прогулка и дважды в неделю душ, но любое общение между собой строжайше запрещено. Геринг находился в камере № 5. Как и все остальные, она была размером два метра на четыре и чуть больше двух метров в высоту. В каждой камере имелись умывальная раковина, унитаз со смывом, стандартная тюремная койка с волосяным матрацем, стул и стол. Чтобы уменьшить возможность самоубийства, камеры были переделаны: со стен сняты все выступающие железяки, удалена вся электропроводка, а стекло в единственном окне заменено на прозрачный пластик.

Время от времени неожиданно проводились выборочные проверки и обыски в дополнение к регулярным. Дверь распахивалась, в камеру врывались рослые солдаты 1-й американской дивизии и приказывали пленнику все с себя снять и стоять полностью раздетым, пока его камеру, одежду, личные вещи и тело тщательно осматривали. В такие моменты в камеру Геринга имел обыкновение заходить полковник Эндриус и следить, чтобы голому рейхсмаршалу было оказано особо пристальное внимание.

Помимо этих нежеланных визитеров и дежурных офицеров в камеру к Герингу приходили только медики.

За месяц до начала процесса Геринг получил копию обвинительного акта против себя, который содержал 24 тысячи слов подробного перечисления вменяемых ему преступлений.

Вот часть преамбулы обвинительного акта:

«Обвиняемый Геринг в период 1932—1945 годов являлся: членом нацистской партии, верховным лидером СА, генералом СС (это он зачеркнул), членом и председателем рейхстага, министром внутренних дел Пруссии, начальником прусской полиции и прусской тайной государственной полиции, руководителем прусского государственного совета, доверенным по четырехлетнему плану, рейхсминистром авиации, главнокомандующим военно-воздушными силами, председателем Совета министров по обороне рейха, членом совета внутреннего кабинета, главой индустриального концерна Германа Геринга и преемником, назначенным Гитлером. Обвиняемый Геринг использовал вышеупомянутые посты, свое личное влияние и свою близкую связь с фюрером таким образом, что: способствовал военным и экономическим приготовлениям к войне, изложенным в пункте первом этого обвинительного заключения; принимал участие в планировании и развязывании нацистскими участниками преступного сговора агрессивных войн в нарушение международных договоров, соглашений и гарантий, что изложено в пунктах первом и втором этого обвинительного заключения; также санкционировал совершение, отдавал распоряжения на осуществление и был соучастником военных преступлений, изложенных в пункте третьем этого обвинительного заключения, и преступлений против человечности, изложенных в пункте четвертом этого обвинительного заключения, включая разнообразные преступления против личности и собственности». Геринг прочитал обвинительный акт одним махом. Это было почти то, что он ожидал. Чуть не до самого последнего дня процесса Геринг последовательно выставлял напоказ свою верность Гитлеру — верность до гробовой доски. Он клеймил каждого, кто осмеливался критиковать фюрера. О себе же говорил, что прах его будет помещен в мраморной урне в какую-нибудь усыпальницу национальных героев.

«Кто знает, не рождается ли в эту минуту где-нибудь в Германии человек, который отомстит за наше унижение».

По его мнению, у государственных деятелей были одно право и одна обязанность: «Использовать каждый благоприятный случай и каждое обстоятельство к выгоде собственного народа и страны. С помощью любых методов и любыми средствами. Все остальное — болтовня».

Самые звездные дни для Геринга настали, когда собственный защитник вызвал его в качестве свидетеля. Такой вариант разрешался регламентом трибунала.

Герман Геринг начал выступать 13 марта 1946 года.

«Я по-прежнему не признаю правомерность этого суда, — сказал он тюремному психологу Джильберту перед началом заседания. — Я мог бы сказать, как Мария Стюарт, что могу быть судим только судом пэров. Отдавать руководителей чужого государства под иностранный суд — случай в истории уникальный по своей бесцеремонности».

Четыре дня он подробно излагал историю национал-социалистической партии, отношения с Гитлером, свою деятельность на протяжении почти четверти века. Причем придавал каждому эпизоду, каждой беседе, о которой рассказывал, особую выразительность.

Альберт Шпеер, бывший министр вооружения и боеприпасов, а теперь тоже подсудимый, вспоминал:

«Видеть его (Геринга. —

Прим. авт.

) . лишенным всех регалий и драгоценных побрякушек, ведущим свою последнюю защиту перед трибуналом, после всего его могущества, блеска и напыщенности было захватывающим».

Все дни выступлений он пытался оправдать фашистское государство, немецкий народ и, конечно, себя. Он признал свою роль в создании гестапо, но отверг обвинение в том, что смотрел сквозь пальцы на злодеяния гестаповцев и эсэсовцев. Свои действия он оправдывал патриотизмом и верностью Гитлеру.

Английский член трибунала Биркетт после выступления Геринга заметил в своих записях: «Совершенно очевидно, что на скамье подсудимых оказалась личность выдающаяся, хотя и направленная на зло.»

Никому не хотелось, чтобы Геринг покинул зал суда героем. Все считали, что главный обвинитель от США Джексон снимет с него ореол мученика и поставит Геринга на место,

которое этот злодей заслуживает. (В скобках замечу, что Джексон, будучи членом Верховного суда США, не имел высшего юридического образования, но был талантливым юристом.) Однако этого не произошло. Все, кто следил за поединком между Джексоном и главным из оставшихся в живых лидеров германского рейха, пришли к выводу, что Джексон с задачей не справился. Он слабо знал факты, которыми оперировал, а его вопросы были составлены так, что Геринг устроил настоящее шоу. Он пускался в долгие рассуждения и его трудно было остановить. Драматическое сокрушение Геринга не состоялось. Джексон в гневе швырнул свои наушники, а лорд-судья Лоуренс вынужден был объявить перерыв. Нокаутировал Геринга главный обвинитель от Советского Союза генерал Р. А. Руденко. Главную роль наряду с блестящей техникой ведения допроса сыграла содержательная, обширная документация о масштабах и характере чудовищных злодеяний национал-социалистической системы, в которой Геринг был «наци-2». Для подтверждения вышесказанного приведу выдержку из стенограммы заседания трибунала от 21-22 марта 1946 года:

Руденко:

Еще в ноябре 1940 года, то есть более чем за полгода до нападения Германии на Советский Союз, уже был разработан план этого нападения при вашем участии. Я прошу коротко ответить на вопрос: да или нет?

Геринг:

Да, но не в том смысле, в каком вы хотите это представить.

Руденко:

Мне кажется, я вам совершенно ясно поставил вопрос, и никакого двойного смысла в нем нет. Сколько времени разрабатывался план «Барбаросса»?

Геринг:

О какой области вы говорите: области авиации, флота или сухопутных сил?

Руденко:

Если Геринг осведомлен во всех областях, то пусть отвечает по всем областям.

Геринг:

В общем и целом я могу сказать о ВВС, где дело шло относительно быстро.

Руденко:

Пожалуйста. Сколько времени разрабатывался план «Барбаросса»?

Геринг:

В ВВС план был разработан значительно быстрее.

Руденко:

Таким образом, вы признаете, что нападение на Советский Союз было предрешено за несколько месяцев до его осуществления и что вы как командующий германской авиацией и рейхсмаршал принимали непосредственное участие в подготовке этого нападения?

Геринг:

Я позволю себе разделить то обилие вопросов, которое вы мне задали. Во-первых, не за несколько месяцев...

Руденко:

Здесь нет обилия вопросов. Здесь один вопрос. Вы признали, что в ноябре вы разработали вариант «Барбаросса» по ВВС. В связи с этим я ставлю вопрос: вы признали тот факт, что это нападение было предпринято за несколько месяцев до осуществления?

Геринг приперт к стенке и вынужден сказать: «Это правильно».

Руденко:

Признаете ли вы, что целями войны против Советского Союза был захват советских территорий до Урала, присоединение к империи Прибалтики, Крыма, Кавказа, Волжских районов, подчинение Германии Украины, Белоруссии и других областей. Признаете вы это?

Геринг:

Я это ни в какой степени не признаю.

Руденко:

Разве вы не помните, что на совещании у Гитлера 16 июля 1941 года, на котором присутствовали вы, Борман, Кейтель, Розенберг и другие, Гитлер так определил цели войны против СССР, как я изложил в предыдущем вопросе?

Геринг виляет, уходит от ответа. Говорит, что был на этом совещании, но Борман неправильно записал суть высказываний Гитлера.

Руденко парирует Геринга вопросом: «Какой смысл Борману исказить протокол? Он же не мог знать, что этот протокол будет представлен на трибунале?»

Геринг просит копию протокола.

Руденко:

Пожалуйста. На второй странице этого документа относительно Крыма говорится, что «Крым должен быть освобожден от всех чужаков и населен немцами. Точно так же австрийская Галиция должна стать областью Германии. Вы находите это место?

Геринг впервые не раскладывает морскую карту для переезда через лужу и отвечает: «Да». Если коротко подытожить поведение Геринга во время допроса, то можно с уверенностью утверждать, что оно напоминало повадки хищного зверя, пытавшегося уйти от погони. Геринг не выпускал из рук куса картона, на котором он для себя написал команды: с одной стороны — «говорить медленнее, делать паузы», с другой — «спокойно, держаться на уровне». Но «уровень» катастрофически падал с каждым вопросом Руденко. Это был уровень лжеца, провокатора, убийцы невинных, безоружных жертв.

...Выступления Геринга со своими показаниями и его перекрестный допрос окончились 22 марта 1946 года, а заключительные речи обвинителей прозвучали только через четыре месяца, 26 июля. За это время его «геройский» ореол постепенно потускнел из-за последующих свидетельств нацистских злодеяний. Заключительная речь его адвоката доктора Штамера, в которой все сотворенное Герингом зло было списано за счет его преданности фюреру, «этой преданности, которая стала его несчастьем», уже никак не помогла.

Джексон выступил с речью по итогам результатов судебного следствия и на этот раз красноречием частично компенсировал свою неуклюжесть при допросе Геринга, о котором он сказал:

— Он являлся наполовину милитаристом, наполовину гангстером. Он приложил свою толстую руку почти ко всему... Он в равной степени является специалистом и по резне

политических соперников, и по скандалам с целью устранения упрямых генералов. Он создал «люфтваффе» и обрушил их на своих беззащитных соседей. Он принадлежал к числу главных инициаторов депортации евреев из страны.

Выбросив указующую руку в сторону всех обвиняемых, Джексон провозгласил:

— Если вы собираетесь сказать об этих людях, что они невиновны, то это будет все равно что заявить, будто не было войны, не было убийств, не было преступлений.

Сэр Хартли Шоукросс, главный обвинитель от Великобритании, высказался так:

— ...Более века назад Гёте сказал о немцах, что судьба покарает их, «покарает, ибо они обманывают себя и не желают быть теми, кем они являются. Грустно, что они не ведают притягательности правды, отвратительно, что мгла, дым, неистовство и бесстрашие так милы их сердцу, печально, что они простодушно подчиняются любому безумному негодяю, который обращается к их самым низменным инстинктам, который поддерживает их пороки и учит их понимать национализм как исключительность и жестокость».

Сэр Хартли сделал паузу, перевел строгий взгляд на обвиняемых и, остановив его на Геринге, продолжил:

— Это был глас провидца, ибо вот они — эти безумные негодяи, которые творили те самые дела.

В заключительной речи Р. А. Руденко на конкретных документах, фактах, показаниях свидетелей развенчал спесь Геринга и показал, что каинова печать провокатора и убийцы, грабителя и вора ни на ком из подсудимых не горела так ярко, как на Геринге:

— Нет ни одного мероприятия нацистской партии, ни одного шага гитлеровского правительства, в котором не участвовал бы Геринг. Он активно участвовал во всех преступлениях фашистской банды, и за все свои действия он должен понести должное наказание.

Обвиняемым было предоставлено право произнести последнюю речь, прежде чем судебное разбирательство завершится, и 31 августа 1946 года Герман Геринг отклонил все выдвинутые против него обвинения.

— Я никогда не отдавал распоряжений об убийстве хотя бы одного человека, не приказывал совершать какие-либо иные злодеяния и не мирился с ними, если имел власть и информацию, чтобы им противодействовать, — сказал он. — Я не хотел войны и не способствовал ее началу. Я делал все, чтобы предотвратить ее при помощи переговоров. После начала войны я делал все, чтобы одержать победу... Единственным мотивом, который мною двигал, была горячая любовь к моему народу и желание ему счастья и свободы. И в этом я призываю в свидетели всемогущего бога и моих немцев.

Прошел целый месяц, прежде чем судьи вынесли свои вердикты.

Суд приговорил Германа Геринга к смертной казни через повешение.

...Обязанностью тюремного психолога доктора Джильберта было поговорить с каждым заключенным после того, как тот услышит свой приговор, и он встретил вернувшегося в свою камеру Геринга.

«Его лицо было бледным и неподвижным, глаза широко раскрыты, — записал Джильберт позднее в дневнике. — «Смерть!» — выдохнул он, падая на койку и протягивая руку к книге. Его рука дрожала, несмотря на все усилия казаться спокойным. Глаза были влажными, и он часто и тяжело дышал, пытаясь справиться с эмоциональным потрясением. Дрогнувшим голосом он попросил меня оставить его на некоторое время одного».

На следующий день Герман Геринг написал в Международный военный трибунал официальную просьбу, чтобы как офицера германских вооруженных сил его казнили не через повешение, а через расстрел.

— По крайней мере, я был бы избавлен от позора петли, — сказал он Джильберту. — Я солдат. Я был солдатом всю свою жизнь, всегда был готов умереть от пули другого солдата. Почему бы расстрельной команде неприятельских солдат не покончить со мной теперь? Неужели я прошу так много?

Оказалось, что много. Его просьба была отклонена.

Теперь оставалось только одно: ждать палача...

Все нацистские лидеры в последние дни войны имели при себе стандартные ампулы с цианистым калием. Геринг тоже припас себе яд. Как только он был доставлен в центр дознания, его тщательно обыскали и обнаружили латунную гильзу с ампулой яда. Когда ее забрали,

Геринг был очень обеспокоен, и американцы решили, что яда у него больше не осталось. В Нюрнбергской тюрьме подсудимых ежедневно обыскивали, но яда не обнаружили. Казнь была назначена на два часа ночи 16 октября. Эту дату предполагалось держать в тайне от приговоренных и от журналистов. Однако слух о том, что готовится казнь, дошел до прессы и обитателей тюрьмы. Доктор Джильберт нашел Геринга «нервным и подавленным». Причиной этому был отказ контрольного совета союзников заменить виселицу расстрелом.

В своих воспоминаниях тюремный капеллан писал: «Он выглядел хуже, чем обычно. Стал критиковать метод казни и назвал его наиболее позорной для себя, учитывая свое прежнее положение. Я предложил ему передать свое сердце и душу Спасителю. Он заявил, что он христианин, но не может принять учения Христа». После ухода капеллана в камеру для ежедневного осмотра и обыска зашел лейтенант американской охраны Джон Уэкс. Он доложил начальству, что ничего запрещенного найдено не было. Геринг выглядел «веселым и очень много говорил».

Рядовой 1-го класса Гарольд Джонсон из роты С 26-го пехотного полка заступил на дежурство в 22.30. Он и не подозревал, что ему оставалось охранять заключенного только шестнадцать минут.

«Я заступил на дежурство как караульный второй смены у камеры Геринга в 22.30, — докладывал потом Джонсон. — В это время он лежал на своей койке на спине с вытянутыми вдоль туловища руками поверх одеяла. Он оставался в таком положении без движений минут пять. Потом он поднял руку со сжатым кулаком, как будто закрывая глаза от света, затем опять положил ее сбоку поверх одеяла. Так он лежал совершенно неподвижно примерно до 22.40, когда сложил руки на груди, переплетя пальцы, и повернул голову к стене».

«Он лежал так минуты две-три, — продолжает рядовой Джонсон, — а потом опять вытянул руки по бокам. Было ровно 22.44, так как я посмотрел в этот момент на часы. Примерно через две-три минуты он как будто оцепенел и с его губ сорвался сдавленный вздох».

Джонсон вызвал разводящего сержанта.

«Я сказал ему, что с Герингом что-то не так, — сообщил Джонсон, — и он полетел в кабинет администрации. Через несколько секунд он вернулся в сопровождении лейтенанта Крамера (ответственного офицера) и капеллана Гереке. Лейтенант Крамер заглянул в камеру, затем я отпер дверь и он вместе с капелланом зашел внутрь. Я вошел следом за ними и осветил камеру».

Правая рука Германа Геринга свешивалась с кровати, и капеллан Гереке, взяв ее, прощупал пульс.

— Боже правый! — прошептал он. — Этот человек мертв.

До сих пор люди продолжают гадать: как же ему это удалось? Кто передал ему яд?

На самом же деле ответ весьма прост. Он принес яд в Нюрнбергскую тюрьму сам.

Будучи так уверен, что яд не найдут, Герман Геринг еще за четыре дня до своей предполагаемой смерти написал письмо полковнику Эндрюсу с разъяснениями. Это было одно из трех писем, вложенных в единый конверт, который нашли у него под одеялом.

Первое письмо содержало длинное обращение к германскому народу с оправданием его действий и отрицанием обвинений союзников. Второе было коротким и являлось нежным прощанием с женой и дочерью.

Обращение союзники забрали себе и с тех пор так и не представили его для публикации.

Прощальное письмо передали Эмме. Третье было таким:

«
Нюрнберг, 11 октября 1946 г.

Коменданту.

Я всегда имел при себе капсулу с ядом с того самого момента, когда меня взяли под арест. Когда меня привезли в Мондорф, я имел три капсулы. Первую я оставил в одежде, так чтобы ее нашли при обыске. Вторую клал под вешалкой, когда раздевался, и забирал,

одеваясь. Я делал это и в Мондорфе, и здесь, в камере, так удачно, что, несмотря на частые и тщательные обыски, ее не нашли. Во время заседаний суда я прятал ее в своих сапогах. Третья капсула все еще находится в моем чемоданчике, спрятанная в круглой баночке с кремом для кожи. Я мог дважды взять ее с собой в Мондор-фе, если бы возникла необходимость. Нельзя винить за это тех, кто меня обыскивал, так как найти капсулу было практически невозможно. Так уж получилось.

Герман Геринг.

P. S. Доктор Джильберт сообщил мне, что контрольная коллегия отказала в замене способа казни на расстрел».

Г. Гротов пишет: «История, вне сомнения, признает, что Герман Геринг был человеком выдающихся дарований и добился значительных успехов... Германия могла выиграть вторую мировую войну, если бы люфтваффе использовали, как предлагал Геринг». Да, Геринг действительно добился «значительных успехов». Но Г. Гротов «забыл», в чем именно преуспел Геринг. Народы мира никогда не забудут «хрустальной ночи», пепел Освенцима и тысяч других фабрик смерти, миллионы угнанных в неволю рабов. Кровь миллионов жертв фашизма навсегда останется на его расшитом золотом маршальском мундире. Напрасно автор жалеет, что Гитлер не послушал Геринга о том, как использовать авиацию. Вердикт суда истории был определен в день нападения фашистской Германии на Советский Союз. Рейху и его главарям осталось жить менее четырех лет. Господину Гротову и многим другим адвокатам Геринга никогда не отбелить черного кобеля добела. В 1937 г. Герман Геринг говорил, что немцы будут воевать «по расписанию и достигнут мирового господства к 1945 году». В дате он не ошибся, ошибся в итогах войны. Советские Вооруженные силы изменили кровавые планы Геринга и главарей фашистской банды.

Рудольф Гесс

Рудольфа Гесса называли «совестью партии». Многие мероприятия, проведенные правительством, особенно в сфере военной экономики и в партии, проводились полностью по инициативе заместителя фюрера.

Газета «Национал цейтунг», апрель 1941 г.

В обвинительном заключении Рудольфа Гесса указывалось: «Обвиняемый Гесс в период с 1921 по 1941 годы был членом нацистской партии, заместителем фюрера, имперским министром без портфеля, членом рейхстага, членом совета министров по обороне государства, членом тайного совета, назначенным преемником фюрера после обвиняемого Геринга, генералом войск СС и генералом войск СА. Обвиняемый Гесс использовал вышеуказанные посты, свое личное влияние и тесную связь с фюрером таким образом: он способствовал приходу к власти нацистских заговорщиков и укреплению их власти над Германией, он содействовал военной, экономической и психологической подготовке к войне, он участвовал в политическом планировании и подготовке к агрессивным войнам и войнам, нарушающим международные договоры, соглашения и заверения, он участвовал в подготовке и составлении планов нацистских заговорщиков по вопросам внешней политики, он санкционировал, руководил и принимал участие в военных преступлениях и в преступлениях против человечности, включая многочисленные преступления против отдельных лиц и их собственности». Гесс с самого начала процесса симулировал потерю памяти, надеясь, что его признают невменяемым. В Нюрнбергскую тюрьму его привезли в состоянии, которое консилиум психиатров определил как полную амнезию (потерю памяти). Во время очных ставок Гесс не узнавал многих подсудимых, в том числе Геринга, вместе с которым он принимал участие в

создании гитлеровской партии еще в двадцатые годы. Он совсем не реагировал на фильмы, где и сам фигурировал. Он демонстративно прикладывал наушники к носу или засовывал их в подмышки, сидел на скамье подсудимых апатичный, безучастный ко всему, что происходило вокруг, с бессмысленным, отсутствующим взглядом. Он не надевал наушников, не следил за ходом судебного разбирательства, читая по большей части... детективные романы даже во время заседаний. Геринг как-то заметил ему, что такое поведение «нарушает серьезность процесса». Гесс и на это никак не отозвался. На все вопросы он отвечал, что ничего не помнит. В Нюрнберг съехалась из разных стран на консилиум профессура для того, чтобы ответить на вопрос: вменяем подсудимый Гесс или нет? А если нет, то можно ли его судить?

Из СССР прибыли профессора Краснушкин, Сепп и Курашов. Было проведено несколько экспертиз. Одна из них состоялась в одном из залов нацистских заседаний. Это был черный, мрачный зал. Сиденья располагались амфитеатром. В середине — выдвинутая вперед центральная прямоугольная ложа. Напротив, на сцене — экран. Всех попросили ничем не выдавать своего присутствия, не кашлять, не чихать. Затем потушили свет и на экране нескончаемой чередой пошли нацистские фильмы. Парады, костры, на которых сжигались книги, гигантские митинги, иступленные крики «Хайль!» в честь одержанных побед... Везде в полном блеске своей былой карьеры фигурировал Гесс.

Когда в зале было темно и шли фильмы, Гесса впустили в ложу. Через некоторое время, дав ему возможность увлечься воспоминаниями и погрузиться в былое, на него был неожиданно направлен яркий луч света. Идея заключалась в том, чтобы застать его врасплох. На лице Гесса, однако, не было никакого выражения. Эксперимент закончился неудачей.

Защита выступила с пространно мотивированным обоснованием того, что Гесс не в состоянии защищаться из-за амнезии, что он не может ни дать инструкций, ни сообщить каких-либо сведений адвокатам и что в таких условиях его нельзя судить.

Обвинители обратились к помощи экспертов. Гесса детально обследовали известные на весь мир психиатры и невропатологи, которые после долгих споров выработали общее заключение. Оно заняло несколько машинописных страниц и сводилось к тому, что Гесс действительно страдает частичной потерей памяти, вызванной истерией, что это поддается лечению, но пациент не соглашается пройти курс. Что с юридической точки зрения нет оснований признать его неспособным нести ответственность за свои поступки.

В зале заседаний вспыхнула оживленная медико-правовая дискуссия, с обеих сторон сыпались аргументы и контраргументы, и продолжалось это около полутора часов.

Дело Гесса, одного из самых близких и старых друзей фюрера, представляло собой не только уголовно-судебный, но и клинический случай. Однако разве и другие из гитлеровской верхушки, начиная с Гитлера и Гимmlера и кончая каким-нибудь Штрейхером или тезкой Гесса Рудольфом Гессом, комендантом Освенцима, — разве не были они психопатами и преступниками одновременно?

После заявления защитника о том, что Гесс болен и не может быть судим, так как у него провал памяти, слово берет американский обвинитель.

Джексон:

Господа судьи, разрешите мне сделать одно замечание.

Председатель:

Пожалуйста.

Джексон:

Эта полемика говорит о странном характере этой потери памяти. Видимо, Гесс мог сообщить своему защитнику об этой своей точке зрения на медицину, которая относится к периоду национал-социализма. Зато когда мы его спрашиваем о тех преступных деяниях, в которых он участвовал, то ему память изменяет. Я прошу трибунал отметить заявления по тем вопросам, которые сохранились в его памяти.

Роршейдт:

Разрешите мне, господин председатель, сделать еще одно заявление.

Председатель:

Обычно не полагается, чтобы защитник второй раз выступал, но ввиду того, что г-н Джексон второй раз выступил, мы вас заслушаем.

Роршейдт:

Господин председатель, я хотел бы заметить, что меня неправильно поняли. Не подсудимый Гесс говорил мне, что он был сторонником этого естественного лечения, так как он не может помнить таких подробностей, а я сам вспомнил, знал это обстоятельство и привел его в качестве собственного наблюдения. Вот поэтому я говорил, что у него инстинктивное противодействие против подобного рода лечения. Поэтому то, что я говорил, не имеет никакого отношения к Гессу, а является только результатом моих собственных наблюдений.

Председатель:

Д-р Роршейдт, трибунал хотел бы, если вы считаете это возможным, чтобы подсудимый Гесс высказал свою точку зрения по этому вопросу.

Роршейдт:

Да, я думаю, что это вполне соответствует желаниям самого обвиняемого, и только после этого суд может вообще решить этот вопрос. Я думаю, что суд должен это сделать.

Суд предоставляет Гессу слово. Он встает. Ему пододвигают микрофон:

«Господин председатель, я хочу сказать следующее: еще сегодня, в начале послеобеденного заседания, я заявил своему защитнику и передал ему записку, содержание которой сводится к тому, что можно было бы сократить весь разбор этого дела, если бы мне разрешили говорить. Я лично хочу сказать следующее. Для того чтобы предотвратить могущее возникнуть мнение о том, что я не в состоянии участвовать в данном процессе, несмотря на то, что я хочу участвовать в дальнейшем ведении процесса и хочу сидеть на скамье подсудимых вместе со своими товарищами, о чем я уже заявил в свое время, я хочу сделать суду следующее заявление, которое я первоначально хотел сделать позднее.

Я хочу сказать, что с этого момента моя память находится в полном распоряжении суда. Основания, которые имелись для того, чтобы симулировать потерю памяти, были чисто тактического порядка. Вообще, действительно, моя способность сосредоточиваться была несколько нарушена, однако моя способность следить за ведением дела, защищать себя, ставить вопросы свидетелям или самому отвечать на задаваемые мне вопросы не утрачена.

Я подчеркиваю, что я несу полную ответственность за все то, что я сделал и подписал вместе с другими. Мои принципы заключаются в том, что данный трибунал не является правомочным, но это, однако, не имеет отношения к тому, что я заявил выше».

Заявление Гесса вызвало понятную сенсацию. На весь мир полетели длинные телеграммы. Гесс впервые надел наушники и стал внимательно следить за ходом процесса. Он легко отвечал теперь на все вопросы, касавшиеся его побега в Англию, прошлой деятельности в гитлеровском движении и даже ранней молодости.

Но мало кто знает, почему он заговорил. А случилось это после встречи Гесса в камере с советским психиатром, профессором Крас-нушкиным, который сказал подсудимому: «Господин Гесс, вы сейчас молчите и симулируете ретроградную амнезию. Но ведь вы не больны. Молчать длительное время здоровый человек не может. Наступит момент и вы обязательно заговорите. Тогда вас понесет так, что вы не сможете остановиться. В результате вы наговорите такого, что может вам очень навредить, и о чем вы будете жалеть. Как специалист я вам советую прекратить эти маневры».

На следующий день Гесс сделал известное заявление.

Р. А. Руденко в заключительной речи заявил: «...На суде полностью разоблачена попытка Гесса уйти от ответственности, и Гесс должен в полной мере понести наказание за участие... в военных преступлениях, тяжчайших преступлениях против мира и человечности, которые совершены им совместно с другими подсудимыми».

На процессе раскрылась истинная причина полёта Гесса в мае

1941 г. в Англию. Он был послан туда, чтоб организовать совместный «крестовый поход» против СССР. Миссия Гесса провалилась, и тогда была разыграна комедия с «помешательством» Гесса.

По всем законам — юридическим и человеческим — место Гесса было на виселице. Но большинство западных членов Трибунала высказались за осуждение Гесса к пожизненному тюремному заключению. Свое несогласие о мере наказания Гессу член Трибунала от СССР И. Т. Никитченко обосновал в своем особом мнении. В нем, в частности, говорилось: «... Начиная с Мюнхенского путча 1923 г., Гесс был ближайшим сообщником Гитлера во всех организованных им преступлениях против мира и человечества».

Тайна смерти Рудольфа Гесса

Официальная версия

Адрес старой военной тюрьмы в Западном Берлине — Виль-гельмштрассе, 23. Здание было построено более ста лет назад. В последние годы жизни заместитель Гитлера по партии был единственным заключенным тюрьмы Шпандау. При нем состояла масса персонала — четыре директора (по одному из каждой союзной державы), два секретаря, санитар, четыре личных врача, два повара, около двадцать телохранителей, водители, переводчики, уборщицы и сто пятьдесят два солдата охраны.

В этой тюрьме, как писал журнал «Штерн», никогда не звенели ключи и не лязгали двери. Более того, дверь камеры номер 17, где обитал единственный узник Шпандау, вообще никогда не запиралась. Побега не боялись — 93-летний «заключенный номер 7» (так именовался он в тюремных документах) уже не мог без посторонней помощи преодолеть даже несколько ступенек винтовой лестницы, ведущей во двор.

Тюрьму окружала стена высотой в 5,5 метра, затем — еще одна, отделенная от первой десятиметровой полосой. В высоту она имела всего 75 сантиметров, но на ней установили проволочное ограждение, к которому подвели электрический ток (за энергию платили 20 тысяч марок в месяц). Затем снова десятиметровая полоса, и, наконец, забор из колючей проволоки в 4 метра высотой. Р. Гесса не без оснований считали «самым дорогостоящим узником мира».

Советские военнослужащие несли охрану тюрьмы Шпандау в марте, июле и ноябре. В остальные месяцы года их место занимали англичане, американцы и французы.

Кроме вышек по периметру тюрьмы, где охрана несла круглосуточное дежурство, там имелись многочисленные внутренние посты. Солдаты-союзники и тюремные надзиратели контролировали буквально каждый шаг «заключенного номер 7».

И все-таки, несмотря на такую плотную охрану, Гессу удалось покончить с собой. Такова, по крайней мере, официальная версия его кончины, происшедшей 17 августа 1987 года. В свидетельстве о смерти, подписанном представителем английских войск в Германии майором Ф. Крабтри, определено однозначно — «самоубийство».

Мнение историка Л. П. Замойского

Его тело обнаружили во дворике тюрьмы Шпандау в Западном Берлине. Гесса нашли в петле. Ему было 93 года. Самоубийство? Да, таков официальный вердикт.

«Нет! — заявил его сын. — Он был убит». Такого же мнения придерживаются адвокат Зайдль и руководитель Мюнхенского института судебной медицины Шпан. Свои доводы они изложили в книге «Убийство Рудольфа Гесса?», выпущенной в Мюнхене.

Кто же мог убить последнего из главарей Третьего рейха? Британские секретные службы, отвечают авторы. Зачем? Учитывая преклонный возраст Гесса, его собирались амнистировать. Но ведь выйдя на волю, Гесс мог рассказать, зачем он летал в Англию в мае 1941 года, с кем встречался, о чем договаривался. Он мог пролить свет на британско-германские контакты в решающий момент второй мировой войны. Его показания могли нанести ущерб Англии, показать ее политику с малопривлекательной стороны. Вот почему его и устранили.

Гипотез, связанных с Гессом, не перечислять. Выдвигалась и такая: в Шпандау сидел вовсе не Гесс, а некто, упрятанный туда англичанами вместо него. Подлинный же Гесс был либо сбит во время перелета и погиб, либо похищен и перепрятан. Парадоксально, но и эта версия содержала ссылку на сына Гесса, который при свидании якобы не узнал отца.

При всей противоречивости гипотезы имеют близкую отправную точку: загадочным был и остается сам перелет заместителя Гитлера по партии Рудольфа Гесса из Германии в Шотландию в мае 1941 года. В чем заключался смысл миссии Гесса, каков был характер его контактов с англичанами? И почему в Лондоне не хотят раскрыть относящиеся к делу архивы?

Очевидно, это все неспроста. Как предполагает западногерманская «Тагесшпигель», эпизод с Гессом «содержит нечто такое, что по своему воздействию схоже с динамитом».

Иоахим Риббентроп

Имя члена нацистской партии фон Риббентропа как министра иностранных дел будет вечно связано с политическим расцветом германской нации.

А. Гитлер

В догитлеровские времена в Германии был издан двухтомник. На титульных листах было написано «Ложь», а под этим заглавием мелким шрифтом напечатано: «В этнографическом, историческом, биологическом и политическом освещении».

Наглая, беспардонная ложь руководителей фашистской Германии

— и тех, кто отравился, и тех, кто сидел на скамье подсудимых — составила бы не двухтомник, а сотни томов. От фальшивых надписей в концлагерях «Буфет», «Баня», «Билетная касса» до каждого акта агрессии, которым предшествовали ложные заверения, доброжелательные пожелания, договора о мирных способах разрешения споров.

Признанными лидерами лжи были Гитлер и Геббельс. Им не уступал ни в наглости, ни в количестве лживых заявлений Иоахим Риббентроп. Это он, подписывая очередной договор о ненападении, чокался шампанским, улыбался и повторял про себя слова фюрера: «Договоры мы соблюдаем только до тех пор, пока они целесообразны».

Ему принадлежат достаточно откровенные слова: «Хлеб и сырье России нас вполне устроят»...

Во всей истории гитлеровской Германии нет такой внешнеполитической авантюры, ни одного наглого вмешательства в дела других стран, в которых не принимал бы самое активное участие Риббентроп.

Об этом юридическим, точно взвешенным языком говорится в обвинительном заключении:

«Обвиняемый Риббентроп в период с 1932 по 1945 год был членом нацистской партии, членом нацистского рейхстага, советником фюрера по вопросам внешней политики, представителем нацистской партии по вопросам внешней политики, специальным германским делегатом по вопросам разоружения, чрезвычайным послом, послом в Лондоне, организатором и директором «бюро Риббентропа», имперским министром иностранных дел, членом тайного совета, членом политического штаба фюрера при главной ставке и генералом войск СС.

Обвиняемый Риббентроп использовал вышеуказанные посты, свое личное влияние и тесную связь с фюрером таким образом: он способствовал приходу к власти фашистских заговорщиков, как это указано в разделе первом обвинительного акта; он способствовал военным приготовлениям, указанным в разделе первом обвинительного акта; он участвовал в политическом планировании и подготовке нацистскими заговорщиками агрессивных войн..., нарушающих международные договоры, соглашения и заверения, как это указано в разделах

первом и втором обвинительного акта; он санкционировал, руководил и принимал участие в военных преступлениях, изложенных в разделе третьем обвинительного акта, и в преступлениях против человечности, изложенных в разделе четвертом обвинительного акта...». Давая оценку деятельности Риббентропа, Р. А. Руденко сказал: «Йоахим фон Риббентроп был одним из самых активных участников преступного заговора. Риббентроп совместно с другими заговорщиками заранее намечал планы колонизации территории Советского Союза, порабощения и истребления советских людей».

Говорить одно, а делать другое; предлагать вечную дружбу и мир и в то же время готовить нападение на этот объект дружбы — эти принципы были руководящими в дипломатии Риббентропа. Гитлеровские дипломаты во главе с ним совершили злодеяний не меньше, чем Гитлер. Они обманывали всегда и всех, они угрожали, убивали.

Один из многих примеров коварства Гитлера с Риббентропом.

После захвата Чехословакии они начали готовить удар по Польше. Гитлер всему миру объявляет о своей дружбе с Польшей. Риббентроп уверяет своего друга Бека в том, что у Германии нет никаких претензий к Польше. Поляки же, зная волчьи повадки главарей фашистской Германии, забеспокоились.

Бек едет в Берлин.

Риббентроп всячески пытается успокоить его и вдруг поднимает вопрос о Данциге и коридоре.

Бек спрашивает Риббентропа:

— Скажите открыто, чего вы хотите?

— Нам нужен Данциг, — отвечает Риббентроп.

Далее события развиваются по накатанной дороге. Идут переговоры, даются заверения, что Германия хочет мира. «Отдадите Данциг и мир будет торжествовать многие годы», — такой подтекст всей лжи.

В это же время Риббентроп говорит итальянскому послу в Берлине:

— Дело не в Данциге. Дело в том, что настало время нанести удар и навсегда покончить с Польшей.

Далее провоцируются инциденты, предъявляется ультиматум и 1 сентября 1939 года по Польше наносится удар страшной силы. По такому сценарию совершались агрессии и на другие страны Европы.

Такую же насквозь лживую политику фашистские главарь проводили и в отношении Советского Союза. Об этом достаточно говорилось в главе о Гитлере.

Дополню несколько нюансов. Несомненно, Сталин бдительно наблюдал за дипломатической трескотнёй Гитлера и Риббентропа о дружбе и мире с Советским Союзом. Об этом говорит личное письмо Сталина к Гитлеру, в котором советский руководитель спрашивает: что германские войска делают в таком огромном количестве в Польше? Гитлер отвечает: «Отдыхают перед вторжением в Англию».

Сталин считал, что Гитлер не начнет войну летом 1941 года. Он был убежден, что Германия сначала разделается с Англией. Гитлер же поступил иначе.

В книге «Операция «Гроза» публицист Игорь Бунич на основе уникальных документов описывает драматические события ночи 22 июня 1941 года в Кремле:

«Перед войной Германия и СССР имели договоренность, что о провокациях на границе обе стороны будут сообщать немедленно. Гитлер, пытаясь скрыть свои планы, в последнем письме Сталину предупреждал, что генералы в вермахте готовы пойти на военную провокацию. И когда ночью 22 июня 1941 года на границах началась стрельба и немецкие танки двинулись в атаку, Сталин «в рамках достигнутой договоренности» отдал распоряжение попытаться дозвониться до Гитлера или, на худой конец, до Риббентропа, чтобы сообщить о предпринятой провокационной оккупации, о возможности которой «дальновидный» Гитлер давно предупреждал.

Однако до имперской канцелярии оказалось не так просто дозвониться — все линии были заняты. Сталин продолжал требовать от связистов установить контакт даже тогда, когда немецкий посол Шуленбург вручил Молотову ноту об объявлении войны. Возможно, Сталин думал, что посол, вошедший в сговор с генералами, морочит ему голову. Он продолжал звонить в Берлин. Наконец удалось связаться с рейхсканцелярией в Берлине.

...Сталин требовал сообщить немедленно об инциденте лично Гитлеру. Но ему отвечали, что фюрера разыскать никак не удастся, и предложили перезвонить завтра утром. И тут Сталин понял, что над ним попросту издеваются...

...Поэтому только через три с половиной часа после немецкого вторжения в штабы всех фронтов полетела знаменитая директива за подписями наркома обороны Тимошенко и начальника Генерального штаба РККА Жукова:

«Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их. Впредь, до особого распоряжения, наземным войскам границу не переходить».

Когда в Кремль прибыли Тимошенко и Жуков, они пришли к выводу, что никакой высадки в Англии не будет, все это умело поданная дезинформация. И тогда Сталин решил начать наступательную операцию «Гроза». Согласно замыслу, Красная Армия, пользуясь трехкратным превосходством над противником в танках, самолетах, артиллерии и живой силе, уже через месяц должна была стоять у стен Берлина.

Все средства связи, надрываясь, начали передавать в войска позывные «Грозы». Корпуса и дивизии, принявшие позывной «Гроза», ринулись в атаку. Даже в условиях внезапного нападения и огромных потерь в первые часы войны Красная Армия показала, что она способна сражаться и побеждать».

22 июня 1941 года в три часа ночи германский посол в Москве Шу-ленбург сообщил Молотову то, что ему велел передать Риббентроп.

«Концентрация советских войск у германской границы достигла таких размеров, каких уже не может терпеть германское правительство. Поэтому оно решило принять соответствующие меры». Риббентроп запретил Шуленбургу вступать в какие-либо переговоры.

Утром 22 июня рейхсминистр выступил на пресс-конференции в Берлине и объявил, что военные действия Германии против СССР являются оборонительными, чисто «превентивного характера». Это была заведомо наглая ложь. Еще 7 июня 1941 г. Шуленбург писал Риббентропу: «Все наблюдения подтверждают, что Сталин и Молотов, которые одни отвечают за русскую внешнюю политику, делают все, чтобы избежать конфликта с Германией».

Советский Союз до последнего дня выполнял поставки согласно торговым соглашениям. На Нюрнбергском процессе Риббентроп пытался убедить судей, что он узнал о подготовке войны против СССР лишь за несколько дней до ее начала. Обвинитель оглашает его письмо от 20 апреля 1941 года Розенбергу, имперскому комиссару восточных оккупированных территорий. В нем Риббентроп сообщает фамилию своего сотрудника, который направляется в восточный штаб представителем МИДа. Сразу же за вероломным нападением Германии на Советский Союз Риббентроп настаивает, чтобы Япония «нанесла удар в спину СССР».

В начале июля 1941 г. он направляет телеграмму своему послу в Токио:

«Примите все меры для того, чтобы настоять на скорейшем вступлении Японии в войну против России... Наша цель остается прежней: пожать руку Японии на Транссибирской железной дороге еще до начала зимы».

Риббентроп отрицал, что он знал о существовании «лагерей смерти», и утверждал, что его «лучшие друзья были евреи».

И сегодня антисемиты говорят, что у них «лучшие друзья — евреи».

На процессе было доказано, что дипломат Риббентроп не брезговал и чисто эсэсовскими делами. За свои палаческие услуги Гиммлер наградил его почетным перстнем и мечом.

Обвинители предъявили доказательства, что Риббентроп активно грабил оккупированные страны. Для этого был сформирован «батальон Риббентропа» Это было его «хобби».

Защитник Риббентропа доктор Горн выставил свидетелем бывшего статс-секретаря министерства иностранных дел барона фон Ште-енграхта, который пытался доказать, что Риббентроп был сторонником мира и вопреки своим убеждениям вынужден был выполнять волю прохвоста и проходимца Гитлера. Показания этого свидетеля вызвали смех в зале.

Несмотря на такой конфуз, защитник выставил в качестве свидетеля секретаршу Риббентропа Маргариту Бланк. От нее трибунал узнал, что Риббентроп был очень милый, трудолюбивый господин, охотно помогавший бедным, достойный семьянин. Он всей душой был за мир и в минуты откровенности говорил ей, какое страдание причиняют ему агрессивные действия

Германии; мучаясь, он не спал по ночам после каждого нового агрессивного акта, предпринимавшегося фашизмом.

Несмотря на все усилия защиты, перед судом предстал один из самых кровавых и страшных злодеев фашистской Германии.

Б. Полевой писал: «Есть старое индийское предание о том, что когда крокодил пожирает и переваривает свою жертву, из глаз его текут обильные слезы. Нам вспомнился этот сердобольный крокодил, когда на свидетельское место поднялся вызванный защитой для допроса Иоахим фон Риббентроп, бывший министр иностранных дел фашистской Германии. Этот страшный гитлеровский коммивояжер развозил в своем чемодане по миру семена раздора между народами, семена провокации, диверсии, шпионажа и другие неотъемлемые атрибуты фашистской дипломатии».

Под давлением улик, представленных Р. А. Руденко, Риббентроп признает, что, ведя с Советским Союзом переговоры, он знал о готовящихся Гитлером и его генералами планах нападения на Советский Союз.

Риббентроп — не только наглый и лживый политик, но и грязный, отвратительный человек. 1 октября ему объявили, что трибунал признал бывшего министра виновным по всем разделам обвинительного заключения, и за соучастие в совершении чудовищных преступлений против человечества он приговаривается к смертной казни через повешение. Наверное, впервые Риббентроп пожалел, что поменял профессию вино торговца на карьеру гитлеровского дипломата.

Перед судом не воины, а нацистские палачи

Военные преступники Кейтель и Йодль виновны в том, что из-за отказа в моих неоднократных настоятельных требованиях прорыва из замкнутого кольца — телеграммы от 22, 23, 25 ноября 1942 года и далее почти ежедневно в период от 8 декабря до конца декабря, — Сталинград превратился в зону истребления для находящегося там русского гражданского населения.

Фельдмаршал Паулюс

На скамье подсудимых сидело четырнадцать генералов. Гитлер не скупился на чины. Даже торговец шампанским Риббентроп был удостоен генеральских погон.

Среди этой генеральской своры — четыре представителя «чистой военной касты» германской военщины — Кейтель, Йодль, Редер, Дениц. Это они вкупе с тузами германского монополистического капитала разглядели в национал-социализме орудие захватнических войн. Это они подарили Гитлеру теорию блицкрига — оправдание любой жестокости на войне.

Вильгельм Кейтель.

Он занимал ведущее положение в нацистской военной машине на протяжении многих лет. В «Фелькишер бео-бахтер» Кейтель писал: «Рейхсвер принимает национал-социализм безоговорочно. Армия, сохраняя железную дисциплину и исполненная сознанием своего долга, пойдет за рейхспрезидентом Гинденбургом и фюрером рейха Адольфом Гитлером, который некогда сам вышел из ее рядов и которого мы всегда будем считать своим человеком».

Когда Гитлер принял на себя командование вооруженными силами, он взял к себе Кейтеля в качестве главного советника и исполнителя всех агрессивных планов германского империализма. С 1938 года и до капитуляции Третьего рейха он возглавлял верховное командование вооруженными силами. Это был, по существу, военный штаб Гитлера. Лживость, коварство и безмерная жестокость, вообще свойственные фашистскому режиму, характеризуют деятельность Кейтеля на протяжении всей его служебной карьеры. Он буквально пресмыкался перед фюрером, всячески ему угождал. Ни одна агрессивная акция германского фашизма не обходилась без деятельного участия в ней Кейтеля. Все разбойничьи нападения на другие государства, начиная с плана «Отто» (захват Австрии) и кончая планом «Барбаросса», разрабатывались под непосредственным руководством Вильгельма Кейтеля. Он же активно участвовал в разработке и реализации человеконенавистнических планов

гитлеровцев, направленных на массовое уничтожение военнопленных и мирного населения на захваченных территориях, на расхищение и разграбление достояния оккупированных стран. Кейтелю на процессе задали вопрос:

— Вы исполняли преступные приказы, которые нарушали основные принципы чести профессионального солдата?

Кейтель ответил:

— Когда приказ был дан, я действовал по моему пониманию, согласно долгу службы, не смущаясь возможными последствиями, которые я не всегда представлял.

«Не представлял»? Когда Кейтель давал указания о расстреле комиссаров, военнослужащих — членов коммунистической партии, когда он подписывал приказ, в котором говорилось:

«Следует исходить из того, что смертный приговор пятидесяти или ста коммунистам должен быть достойной платой за жизнь одного германского солдата...», когда он предписывал:

«Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей», — он, вне сомнений, сознавал последствия и явную преступность этих и им подобных указаний, приказов и предписаний. Кейтель не мог не знать ст. 47 германского уголовного кодекса, которая устанавливала ответственность военнослужащего, выполнявшего преступный приказ начальника. Кейтель, равно как все генералы и офицеры вермахта, знал и эту норму, и сходные статьи международного права, а на суде попросту изворачивался, боясь наказания.

Кейтеля на процессе допрашивал Р. А. Руденко. Обвинитель спрашивает Кейтеля:

«Распоряжение о применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск», датированное 13 мая 1941 года, вы подписали?» Кейтель долго виляет. Наконец отвечает: «Да. Я никогда не оспаривал этого». Тогда обвинитель серией вопросов раскрывает страшные последствия этого распоряжения, предусматривавшего самые варварские способы расправы с советским гражданским населением. Он предъявляет и цитирует приказы Кейтеля, исполнение которых привело к мученической смерти миллионов людей, в том числе женщин и детей. Кейтель пытается дать свою интерпретацию этим приказам, но, в конце концов, признает свою ответственность.

Список преступлений Кейтеля весьма внушителен.

Р. А. Руденко продолжает разоблачать злодея в маршальских погонах:

«Вы помните, как на вечернем заседании 21 января 1946 г. свидетель Ламп рассказал, что из расстрела пятидесяти советских офицеров в лагере Маутхаузен устроили развлечение для Гимmlера. Вы помните показания свидетеля Блеха, как весной 1944 года были истерзаны пытками, а затем убиты девяносто четыре советских старших и высших офицера, отказавшиеся давать сведения военного характера.

Я хочу упомянуть о показаниях эсэсовца Пауля Вальдмана об истреблении восьмьсот сорока русских военнопленных.

Могу ли я умолчать о директиве Кейтеля клеймить советских военнопленных?

Нельзя забыть директиву Кейтеля от 16 декабря 1942 г. Она называется «Борьба с бандами».

Под «бандами» подсудимый Кейтель понимал всякое движение сопротивления и требовал от войск применения жесточайших мер без ограничения, в том числе против женщин и детей.

Под № СССР-162 советским обвинением было предъявлено показание Ле Курта. Он заявил, что расстреливал и сжигал советских граждан, поджигал их дома. Только он один лично расстрелял 1200 человек, за что ему досрочно было присвоено звание обер-ефрейтора и он был награжден восточной медалью. Ле Курт действовал в соответствии с указаниями Кейтеля. Директива Кейтеля о военной подсудности в районе «Барбаросса» делала подобных людей безнаказанными. На Кейтеле кровь убитых Ле Куртом и ему подобными.

Выполняя директиву Кейтеля о том, что жизнь в восточных странах абсолютно ничего не стоит, солдаты и офицеры гитлеровской Германии совершали свои злодеяния.

Обвинением предъявлен документ под № СССР-51 о том, как 28 августа 1941 года немецкие войска перед своими боевыми порядками, идя в атаку, гнали женщин, детей и стариков. А в деревне Колпино фашисты, заставив крестьян строить для себя мосты и блиндажи, потом всех их расстреляли.

Я хочу заключить документом под № СССР-336.

Вы помните, господа судьи, этот документ. В нем адмирал Кана-рис сообщал Кейтелю о произволе в лагерях военнопленных, голоде, массовых расстрелах советских военнопленных.

Даже матерый фашистский разведчик Канарис, боясь ответственности, не мог пройти мимо вопиющих фактов произвола и нарушения всех общепринятых законов и обычаев войны. Вы помните также резолюцию Кейтеля на этом докладе:

«Я одобряю и покрываю эти мероприятия». Я спросил подсудимого Кейтеля во время перекрестного допроса 7 апреля 1946 года:

«Вы, подсудимый Кейтель, именуемый фельдмаршалом, неоднократно здесь, перед трибуналом, именовавший себя солдатом, вы своей кровавой резолюцией в сентябре 1941 года подтвердили и санкционировали убийства тысяч безоружных солдат, попавших к вам в плен. Это правильно?»

Кейтель вынужден был признать этот факт.

Уже одна такая резолюция полностью раскрывает действительное, подлинное лицо фельдмаршала Кейтеля. Никакие изощренные, надуманные доводы защиты не смогут снять с Кейтеля ответственность за кровь и бесчисленные человеческие жизни, оборванные рукой фашистской военщины во исполнение приказов и директив, подписанных рукой подсудимого Кейтеля».

На заседаниях Международного военного трибунала оглашены сотни изобличающих документов. И можно без преувеличения сказать, что на большинстве из них, словно каинова печать, стоит гриф «ОКВ» («Обер-командо дер вермахт») — верховное командование вооруженных сил. Руководящими работниками «ОКВ» были Кейтель и Йодль, а там, где нет этого грифа, обязательно фигурирует имя одного из представителей военной клики.

В приговоре в отношении Кейтеля сказано: «Смягчающих вину обстоятельств нет. Приказы сверху даже для солдата не могут рассматриваться как смягчающее вину обстоятельство там, где сознательно, безжалостно, без всякой военной необходимости или цели совершались столь потрясающие и широко распространенные преступления».

Подсудимый

Альфред Йодль

несет равную ответственность с подсудимым Кейтелем в качестве его заместителя и ближайшего военного советника Гитлера.

Все то, что касается подготовки и осуществления агрессивных планов гитлеровской Германии, неразрывно связано с именем Йодля так же, как и с именем Кейтеля.

Нет необходимости в том, чтобы снова перечислять все те агрессивные акции гитлеровской Германии, которые теперь достаточно хорошо известны и каждая из которых была задумана и осуществлена при непосредственном участии подсудимого Йодля.

Р. А. Руденко в заключительной речи говорит:

«Я хочу как представитель Союза Советских Социалистических Республик подчеркнуть еще раз, что преступный план вероломного нападения на Советский Союз, названный гитлеровцами именем горе-завоевателя Фридриха Барбароссы, наряду с подписями Гитлера и Кейтеля имеет подпись подсудимого Йодля. Но это не только подпись.

Подсудимый Йодль заранее знал о действительных целях нападения Германии на СССР, о грабительском, захватническом характере войны, предусматривающей расчленение Советского Союза.

Издавательски звучат слова подсудимого Йодля о «солдатской чести», когда читаешь его приказ об уничтожении Ленинграда, Москвы и других городов Советского Союза.

Не кто иной, как тот же Йодль на совещании у Гитлера 1 декабря 1941 г. с неповторимым цинизмом утверждал, что советских патриотов немецкие войска могут безнаказанно «вешать, вешать головой вниз, четвертовать».

Ближайший военный советник Гитлера, непосредственный участник подготовки и осуществления всех кровавых агрессивных планов гитлеровской Германии, подсудимый Йодль по праву занимает место в ряду главных немецких военных преступников.

Это он говорил, что Россию нужно усмирить огнем и свинцом.

В Нюрнберге Йодль начал свое восхождение.

В Нюрнберге закончилась и его преступная деятельность.

Гитлер вещал: «Разрешение наших задач возможно только путем нападения. Решать вопросы надо только с помощью меча». Кейтель, Йодль с усердием выполняли злодейские приказы Гитлера.

Эрих Редер.

С 1928 года занимал пост начальника главного морского штаба.

После захвата власти фашистами Редер назначается главнокомандующим военно-морского флота Третьего рейха.

Это он способствовал созданию пиратского флота и его подготовке к большой морской войне.

Редер лично причастен к военным преступлениям фашизма.

С именем Редера связаны директивы по уничтожению Ленинграда. За несколько дней до вторжения в Советский Союз он дал указание атаковать советские подводные лодки в районе Балтийского моря.

Лишь в 1943 году Гитлер поменял Редера на Деница.

На одном из заседаний трибунала было сообщено, что на предварительном следствии в Москве Редер в письменном виде дал характеристики сидящим с ним подсудимым.

По мнению Редера, характерными чертами Геринга было «невероятное тщеславие, честолюбие, любовь пускать пыль в глаза, неверность, эгоистичность. Он особенно отличался жадностью, изнеженными манерами, несвойственными солдату».

О Денице Редер отзывался не лучше: «...Мне не нравилось его высокомерие и его зачастую бестактное поведение».

Кейтель, по мнению Редера, «человек невероятно слабовольный, который благодаря этому качеству столь долго пребывал на этой высокой должности».

Но это не спасло Редера от сурового, но справедливого наказания. Трибунал признал его виновным в преступлениях против мира и в военных преступлениях и приговорил к пожизненному заключению.

Был выпущен «по старости» в 1958 году.

Карл Дениц.

В обвинительном акте указывалось: «Дениц был таким же военным преступником, как и Геринг, Гиммлер, Кейтель...

Обвиняемый Дениц в период с 1932 по 1945 год был командующим подводной флотилии, главнокомандующим подводным флотом, вице-адмиралом, адмиралом, гроссадмиралом и главнокомандующим германским военно-морским флотом, советником Гитлера, преемником Гитлера как главы германского правительства. Обвиняемый Дениц использовал вышеуказанные посты, свое влияние и тесную связь с фюрером таким образом, что он способствовал подготовке войны. Он санкционировал, руководил и принимал участие в военных преступлениях, указанных в разделе третьем обвинительного акта, включая в особенности преступления против лиц и собственности в открытом море».

Он планировал сохранить фашистский режим путем капитуляции перед западными державами и продолжения военных действий на советско-германском фронте. Аджутант Деница Людс-Нейрат рассказывал об обстановке в Фленсбурге: «Правительство и главный штаб вермахта сохранились здесь в неприкосновенности. Всем офицерам и батальону охраны было оставлено оружие. И после вступления в силу акта о безоговорочной капитуляции положение не изменилось».

Только после протеста советского военного командования 23 мая 1945 года комиссия в составе английского генерала Форда, американского генерала Рукса и советского генерала Трусова объявила Деницу, что получено распоряжение арестовать его и возглавляемое им правительство.

Через несколько дней правительство Деница в полном составе было доставлено в Нюрнбергскую тюрьму.

5 июня 1945 года Черчилль, скорбя по поводу ареста Деница, писал главнокомандующему английскими войсками в Европе Монтгомери: «Я не хочу, чтобы германских адмиралов и генералов, с которыми мы недавно договаривались, заставляли стоять с поднятыми руками».

Стремление Черчилля использовать остатки фашистской армии против Советского Союза было очевидным.

С ним были солидарны и американские правители, но внешне вели себя более сдержанно. Они выжидали.

В своих воспоминаниях о Нюрнбергском процессе помощник Главного обвинителя профессор М. Ю. Рагинский писал: «Осторожное поведение американских властей объяснялось следующими причинами: нельзя было полностью игнорировать настроение народных масс, дружелюбно настроенных к Советскому Союзу; не было военного превосходства над СССР, «бэби» (атомная бомба —

Прим. авт.

) еще не появилась на свет; не была еще окончена война с Японией».

В приговоре трибунала подчеркивается, что «истина состоит в том, что германские военные руководители активно участвовали в совершении военных преступлений в более широких масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать».

Обвинители предлагали признать гитлеровское правительство, генеральный штаб и верховное командование фашистской Германии преступными организациями. Однако трибунал не согласился с этим предложением. Член трибунала И. Т. Никитченко остался при особом мнении, в котором указал, что отказ в признании ОКВ и генштаба преступными организациями противоречит фактическому положению вещей и доказательным материалам. Германская военщина накрепко срослась с нацизмом. Генерал-преступники — не слепые исполнители воли фюрера. Они не только выполняли приказы, но и были творцами, первыми советниками Гитлера в планировании и проведении военных авантюр.

Прокурор Тейлор дал оценку гитлеровской военной касте: «Германский милитаризм, если он вновь возродится, вовсе не обязательно должен появиться на свет под эгидой гитлеризма. Германские милитаристы пойдут на сделку с любым человеком и любой партией, которая даст им возможность восстановить германский военный потенциал. Мы видели, как они добивались этого прежде...».

Эрнст Кальтенбруннер

Кальтенбруннер принимал участие в уничтожении значительного числа заключенных с тем, чтобы предотвратить освобождение их союзными армиями.

(Из приговора Международного военного трибунала)

На скамье подсудимых в Нюрнберге должен был сидеть Гиммлер, но его место занял Эрнст Кальтенбруннер, который после 1943 года занял пост главы РСХА — Главной имперской канцелярии безопасности. Он имел чин обергруппенфюрера СС и генерала полиции.

В состав РСХА входили: секретная полиция рейха, ведавшая концентрационными лагерями и лагерями уничтожения, полиция безопасности («ЗИПО»), гестапо, криминальная полиция («КРИПО») и СД — службы безопасности. Кальтенбруннер напрямую подчинялся Гиммлеру — рейхсфюреру СС и как начальник Эйхмана (который возглавлял сектор Б-4 IV-го отдела РСХА) нес ответственность за «акции» против евреев, за организацию их истребления.

Для своей карьеры Кальтенбруннер использовал любые средства; ни один человек не мог чувствовать себя в безопасности рядом с ним.

Личный врач Гиммлера Керстен говорил о нем: «Никогда не видел в своем кабинете столь быкоподобного и ограниченного человека. Чтобы начать соображать, ему необходимо напиться».

М. Ю. Рагинский писал об омерзительном палаче Кальтенбруннере: «Им направлялись на оккупированных территориях действия эйнзацгрупп, зондеркоманд и других палаческих организаций германского фашизма, под его непосредственным руководством создавались чудовищные средства массового истребления людей — газовые камеры, душегубки, фабрики смерти.

...Гитлеровцы погребали людей заживо, травили собаками, сжигали, калечили, ослепляли и оскопляли, раздевали на морозе догола и обливали холодной водой, давили гусеницами танков, детей ставили как мишени и упражнялись в стрельбе».

В приговоре трибунала указывается: «Кальтенбруннер принимал участие в уничтожении значительного числа заключенных с тем, чтобы предотвратить освобождение их союзными армиями».

По его указанию были выведены в море и потоплены два больших судна с заключенными из концлагеря Нейнгамме.

Как показал на суде начальник лагеря Заксенхаузен Август Хён, 45-и тысячам узников этого лагеря готовилась такая же участь. Только быстрое продвижение Красной Армии спасло их от смерти.

Советский обвинитель полковник Л. Н. Смирнов представил трибуналу выписку из дневника Франка, где подробно зафиксировано совещание в Варшаве, на котором решался вопрос о судьбе евреев, еще оставшихся в Польше. Оказывается, на этом совещании присутствовал и Кальтенбруннер, и главный полицейский Польши Крюгер.

Шеф гестапо отрицает, что Крюгер просил его передать Гиммлеру отчет об уничтожении евреев.

Привожу выдержку из стенограммы процесса.

Смирнов:

Минуточку. Но почему все-таки Крюгер действовал через вас?

Кальтенбруннер:

Как статс-секретарь по линии полиции безопасности в генерал-губернаторстве он подчинялся непосредственно Гиммлеру.

Смирнов:

Я вас прошу ответить коротко — просил ли вас Крюгер представить отчет Гиммлеру или нет? Это все, о чем я вас спрашиваю.

Кальтенбруннер:

Насколько я знаю, на этом совещании присутствовало много чиновников администрации, и каждого, кто был близок к фюреру или Гиммлеру, кто-нибудь о чем-нибудь просил.

Смирнов:

Я вас прошу ответить на вопрос: да или нет...

Кальтенбруннер:

Этого я не знаю.

Смирнов:

Не знаете? Тогда я вам задам другой вопрос...

Председатель

(обращаясь к подсудимому): Что вы ответили на последний вопрос? Я вас (обращаясь к обвинителю) попрошу повторить последний вопрос... Задайте ему вопрос и добейтесь, чтобы он на него ответил.

Обвинитель ничего не добился.

Кальтенбруннера обвиняют в том, что он не только знал о разработанной во всех деталях программе массовых убийств, но и являлся одним из главных ее исполнителей. Кальтенбруннеру известно: у обвинителей имеются показания свидетелей о том, что он посещал лагерь уничтожения и лично наблюдал за тем, как производилось там умерщвление людей. Но он все отрицает. Пару раз, будто бы, Гиммлер действительно рекомендовал ему съездить в концлагерь. «Но я никогда не принимал участия в таких инспекционных поездках. Мне доподлинно было известно, что для меня, как и для других лиц, которых Гиммлер приглашал посетить лагерь, выстраивались «потемкинские деревни». За свидетельской трибуной — комендант лагеря Освенцим Рудольф Гесс. Обвинитель спрашивает Гесса: «Кто отдавал приказы о направлении миллионов людей в концлагерь и их массовых казнях?»»

Гесс:

Сначала Гейдрих, а затем все приказы о превентивном заключении, о ссылке, наказаниях и особых казнях подписывал Кальтенбруннер либо его заместитель.

Кальтенбруннер сник, но продолжает гнуть свою линию. Он все отрицает, отрицает бесстыдно, нагло, отрицает неопровержимые улики, которые ему предъявило обвинение. Он отрекался даже от своих собственных подписей.

Основные штрихи к портрету обер-палача, инквизитора Кальтенбруннера дополнил Р. А. Руденко:

«Подсудимый Кальтенбруннер был тем, кого Гиммлер счел наиболее достойным назначить на место казненного чешскими патриотами палача Гейдриха.

30 января 1943 года он был назначен начальником главного управления полиции безопасности и СД.

Многочисленными документальными данными, в частности, приказами за подписью Кальтенбруннера о массовом направлении людей в концлагерь, показаниями своих подчиненных, в том числе показаниями бывшего начальника главного разведывательного управления (Амт VI) Вальтера Шелленберга и начальника внутренней разведки (Амт III и СД) Отто Олендорфа, Кальтенбруннер полностью изобличен в совершении тягчайших преступлений.

На судебном заседании 12 апреля 1946 г. при допросе Кальтенбруннера были оглашены показания Иоганна Кандутора, бывшего заключенного Маутхаузена. В своих показаниях Кандутор рассказывает о том, как проводил время Кальтенбруннер при посещениях лагеря.

«Кальтенбруннер со смехом вошел в газовую камеру; затем людей привели из барака на казнь, и потом были продемонстрированы все три вида казни — повешение, расстрел в затылок и отравление газом».

Я не стану останавливаться на имеющихся многочисленных доказательствах, они достаточно освещены перед судом. Но на одном обвинении из числа предъявленных Кальтенбруннеру я все же считаю нужным остановиться.

Вместе с другими учреждениями РСХА Кальтенбруннер принял после Гейдриха пять эйнзацгрупп. Граждане Советского Союза хорошо помнят эти злодейские организации германского фашизма, возглавленные Кальтенбруннером.

Эйнзацгруппа А дошла до подступов к Ленинграду. Это она организовала «форт смерти № 9» под Каунасом, тайный пункт массового умерщвления людей в Понарах, осуществляла расстрелы в Саласпилском и Бикернекском лесах под Ригой, ставила ряды виселиц в парках одного из пригородов Ленинграда — Пушкине.

Эйнзацгруппа В остановилась под Смоленском. Это она сжигала заживо крестьян Белоруссии, расстреливала людей при страшной акции в Пинске, топила тысячи белорусских женщин и детей в Мозырских болотах, травила душегубками в Минске, ликвидировала гетто в районе Верхних Садков в Смоленске.

Эйнзацгруппа С дислоцировалась в Киеве. Эта группа осуществляла беспримерную по жестокости массовую акцию немцев в Бабьем Яру под Киевом, где за один день было уничтожено 100 тысяч советских людей.

Эйнзацгруппе О были отданы на растерзание южные области из числа временно оккупированных областей Советского Союза. Эта группа впервые испытывала на советских людях душегубки в Ставропольском крае и Краснодаре.

Решая судьбу Кальтенбруннера, нельзя позабыть этих людей, отравленных в душегубках под Ставрополем, зарытых живыми в могилы под Киевом и под Ригой, заживо сожженных в пылавших деревнях Белоруссии.

Эти невинные жертвы — на его грязной совести».

Кальтенбруннер осуществлял наиболее отвратительную функцию в общем преступном плане гитлеровской клики.

Он и в последнем слове говорил «всю правду», чтобы трибунал вынес «справедливый приговор».

—

Обвинители возлагают на меня ответственность за концентрационные лагеря, за уничтожение евреев, за действия эйнзацгрупп и так далее. Все это не соответствует ни предъявленным доказательствам, ни истине.

Вопреки общераспространенному мнению, я решительно и категорически заявляю, что не знал о деятельности Гимmlера... В вопросе о евреях я также долго заблуждался.

Кальтенбруннер даже не отрицает, что миллионы людей уничтожены нацистами, проклинает эту политику и мечтает лишь о лучшем будущем для людей.

— Я от души приветствую ту идею, что истребление народов должно быть заклеимлено международным соглашением как преступление и должно строжайшем образом наказываться. Но трибунал решил освободить человечество от такого «правдолюбца» и приговорил Кальтенбруннера к смертной казни через повешение.

Альфред Розенберг

Вот он, недоношенный немецкий царек Альфред I, который должен был развести на богатых землях России образцовое случное немцеводство с производителями из СС.

Илья Эренбург

Из обвинительного акта:

«Обвиняемый Розенберг использовал занимаемые посты, свое личное влияние и тесную связь с фюрером следующим образом: он развивал, распространял и применял методы нацистских заговорщиков; он способствовал приходу к власти нацистов и консолидации их контроля над Германией; он способствовал психологической подготовке к войне; он участвовал в политическом планировании и подготовке к агрессивным войнам и войнам, нарушающим международные договоры, соглашения и заверения; принимал участие в военных преступлениях и в преступлениях против человечности, включая многочисленные преступления против отдельных лиц и собственности».

Когда на процессе Розенберга спросили: «Вы были ближайшим сподвижником фюрера?», он с возмущением закричал: «Нет, это не правда, я никогда не был им!»

Но как бы не отрекался Розенберг от своего фюрера, ему не смыть кайнову печать «одного из старейших и самых верных» товарищей Гитлера.

На протяжении многих лет Розенберг под руководством Гитлера разрабатывал план мирового господства, оправдывая эти агрессивные планы человекоистребительной расовой теорией.

Программа агрессии и очищения захваченных территорий от «нежелательных элементов» с немецкой пунктуальностью претворялась в жизнь.

В заключительной речи Р. А. Руденко говорил:

«Розенберг довел все расовые воззрения до предела расового изуверства... Когда создавались комбинаты смерти в Майданеке и Освенциме, Трешлинке и Хелмно, во всем этом немалая доля ответственности Розенберга.

В этом сказался результат фашистской расовой идеологии, сущность которой состоит в том, что арийская, северогерманская раса есть «раса господ», а все остальные расы и нации — «низшая раса».

Розенберг ядом своих расовых теорий идейно помогал Гитлеру осуществлять бредовые планы мирового господства.

Обвинение доказало суду, что все чудовищные преступления гитлеровцев на оккупированных территориях совершались при непосредственном его участии.

В ноябре 1942 года Розенберг выступил на заседании германского «трудового фронта».

«Гебитскомиссары и коменданты, — говорил он, — в необозримых Восточных областях должны проявлять твердость, занимать позиции, которые не будут считаться с жизнями тысяч людей и их интересами..., произвол и тирания будут чрезвычайно подходящей формой управления».

Виза Розенберга стоит на приказе от 14 июня 1944 года относительно «акции Сено». Согласно этой акции оккупационные власти были обязаны захватить на территории СССР 40-50 тысяч подростков в возрасте 14-15 лет и отправить их в Германию для онемечивания.

На процессе было представлено письмо Розенберга Кейтелю от 22 февраля 1942 года. Вот что в нем говорилось:

«Судьба советских военнопленных, находящихся в Германии, является трагедией величайших размеров... Значительная часть из них умерла от голода или климатических условий. Тысячи погибли от сыпного тифа.

Во многих случаях, когда военнопленные не могли продолжать пешие переходы вследствие голода и истощения, их расстреливали на глазах приведенного в ужас гражданского населения, а трупы оставляли непогребенными. Их умерщвляли голодной смертью».

Розенберг писал это письмо не для того, чтобы осудить «трагедию величайших размеров». Он сетовал на то, что из-за такого отношения к военнопленным теряется рабочая сила, в которой фашистская Германия очень нуждалась.

Это он, Розенберг, направил Гитлеру свои предложения о разделе Советского Союза на рейхскомиссариаты и назначении фашистских правителей в оккупируемые области. В предложениях Розенберга фигурируют Белоруссия и Украина, Минск и Киев, Ростов и Тбилиси, Ленинград и Москва. И в качестве рейхскомиссара Москвы Розенберг рекомендовал небезызвестного Эриха Коха. Розенберг торопился объявить СССР уничтоженным. Им был создан «эйнзацштаб Розенберга», который осуществлял разграбление произведений искусства».

Розенберг 16 апреля 1943 года докладывал, что в Германию было отправлено 92 железнодорожных вагонов, вмещавших 2775 ящиков с упакованными произведениями искусства. Из них 53 было доставлено прямо Гитлеру, а 594 — Герингу. Розенберг определил стоимость этих произведений искусства в один миллиард долларов. Описание награбленного составило 39 томов. Солидная часть награбленного перекочевала в многочисленные поместья Розенберга. По приговору трибунала свой жизненный путь Розенберг закончил на виселице. Соболезнований никто не высказывал.

Ганс Франк

Если мы выиграем войну, то тогда... поляков и украинцев... можно пустить хоть на фарш.

Имперский министр доктор Ганс Франк

Франк — близкий к Гитлеру человек. Фюрер назначил его баварским министром юстиции и президентом Академии германского права.

Франк так обрисовал в 1942 году свою деятельность в Третьем рейхе:

«С 1920 года я постоянно посвящал свою работу национал-социалистической партии, участвовал в ноябрьских событиях 1923 года («пивной путч» в Мюнхене — Прим. авт.), за что получил Орден крови...

В 1926 году фюрер... сделал меня лидером национал-социалистической лиги юристов... Я объявляю себя сейчас и навсегда национал-социалистом и верным последователем фюрера Адольфа Гитлера, которому служу с 1919 года».

Именно Франку вверил Гитлер в 1939 году управление порабощенной Польшей.

Вот как определял Франк программу уничтожения польского народа: «Польша должна рассматриваться как колония, поляки будут рабами великой германской мировой империи». Далее Франк уточняет: «Бронированным кулаком надо вбивать в головы строптивых поляков сознание того, что в настоящее время ими управляет раса господ».

Слова претворялись в дела.

Массовое истребление людей, превращение страны в сплошной концентрационный лагерь, голод, нищета.

Среди доказательств нацистских злодеяний в Польше на процессе фигурировал доклад фашистского генерала Штумпфа об уничтожении еврейского гетто в Варшаве. Доклад представлял толстую книгу, переплетенную в свиную кожу с золотой каймой.

Борис Полевой так писал об этом: «Если бы кровь несчастных, о гибели которых говорится в нем, вдруг выступила из земли, образовалось бы озеро и утонули бы в нем не только выродки, сидящие на тех скамьях, но и сотни виновников этого сатанистского дела».

23 апреля 1943 года рейхсфюрер СС издал приказ, в котором потребовал как можно скорее «со всей жестокостью и безжалостностью» уничтожить население Варшавского гетто. Докладывая начальству о выполнении этого приказа, Штумпф заявляет:

«Я решил уничтожить всю территорию, где скрывались евреи, огнем, поджигая каждое здание». Он описывает, как евреи, искавшие спасения на верхних, еще не охваченных пожаром этажах, бросали вниз перины, матрацы и, надеясь спастись, прыгали на них, бросали на них стариков, детей. С переломанными ногами, волоча детей на спине, несчастные пытались на руках уползти прочь от страшного пожарища и скрыться в развалинах. Гитлеровцы с песнями, весело делавшие свое дело, охотились на этих несчастных и практиковались в стрельбе по этим движущимся мишеням.

Многие предпочитали смерть от дыма и газа встрече с палачами. Забившись со своими детьми в глухие углы варшавской канализации, они ждали там смерти от голода и недостатка воздуха.

Штумпф и его люди — нет, нелюди, нельзя называть людьми эту гитлеровскую мразь, — вся эта банда решила не дать спасавшимся в подземельях канализации умереть своей смертью.

Все эти и многие другие ледящие душу злодеяния совершались по приказу Франка. Когда под натиском Красной Армии фашистские войска обратились в бегство, Франк, удирая из Польши, погрузил в железнодорожный состав не только украденные им бесценные произведения искусства, но и тщательно переплетенные 38 томов своего дневника — документальные доказательства зверских преступлений, организованных и осуществленных под его руководством на территории Польши.

О целях ведения дневника сам Франк писал в 1942 году так: «Основную работу, проделанную на данной территории с 1939 года, я в общих чертах отобразил в дневниках, в стенографических записях своих выступлений. Этот единственный в своем роде рабочий журнал останется на все времена свидетельством того, с какой ответственностью приступил я к исполнению порученной мне задачи, с каким энтузиазмом выполняли свои задачи мои добросовестные сотрудники».

Случилось иначе. Этот «единственный в своем роде документ» действительно остался «свидетельством на все времена», но только не заслуг, проявленных в деле укоренения германского духа на Востоке, а геноцида.

Несколько месяцев спустя Франку пришлось передать дневник офицерам американской разведки, которые арестовали его в мае 1945 года в маленьком баварском городишке Нейхаус, где он скрывался в конце войны.

Когда после неудачной попытки покончить с собой, вскрыв вены, Франка спросили о дневнике, он подтвердил его назначение и подлинность, а потом сказал: «Я ничего не хочу утаивать. Речь идет об историческом документе».

Вскоре «Дневник» действительно стал историческим документом, хотя совсем не в том смысле, как того хотел его автор.

Дневник Франка сообщил не только множество фактов, сведений и подробностей, но позволил также увидеть страшный, а временами недоступный здравому пониманию механизм, приводивший в действие гитлеровскую партийную и государственную машину.

В ходе подготовки Нюрнбергского процесса Франка признали одним из главных преступников, которым предстояло занять скамью подсудимых на первом процессе в трибунале. Его фамилия оказалась под номером 6. Самолюбие Франка было уязвлено. Он считал себя гораздо более важным деятелем, нежели «поставленные выше» Риббентроп или Розенберг.

После ареста Франк в тюремной камере принял католичество и подчеркнуто демонстрировал свою набожность. Перед трибуналом, а потом и в своих мемуарах, писавшихся в тюрьме (они опубликованы его вдовой спустя много лет после процесса), Франк выдвинул целую идейно-религиозную концепцию, доказывая, что единственный источник и причина зла состояли в том, что Гитлер и его движение «отвернулись от бога».

Показания дает генерал-губернатор.

Защитник Зейдль задает вопросы Франку, дающему показания в качестве свидетеля по своему собственному делу. Подсудимого приводят к присяге, и его показания, данные под присягой, имеют полную доказательную силу, если не будут поставлены под сомнение или опровергнуты в ходе перекрестного допроса прокурора.

Зейдль спрашивает Франка о его отношении к проблеме войны и мира.

Франк:

Никто не стремится к войне как к таковой. Война — это что-то страшное. Мы уже пережили одну войну. Мы не хотели войны. Мы хотели великую Германию, мы хотели свободную и здоровую Германию. Моей мечтой и мечтой каждого из нас было мирным путем добиться пересмотра Версальского договора, что, кстати, предусматривалось и в самом договоре. Поскольку же в этом мире блоков и договоров только тот имеет право голоса, кто силен, Германия должна была стать сильной, прежде чем вступить в переговоры.

Таким был мой взгляд на события, на необходимость укрепления мощи рейха... И я был счастлив, когда Адольф Гитлер, создав движение, которое не имеет себе равных в истории человечества, прекрасное движение, сумел в конце 1933 года достичь именно этих целей».

Председатель трибунала:

Мне кажется, о том же самом уже говорил нам подсудимый Геринг и говорил нам подсудимый Риббентроп.

Зейдль

(трибуналу): Свидетель уже окончил ответ на эту тему. (Франку): Скажите, пожалуйста, свидетель, каково было ваше участие в том, что происходило в Польше после 1939 года?

Франк:

Я хочу нести ответственность за все. Когда 30 апреля 1945 года Адольф Гитлер скончался, я решил, что не буду уклоняться от ответственности, но приму ее на себя, ничего не утаивая от мира и ничем не прикрываясь. Я не уничтожил 43 тома моих дневников (сохранилось 38 томов —

Прим. авт.

), в которых описываются все эти события и мое в них участие, и по собственной воле вручил их американскому офицеру, который меня арестовал.

Зейдль:

Чувствует ли свидетель себя виновным в совершении преступления нарушения международного права или преступления против человечества?

Председатель:

Это вопрос, решение которого относится к компетенции трибунала,

Зейдль:

В таком случае я снимаю этот вопрос. Что свидетель может сказать по поводу обвинений, выдвинутых против него в обвинительном акте?

Франк: Могу только сказать, что прошу трибунал оценить масштабы моей вины после завершения судебного разбирательства. Я лично (говорю это в глубочайшем убеждении и на основе того, что пережил за 5 месяцев процесса) должен признать, что, получив возможность взглянуть на все чудовищные злодеяния, какие были совершены, я чувствую, что на мне лежит страшная вина.

Немного позднее, когда защитник перешел к вопросам, затрагивающим проблему истребления евреев, Франк сказал: «Пройдет тысяча лет, прежде чем забудется эта вина Германии».

Оба эти заявления привели в замешательство и подсудимых, и защиту.

Когда прокурор начал приводить по дневнику выдержки из речей и заявлений Франка, Зейдль в отчаянии схватился за голову и воскликнул: «Боже милостивый! Ведь этот человек не закрывал рта в течение четырех лет».

Но вскоре стало понятно, что это не было искренним раскаянием. Так как за якобы признанием своей вины он много часов пытался убедить суд, что ни в чем не виновен. Его потуги обелить себя провалились. Собранных против него доказательств, как утверждали юристы, хватило бы для вынесения смертного приговора десяти, а не одному подсудимому.

Р. А. Руденко так характеризовал этого «ученого юриста», безжалостного душителя многострадальной Польши, по приказам и с ведома которого были уничтожены миллионы ни в чем не повинных людей:

«Преступная деятельность Франка в Польше настолько многообразна, что нет никакой возможности в краткой речи восстановить перед судом все многочисленные доказательства виновности Франка, предъявленные в этом зале и, очевидно, свежие еще в памяти судей.

Но в преступной деятельности Франка в Польше нужно выделить главное, и этим главным является преступная деятельность Франка как убийцы миллионов людей.

Конечно, он грабил, он был уполномоченным Геринга по четырехлетнему плану и грабил, так сказать, по должности».

Франк послал более двух миллионов поляков на каторгу в Германию для того, чтобы выжать из них все возможное в интересах рейха перед тем, как обречь их на смерть. Режим, установленный Гансом Франком в Польше на всех стадиях временного немецкого господства в этой стране, был бесчеловечным режимом умерщвления миллионов людей различными, но одинаково преступными методами.

В 1944 году на совещании сельскохозяйственных фюреров в За-копане Франк сказал:

«Если бы мы выиграли войну, то тогда, по моему мнению, поляков и украинцев и все то, что околачивается вокруг генерал-губернаторства, можно превратить в рубленое мясо. Лишь бы удержать их во время войны в подчинении. Пусть будет что будет!».

Уже не от Франка зависело то, что в 1944 году, мечтая о том, как обратить поляков и украинцев в рубленое мясо, он вынужден был добавить неопределенную фразу: «если бы мы выиграли войну». В это время Франк не мог уже быть столь определенным в своих выражениях, как 2 августа 1943 г., когда на приеме функционеров НСДАП в королевском зале Краковского дворца заявил о судьбе уничтоженных польских евреев: «Сейчас от них осталось лишь несколько рабочих рук. Все другие, скажем мы когда-нибудь, эмигрировали».

На суде Франк валил всю вину на Гимmlера. В свое оправдание он говорил: «Я был только административным карликом». Этот лысый, омерзительный карлик пожирал за день десятки тысяч человек.

Юлиус Штрейхер

Штрейхера можно считать подлинным «духовным отцом» тех, кто разрывал надвое детей в Трeблинке.

Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко

Один из создателей фашистской партии, активный участник мюнхенского путча, организатор еврейских погромов, идеолог антисемитизма, издатель коричневой газеты «Дер Штюрмер», извращенец (он испытывал маниакальную привязанность к малолетним девочкам —

Прим. авт.

). Подсудимые избегали общения с ним. На его попытки заговорить отвечали молчанием.

Да, все сидящие на скамье подсудимых в Нюрнберге были злодеями, но даже они невольно испытывали чувство неловкости за то, что этот тупой и мерзкий человек сидит рядом с ними.

Штрейхер написал на обвинительном заключении: «Это триумф всемирного еврейства».

В ходе всего процесса Штрейхер безуспешно пытался убедить судей, что он никогда не одобрял убийств и не призывал к истреблению евреев. Он утверждал, что в составе трибунала трое судей — евреи. Когда Штрейхера спросили, каким образом он это установил, в ответ последовало, что в этой области он исключительный знаток. «Я моментально умею различать кровь. Трое судей очень смущаются, когда я смотрю на них. Я-то уж знаю... 20 лет изучаю расовые проблемы. Я в этом вопросе авторитет. Гимmlер считал себя авторитетом, но не имел об этом никакого понятия... Кстати, у него самого тоже была примесь негритянской крови».

Единственный вывод, к которому этот нацист пришел во время процесса после того как были выявлены и подтверждены документально все преступления, заключался в том, что «...замысел Гитлера уничтожить всех евреев, конечно, был непрактичным. Лучшее доказательство — сколько их осталось во всех странах. А впрочем, Гитлер совершил ошибку, убивая их так много. Он сделал из них расу мучеников, а это отодвинет окончательное решение еврейского вопроса на сто лет... Евреи употребили все свое влияние, чтобы довести дело до этого процесса».

В конце процесса Штрейхер пришел к выводу, что евреи — такая сила, которой суждено господствовать в мире. Он относится к ним с огромным восхищением, а знает их он так превосходно, что мог бы быть им полезен. Он готов предложить им свои услуги, хотя бы в качестве руководителя одной из групп, которые как раз сейчас сражаются в Палестине против англичан. Или пусть ему только позволят выступить с речью на большом митинге в нью-йоркском «Мэдисон сквэр гардиан». Подумайте только, какой бы это эффект произвело во всем мире: он, Юлиус Штрейхер, выступает в поддержку всемирного еврейства! Он готов был бы сражаться за евреев, если бы они захотели принять его как своего. Трудно придумать ложь глупее и трудно представить себе более гнусного человека. Весь его облик, каждое его слово вызывало отвращение. Тяга к порнографии самого примитивного пошиба проявлялась в характере самой разнузданной, самой пошлой антисемитской пропаганды. По единодушному мнению врачей и психологов, антисемитизм Штрейхера был явно маниакального свойства. Убийственно верную характеристику «антисемиту №1» в своей заключительной речи дал Р. А. Руденко:

«Несмотря на то, что в годы войны подсудимый Юлиус Штрейхер формально не занимал должностей, непосредственно связанных с осуществлением убийств и массовых казней, — трудно переоценить преступления, совершенные этим человеком.

Наряду с Гиммлером, Кальтенбруннером, Полем — теми, кто замыслил, конструировал и привел в действие газовые камеры, душегубки, наряду с теми, кто непосредственно осуществлял массовые акции, Штрейхер должен нести ответственность за наиболее жестокие преступления германского фашизма.

Разжигание национальной и расовой розни, воспитание извращенной жестокости и призывы к убийствам были не только долголетней партийной обязанностью, но и доходной специальностью этого человека.

В течение долгого ряда лет Штрейхер духовно растлевал детей и молодежь Германии. Суду были представлены гнусные «детские издания» «Штюрмера». И поэтому вместе с Бальдуром фон Ширахом Штрейхер должен нести ответственность за то, что морально изуродованная им гитлерюгенд использовала в качестве мишеней еврейских детей, взятых из львовского гетто. Изуверские «нюрнбергские законы» были для этого юдофоба № 1, как он сам называл себя, и организатора первых еврейских погромов лишь началом борьбы. Как помнит суд, после издания этих законов Штрейхер, призывая к физическому уничтожению евреев Европы, писал: «...только тогда, когда мировое еврейство будет уничтожено, эта проблема будет разрешена». Я не стану возвращаться также к тем лживым и позорным ритуальным номерам «Штюрмера», которые должны были натравить эсэсовцев на убийство миллионов беззащитных людей и оправдать любые зверства в отношении евреев. Эти доказательства виновности Штрейхера, предъявленные суду в числе других, общеизвестны и бесспорны.

В 1939 году он, предвкушая Майданек и Трешлинку, писал о том, что «возможно, только могилы евреев заявят о том, что они существовали в Европе».

В 1943 году, когда газовые камеры Трешлинки и Освенцима уже принимали миллионы жертв, в «Штюрмере» были опубликованы статьи, подстрекающие к ликвидации гетто, статьи, полные лжи и злорадства, и, наконец, «Штюрмер» с садистским удовлетворением констатировал: «Евреи в Европе исчезли».

Штрейхер лгал всю свою жизнь. Он пытался лгать и здесь во время суда. Я не знаю, рассчитывал ли он обмануть кого-нибудь этой ложью или лгал по привычке и от страха. Но кажется мне, что самому подсудимому должно быть ясно: его последняя ложь уже никого не обманет и не принесет ему спасения».

Вряд ли нужно что-либо добавлять к характеристике духовного отца тех, кто разрывал надвое детей в Трешлинке.

Гельмар Шахт

В обвинительном заключении указывалось: «Подсудимый Гельмар Шахт играл выдающуюся роль в подготовке и осуществлении преступных планов фашистского заговора, выполняя большую и сложную работу».

Защитительная позиция Шахта чрезвычайно проста.

Если ему верить, он пришел к гитлеризму исключительно из патриотических побуждений, был против агрессивных войн, но за вооружение Германии с целью сохранения мира. Он был за возврат Германии колоний с целью установления экономического равновесия в Европе.

Убедившись в том, что политика гитлеровского правительства преследует чрезмерное вооружение и таким образом угрожает развязыванию второй мировой войны, Шахт перешел в оппозицию к Гитлеру, саботировал мероприятия гитлеровского правительства и в результате как участник заговора против Гитлера был репрессирован.

Свои восторженные письма, адресованные Гитлеру и полные выражений преданности, подсудимый Шахт пытается представить как метод маскировки его подлинных оппозиционных настроений к гитлеровскому режиму.

На самом деле Шахт уже в 1930 году сблизился с нацистским движением. Он тяготел к национал-социалистам, а Гитлер и Геринг добивались поддержки Шахта, который имел обширные связи в промышленных и финансовых кругах западных стран.

На Нюрнбергском процессе он так говорил о своей биографии: «Мой отец эмигрировал в Америку, там жили три моих брата. Мои старшие братья родились за океаном.

Я воспитывался в Гамбурге, учился в немецких университетах, в Париже.

Тридцать пять лет служил в Дрезденском банке, а затем стал руководителем собственного банка.

В 1923 году перешел на государственную службу в должности имперского комиссара по валюте. А вскоре стал президентом рейхсбанка».

Гельмар Шахт, президент имперского банка, министр экономики и генеральный уполномоченный по вопросам военной экономики, по многим свидетельствам, финансовый гений, у которого, к слову, к концу войны отношения с Гитлером настолько испортились, что ему пришлось встретить май 45-го в концентрационном лагере. Но до того он успел добиться немалых заслуг перед фашистским рейхом. Это во многом благодаря его идеям, включая всевозможные хитроумные аферы и махинации, Германия в 30-х годах восстала из пепла и набрала ту силу, которая и позволила ей развязать агрессивные войны с целью поработить весь мир.

Шахт был организатором обращения промышленных магнатов Германии к Гинденбургу с требованием о назначении Гитлера рейхсканцлером. После прихода Гитлера к власти он назначил Шахта президентом рейхсбанка, а через год — министром экономики.

3 мая 1935 года в секретном письме Гитлеру Шахт писал, что быстрое осуществление программы вооружения «является основной проблемой немецкой политики, а потому все остальное должно быть подчинено только этой цели».

Шахт проводит гигантскую аферу, при помощи которой на вооружение было выделено сверх бюджетных ассигнований 12 миллиардов марок.

На допросе Джексон спросил Шахта: «Вы изобрели средство, в результате которого рейхсбанк путем изворотливых операций выплачивал правительству денежные суммы, которые были незаконными?»

Шахт:

Совершенно верно.

Джексон:

В день вашего шестидесятилетия военный министр Бломберг заявил: «Без вашей помощи, мой дорогой господин Шахт, у нас не было бы вооружения». Говорил он так?

Шахт:

Этого я никогда не оспаривал.

Отвечая на другой вопрос Джексона, Шахт сказал, что когда началось вооружение Германии, то другие страны не предприняли ничего против этого. Нарушение Версальского договора Германией было воспринято совершенно спокойно.

Наверно, Джексону было известно, что монополии США помогли фашистской Германии готовиться ко второй мировой войне. Американские капиталовложения в германские предприятия, не считая займов, достигли миллиарда долларов.

Об уверенности Шахта, что покровители — американские монополии не дадут его в обиду, говорит такой эпизод.

Джексон упрекает Шахта, что он после захвата Гитлером Чехословакии захватил чешский банк. Шахт ответил: «Но простите, пожалуйста. Союзники просто подарили ему эту страну».

С 1942 года Шахт как опытный делец, поняв, что фашистский корабль тонет, решает надежно застраховаться. С этой целью он часто встречался с представителями западных держав: затевал с ними двусмысленные разговоры, намекал на свое несогласие с Гитлером, с его авантюристическими программами. Поэтому Р. А. Руденко в заключительной речи с полным основанием резюмировал:

«...Шахт пытался в разные периоды своей деятельности подчеркнуть свои, всё будто бы обострившиеся разногласия с гитлеровским режимом. На самом деле, Шахт проводил двойную игру, предохраняя себя от ответственности за преступную политику зарвавшегося гитлеровского правительства заигрыванием с людьми, стремившимися к свержению гитлеровского режима, и в то же время сохраняя на всякий случай свою лояльность к этому режиму.

Шахт, поняв раньше, чем другие пособники Гитлера, неизбежность краха нацистского режима, устанавливает связь с оппозиционными кругами, которые видели свою задачу в том, чтобы, убрав Гитлера, спасти капитализм в Германии, сохранить господство монополий. Однако, установив связь с «генеральским заговором», Шахт сумел так обставить дело, что в общем-то вышел сухим из воды».

Шахт, в отличие от многих других подсудимых, говорил, что нацистскую верхушку отличали пошлость и примитивизм, которые не могли вызвать у него ничего, кроме презрения, назвал пьянство явлением, органически присущим нацистской идеологии. Алкоголизм, по его словам, был бегством от собственной совести. А когда судья Джексон предъявил Трибуналу неопровержимую улику — написанный Шахтом панегирик Гитлеру по случаю юбилея фюрера, финансист заявил в свое оправдание: «Я хотел бы знать, где тот человек, который бы в день рождения главы государства осмелился сказать что-нибудь иное».

Несомненно, его остроумие нередко переходило в дерзость и даже наглость, что нашло свое объяснение много лет спустя. В 1971 году стало известно о записке, полученной главным обвинителем от США Робертом Джексонном из американского управления стратегических служб. В записке предлагалось склонить Шахта к даче свидетельских показаний против Геринга, гарантируя ему в случае согласия оправдательный приговор. Такой приговор, вопреки мнению советского судьи, в итоге и был вынесен. Оправданный в Нюрнберге, Шахт прожил долгую жизнь, и в семьдесят лет у него были две маленькие дочки.

Не только советские обвинители, но почти все присутствовавшие в зале суда не сомневались в том, что Шахта ожидает заслуженное возмездие. Однако сам Шахт начал обретать веру в благополучный для него исход процесса. Например, когда Джексон при допросе напомнил ему, что и после ухода с поста президента рейхсбанка он в качестве министра без портфеля не выполнял никаких обязанностей, но продолжал получать от Гитлера 50 тысяч марок в год, Шахт в ответ на это напоминание нагло заявил: «А как же иначе, господин обвинитель? Я надеюсь, что и после окончания процесса получу свою пенсию. В противном случае на что же я буду жить?»

В один из майских вечеров 1946 года в беседе с Джильбертом в своей камере Шахт прямо заявил: «Заверяю вас, что если я не буду оправдан, то это станет позором для трибунала и международного правосудия».

Как известно, трибунал вынес оправдательный приговор Шахту, Папену и Фриче.

Председательствующий Лоуренс предложил коменданту немедленно освободить их.

По уставу Международного военного трибунала признание виновности и применение наказания определялись большинством голосов. Члены трибунала были единодушны в признании виновности всех подсудимых.

Что же произошло в совещательной комнате судей? Как образовалось большинство из трех представителей западных держав в трибунале? Почему мнения судей разошлись именно в

отношении признания виновности Шахта, а затем Папена и Фриче? Тайна совещательной комнаты оберегается законом.

Член трибунала от СССР И. Т. Никитченко заявил о своем несогласии с оправданием Шахта, Папена и Фриче, весьма аргументированно обосновав свое расхождение с другими членами суда в особом мнении, которое было приобщено к приговору.

Оправдательный приговор вызвал глубокое возмущение в самых широких кругах мировой общественности.

И тем не менее, через непродолжительное время Шахт был арестован. Западногерманский суд под давлением общественности приговорил «финансового чародея» к восьми годам лишения свободы «за участие в создании и деятельности национал-социалистического государства насилия, принесшего бедствия многим миллионам людей в Германии и во всем мире». Однако вскоре, как это многократно случалось в Западной Германии, приговор был пересмотрен, смягчен, а еще через некоторое время Шахт был объявлен невиновным и освобожден.

Вскоре Шахт занялся своим обычным делом. Он предпринял несколько вояжей за границу, стал полномочным коммивояжером германских монополий, посетил Индию, Индонезию, Пакистан, Иран, Ирак и Египет, прокладывая туда пути для западногерманского экспорта и капиталовложений. Одновременно Шахт руководил крупной банковской фирмой в Дюссельдорфе — «Шахт и К^о», которую основал вскоре после выхода из заключения. Он отошел от активной деловой жизни в возрасте 86 лет, но до конца дней своих оставался доверенным лицом западногерманской финансовой олигархии.

Бальдур Ширах

В обвинительной формулировке об индивидуальной ответственности Шираха указывалось: «Обвиняемый Ширах в период с 1924 по 1945 годы был членом нацистской партии, членом рейхстага, имперским уполномоченным нацистской партии по образованию молодежи, главой гитлеровской молодежи, имперским уполномоченным по обороне, наместником и гауляйтером Вены. Обвиняемый Ширах использовал вышеуказанные посты, личное влияние и свою тесную связь с фюрером таким образом, что он содействовал приходу к власти нацистских заговорщиков и укреплению их контроля над Германией, что указано в разделе первом обвинительного акта; он способствовал психологической и воспитательной подготовке войны и милитаризации руководимых нацистами организаций, что указано в разделе первом обвинительного акта; он санкционировал, руководил и принимал участие в преступлениях против человечности, указанных в разделе четвертом обвинительного акта, включая в особенности антисемитские мероприятия».

Ширах принадлежал к руководству нацистской партии, был обер-группенфюрером СА. Американский обвинитель капитан Дрексел Шрекер на основании неопровержимых фактов доказал, что целью деятельности

Шираха было: «увечковать существование нацистского режима путем отравления умов молодежи идеологией и подготовки молодежи к агрессивной войне».

Обвинитель передал трибуналу соглашение между Ширахом и Гитлером в октябре 1936 года, согласно которому гитлерюгенд (молодежная организация нацистской партии в Германии —

Прим. авт.

) обязывался готовить кадры частей СС для охраны лагерей уничтожения.

Но, как и вся эта мразь, сидевшая на скамье подсудимых, Ширах каялся, уверял суд, что был обманут Гитлером.

В последнем слове он заявил: «Я признаю свою вину перед Богом и германским народом. Я воспитывал германскую молодежь для человека, который оказался убийцей миллионов людей». Ширах, будучи имперским руководителем молодежи, подчинялся непосредственно Гитлеру. Убедительные показания о действиях членов гитлерюгенда были даны военнопленным солдатом Гертом Кнителем, который с 1938 года являлся членом этой молодежной организации.

Герг Кнителъ сообщил: «В местечке Лашайек наша рота в июне 1943 года подожгла дом с находившимися там людьми... Всех, пытавшихся выскочить из дома, мы расстреливали, только одну старуху не расстреляли, так как на наших глазах она сошла с ума».

Р. А. Руденко в нескольких предложениях сорвал овечью шкуру с этого матерого волка: «За все эти преступления несет полную ответственность вместе с Гертами Кнителами и десятками тысяч им подобных и подсудимый фон Ширах».

Сам Ширах, конечно, не стрелял, не занимался поджогами, но это он вложил оружие в руки морально развращенной им и подготовленной к осуществлению любых зверств немецкой молодежи.

Преданный до конца гитлеровской клике, осведомленный о всех ее преступных делах, в которых непосредственно принимал самое активное участие, подсудимый фон Ширах являлся одной из наиболее зловещих фигур третьей империи».

Английская писательница Реббека Уэст удивлялась: как такая жалкая личность могла пробуждать в людях почтение? Гауляйтер Вены Ширах напоминал ей услужливую гувернантку.

Фриц Заукель

Вступил в нацистскую партию в 1923 году. После захвата власти фашистами был назначен имперским наместником, а затем — министром Тюрингии. Имел чин обергруппенфюрера СА и СС.

В ходе войны, когда фашистскому режиму понадобились миллионы рабочих рук, Гитлер назначил Фрица Заукеля ответственным за насильственный угон в Германию населения оккупированных стран.

Свидетель, немецкий врач Вильгельм Егеръ, показал:

«Все лагеря были обнесены колючей проволокой и строго охранялись, условия в них были крайне плохими. Лагеря были переполнены. Пища для восточных рабочих была совершенно недостаточной, они получали ее лишь два раза в день, причем один раз им выдавался только жидкий водянистый суп... Санитарные условия были особенно плохими. На Кремерплатц, где в комнаты старой школы было согнано примерно 1200 рабочих, санитарные условия были просто невыносимыми. Среди восточных рабочих было в четыре раза больше случаев заболевания туберкулезом, чем среди немецких рабочих. В марте 1943 года многих восточных рабочих поместили в заводских корпусах. В лагерях для военнопленных условия содержания были еще более невыносимы, чем в лагерях для восточных рабочих... Военнопленных почти на полгода разместили в собачьих конурах, писсуарах и старых печах-духовках. Военнопленные должны были вползать в собачьи конуры на четвереньках. Конура имела метр высоты, 2 метра ширины и 3 — длины, в каждой спало по пять человек. В лагере для французских военнопленных на Ноггерштрассе воды не было совсем».

Заукель поехал на Восток, чтобы привести в движение машину работоторговли. Он был главным поставщиком всех европейских людских резервов. По его приказу в полицейские участки сгоняли тысячи людей, которых ловили везде и круглосуточно, а затем непрерывным потоком везли на фашистскую каторгу. В нетопленных вагонах было набито по шестьдесят-семьдесят человек.

Заукель приказал брать людей обоюго пола с 15 до 60 лет. Потом, когда нехватка рабочей силы в Германии стала еще острее, он приказал отправлять на рабскую каторгу и восьмилетних детей. В тишине судебного зала цитировались сообщения о том, как, оторванные от родителей и замученные работой, умирали эти малютки.

Огромная машина перемалывала новые партии людей. Заукель затребовал военнопленных. Кейтель с готовностью выдавал их сотнями тысяч. Военнопленных использовали в качестве подсобной силы даже в германской артиллерии. Суд заслушал документы, из которых явствует, что военнопленные, в нарушение международных конвенций, принуждались под угрозой смерти работать подносчиками снарядов на германских батареях. Непрерывные и все усиливавшиеся битвы на полях сражений быстро пожирала кадры и резервы немецкой армии. Заукель снова обращался к Розенбергу. Тот давал новые сотни тысяч людей. Кроме русских,

украинцев, белорусов, поляков, евреев, туда стали поступать сотни тысяч латышей, эстонцев, литовцев. Их не хватало. Тогда стали требовать людей из Венгрии, Бельгии, Голландии, Франции. Заукель беспрестанно повышал свои требования. Отовсюду Германия высасывала огромными механическими насосами человеческую кровь.

Когда гитлеровцам опять не хватило рабочей силы, они предприняли дополнительный набор — 400-500 тысяч украинских девушек для обслуживания немецкого чиновничества, хозяйек-фермерш и т. д.

В ходе процесса подсудимый Заукель отрицал свою вину в преступлениях против человечности. Спасая свою шкуру, взваливал вину на мертвых — Гитлера и Гимmlера. В этом он не был оригинальным. Так поступали и другие партайгеноссе, сидевшие на скамье подсудимых.

В последнем слове Заукель ударился в заклинания: «Я заклинаю вас, господа судьи. Я никогда не имел в мыслях превращать свободных людей в рабов, а также совершать преступления против международного права, правил ведения войны и законов человечности...».

Он даже сослался на свое пролетарское происхождение:

«Я происхожу из совершенно иной среды, чем лица, сидящие со мной на скамье подсудимых. В душе и мыслях своих я остался моряком и рабочим».

Р. А. Руденко в своей заключительной речи на процессе в Нюрнберге сказал:

«Я уже указывал в своей вступительной речи, что в длинной цепи подлых преступлений немецко-фашистских захватчиков особое место занимал насильственный угон в Германию на рабский труд мирных граждан — мужчин, женщин и детей. Подсудимому Фрицу Заукелю принадлежит решающая роль в этом мрачном преступлении.

Подсудимый Заукель проявлял большую активность в совершении всех этих преступлений. В апреле 1943 года в целях форсирования вывоза рабочей силы он лично посетил города Ровно, Киев, Днепрпетровск, Запорожье, Симферополь, Минск, Ригу, а в июне того же года — Прагу, Краков, снова Киев, Запорожье и Мелитополь.

Давая оценку преступной деятельности Заукеля, высокие судьи, несомненно, учтут слезы, которые пролили миллионы томившихся в немецком рабстве людей, тысячи замученных в нечеловеческих условиях рабочих лагерей — учтут и воздадут ему должное».

На основе показаний свидетелей и других доказательств Международный военный трибунал установил: «Гитлеровцы в широких масштабах применяли насильственный угон в Германию на рабский труд населения временно оккупированных территорий Польши, Бельгии, Нидерландов, Норвегии, Франции, СССР и других государств; что за людьми охотились на улицах, в кино, даже в церквах... Всего было угнано около десять миллионов человек, не считая погибших в пути от недоедания и болезней».

Высокие судьи учли «слезы, которые пролили миллионы томившихся в немецком рабстве людей...» и воздали Заукелю должное.

Альберт Шпеер

Придворный архитектор фюрера. По его проектам построены новая имперская канцелярия, гигантский стадион в Нюрнберге и многие фундаментальные объекты.

Главным своим успехом Шпеер считал строительство «Атлантического вала» — цепи военных сооружений, построенных на случай вторжения англо-американских войск на континент. Во время войны с Советским Союзом Гитлер назначил своего друга министром вооружения и боеприпасов.

До войны о Шпеере слышали немногие. В 1943 году он по своему влиянию превзошел даже Геринга. Не случайно разведка США получила указание следить за Шпеером, а когда американская делегация в мае 1945 года прибыла в Фленсбург и стала знакомиться с «правительством» Деница, она первым делом заинтересовалась им. Почему? Ответить на этот вопрос не столь уж сложно. Шпеер, кроме всего прочего, занимался производством отравляющих веществ, готовил новые виды оружия. Еще в 1942 году состоялись первые испытания немецких боевых ракет. Очень скоро на Лондон и другие английские города стали

падать ФАУ-1 и ФАУ-2, обладавшие большой разрушительной силой. Шпеер подгонял ученых-атомщиков, часто навещался в их лаборатории, детально знакомился с работами по расщеплению атомного ядра. Другими словами, этот военный преступник очень много знал. Помощник главного обвинителя от СССР М. Ю. Рагинский пишет, что первым Шпеера допрашивал обвинитель от США Джексон, который спросил: «Как далеко зашла в Германии подготовка атомного оружия?»

Тот ответил:

«К сожалению, все лучшие силы, которые занимались изучением атомной энергии, оказались в Америке. Мы очень отстали в данном вопросе. Нам потребовались бы еще один-два года для того, чтобы расщепить атом».

При этих словах мы, сидящие в зале, содрогнулись, ибо не сомневались: если бы Гитлер и его сообщники получили от Шпеера атомные бомбы, то они сразу сбросили бы их на десятки городов».

Шпеер всячески старался доказать, что он техник, а не политик и в правительстве Гитлера оказался случайно. И даже... вел борьбу против политики фюрера. Спасая свою шкуру, Шпеер поливал грязью всех тех, с кем еще недавно сотрудничал: Геринг — грабитель, нечестный человек, преступник; Геббельс — легкомысленный болван; Риббентроп — клоун; Гиммлер — чудовище; Заукель — зверь. И все главари рейха — люди без чести и совести.

И все-таки, отвечая на вопросы Джексона, Шпеер признал: он поощрял использование принудительного труда заключенных концентрационных лагерей; нацисты готовились к ведению химической войны — в рейхе имелось три завода, вырабатывавших газы, против которых не было средств защиты; он несет ответственность за общую политику правительства, но не за отдельные ее детали...

Затем за него взялся советский обвинитель М. Ю. Рагинский:

— Вы помните свои показания на предварительном допросе 14 ноября 1945 года? Я вам их напомию. На вопрос, признаете ли вы, что в «Майн кампф» Гитлер ясно высказал свои агрессивные планы в отношении стран Запада и Востока, в частности в отношении Советского Союза, вы ответили: «Да, я признаю это». Вы помните, что давали такие показания?

— Очень может быть.

На скамье подсудимых зашептались: Геринг с Риббентропом, Кейтель с Розенбергом, так как ответ Шпеера в известной мере опровергал их показания на суде.

— Напомню, что вы писали 19 апреля 1942 года на страницах геббельсовского официоза «Дас Рейх»: «Весной 1942 года я без колебаний принял предложение фюрера, программу, которую необходимо выполнить, которую я выполняю и буду выполнять... Я бросил эту деятельность (архитектуру), чтобы беззаветно отдаться разрешению военных задач. Фюрер ожидает этого от всех нас... Энергичное применение самых суровых наказаний за проступки: карать каторжными работами или смертной казнью. Война должна быть выиграна». В этой статье вы формулировали свои задачи и принципы и в полном соответствии с ними действовали. Не так ли?

Шпеер вынужден был подтвердить, что он так говорил и писал. Я резюмирую: «Оказывается, вы нацистский политик, а не аполитичный инженер, как пытались заверить трибунал». Тут же напоминаю, что он лгал, когда отрицал свою принадлежность к СА и СС, и что в распоряжении трибунала имеется подлинное личное дело эсэсовца Альберта Шпеера, который к тому же состоял в личном штабе рейхсфюрера СС Гиммлера.

Далее оглашаю ряд немецких документов, из которых видно, что Шпеер лжет и преднамеренно преуменьшает свои полномочия. В частности, зачитываю указ фюрера от 2 сентября 1943 года, устанавливавший, что Шпеер, и только он, являлся ответственным за снабжение, руководство и производство военной промышленности, а не только за производство вооружения; официальный документ от 6 сентября 1943 года, подписанный им и Функом, в котором указано, что к Шпееру перешли полномочия по регулированию товарооборота.

Когда Шпеер пытается по-своему интерпретировать эти документы, разъясняю подсудимому, что после сентября 1943 года он отвечал не только за военную промышленность, но и за военную технику.

Рагинский:

Это я слышал, но ведь именно вас Гитлер 30 марта 1945 года назначил руководить мероприятиями по тотальному разрушению индустриальных объектов?

Шпеер:

Да. Дело обстояло так...

Подсудимый ссылался на то, что лишь выполнял приказ фюрера, а сам был противником этих мер, так как надлежало разрушить не только промышленные предприятия, но и водопровод, бытовые электростанции и другие коммунальные предприятия, обслуживавшие население. В общем, Шпеер выдавал себя за гуманиста. Тогда я огласил приказ самого Шпеера, изданный уже после так называемых разногласий с Гитлером. В нем было сказано:

«1. По-прежнему действительны все мои приказы и распоряжения о выведении из строя промышленного оборудования всех видов обслуживающих предприятий (электричество, газ, вода, продовольственные предприятия всех видов и т. д.).

2. Тотальное разрушение важнейших предприятий или их значительной части происходит в соответствии с приказом фюрера, инициатором которого был я».

Деваться Шпееру было некуда. Пора кончать допрос.

Подводя итог преступной деятельности Альберта Шпеера, главный обвинитель от СССР с полным основанием заявил:

«...Когда фашистские летчики бомбардировали мирные города и села, убивая женщин, стариков и детей, когда немецкие артиллеристы обстреливали из тяжелых орудий Ленинград, когда гитлеровские пираты топили госпитальные суда, когда ФАУ разрушали города Англии — это был результат деятельности Шпеера».

Международный военный трибунал признал Шпеера виновным в военных преступлениях и преступлениях против человечности и приговорил к 20 годам тюремного заключения.

Наказание отбыл в Шпандау. После освобождения в 1966 г. жил в ФРГ в роскоши.

Густав Крупп фон Болен унд Гальбах

Крупнейший промышленный магнат, глава концерна «Фридрих Крупп», президент имперского объединения германской промышленности, организатор перевооружения германской армии. Гитлер в 1943 году издал указ, подтверждающий то, что установил кайзер Вильгельм: семейный наследственный характер фирмы, что должно отражаться в ее названии. Наследником Густава стал в 1943 году его старший сын Альфред Крупп, сыгравший впоследствии значительную роль и в ремилитаризации Западной Германии.

Круппы тесно связаны со всей историей германского империализма. На протяжении более 130 лет своего существования эта династия была столпом германской агрессии. Круппы и другие германские промышленные и финансовые магнаты наживались на войне. Вот почему они привели к власти Гитлера и всячески поддерживали его клику. Густав Крупп «пожертвовал» на поддержку нацистской партии 12 миллионов марок. Он активно участвовал в военноэкономическом планировании и подготовке агрессивных войн, в частности, в создании мощной военной машины Третьего рейха.

Недаром Гитлер благодарил Густава Круппа за заслуги «в повышении боевой готовности немецкого народа». Фюрер наградил его высшими наградами Третьего рейха: золотым значком нацистской партии, нагрудной эмблемой — имперский орел с надписью «Фюреру германской экономики», двумя крестами «За военные заслуги» и почетным званием «Пионер труда».

Густав Крупп был предан суду, но его разбил паралич, и он был признан неизлечимо больным.

Джексон обратился в международный трибунал с меморандумом, в котором писал:

«Общественные интересы, которые превышают всякие личные соображения, требуют, чтобы Крупп фон Болен не был освобожден от суда, если только кто-либо другой, представляющий интересы Круппа в военной промышленности, не будет его заменять». Густав Крупп, подчеркивал Джексон, отдал свое имя, престиж, крупную сумму денег, чтобы «привести к власти нацистскую партию в немецком государстве с откровенной программой возобновления войны». Его влияние в осуществлении нацистского плана развязывания агрессивной войны в

Европе было очень велико. В своих выступлениях Крупп одобрял аннексию Австрии, нацистскую оккупацию Судет, высказался за захват Польши.

В меморандуме Джексона отмечалось, что оба Круппа — Густав и Альфред — использовали к сентябрю 1944 года принудительный труд 54 990 иностранных рабочих и 18 902 военнопленных, которые недоедали и подвергались нечеловеческому обращению, а прибыли пушечных королей баснословно росли: на 30 сентября 1941 года, например, чистый доход составил свыше 111,5 миллиона марок.

Предложение Джексона сводилось к тому, чтобы вместо Густава Круппа судили его сына Альфреда: «Интересы правосудия не будут соблюдены, если не принять во внимание интересы людей четырех поколений, чьи жизни были отняты оружием Круппа или же находились под его угрозой, а также интересов народов будущего, которые не могут чувствовать себя в безопасности, если Крупп и ему подобные не будут осуждены на таком процессе».

Британский главный обвинитель Хартли Шоукросс представил свой меморандум. Он долго ходил вокруг да около, но все же можно было понять, что английская сторона предлагает Густава Круппа судить заочно, а о предании суду (вместо Густава) Круппа-младшего Шоукросс вообще умолчал. Было очевидно, что англичане имели какие-то свои особые интересы в отношении интернированного ими Альфреда Круппа.

Французская делегация полностью присоединилась к предложению Джексона: «Мы хотим судить сына, суд над Круппом-отцом невозможен».

Советское обвинение возражало против предложений о замене одного подсудимого другим — отца сыном. Соображения следующие:

1. Было принято согласованное решение государств — учредителей Международного военного трибунала, что на первом судебном процессе главных военных преступников будут судить 24 правителей Третьего рейха, в том числе Густава Круппа.
2. После окончания первого процесса намечался процесс преступных руководителей военной промышленности. Альфреда Круппа — офицера СС с 1933 года, занимавшего семь высоких постов в имперской и партийной иерархии, которые давали ему право доступа к Гитлеру в любое время, должны были судить на этом процессе.
3. Были серьезные основания опасаться, что расширение круга подсудимых может повлечь задержку начала первого процесса или даже его срыв.

Были высказаны и некоторые другие соображения. Рассмотрев меморандумы главных обвинителей, трибунал принял два решения. Первое — в отношении Густава Круппа — сказано ранее. Что касается Альфреда Круппа, то трибунал решил: ходатайство о привлечении его в качестве обвиняемого отклонить.

Доказательства

Представляет помощник главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирнов

День за днем продолжается обстоятельная терпеливая работа Международного военного трибунала. Многие стороны преступлений фашистских извергов уже исследованы и доказаны. Но вот начинается выступление советский обвинитель полковник Л. Н. Смирнов. Оно длится четыре дня, материалы обвинения занимают более 300 машинописных страниц. Заговорили тысячи «немых свидетелей» — документы нацистского рейха, которые были подписаны сидевшими на скамье подсудимыми. Каждая строка — страдания и горе сотен тысяч женщин, детей, стариков. Каждая страница — сотни тысяч невинных жертв. Каждая глава — кладбище.

Много времени на процессе было уделено документальным доказательствам злодеяний, которые в Нюрнберге называли «геноцидом».

Выступление помощника главного обвинителя от СССР полковника Л. Н. Смирнова

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала (в изложении)

Господа судьи!

Моя задача состоит в том, чтобы предъявить вам письменные документы и иные судебные доказательства, свидетельствующие о совершении гитлеровскими заговорщиками тяжчайших преступлений в отношении мирного населения временно оккупированных районов Советского Союза, Югославии, Польши и Чехословакии.

Количество подобных доказательств, находящихся в распоряжении советского обвинения, необычайно велико...

Советское обвинение утверждает, и я представляю суду доказательства этому, что на всем протяжении громадного фронта, от Баренцева моря до Черного моря, во всю глубину проникновения немецко-фашистских орд на землю моей Родины, всюду, где ступала нога немецкого солдата или появился эсэсовец, совершались неслыханные по своей жестокости преступления, жертвами которых становились мирные люди: женщины, дети, старики...

У братских могил, где покоились тела советских людей, у виселиц, на которых раскачивались тела подростков, у печей гигантских крематориев, где сжигались умерщвленные в лагерях уничтожения, у трупов женщин и девушек, ставших жертвами садистских наклонностей фашистских бандитов, у мертвых тел детей, разорванных пополам, постигали советские люди цепь злодеяний, тянувшихся, как справедливо сказано в речи главного обвинителя от СССР, «от рук палачей до министерских кресел».

В этих чудовищных злодеяниях была своя определенная преступная система. Единство приемов умерщвления: одно и то же устройство газовых камер, массовая штамповка круглых банок с отравляющим веществом — «циклон А» или «циклон Б», построенные по одним и тем же типовым проектам печи крематориев, одинаковая планировка «лагерей уничтожения», стандартная конструкция зловонных машин смерти, которые немцы называли «газенвагенами», а наши люди — «душегубками», техническая разработка конструкций передвижных мельниц для размалывания человеческих костей — все это указывало на единую злую волю, объединяющую отдельных убийц и палачей.

Одинаково готовились маскируемые под противотанковые рвы или траншеи гигантские ямы-могилы. Приведенным к месту расстрела безоружным и беззащитным людям убийцы в почти одинаковых выражениях приказывали раздеться и лечь вниз в заранее приготовленные ямы. Первый слой расстрелянных, было ли это в болотах Белоруссии или в предгорьях Кавказа, одинаково присыпался хлорной известью, и на прикрытый смешанной с кровью едкой массой первый ряд мертвецов убийцы вновь заставляли ложиться обреченных беззащитных людей. Настолько одинаковы были приемы убийств, что становилось ясным, как готовились кадры убийц в

специальных школах, как заранее предусматривалось все, начиная от приказа раздеться перед расстрелом до самого умерщвления...»

Для этого надо было также воспитать людей, лишенных сердца и совести, извращенных существ, сознательно порвавших с основными положениями морали и права.

Были созданы, воспитаны, обучены те моральные уроды, которые были призваны осуществить программу главных военных преступников по физическому уничтожению народов стран Восточной Европы.

Л. Н. Смирнов переходит к предъявлению документов. Он представляет судьям документ (исходящий номер 1/214 от 27 апреля

1942 года), который конкретизировал план «Ост».

«Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Оно не доставит много забот для германского руководства. Эта масса расово неполноценных, тупых людей нуждается, как свидетельствует вековая история этих областей, в руководстве. Если германскому руководству удастся не

допустить сближения с русским населением и предотвратить влияние немецкой крови на русский народ через внебрачные связи, то вполне возможно сохранение германского господства в этом районе при условии, если мы сможем преодолеть такую биологическую опасность, как чудовищная способность этих примитивных людей к размножению.

Лишь в случае, если данная проблема будет рассматриваться с биологической, в особенности с расово-биологической точки зрения и если в соответствии с этим будет проводиться немецкая политика в Восточных районах, появится возможность устранить опасность, которую представляет для нас русский народ.

...Целью немецкой политики по отношению к населению на русской территории будет доведение рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев.

Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он был не в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе. Этой цели мы можем добиться вышеуказанными путями...»

Это еще одно признание фашистов, что Советский Союз мешал им установить господство не только в Европе, но и во всем мире.

Именно поэтому известная «директива № 32» о планах завоевания Англии, Египта, Ирана, Ирака, войны против США, овладения Гибралтаром и т. д. начиналась словами: «После разгрома советских вооруженных сил...». Германские фашисты не мыслили себе полного покорения народов Европы без решения своей основной задачи — разгрома Советского Союза, не останавливаясь при этом ни перед какими чудовищными злодеяниями.

...Чрезвычайная государственная комиссия констатировала, что во Львове немцы не щадили ни мужчин, ни женщин, ни детей. Взрослых они просто убивали, детей отдавали командам гитлеровской молодежи в качестве мишеней при стрельбе.

Я цитирую:

«Кроме расстрелов, в Яновском лагере применялись разные пытки, а именно: в зимнее время наливали в бочки воду, привязывали человеку руки к ногам и бросали в бочки. Таким образом человек замерзал. Вокруг Яновского лагеря было проволочное ограждение в два ряда, расстояние между рядами — 1 метр 20 сантиметров, куда забрасывали человека на несколько суток, откуда он сам не мог выйти, и там умирал с голоду и от холода. Но прежде чем забрасывать, человека избивали до полусмерти. Вешали человека за шею, ноги и руки, а потом пускали собак, которые разрывали его. Ставили человека вместо мишени и производили учебную стрельбу. Этим больше всего занимались гестаповцы: Гайне, Миллер, Блюм, начальник лагеря Вильгауз и другие, фамилии которых не могу припомнить. Давали человеку в руки стакан и производили учебную стрельбу: если попадали в стакан, то человека оставляют живым, а если в руку, то его тут же расстреливают и при этом заявляют, что «вы к труду не способны, подлежите расстрелу». Брли человека за ноги и разрывали. Детей от 1 месяца до 3 лет бросали в бочки с водой, и там они тонули. Привязывали человека к столбу против солнца и держали до тех пор, пока человек не умирал от солнечного удара. Кроме этого, в лагере перед посылкой на работу производили так называемую проверку физически здоровых мужчин путем бега на расстояние 50 метров, и если человек хорошо пробежит, т. е. быстро и не споткнется, то остается живым, а остальных расстреливали. Там же, в этом лагере, была площадка, заросшая травой, на которой производили бег: если человек запутается в траве и упадет, то его немедленно расстреливали. Трава была выше колен. Женщин вешали за волосы, при этом раздевали догола, раскачивали их, и они висели, пока не умирали.

Был такой еще случай: одного молодого парня гестаповец Гайне поставил и отрезал от его тела куски мяса. И одному сделал на плечах 28 ран (ножевых). Этот человек вылечился и работал в бригаде смерти, а впоследствии был расстрелян. Возле кухни во время получения кофе палач Гайне, когда стояла очередь, подходил к первому, который стоял в очереди, и спрашивал, почему он стоит впереди, и тут же его расстреливал. Таким же порядком он расстреливал несколько человек, а потом подходил к последнему в очереди и спрашивал его, почему он стоит последний, и тут же расстреливал его. Все эти зверства я лично сам видел во время пребывания в Яновском лагере...»

Оглашенные мною показания свидетеля Манусевича находят полное подтверждение в официальном сообщении Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области» Более того, Манусевич говорит главным образом о действиях нижних и средних чинов лагерной администрации. Из сообщения Чрезвычайной комиссии

видно, что система гнуснейших издевательств над беззащитными людьми насаждалась и организовывалась высшей лагерной администрацией, неизменно подававшей подчиненным личные примеры бесчеловечности.

Гауптштурмфюрер СС Франц Варцок, например, любил подвешивать заключенных за ноги к столбам и так оставлять их до наступления смерти; оберштурмфюрер Рокита лично распарывал животы; начальник следственной части Яновского лагеря Гайне просверливал тела заключенных палкой или куском железа, плоскогубцами вырывал у женщин ногти, затем раздевал свои жертвы, подвешивал их за волосы, раскачивал и стрелял по «движущейся мишени».

Комендант Яновского лагеря оберштурмфюрер Вильгауз ради спорта и удовольствия жены и дочери систематически стрелял из автомата с балкона канцелярии лагеря в заключенных, работавших в мастерских, потом передавал автомат своей жене, и она также стреляла. Иногда, чтобы доставить удовольствие своей девятилетней дочери, Вильгауз заставлял подбрасывать в воздух двух-четыре-рехлетних детей и стрелял в них. Дочь аплодировала и кричала: «Папа, еще, папа, еще!» — и он стрелял.

Заключенные в лагере истреблялись без всякого повода, часто на спор.

Свидетельница Р. С. Киришнер сообщила следственной комиссии, что комиссар гестапо Вепке поспорил с другими палачами лагеря о том, что он одним ударом секиры разрубит мальчика. Те ему не поверили. Тогда он поймал на улице десятилетнего мальчика, поставил его на колени, заставил сложить руки ладонями вместе и пригнуть к ним голову, примерился, поправил голову мальчика и ударом секиры разрубил его вдоль туловища. Гитлеровцы горячо поздравляли Вепке, крепко пожимали ему руки, хвалили.

В 1943 году в день рождения Гитлера (ему исполнилось 54 года) комендант Яновского лагеря оберштурмфюрер Вильгауз отсчитал из числа заключенных 54 человека и лично расстрелял их. При лагере для заключенных была организована больница. Немецкие палачи Брамбауэр и Бирман каждого 1-го и 15-го числа проводили проверку больных. Если устанавливали, что среди них имеются больные, которые находятся в больнице более двух недель, тут же их расстреливали. При каждой такой проверке расстреливали от шести до десяти человек. пытки, истязания и расстрел немцы производили под музыку. Для этой цели они организовали специальный оркестр из заключенных, руководить которым заставили профессора Штрикса и известного дирижера Мунда. Композиторам немцы предложили сочинить особую мелодию, которую назвали «Танго смерти». Незадолго до ликвидации лагеря немцы расстреляли всех оркестрантов.

Членам суда далее будут представлены фотодокументы — снимки этого «оркестра смерти». То, что происходило в Яновском лагере, отнюдь не являлось чем-то исключительным. Точно так же вела себя немецко-фашистская администрация всех концентрационных лагерей, размещенных на территории временно оккупированных областей Советского Союза, Польши, Югославии и других стран Восточной Европы.

...О глубоком моральном растлении преступников свидетельствуют совершенные ими повсеместно зверские насилия над женщинами.

В>Note НКВД СССР от 6 января 1942 г. говорится:

«...Гнусные насилия над женщинами и девушками в оккупированных районах повсеместны. В украинском селе Бородаевка Днепропетровской области фашисты изнасиловали поголовно всех женщин и девушек.

В деревне Березовка Смоленской области пьяные немецкие солдаты изнасиловали и увели с собой всех женщин и девушек в возрасте от 16 до 30 лет.

В городе Смоленске германское командование открыло для офицеров в одной из гостиниц публичный дом, в который загонялись сотни девушек и женщин; их тащили за руки, за волосы, безжалостно волокли по мостовой.

Повсеместно озверевшие немецкие бандиты врываются в дома, насилуют женщин, девушек на глазах у их родных и детей, глумятся над изнасилованными и зверски тут же расправляются со своими жертвами.

В городе Львове тридцать две работницы Львовской швейной фабрики были изнасилованы и затем убиты германскими штурмовиками. Пьяные немецкие солдаты затаскивали львовских девушек и молодых женщин в парк Костюшко и зверски насиловали их. Ста-рика-священника

В. Л. Помазнева, который с крестом в руках пытался предотвратить насилия над девушками, фашисты избили, сорвали с него рясу, спалили бороду и закололи штыком».

Таким образом, на тех территориях оккупированных стран, куда следом за войсками агрессора приходили эсэсовцы, мирное население отдавалось произволу со стороны этих специально вышколенных и свирепых представителей полицейских частей германского фашизма.

...В приложении № 1 к оперативному приказу № 14 начальника полиции безопасности и СД (Секретно. Государственной важности. Экземпляр 15-й), датированном «Берлин, 29 октября 1941 г.», указывается порядок формирования зондеркоманд:

«...Команды работают на основе особых полномочий и, согласно данным им общим директивам, в рамках лагерного распорядка — самостоятельно. Само собой разумеется, что команды поддерживают тесный контакт с комендантами лагерей и офицерами контрразведки». Зондеркоманды организовывались от города Красногвардейска (пригород Ленинграда) до города Николаева на Черном море. ...Приказ начальника полиции безопасности и СД от 29 октября 1941 г.

об организации зондеркоманд был разослан оперативным группам в Красногвардейск, Смоленск, Киев, Николаев и информационно — в Ригу, Могилев, Кривой Рог.

Нужно также отметить, что гитлеровцы во время своего наступления на Москву создали в Смоленске специальную зондеркоманду «Москва», задачей которой были массовые убийства москвичей.

Керчь — сравнительно небольшой город. Здесь свои чудовищные зверства немцы начали отравлением двухсот сорока пяти детей школьного возраста. Вы увидите впоследствии трупы этих детей, которые были выброшены в керченский ров, при просмотре кинодокументов.

Согласно приказу немецкого коменданта, все школьники обязаны были явиться в школы в указанный срок. Явившихся с учебниками двести сорок пять детей отправили за город, в заводскую школу, якобы на прогулку. Там озябшим и проголодавшимся детям предложили горячий кофе с пирожками, отравленным ядом. Детей, которым кофе не хватило, немецкий фельдшер вызвал в амбулаторию и смазал им губы сильнодействующим ядом. Через несколько минут все дети были мертвы. Школьники же старших классов были вывезены на грузовиках и расстреляны из пулеметов в 8 километрах от города. Туда же впоследствии были вывезены трупы и отравленных детей. Там находился очень большой, очень длинный противотанковый ров.

По приходе Красной Армии в Керчь в январе 1942 года при обследовании Багеровского рва было обнаружено, что он на протяжении километра в длину, шириной в 4 метра, глубиной в 2 метра был переполнен трупами женщин, детей, стариков и подростков. Возле рва были замерзшие лужи крови. Там же валялись детские шапочки, игрушки, ленточки, оторванные пуговицы, перчатки, бутылочки с сосками, ботиночки, галоши вместе с обрубками рук, ног и других частей тела. Все это было забрызгано кровью и мозгами.

...Многочисленными расследованиями немецко-фашистских зверств в Советском Союзе с бесспорностью установлено, что при массовых расстрелах многих детей бросали в ямы живыми.

Позволю сослаться далее на приговор военного трибунала 4-го Украинского фронта, предъявленный ранее мною суду за № СССР-32.

Я ссылаюсь на показания свидетеля Беспалова.

Беспалов показывает: «С конца июня прошлого года я лично видел, как в лесопарк было привезено на 10-12 грузовых автомашинах до трехсот девушек и женщин.

Несчастные в ужасе металась из стороны в сторону, плакали, рвали на себе волосы и одежду, многие падали в обморок, но немецкие фашисты не обращали на это внимания. Пинками и ударами прикладов и палок заставляли их подняться, а с тех, кто не поднимался, палачи сами срывали одежду и бросали в ямы. Несколько девушек, среди которых были дети, пытались бежать, но были убиты.

Я видел, как после автоматной очереди некоторые женщины, шатаясь и размахивая беспомощно руками, с душераздирающими криками шли навстречу стоявшим немцам.

В это время немцы их расстреливали из пистолетов... Обезумевшие от страха и горя матери, прижимая к груди детей, со страшными воплями бегали по поляне, ища спасения.

Гестаповцы вырывали у них детей, хватали их за ноги или за руки и швыряли живыми в яму, а когда матери бежали за ними к яме, то их расстреливали».

Материалами расследований установлено, что при массовых казнях детей разрывали надвое и бросали в огонь.

Я ссылаюсь, в подтверждение этому, на показания свидетеля Ха-майдаса, уроженца села Лисинчи Львовской области, заключенного немцами в Яновский лагерь во Львове.

...Установлено, что в декабре 1942 года по приказу начальника гестапо города Микоян-Шахар обер-лейтенанта Отто Вебера было организовано исключительное по своей жестокости умерщвление больных костным туберкулезом советских детей, находившихся на излечении в санаториях курорта Теберда. Очевидцы этого злодеяния — сотрудники детских санаториев, медицинская сестра Иванова С. Е. и санитарка Полупанова М. И. — сообщили:

«22 декабря 1942 г. к подъезду санатория первого отделения подъехала немецкая автомашина. Прибывшие с этой автомашиной семь немецких солдат вытащили из санатория пятьдесят четыре тяжело больных ребенка в возрасте от трех лет, уложили их штабелями в несколько ярусов в машине, — это были дети, которые не могли двигаться, и поэтому их не загоняли в машину, а укладывали ярусами, — затем захлопнули дверь, впустили газ (окись углерода) и выехали из санатория. Через час автомашина вернулась в поселок Теберда. Все дети погибли, они были умерщвлены немцами и сброшены в Тебердское ущелье близ Гуначгира».

Детей топили в открытом море.

В подтверждение этому я ссылаюсь на документ под № СССР-63 «Акт о злодеяниях немцев в Севастополе».

«Гитлеровцы наряду с массовыми расстрелами практиковали злодейское потопление мирных граждан в открытом море. Пленный обер-ефрейтор Фридрих Хайле из воинской части 2-19 МКА (Морская транспортная рота) показал:

«Находясь в Севастопольском порту, я видел, как в порт на автомашинах большими партиями привезли мирных граждан, среди которых были женщины и дети. Всех русских погрузили на баржу. Многие сопротивлялись, но их избивали и силой заставляли входить на суда. Всего было погружено около трех тысяч человек. Баржи отчалили. Долго над бухтой стояли плач и вопли. Прошло несколько часов, и баржи пришвартовались к причалам пустые. От команд этих барж я узнал, что всех выбросили за борт».

Предъявляю трибуналу под № СССР-8 сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме. Я цитирую несколько кратких извлечений из раздела, озаглавленного «Убийцы детей».

«Следствием установлено, что детей в возрасте от 8 до 16 лет немцы наравне со взрослыми изнуляли на тяжелых физических работах. Непосильный труд, истязания и побои быстро доводили каждого ребенка до полного истощения, и тогда его убивали.

Бывший заключенный Гордон Яков, врач из города Вильнюса, показал: «...В начале 1943 года в лагере Биркенау были отобраны сто шестьдесят четыре мальчика и отвезены в больницу, где при помощи уколов в сердце карболовой кислоты все они были умерщвлены».

Бывшая заключенная Бакаш Вельдтраут из города Дюссельдорфа (Германия) показала: «В 1943 году в то время, когда мы огораживали крематорий № 5, я лично видела, как эсэсовцы бросали в горящие костры живых детей».

...Среди освидетельствованных врачами освобожденных узников Освенцима имеется сто восемьдесят детей, из них в возрасте до 8 лет

— пятьдесят два человека, от 8 до 15 — сто двадцать восемь человек. Все они в лагерь прибыли в течение второго полугодия 1944 года, т.е. находились в лагере от 3 до 6 месяцев. Все сто восемьдесят детей были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, которым установлено, что семьдесят два ребенка больны легочно-железистым туберкулезом, сорок девять детей алиментарной дистрофией (крайнее истощение), тридцать один ребенок имеет обморожения.

Глумление над трупами жертв было характерно для всех лагерей уничтожения. Я напоминаю уважаемому суду, что несгоревшие кости покойников продавались немецкими фашистами фирме «Штрём». Волосы умерщвленных женщин срезались, упаковывались в тюки, прессовались и отправлялись в Германию.

В Данцигском анатомическом институте уже были произведены в полупромышленном масштабе опыты по получению мыла из человеческих тел и дублиению с промышленными целями человеческой кожи.

Я предъявляю суду под № СССР-197 показания одного из непосредственных участников изготовления мыла из человеческого жира — препаратора анатомического института в Данциге Зигмунда Мазура:

Вопрос:

Расскажите, как производилось мыловарение из человеческого жира при анатомическом институте города Данцига.

Ответ:

Рядом с анатомическим институтом в глубине двора летом 1943 года было построено каменное одноэтажное здание из трех комнат. Здание это было построено для обработки трупов и вываривания костей. Так было объявлено официально профессором Шпаннером. Именовалась эта лаборатория лабораторией для изготовления человеческих скелетов и сжигания мяса и ненужных костей. Но уже зимой 1943-1944 годов профессор Шпаннер приказал собирать человеческий жир и не выбрасывать его. Это приказание было отдано Рейхерту и Брокману.

В феврале 1944 года профессор Шпаннер дал мне рецепт изготовления мыла из человеческого жира. В этом рецепте предписывалось брать человеческий жир в количестве 5 килограммов и варить 2-3 часа в 10 литрах воды с 500 граммами или одним килограммом каустической соды, затем дать остыть. Мыло всплывает наверх, а остатки и вода остаются на дне ведра. К смеси прибавлялись еще и поваренная соль (пригоршня) и сода. Затем добавлялась свежая вода, и смесь снова варилась 2-3 часа. После остывания готовое мыло выливалось в формы.

Я представляю сейчас суду эти «формы» — кюветы, в которые выливалось сваренное мыло. Дальше я представляю доказательство того, что полуфабрикат этого человеческого мыла действительно был изъят в Данциге.

«Мыло получилось неприятного запаха. Для того, чтобы уничтожить этот неприятный запах, прибавлялся бензальдегид...

...Жир собирали с человеческих трупов Брокман и Рейхерт.

Мыло варил я из трупов мужчин и женщин. Одна производственная варка занимала несколько дней — от трёх до семи. Из двух известных мне варок, в которых я принимал непосредственное участие, вышло готовой продукции мыла более 25 килограммов, причем, для этих варок было собрано 70-80 килограммов человеческого жира — примерно с 40 трупов. Готовое мыло поступало к профессору Шпаннеру, который его хранил у себя лично.

Работами по производству мыла из человеческих трупов, как мне известно, интересовалось и гитлеровское правительство. В анатомический институт приезжали министр просвещения Руст, министр здравоохранения Конти, гауляйтер Данцига Альберт Форстер, а также много профессоров из других медицинских институтов.

Сам я лично для своих потребностей — для туалета и стирки — употреблял это мыло из человеческого жира. Лично для себя я взял этого мыла 4 килограмма...

Лично для себя также брали мыло Рейхерт, Брокман, фон Бар-ген и наш шеф профессор Шпаннер...

...Точно так же, как человеческий жир, профессор Шпаннер приказал собирать человеческую кожу, которая после обезжиривания подвергалась обработке определенными химическими веществами. Производством человеческой кожи занимались старший препаратор фон Барген и сам профессор Шпаннер. Выработанная кожа складывалась в ящики и шла для специальных целей, но каких — не знаю».

«Я предъявляю далее образцы полуфабриката мыла и изготовленного мыла. Здесь вы увидите небольшой кусочек вполне готового мыла, которое по внешнему виду, уже пролежав несколько месяцев, напоминает, однако, обычное хозяйственное мыло. Я передаю его трибуналу.

Предъявленные образцы убеждают в том, что процесс изготовления мыла был уже вполне разработан Данцигским институтом».

Кто знает, сколько было загублено человеческих жизней, чтобы получить это мыло.

Обвинитель показывает невыделанную кожу. Он объявляет, что она содрана не с животного, а с человеческой спины. По указанию обвинителя демонстрируется уже выделанная человеческая кожа, посаженная на распялки. На каждом куске кожи — красивая татуировка.

Татуированных заключенных непременно убивали, а из кожи делали абажуры и различную галантерею.

Под стеклянным колпаком — высушенная голова человека величиной с кулак. На ней сохранились волосы, а на шее — следы веревки. Эта голова несчастного на подставке стояла на письменном столе начальника канцелярии Освенцима.

Обвинитель объяснил тайну этих страшных экспонатов. Фашистские заправилы из эсэсовской верхушки в своих изуверствах дошли до того, что стали коллекционировать человеческую кожу с татуировкой. Людей, кто имел несчастье когда-то их нанести, клали в больницу и тут умерщвляли введением яда в вену. Потом с трупа снимали татуированную кожу, выделывали ее по всем правилам кожевенного производства. Наиболее затейливые рисунки шли в альбом штандартенфюрера и его супруги. Из других кусков человеческой кожи заставляли заключенных выделывать ламповые абажуры, покрывать сиденья для стульев, обтягивать бювары и делать другие поделки для украшения жилища самого штандартенфюрера, а также для его подарков друзьям и начальникам.

В заключение Л. Н. Смирнов заявил: «Только победоносное наступление Красной Армии положило конец этому варварству».

Из допроса свидетеля С. Шмаглевской

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 27 февраля 1946 г.

Смирнов:

Я прошу сейчас у суда разрешения вызвать в качестве свидетеля польскую гражданку Шмаглевскую. Советское обвинение просит о вызове ее в качестве свидетеля для подтверждения одного лишь вопроса — об отношении фашистов к детям концентрационных лагерей. Разрешит ли суд вызвать этого свидетеля?

Председатель:

Да, пожалуйста.

(В зал входит свидетель, повторяет за председателем слова присяги)

...Смирнов:

Скажите, свидетель, были ли вы очевидцем фактов, когда детей отправляли в газовые камеры?

Шмаглевская:

Я работала очень близко от железнодорожной ветки, которая вела в крематорий. Иногда по утрам я проходила возле помещения немецкого клозета, откуда я тайно могла присматриваться к транспортам. Тогда я видела, что вместе с евреями, которых привозили в концлагерь, приезжало много детей. Иногда в семье имелось несколько детей. Трибунал, вероятно, знает, что перед крематорием имел место отбор-селекция.

Во время этой селекции самые молодые и самые здоровые еврейки в очень малом количестве входили в лагерь. Те женщины, которые несли детей на руках, или везли в колясках, или которые имели более взрослых детей, вместе с этими детьми посылались в крематорий. Детей отделяли от родителей перед крематорием и вели их отдельно в газовую камеру.

В то время, когда больше всего евреев уничтожалось в газовых камерах, вышло распоряжение, что детей будут бросать в печи крематория без того, чтобы их раньше задушить газом.

Смирнов:

Как следует вас понимать: их бросали в огонь живыми или перед сожжением их убивали другими способами?

Шмаглевская:

Детей бросали живыми. Крик этих детей был слышен во всем лагере. Трудно сказать, сколько было этих детей.

Смирнов:

Почему же все-таки это делалось?

Шмаглевская:

На это трудно ответить. Не знаю, потому ли, что они желали сэкономить газ, или потому, что не было места в газовых камерах.

Мы, заключенные, которые хотели знать количество людей, погибших в газовых камерах, могли ориентироваться только по тому, что мы узнавали о количестве детских смертей по числу колясок, которые были отправлены в магазины.

Иногда были сотни колясок, иногда тысячи

.

Смирнов:

В день?

Шмаглевская:

Не всегда одинаково. Были дни, когда газовые камеры работали с ранних часов утра до позднего вечера.

...В то же время в лагерь прибыли дети венгерских евреев, которые работали вместе с детьми, привезенными после варшавского восстания. Эти дети работали на двух возах, на которых они собственной силой перевозили из одного лагеря в другой уголь, железные машины и другие тяжелые предметы. Они работали также при разборке бараков во время ликвидации лагеря. Эти дети оставались в лагере до самого конца. В январе 1945 года они были эвакуированы и должны были идти пешком в Германию в тяжелых условиях, без пищи, проходя около 30 км в день.

Смирнов:

Во время этого марша дети умирали от истощения?

Шмаглевская:

Я не была в той группе, в которой были дети, я бежала на второй день после того, как начался этот марш. Я хотела бы еще сказать о методах деморализации человека в лагере. Все то, что переживали заключенные, было результатом системы унижения человека. Вагоны, в которых заключенные прибывали в лагерь, были для скота, и на время, когда транспорт двигался, эти вагоны забивались гвоздями. В каждом из вагонов было много людей. Конвой, состоявший из эсэсовцев, не думал о том, что люди имеют физиологические потребности...

Смирнов:

Скажите, вы подтверждаете свои показания тем, что иногда количество колясок, оставшихся в лагере после умерщвления детей, доходило до тысячи в день?

Шмаглевская:

Да, были такие дни

.

Смирнов:

Господин председатель, я больше не имею вопросов к свидетелю.

Мертвые обвиняют

Закончивший свою речь о злодеяниях гитлеровцев Л. Н. Смирнов сообщил трибуналу, что сейчас представит советский документальный фильм.

В зале гаснет свет. Освещены только подсудимые, на лица которых направлены снизу скрытые источники света. На экране появляется надпись: «Кинодокументы о зверствах немецко-фашистских захватчиков. Документальный фильм. Представляется главным обвинителем от СССР».

В начале фильма воспроизводится на экране документ, подписанный советскими кинооператорами, снимавшими кинодокумент. Операторы-фронтовики Воронцов, Гиков, Доброничский, Ешурич, Зенякин, Кармен, Кутубзаде, Левитан, Микоша, Мухин, Панов, Посольский, Сегаль, Соловьев, Сологубов, Трояновский, Штатланд торжественно свидетельствуют, что в период с 1941 по 1945 годы, выполняя свой служебный долг, они работали в частях действующей Красной Армии, снимая на пленку различные эпизоды Отечественной войны. Операторы свидетельствуют, что кинокадры, включенные в настоящий фильм, являются правдивым и точным воспроизведением того, что они обнаруживали, вступая в различные районы после изгнания из них немецко-фашистских войск.

Фильм звуковой. Информационный текст, звучащий с экрана, подробно повествует о том, где, когда и что снято в данном кадре. Об этом фильме рассказывает известный фронтовой кинодокументалист Роман Кармен. Его репортаж был опубликован в «Известиях» в феврале 1946 года.

«Город Ростов. 29 ноября 1941 года. Операторы вместе с передовыми частями ворвались в город. Гитлеровцы, отступая, расстреливали на улицах города мирных жителей.

На экране — Ростовский вокзал в таком виде, как покинули его фашисты. Одной этой жуткой картины достаточно, чтобы уличить гитлеровскую Германию в зверской расправе с военнопленными красноармейцами. На привокзальной площади — штабеля трупов замученных и расстрелянных раненых пленников красноармейцев. Что расправа была произведена с ранеными, видно из того, что все убитые в перевязках. Забинтованы руки, ноги, головы. Но их не просто расстреляли. Их долго перед этим мучили. На трупах военнопленных — следы изощренных пыток. У многих изуродованы лица, отрезаны носы и уши, видны следы ударов прикладами, некоторые лица превращены в кровавое месиво. И вслед за этими кадрами на экране появляется документ — приказ, захваченный советскими войсками при разгроме 11-го полка 9-й немецкой танковой дивизии. В этом приказе говорится: «...согласно распоряжению командира полка я еще раз устанавливаю, что каждый офицер вправе по своему усмотрению приказывать расстреливать военнопленных».

Мертвые не лгут. Этих молчаливых свидетелей не опровергнет никто. Напрасно склоняет голову бывший фельдмаршал Кейтель. Его приказы и директивы пунктуально выполнялись чинами его бандитской армии, не считавшейся ни с какими нормами международного права и человеческой морали.

...Освобожденный Харьков. На каждом углу, на улицах, площадях — трупы расстрелянных мирных жителей. Мы видим на экране следы ужасного злодеяния, учиненного гитлеровцами перед тем, как они покинули город. Они сожгли госпиталь, переполненный тяжело раненными красноармейцами. Здесь обнаружены были сотни трупов. Комиссия военных экспертов установила, что многие калеки, безногие были сожжены заживо.

Красная Армия освобождает Донбасс. С особой жестокостью расправлялись фашисты с шахтерами Донбасса, не желавшими работать на оккупантов, с молодежью, отказавшейся ехать в гитлеровское рабство. На экране — семья макеевского рабочего Любина, состоявшая из девяти человек. Зверски зарезанный ребенок Ольги Мединской, убитая ударом в голову девочка Мария Шепелина. На протяжении всего фильма, пожалуй, самое страшное зрелище — это убитые дети. Их множество, всех возрастов, начиная с грудных младенцев, заколотых штыками, растерзанных, застреленных, детишки дошкольного возраста, подростки. Рука фашистского палача не знала разбора. Гитлеровских убийц не могли остановить испуганный плач младенца, седина старца, цветущая молодость юной жертвы. «Убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобою старик или женщина, девочка или мальчик, — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки», — такова была мораль и программа Гитлера и его банды. Оркестр музыкантов из заключенных в Яновском лагере.

По приказанию гитлеровцев оркестр исполнял специально сочиненную мелодию, названную «Танго смерти». пытки, истязания и казни гитлеровцы проводили под эту музыку. Музыкантов заставили играть, когда вешали фотографа. Весь состав оркестра был расстрелян гитлеровцами.

После того как Р. Лей повесился в тюрьме, наблюдение за подсудимыми было круглосуточным. Американский сержант Джон Вудд, приведший в исполнение приговор о смертной казни через повешение 10 главарям фашистской Германии.

Сотрудница аппарата бургомистра г. Ляйденфельд-Ехтердинген (Германия) Алёна Тренина случайно обнаружила два альбома фотографий Герберта Келера, который в оккупированной фашистами Полтаве (1941-1943 годы) возглавлял строительно-ремонтное подразделение местного железнодорожного хозяйства.

Госпожа Тренина любезно подарила фотографии преподавателю Полтавского военного института связи подполковнику Олегу Без-верхнему, который серьезно занимается изучением истории войны и увлекается историей Полтавы. По приезду домой он организовал выставку подаренных фотографий в Полтавской художественной галерее.

Кроме фотографий, найденных в Штуттгарте, на выставке были показаны также оккупационные фотографии Полтавы из коллекции, собранной немецким историком Рейнхардом Олтманом, фотографии из фондов Государственного архива Полтавской области и Полтавского музея истории авиации и космонавтики. Большую помощь в организации выставки оказал директор Полтавской обласной дирекции ОАО «Райффайзен Банк Аваль» Владимир Шиян. Копии всех найденных фотографий были переданы в Государственный архив Полтавской области и областной краеведческий музей.

Несколько фотографий с выставки Олег Безверхний разрешил опубликовать.

...Город Киев в ноябре 1943 года. Его улицы покрыты трупами людей, наспех убитых при отступлении. Но вот на экране возникает поистине ужасное зрелище: предместье Киева — Дарница. Общее количество убитых в Дарнице киевлян превышает 68 тысяч человек. Мы видим трупы, извлеченные только из одного котлована в районе печально известного лагеря

военнопленных. Трудно охватить одним взглядом бесконечные штабеля убитых на огромной площади пустыря. Бабий Яр — место массовых казней населения. Здесь истреблено свыше 100 тысяч мужчин, женщин, детей и стариков.

...Фильм заканчивается кадрами, показывающими двор Зоннен-бургской тюрьмы. Отступая, гитлеровцы расстреляли здесь за несколько часов до прихода частей Красной Армии 4 тысячи человек. Груды трупов достигают уровня человеческого роста, из-под них струятся ручьи дымящейся теплой крови. Эти последние кадры документального фильма, предъявленного Международному военному трибуналу советским обвинением, символизируют то, что хотел сделать с миром фашизм».

Красная Армия в своем неудержимом победоносном наступлении освободила поработанные народы, обреченные на мучительную смерть. Воины нашей страны выполнили свою великую освободительную миссию. Но нет такой силы, которая вернула бы жизнь миллионам замученных людей. Их призраки на мгновение возникли сегодня в зале суда, чтобы произнести суровый приговор над своими убийцами. Они проходили долгой чередой мимо судейской трибуны, и могильным холодом веяло от них в сторону скамьи, где двадцать человекоподобных сидели не шевелясь, скованные смертельным страхом. Мертвые произнесли сегодня над ними свой короткий суровый приговор:
— Смерть.

Свидетели

Свидетельские показания — один из древних видов судебных доказательств. Хотя Нюрнбергский процесс по праву называют процессом документов, однако показания свидетелей — устные и письменные — занимали довольно серьезное место в системе доказательств.

Статья 17 устава предоставляла право трибуналу:

а) вызывать свидетелей на суд, требовать их присутствия, показаний и задавать им вопросы;

б) допрашивать подсудимых (согласно англо-американскому делопроизводству подсудимый мог быть свидетелем по своему делу —

Прим. авт.

);

в) требовать предъявления документов и других материалов, используемых как доказательства;

г) приводить к присяге свидетелей.

Допрос свидетелей состоял из следующих этапов:

1) главный или прямой допрос. Этот допрос производила сторона, вызывающая свидетеля в суд;

2) перекрестный допрос, который проводился противной стороной.

Трибунал установил правило, по которому свидетель может быть

вызван для допроса только один раз.

В целях экономии времени трибунал практиковал замену главного допроса свидетеля оглашением его записанных показаний. Письменные доказательства, соответственно оформленные, «принимаются в качестве доказательств».

Регламент также предусматривал, что «свидетели, пока они не дают показания, не должны присутствовать в зале суда» (правило 6-е, пункт «б»).

Был установлен порядок допроса свидетелей: сперва допрашиваются свидетели обвинения, а потом свидетели защиты (пункт «е» статьи 24 устава).

Свидетели делились на две категории: вызванные обвинителем и вызванные защитой.

Обычно свидетели защиты были соучастниками преступлений главных военных преступников.

Они лезли из кожи вон, чтобы оправдать выродков, возмнивших себя сверхчеловеками, которым позволено переступить человеческие понятия о добре и зле.

О свидетелях защиты в своей заключительной речи главный обвинитель от СССР говорил: «О какой объективности и достоверности показаний таких свидетелей защиты можно говорить, если невиновность подсудимого Функа должен был подтвердить его заместитель и соучастник,

член СС с 1931 года Хойлер, имеющий чин групп-пенфюрера СС, если в пользу Зейсс-Инкварты был призван преступник Рейнер — член фашистской партии с 1930 года, гауляйтер Зальцбурга? Эти так называемые «свидетели» приходили сюда для того, чтобы, совершив клятвопреступление, попытаться выгородить своих бывших хозяев и сохранить свою собственную жизнь».

Перед тем как давать показания, свидетель должен быть приведен к присяге по той форме, которая существовала в его стране. Свидетели, признававшие религиозную присягу, обычно принимали ее в такой форме: «Клянусь Богом всемогущим и всеведущим, что я буду говорить правду, только правду и ничего кроме правды. Да поможет мне Бог».

Казус произошел, когда собирался давать свидетельские показания священнослужитель, которого представило обвинение Советского Союза — протоиерей Николай Ломакин. Лорд-судья Лоуренс говорит свидетелю, чтобы он повторял за ним слова присяги. Свидетель молчит. Лоуренс обращается к Р. А. Руденко с вопросом: «Почему он молчит?!»

— Ваша честь, а вы его спросите!

— Почему вы не повторяете за мной слова присяги? — спрашивает председатель трибунала. На что священник ему отвечает:

— Много лет тому назад, когда меня посвящали в служение Всевышнему, я поклялся ему говорить правду и только правду. И он мне до сих пор верит. Поэтому мне нет необходимости клясться еще раз.

Суд, посоветовавшись на месте, разрешил священнослужителю давать свидетельские показания без присяги.

Граждане СССР, вызванные в качестве свидетелей, перед дачей показаний торжественно сообщали: «Я, гражданин Советского Союза, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, торжественно обещаю и клянусь перед лицом высокого суда говорить все, что мне известно по данному делу, и ничего не прибавить и не утаить».

Бесспорно, что на Нюрнбергском процессе многие свидетельские показания представляли ценность непосредственного и живого слова о событиях большого политического масштаба и конкретных фактах военных преступлений и преступлений против человечества. Именно такими были показания академика Орбели и протоиерея Ломакина о зверствах гитлеровцев в Ленинграде и Ленинградской области; Ройзмана и Шмаглевской — о чудовищных злодеяниях в лагерях истребления — в Трехлинке и Освенциме; Мари Клод Ва-йян Кутюрье — об истреблении тысяч людей в Равенсбрюке. Об этом говорили и другие свидетели обвинения.

Из допроса свидетеля С. Ройзмана

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 27 февраля 1946 г.

Смирнов:

...Я прошу суд о вызове одного из свидетелей. Этот свидетель представляет интерес уже потому, что это, собственно, человек «с того света», ибо дорога в Трехлинку называлась немецкими палачами «дорогой на небо». Я говорю о свидетеле Ройзмане, польском гражданине, и прошу разрешения вызвать его в качестве свидетеля и допросить ... (Вводят свидетеля, он повторяет за председателем слова присяги).

Смирнов:

Я прошу вас описать трибуналу, что представляет собой этот лагерь.

Ройзман:

Ежедневно туда приходили транспорты, по 3, 4, 5 поездов, наполненных исключительно евреями из Чехословакии, Германии, Греции и Польши. Немедленно после прибытия все люди в течение пяти минут выводились из поездов и должны были стоять ждать. Все те, кто

покидал поезда, немедленно разделялись на группы: мужчины отдельно, женщины и дети тоже отдельно. Все должны были немедленно раздеваться донага, причем эта процедура проходила под нагайками немцев. Рабочие, которые там прислуживали, немедленно брали всю одежду и несли ее в бараки. Таким образом, люди голыми должны были проходить через улицу до газовых камер.

Смирнов:

Я прошу вас сообщить суду, как называлась немцами эта дорога до газовых камер.

Ройзман:

Эта улица называлась «дорога на небо».

Смирнов:

Скажите мне, пожалуйста, сколько времени жил человек, попадавший в Треблинский лагерь?

Ройзман:

Вся процедура — раздевание и путь в газовую камеру

— продолжалась для мужчин 8-10 минут, для женщин — 15 минут. Для женщин 15 минут потому, что до того, как они шли в газовую камеру, им стригли волосы.

Смирнов:

Зачем им стригли волосы?

Ройзман:

По идее «господ», эти волосы должны были служить для изготовления матрацев.

Смирнов:

Скажите, пожалуйста, какой вид имела станция Треб-линка?

Ройзман:

Вначале не было никаких надписей на станции. Но через несколько месяцев заместитель начальника лагеря Франц Курт устроил первоклассную железнодорожную станцию с надписями. На бараках, где находилась одежда, были надписи: «буфет», «касса», «телеграф», «телефон» и т. д. Было даже печатное расписание прихода и ухода поездов на Гродно, Сувалки, Вену, Берлин.

Смирнов:

Правильно ли я вас понял, что на станции Треблинка был устроен буфафорский вокзал с объявлениями о расписании поездов, с указаниями отправления поездов с платформы якобы на станцию Сувалки?

Ройзман:

Когда люди выходили из поездов, у них действительно создавалось впечатление, что они находятся на хорошей станции, от которой путь идет в Сувалки, Гродно, Вену и т. д.

Смирнов:
А что дальше происходило с людьми?

Ройзман:
Этих людей прямо вели в газовые камеры.

Смирнов.
Скажите, пожалуйста, как вели себя немцы при умерщвлении людей в Трешлинке?

Ройзман:
Если дело идет об убийстве, то всякий из немецких надсмотрщиков имел свою специальность. Я вспоминаю только один пример. У нас был один шарфюрер Менц. Его обязанность заключалась в надзоре над так называемым «лазаретом». В этом «лазарете» были убиты все слабые женщины и маленькие дети, у которых не хватало сил дойти до газовой камеры.

Смирнов:
Может быть, свидетель, вы опишите трибуналу, как выглядел этот «лазарет»?

Ройзман:
Это была часть площади, загороженная деревянной изгородью. Туда уводили всех женщин, стариков и детей. При входе в этот «лазарет» висел большой флаг Красного Креста. Менц, чьей специальностью было умерщвление всех людей, которых привозили в этот «лазарет», никому не уступал этой работы. Могли быть сотни людей, которые хотели знать и видеть, что с ними будет, но он никому не поручал этой работы, он хотел это делать только собственноручно.

Вот пример того, что случалось там с детьми. Привели из вагона десятилетнюю девочку с двухлетней сестрой. Когда старшая девочка увидела, что Менц взял револьвер, чтобы убить ее двухлетнюю сестру, она бросилась к немцу с плачем, спрашивая, почему он хочет убить ее сестру, и он не убил ее, а живую бросил в огонь, а потом немедленно убил старшую сестру. Был еще один пример. Привели одну пожилую женщину с дочерью. Она была на последней стадии беременности. Их привели в «лазарет», положили на траву и привели нескольких немцев, чтобы они присутствовали при рождении этого ребенка в лагере. Спектакль продолжался два часа. Когда ребенок родился, Менц спросил бабушку, то есть мать той женщины, которая родила, кого она предпочитает, чтобы убили раньше. Она сказала, что просит, чтобы убили её. Но ясно, что сделали как раз наоборот: сначала убили только что рожденное дитя, потом мать ребенка, а потом бабушку.

Смирнов:
Я прошу вас, свидетель, если помните, рассказать о том, как Франц Курт убил женщину, которая называла себя сестрой Зигмунда Фрейда?

Ройзман:
Прибыл поезд из Вены. Я стоял на платформе, когда люди выходили из вагонов. Одна пожилая дама подошла к Курту, вынула какой-то документ и сказала, что она является родственницей или сестрой Зигмунда Фрейда. Она попросила, чтобы ей дали легкую работу в бюро. Франц очень серьезно просмотрел ее документы, сказал, что здесь, вероятно, какая-то ошибка, подвел ее к расписанию поездов и сказал, что через два часа будет поезд на

Вену. Она может все свои драгоценности и документы оставить и должна пойти в баню, а после бани для нее будут приготовлены бумаги и билет в Вену. Ясно, что женщина в «баню» пошла, но оттуда уже не вернулась.

...Смирнов:

Скажите, свидетель, сколько человек ежедневно привозилось в Треблинский лагерь?

Ройзман:

От июля до декабря 1942 года в среднем ежедневно прибывали три транспорта по 60 вагонов каждый. В 1943 году транспорты приходили реже.

Смирнов:

Скажите, сколько в среднем человек в день уничтожалось в Треблинском лагере?

Ройзман:

В среднем, я думаю, в Треблинке уничтожалось от десяти до двенадцати тысяч человек ежедневно...

Смирнов:

У меня нет больше вопросов к свидетелю.

Председатель:

Хочет ли кто-либо из других обвинителей допросить свидетеля? Хочет ли кто-либо из защитников задать вопросы свидетелю? (Молчание)

Дает показания свидетельница Мари Клод Вайан-Кутюрье.

Она вела во Франции борьбу с фашизмом. Была арестована, направлена в Освенцим и прошла там все круги дантова ада.

На вопросы обвинителя свидетельница отвечает, что она — депутат Учредительного собрания, награждена орденом Почетного Легиона. Арестована 9 февраля 1942 г. В руки гитлеровских властей передана шесть недель спустя. В тюрьме Сантэ по соседству с ней оказалась камера философа Жоржа Политцера и известного физика Жака Соломона. Путем перестукивания Жорж Политцер сообщил, что нацисты под пытками заставили его писать теоретические брошюры в защиту национал-социализма, а когда он категорически отказался выполнить это гнусное требование, пригрозили включением в первую же группу заложников, которая будет расстреляна...

Она называет имя еще одной несчастной — Аннет Эпо.

— Никогда в жизни я не забуду ее! — восклицает Мари Клод. — Аннет посадили в грузовик, чтобы отправить в газовую камеру. Она бережно поддерживала при этом старуху Кулин Порш и когда грузовик тронулся, закричала нам: «Если вы возвратитесь во Францию, вспомните о моем маленьком мальчике!» Потом все начали петь «Марсельезу».

Прибывающие эшелоны встречал оркестр из молодых красивых заключенных, одетых в белые блузки и синие матросские юбки. Оркестрантки играли арии из оперетты «Веселая вдова» и баркароллу из «Сказок Гофмана». Прибывшим говорили, что это трудовой лагерь, и затем тех, кто был отобран для отравления газом, то есть стариков, детей и матерей, направляли в здание из красного кирпича...

Была в лагере девушка по имени Мари. Из девяти членов ее семьи она оставалась в живых одна: мать, все братья и сестры были уже отравлены газом. А Мари заставили раздевать новые партии обреченных перед отправкой в газовую камеру. Когда они входили в это помещение, внешне

напоминавшее душевую, туда через отверстие в потолке вбрасывались капсулы с газом. При этом один из эсэсовцев наблюдал через «глазок» за тем, что происходит внутри. Спустя пять-шесть минут он подавал знак, люди в противогазах (тоже заключенные) открывали двери, проникали в помещение и вытаскивали оттуда мертвые тела, обычно крепко сцепившиеся друг с другом в предсмертных мучениях, и стоило большого труда их разъединить. Затем приходила другая команда, которая срывала у мертвых золотые коронки с зубов и снимала искусственные челюсти. Поиски золота продолжались даже после того, как тела превращались в пепел — его тщательно просеивали.

Когда в Освенцим прибывали евреи из Салоник, им выдавали почтовые открытки и готовый текст, который они должны были переписать собственноручно: «Мы хорошо устроились, у нас есть работа, с нами хорошо обращаются и хорошо кормят. Ждем вашего приезда». Каждый должен был послать такую открытку своим родным. А внизу на ней уже заранее был проставлен адрес отправителя — Валь-дзее (хотя в действительности такого пункта не существовало)».

— Я не знаю, — заявила Мари Клод, — применялся ли этот метод в других местах, но в Греции (как и в Словакии) целые семьи приходили в бюро по вербовке, изъявляя желание присоединиться к своим родным. Помню профессора-филолога из Салоник, который с ужасом узнал о добровольном приезде в Освенцимский лагерь родного отца...

Адвокаты старались подорвать значение ее показаний, но им это не удалось. Мари Клод остроумно парировала их каверзные вопросы.

...Куда мы идем?

— К концу света, девочка. Мы идем к концу света.

— Это далеко?

— Нет, не очень.

— Понимаешь, я очень устала. Это плохо, скажи мне, это плохо, что я так устала?

— Все устали, моя девочка.

— Даже Бог?

— Не знаю. Спросишь у него сама...

Ели Визель

Геноцид еврейского народа

Никакое другое преступление Третьего рейха не исследовалось так скрупулезно, не обсуждалось так досконально, как это.

Антисемиты и так называемые «историки-ревизионисты» изо всех сил стараются опорочить, бросить тень на трагедию еврейского народа, несмотря на то, что ни одно событие истории XX века не было столь основательно подкреплено неопровержимыми доказательствами.

Логика бессильна, когда имеешь дело с антисемитами. Говорят, что одному антисемиту предложили выйти на демонстрацию с лозунгом «Бей жидов и велосипедистов!» Он удивленно спросил: «А за что бить велосипедистов?» На встречный вопрос: «А за что бить жидов?» — ответа не последовало. Его эта проблема не интересовала. Но он был убежден, что бить их надо. В этой главе даются только факты, только документы. Без комментариев. Я предпочитаю, чтобы документы говорили сами за себя.

Преследование евреев

Из приговора Международного военного трибунала

Подробные доказательства, представленные трибуналу, устанавливают факт преследования евреев нацистским правительством. Это — история бесчеловечности, осуществлявшейся последовательно и систематически в самых широких масштабах.

Олендорф, являвшийся начальником III управления Главного имперского управления безопасности с 1939 по 1943 годы и командовавший одной из эйнзацгрупп во время войны с Советским Союзом, в своих показаниях описал методы, применявшиеся при истреблении евреев. Он заявил, что использовал боевые отряды для расстрела жертв с тем, чтобы уменьшить сознание моральной ответственности у своих людей, и 90 тысяч мужчин, женщин и детей, которые были убиты этой группой в течение одного года, являлись в основном евреями. Когда свидетеля Бах-Зелевского спросили о том, каким образом Олендорф мог признать убийство 90 тысяч людей, он ответил:

«Я лично считаю, что когда в течение лет, десятилетий проповедуются доктрина о том, что славянская раса является низшей расой, а что евреи даже не являются людьми, подобный результат неизбежен».

Подсудимый Франк произнес последние слова этой главы нацистской истории, когда он давал показания на суде:

«Мы боролись против еврейства, мы боролись против него в течение ряда лет, нам принадлежит некоторые изречения (и мой дневник может стать в связи с этим свидетелем против меня самого) — изречения, которые ужасны... Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии все еще не будет смыта».

Антисемитская политика была сформулирована в пункте 4 партийной программы, который гласил следующее:

«Только представитель расы может быть гражданином, а представителем расы может быть только тот, в ком течет германская кровь, независимо от его вероисповедания. Следовательно, ни один еврей не может быть представителем расы».

С захватом власти преследование евреев усилилось. Был опубликован ряд законов, дискриминирующих евреев, которые ограничивали должности и профессии, разрешаемые евреям; вводились всевозможные ограничения в их семейной жизни и гражданских правах. К осени 1938 года нацистская политика в отношении евреев достигла стадии, принявшей форму полного вытеснения евреев из жизни Германии. Были организованы погромы, во время которых сжигались и уничтожались синагоги; еврейские предприятия подвергались разграблению, а видные еврейские дельцы — арестам. На евреев был наложен коллективный штраф в один миллиард марок; был санкционирован захват еврейского имущества, а передвижение евреев было ограничено определенными районами и определенными часами. Гетто создавались в чрезвычайно широком масштабе, и по приказу полиции безопасности евреев заставляли носить желтую звезду на груди и на спине.

Обвинение утверждало, что некоторые стороны этой антисемитской политики были связаны с планами агрессивной войны. Жестокие меры, принятые против евреев в ноябре 1938 года, проводились под предлогом расплаты за убийство одного чиновника германского посольства в Париже.

Бюллетень министерства иностранных дел Германии в номере от 25 января 1939 года в статье под заголовком «Еврейский вопрос как фактор внешней политики Германии в 1939 году» описывает новую фазу в нацистской антисемитской политике следующим образом:

«...То, что роковой 1938 год приблизил решение еврейского вопроса одновременно с осуществлением идеи Великой Германии, конечно, не является совпадением, так как еврейская политика была и основой, и результатом событий 1938 года. Рост влияния евреев и пагубный еврейский дух в политике, экономике и культуре парализовал силу и волю германского народа к тому, чтобы снова подняться, возможно, даже в большей степени, чем оппозиция политике силы со стороны бывших вражеских союзных держав в мировой войне».

Поэтому излечение народа от этой болезни было, без сомнения, одной из наиболее важных задач, требовавших применения силы, и это в 1938 году привело к объединению Великой Германии вопреки всему миру».

Однако летом 1941 года начали разрабатываться планы «окончательного решения» еврейского вопроса в Европе. Это «окончательное решение» означало уничтожение всех евреев, которое, согласно угрозам Гитлера, в начале 1939 года должно было явиться одним из следствий разразившейся войны. Для проведения в жизнь этой политики был организован специальный отдел гестапо, который возглавлял Адольф Эйхман, начальник отдела Б-4.

План уничтожения евреев был разработан вскоре после нападения на Советский Союз.

Эйнзацгруппы — полиции безопасности и СД, созданные для того, чтобы сломить сопротивление населения территорий, расположенных в тылу германских армий на Востоке, получили задание уничтожить евреев в этих областях. Эффективность деятельности эйнзацгрупп видна из того, что в феврале 1942 года Гейдрих был в состоянии доложить: Эстония уже была очищена от евреев и в Риге число евреев снизилось с 20 500 до 2500 человек. Всего эйнзацгруппы, оперировавшие в прибалтийских странах, убили свыше ста тридцати пяти тысяч евреев за 3 месяца.

Эти специальные отряды СС действовали независимо от германских вооруженных сил.

Имеются явные доказательства того, что руководители эйнзацгрупп сотрудничали с армейскими командирами.

Одуманный и систематический характер преследования евреев лучше всего иллюстрируется докладом бригадного генерала СС Штропа, на которого была возложена ответственность за уничтожение гетто в Варшаве, фактически проведенное в жизнь в 1943 году. Этот отчет был представлен трибуналу в качестве доказательства и был иллюстрирован фотографиями; и на его первой странице была сделана надпись: «Еврейское гетто в Варшаве больше не существует».

Этот том содержит ряд отчетов, посланных Штропом высшему руководителю СС и полиции на Востоке. В апреле и мае 1943 года в одном из отчетов Штроп писал: «Сопротивление, которое оказывали евреи и бандиты, могло быть подавлено лишь в результате сильных боев наших отрядов, не прекращавшихся ни днем, ни ночью. Поэтому рейхсфюрер СС приказал 23 апреля 1943 г. очистить гетто, применяя крайнюю жестокость и проявляя беспощадное упорство. Было решено уничтожить и сжечь все гетто, невзирая на то, что там имелись военные заводы. С этих заводов мы систематически вывозили оборудование, а затем сжигали их. Обычно евреи выходили из тех мест, в которых они скрывались, но часто они оставались в горевших зданиях и выпрыгивали из окон только тогда, когда жара становилась невыносимой. Тогда они пытались, несмотря на переломы костей, переползая по улице в те здания, которые еще не были охвачены огнем. Жизнь в канализационных трубах не была приятной. Мы не раз слышали громкие голоса в канализационных трубах... Мы стали бросать туда в отдушины слезоточивые бомбы и таким образом выгнали евреев из канализационных труб и захватили их. Бесчисленное количество евреев было ликвидировано в канализационных трубах и бункерах во время взрывов, и чем дольше продолжалось сопротивление, тем более жестокими становились члены войск СС, полиции и вооруженных сил, всегда образцово исполнявшие свои обязанности». Штроп говорит в своем отчете: «В результате мероприятий в Варшаве уничтожено 56 065 человек. К этому мы должны добавить тех, которые были убиты во время взрывов, при пожарах и т. д., количество которых учесть невозможно».

...Систематическое истребление евреев в концентрационных лагерях явилось другой частью «окончательного разрешения проблемы», выражавшейся в том, что со всей оккупированной немцами Европы евреев сгоняли в концентрационные лагеря. Их физическое состояние решало для них вопрос жизни или смерти. Всех трудоспособных людей использовали для рабского труда в концентрационных лагерях; все неспособные работать уничтожались в газовых камерах, после чего их трупы сжигались. Для этой цели были специально выделены некоторые концентрационные лагеря, как, например, Треб-линка и Освенцим.

По вопросу об Освенциме трибунал заслушал показания Гесса, с

1 мая 1940 г. по 1 декабря 1943 г. являвшегося комендантом лагеря. Он заявил, что только в одном лагере Освенцим за этот период времени было истреблено 2 миллиона 500 тысяч человек, помимо того, что 500 тысяч погибло от болезней и голода.

Гесс на суде в следующих словах рассказал о том, каким образом отбирались те люди, которых предполагалось уничтожить:

«В Освенциме было два дежурных врача, занимавшихся осмотром транспортов прибывавших заключенных. Заключенных прогоняли мимо одного из врачей, который тут же, на месте, пока они проходили мимо него, принимал решение относительно их трудоспособности.

Трудоспособные заключенные направлялись в лагерь. Остальных немедленно направляли на установки для уничтожения.

Дети раннего возраста непременно уничтожались, так как слабость, присущая детскому возрасту, не позволяла им работать. Мы ввели еще одно усовершенствование по сравнению с Треблинкой: в этом лагере жертвы почти всегда знали о том, что их собираются истребить, в то время как в Освенциме мы пытались обманывать заключенных, заставляя их думать, что они должны пройти санобработку. Они, конечно, нередко разгадывали наши действительные намерения, и в связи с этим нам приходилось иметь дело с беспорядками и различными затруднениями. Очень часто женщины прятали детей под свою одежду, но, конечно, когда мы их находили, мы отбирали детей и истребляли».

Он в следующих словах описывает процесс убийства:

«На убийство людей в газовых камерах обычно уходило от 3 до 15 минут в зависимости от температурных условий. Мы знали, когда люди умирали, так как со смертью прекращались их крики. Перед тем, как открыть двери и удалить тела, мы обычно выжидали в течение получаса. После того как тела выносили из камер, наши специальные команды снимали с них кольца и извлекали золото с зубов, выдранных у трупов».

Избиения, голод, истязания и убийства были всеобщим явлением. Заключенные подвергались жестоким экспериментам. В августе 1942 года в Дахау жертвы погружались в холодную воду и оставались там до того, пока температура их тел не понижалась до 28° по Цельсию, после чего они немедленно умирали.

Остальные эксперименты включали опыты по определению условий на больших высотах, когда жертвы помещались в камеры с пониженным давлением, опыты, целью которых служило определить, сколько времени человеческое существо может прожить в ледяной воде, опыты с отравленными пулями, опыты с заразными болезнями, опыты по стерилизации мужчин и женщин рентгеновскими лучами и путем применения других методов. Были представлены доказательства относительно судьбы заключенных до и после их уничтожения.

В показаниях было указано, что у женщин перед тем, как их убить, обрезали волосы, которые отправлялись в Германию, где они использовались для производства матрацев. Одежда, деньги и драгоценности заключенных также присваивались и направлялись в соответствующие отделы для дальнейшего распределения. После того как жертвы умерщвлялись, у трупов вынимали золотые зубы и пломбы, которые пересылались в рейхсбанк. После кремации трупов зола использовалась в качестве удобрения, а в некоторых случаях делались попытки использовать жировой слой, имевшийся на телах жертв, для выработки мыла, предназначенного для продажи. По Европе разъезжали специально созданные группы лиц, выискивавшие евреев для так называемого «окончательного разрешения» вопроса. В некоторые страны-сателлиты, такие, как Венгрия и Болгария, были направлены германские миссии, которые должны были организовывать в вышеупомянутых целях отправку евреев в лагеря уничтожения в Германию по морю. Известно, что к концу 1944 года 400 тысяч евреев из Венгрии были умерщвлены в Освенциме. Имеются показания об эвакуации 110 тысяч евреев из Румынии для ликвидации. Адольф Эйхман, которому Гитлер поручил осуществление этой программы, подсчитал, что в результате проводившейся политики было убито шесть миллионов евреев, из которых четыре миллиона — в пунктах для истребления людей.

Из вступительной речи Главного обвинителя от США Джексона

(произнесена 21 ноября 1945 г.)

«...Я перехожу к преступлениям против евреев.

Самыми зверскими и наиболее многочисленными преступлениями были преступления, задуманные и совершенные нацистами против евреев. В 1933 году в Германии насчитывалось около 500 000 евреев. Все они в совокупности добились положения, которое вызывало зависть, и сосредоточили в своих руках собственность, служившую предметом алчности нацистов. Их малочисленность делала их беспомощными, но в то же время их было достаточно, чтобы изображать их как угрозу.

Как заявил Роберт Лей, «вторым секретным оружием Германии является антисемитизм, потому что если он будет систематически проводиться Германией, то станет проблемой всеобщего значения, с которой будут вынуждены считаться все народы».

Антисемитизм также справедливо назывался «лабораторией террора». Гетто всегда служили местом, где проводились первые испытания различных методов репрессий. Еврейская собственность была первой подвергнута экспроприации, а затем аналогичные меры широко вводились в практику и направлялись уже против немцев — противников нацизма, против поляков, чехов, французов и бельгийцев. Истребление евреев дало немцам возможность набить руку для подобных же действий против поляков, сербов и греков.

Преследования были направлены не против отдельных евреев, потому что те или другие из них были плохими гражданами или не пользовались популярностью в обществе. Имелось в виду уничтожение всего еврейского народа — это было самоцелью, средством подготовки войны и должно было явиться уроком для побежденных народов.

Заговор или общий план уничтожения евреев проводился так методично и с такой полнотой, что, несмотря на поражение Германии и разгром нацизма, эта цель нацистов была в основном достигнута.

Из 9 миллионов 600 тысяч евреев, проживавших в подвластной немцам Европе, 5 миллионов 700 тысяч исчезли из стран, где они жили прежде. История не знает преступлений, направленных одновременно против такой массы людей, преступлений, произведенных с такой расчетливой жестокостью.

В марте 1942 года Штрейхер сетовал, что христианское учение стоит на пути «радикального разрешения еврейского вопроса в Европе», и с энтузиазмом цитировал как рецепт, пригодный для XX века, заявление фюрера от 24 февраля 1942 г., гласившее, что «евреи будут уничтожены». 4 ноября 1943 г. Штрейхер заявил, что евреи «исчезли из Европы» и что «восточный заповедник еврейства», откуда в течение столетий «еврейская чума заражала народы Европы, перестал существовать».

Штрейхер имеет теперь наглость заявлять нам, что он «всего лишь сионист». Он говорит, что хочет только вернуть евреев в Палестину. Но 7 мая 1942 г. он писал:

«Это не только еврейская проблема. Еврейский вопрос — это вопрос мирового значения. Не только Германия не может чувствовать себя в безопасности от евреев до тех пор, пока хоть один еврей живет в Европе, но также самое решение еврейского вопроса в Европе невозможно, пока евреи живут в остальных частях земного шара».

Подсудимый Ганс Франк, юрист по профессии, о чем я говорю со стыдом, так определил в своем дневнике в 1944 году сущность нацистской политики: «Евреи — раса, которая должна быть истреблена. Где бы мы ни поймали еврея, его нужно прикончить».

Я мог бы бесконечно умножить эти примеры нацистских хвастливых излияний, но оставляю эту миссию на долю доказательств и обращаюсь к результатам этого извращенного образа мыслей.

15 сентября 1935 г. были изданы позорные Нюрнбергские декреты.

Евреи сгонялись в гетто и принуждались к каторжному труду; их лишали возможности заниматься своей профессией; их собственность экспроприировалась; всякая культурная жизнь, печать, театр и школы были для них запрещены, и СД было поручено наблюдать за ними. Это была зловещая опека.

Антисемитская кампания в Германии приобрела особый размах после убийства в Париже советника германского посольства фон Рата. Глава гестапо Гейдрих послал телеграфное распоряжение всем отделам гестапо и СД, содержащее указание проводить «стихийные» возмущения, намечавшиеся на 9 и 10 ноября 1938 г. таким образом, чтобы уничтожить имущество евреев и охранять только собственность немцев. Более циничный документ еще никогда не приобщался к делу.

Далее. Мы располагаем рапортом бригаденфюрера СС д-ра Шта-лекара Гиммлеру от 1942 года.

Я цитирую: «Точно так же антисемитские силы подстрекались к проведению еврейских погромов с первых же часов после захвата территорий, хотя это подстрекательство оказалось весьма трудно осуществимым.

Следуя нашим указаниям, полиция безопасности задумала разрешить еврейский вопрос самым решительным образом и всеми возможными способами.

Однако было признано желательным, чтобы чиновники полиции безопасности не появлялись на сцене сразу, по крайней мере, с самого начала, поскольку исключительная жестокость принимаемых мер могла бы возмутить даже германские круги. Надо организовать дело таким образом, чтобы доказать миру, что само местное население первое выступило со стихийным протестом...».

Конечно, совершенно очевидно, что эти «выступления» были организованы правительством и нацистской партией.

Если бы мы сомневались, то могли бы обратиться к меморандуму Штрейхера от 14 апреля 1939 г., где говорится:

«Антияеврейское выступление в ноябре 1938 года не было стихийным выступлением народа. Часть партийной организации была уполномочена проводить антияеврейские действия».

Синагоги были объектом особой ярости.

10 ноября 1938 г. был издан следующий приказ: «По приказу группенфюрера все еврейские синагоги в районе 50-й бригады должны быть взорваны или сожжены... Эти операции должны быть проведены лицами в гражданской одежде... Об исполнении этого приказа должно быть доложено».

Я приглашаю вас обратиться к нескольким приказам и донесениям, которые будут свидетельством того, что означало нацистское вторжение.

Мы представим такое свидетельство, как отчет эйнзацгруппы А от 15 октября 1941 г. В нем указано, что при захвате прибалтийских стран «местные антисемитские силы подстрекались к организации погромов против евреев в первые же часы после начала оккупации». В отчете далее говорится:

«С самого начала предполагалось, что еврейская проблема на Востоке не может быть разрешена одними только погромами.

В соответствии с полученными директивами чистка, проводившаяся полицией безопасности, должна была иметь своей целью полное уничтожение евреев. Особые отряды, усиленные отборными частями, в Литве — отряд из добровольцев, в Латвии — части латвийской вспомогательной полиции, широко проводили в жизнь эти приказы в городах и в сельских местностях. Действия этих отрядов протекали гладко».

Перед нами — захваченное донесение коменданта г. Слуцка от 20 октября 1941 г., которое более подробно описывает происходившее. Там говорится: «Все евреи без исключения были изъяты с фабрик и из магазинов и вывезены. Правда, часть евреев была вывезена в гетто, где они были мной изолированы и подвергались соответствующему обращению, но большая часть была просто погружена на грузовики и ликвидирована без промедления за пределами города. В течение этих действий город являл собой ужасную картину. С неопишуемой жестокостью со стороны офицеров немецкой полиции и особенно литовских добровольцев евреев, а также белорусов выгоняли из их жилищ и сгоняли вместе. В городе повсюду слышались выстрелы, и на улицах валялись груды трупы расстрелянных евреев. Белорусы безуспешно пытались вырваться из окружения. Независимо от того, что с евреями, среди которых были также и торговцы, обращались с ужасающей жестокостью в присутствии белорусов, последних тоже избивали резиновыми дубинками и прикладами ружей. Это были уже не только действия против евреев. Это выглядело скорее как стихийное бедствие...».

Все мужчины-евреи старше 16 лет, за исключением докторов и престарелых, были казнены. Из 4 тысяч 500 евреев уцелело в живых только 500 (с. 8).

В течение октября месяца в Белоруссии 37 тысяч 180 человек было уничтожено отрядами СД и ЗИПО. В одном городе было казнено триста тридцать семь еврейских женщин за «вызывающее поведение» (с. 13). В другом городе триста восемьдесят евреев было расстреляно за «распространение злой пропаганды» (с. 131) Отчеты говорят не столько о самих кровопролитиях, сколько о деградации истязателей.

Например, представляем вашему вниманию отчет, адресованный подсудимому Розенбергу, о действиях армии и СС в подвластном ему округе. В документе говорится следующее (я цитирую документ № Р-135): «В присутствии члена отряда СС еврей — зубной врач должен был вырвать все золотые зубы и пломбы изо рта немецких и русских евреев перед тем, как они были казнены» (документ В).

«Мужчин, женщин и детей запирают в амбары и сжигают заживо» (документ А).

«Крестьян, женщин и детей расстреливают под предлогом, что их подозревают в принадлежности к бандам» (документ С).

Мы, представители западного мира, слышали о «душегубках», в которых душили евреев и политических противников. Мы не могли этому поверить. Но вот перед нами отчет германского офицера СС Беккера от 16 мая 1942 г. его начальнику в Берлине, в котором рассказывается следующая история (документ № 656-ПС):

«Газовые автомобили группы Д были замаскированы под прицепы, но они были хорошо известны властям и гражданскому населению, которое называло их душегубками». Мы утверждаем, что все зверства в отношении евреев были осуществлением и кульминационным пунктом нацистского плана, участником которого был каждый из подсудимых; решимость уничтожить евреев была той связующей силой, которая постоянно скрепляла элементы этого заговора. Среди подсудимых существовали разногласия по многим вопросам внутренней политики. Но нет ни одного, кто не повторил бы призывный клич нацизма: «Германия, пробудись, погибни, еврейство».

Приложение

Эйхман «поставил» шесть миллионов евреев

«Я, Вильгельм Хёттль, под присягой показываю:

Мое имя д-р Вильгельм Хёттль, штурмбанфюрер СС (майор СС). До разгрома Германии я занимал должность референта и заместителя начальника секции в VI отделе РСХА.

VI отдел РСХА был так называемым иностранным отделом СД, он занимался разведывательной службой во всех странах земного шара. Он соответствует приблизительно английской Интеллидженс сервис. Секция, в которой я служил, занималась разведывательной службой в Юго-Восточной Европе (на Балканах).

В конце августа 1944 г. я имел беседу с обер-штурмбанфюрером СС Адольфом Эйхманом, которого я знаю с 1938 г. Беседа состоялась у меня на квартире в Будапеште.

Мне известно, что Эйхман был в то время начальником секции в IV отделе РСХА (гестапо), и, кроме того, ему лично Гиммлером было поручено руководить арестами всех евреев в европейских странах и отправкой их в Германию. Эйхман был тогда весьма удручен тем, что Румыния в те дни вышла из войны. Поэтому он пришел ко мне, чтобы получить информацию относительно обстановки на фронте, которую я ежедневно получал от венгерского военного министерства и от командующего войсками СС в Венгрии. Он выразил свою убежденность в том, что Германия проиграла войну и что для него все потеряно. Он знал, что Объединенные Нации будут рассматривать его как одного из главных военных преступников, так как на его совести миллионы загубленных еврейских жизней.

Я предполагаю, что эта информация, полученная мною от Эйхмана, была правильной, так как из всех лиц, которые имели к этому отношение, он располагал самыми точными сведениями о количестве убитых евреев. Во-первых, он, так сказать, поставлял при помощи своих зондеркоманд евреев в лагеря уничтожения и поэтому точно знал цифры и, во-вторых, в качестве начальника секции IV отдела РСХА, который ведал также еврейским вопросом, он определенно лучше всех знал о количестве евреев, умерщвленных другими способами.

К этому следует добавить, что в этот момент благодаря имевшим место событиям душевное состояние Эйхмана было таково, что в его намерения не входило говорить мне неправду. Сам я помню подробности этого разговора так отчетливо, потому что этот разговор, по вполне понятным причинам, очень взволновал меня, а также потому, что я еще до разгрома Германии сообщил о нем подробные сведения одному американскому бюро в нейтральной стране, с которым я в это время находился в связи.

Я клянусь, что вышеупомянутые показания я дал добровольно и без принуждения и что вышеупомянутые показания, по моему разумению и совести, соответствуют правде.

Д-р Вильгельм Хёттль».

Холокост — самый масштабный в истории человечества геноцид. Он не может превращаться в изложение того, где, когда, сколько человек убито. Это, прежде всего, человеческая трагедия. Когда речь заходит о Холокосте, я пытаюсь представить, о чем думали в последние минуты жизни эти несчастные. Может, они молились, может, проклинали палачей. А может, обращались к нам, к тем, кто останется жить, чтоб мы никогда, никогда не забыли Холокост. Тех, кого убивали только за то, что они евреи, уже не вернуть. Но память о них должна жить вечно.

Память — это мы с вами.

...Как-то богатый приятель спросил у «охотника за нацистами» Симона Визенталя:

— Сима, почему ты не вернулся в архитектуру? Сейчас ты был бы миллионером.

— Ты, как и я, религиозен, — ответил Визенталь. — Мы верим в Бога и в жизнь после смерти. Когда-нибудь мы придем в мир иной и встретим там миллионы евреев, которые погибли в лагерях смерти. Они спросят нас: «А что ты сделал?». Ты ответишь: «Я стал ювелиром». Кто-то ответит: «Я строил дома». А я скажу: «Я не забыл вас».

Мне запала в душу мысль: «Для триумфа зла достаточно равнодушия хорошего человека». Если что нас и погубит — это наше равнодушие к нашей собственной судьбе.

Мы не должны ни на минуту забывать, что по протоколам судебного процесса, которым мы судим этих людей сегодня, история будет завтра судить нас самих.

Лорд-судья Лоуренс

12

«Последняя линия нацистской обороны»

Так окрестили защитников известные карикатуристы Кукрыниксы. Все подсудимые получили официальных защитников, которые соответствовали желаниям подсудимых и могли быть допущены для защиты в таком процессе, как Международный военный трибунал.

Трибунал принял все необходимые меры к созданию благоприятных условий для работы защитников. Им было предоставлено добротное жилье, питание, транспорт, выплачивался достаточно высокий гонорар. Адвокат за свой труд получал 3500 рейхсмарок ежемесячно, вплоть до окончания процесса.

Защите была предоставлена «документальная комната» и центр информации, в который передавались все документы, предъявлявшиеся обвинением в качестве доказательств. Среди защитников многие ранее возглавляли университетские кафедры. Профессоры на процессе были одеты в университетские фиолетовые мантии. Например, доктор Дикс возглавлял при Гитлере ассоциацию германских адвокатов. В Нюрнберге он защищал подсудимого Шахта.

Защиту представляли двадцать семь адвокатов, им помогали пятьдесят четыре помощника и шестьдесят семь секретарей.

Адвокат Хорн, защищавший Риббентропа, взял в помощники зятя подсудимого. Адвокат Папена Кубушок пригласил в помощники сына Папена. Их примерам следовали и другие защитники. Основная тактика защиты состояла в том, чтобы всеми средствами затягивать процесс в надежде, что в конечном счете им удастся сорвать судебное разбирательство. Они с первого дня процесса ожидали, что союзники перессорятся и процесс будет сорван.

После того как лорд-судья Лоуренс открыл первое заседание процесса, защитник Штамер выступил с большой речью. В ней он пытался доказать, что законность Международного военного трибунала под сомнением, так как отсутствует международный документ, который провозгласил бы агрессию международным преступлением. Раз нет такого документа, значит убийцы миллионов людей неподсудны.

Защита предлагала вызвать экспертов — специалистов в области международного права для установления основания уголовной ответственности подсудимых за действия, которые вменяются им в вину.

На утреннем заседании 21 ноября 1945 года председатель лорд Лоуренс объявил решение трибунала по этому заявлению защиты. В нем указывалось, что вопрос о юрисдикции трибунала на основании статьи 3 устава не подлежит обсуждению, поэтому рассмотрение дела будет продолжаться.

Попытки в этом направлении со стороны подсудимых и их защитников предпринимались неоднократно.

Так, 22 марта 1946 года защитник Гесса адвокат Зейдль, получив слово для представления доказательств, начал с того, что Гесс «продолжает оспаривать правомочия трибунала разбирать его дело».

Председательствующий разъяснил адвокату, что согласно статье 3 устава «ни трибунал, ни его члены, ни их заместители не могут быть отведены обвинителем, подсудимым или защитой».

Защитники выдвигали требование о том, что суд над главными военными преступниками должны вершить судьи нейтральных стран.

Аркадий Полторацк, комментируя требование защиты, писал, что на судебном процессе над Людовиком XVI, оказывается, тоже велись разговоры о том, что монарха может судить лишь нейтральный суд. На это требование дал ответ член Национального конвента Амара:

— Вас спрашивают, кто будут судьи? Вам говорят, что все вы — заинтересованные стороны. Но разве французский народ не заинтересованная сторона, если на него падали удары тирана? К кому же обратиться за правосудием?

— К собранию королей! — бросил реплику другой член конвента.

Выдвигались различные просьбы об отсрочке процесса. То они требовали объявить рождественские каникулы на три недели. Их просьбу удовлетворили, но срок сократили до десяти дней. Тогда адвокаты применили новый прием: стали настаивать на вызове в суд сотен свидетелей, которые вообще не имели отношения к процессу.

Защитник Заукель настаивал на вызове пятидесяти пяти свидетелей. Не меньше свидетелей просили вызвать и другие защитники. Свидетелями от защиты в основном были соучастники преступлений подсудимых. Например, заместитель Геринга Мильх свидетельствовал, что Геринг был противником всякой войны, в том числе и оборонительной. Военный преступник Боденшатц пытался убедить трибунал, что Геринг был интернационалистом. Начальник канцелярии Гитлера эссовец Ламмерс, осужденный впоследствии на 20 лет тюрьмы, должен был доказать, что Шахт был противником Гитлера.

Некоторые адвокаты заранее репетировали со свидетелями допрос. Лорд-судья Лоуренс вынужден был предупредить адвоката: «Доктор Зиммерс, вы не должны задавать свидетелю наводящих вопросов, которые вкладывают ему в уста все, что вы хотите услышать от него в его показаниях. Вы сами излагаете все свидетелю, а затем спрашиваете его: «Разве не так?».

Идет допрос свидетеля фон Паулюса (командующего 6-й фашистской армией, разгромленной под Сталинградом).

Он давал показания убедительно, многие доводы аргументировал документами, фактами.

Опорочить его трудно. Тогда один из адвокатов задает Паулюсу вопрос:

— Продолжает ли свидетель читать лекции в московской академии Фрунзе?

Остроумно парировал английский обвинитель Файф:

— Странное дело! — заметил он, — Видимо, адвокат так и не разобрался, кто же кого победил в этой войне. Насколько можно судить, русская армия разгромила германскую армию. Так не будет ли более резонным немецким генералам слушать лекции русских генералов, а не наоборот?

А вот другой типичный пример.

Идет допрос заместителя начальника немецкой военной разведки, генерала Лахузена. Он рассказывает о страшных преступлениях фашистского режима. Адвокат спрашивает его:

— Сообщили ли вы об этих преступлениях начальству? Ведь попустительство в этом отношении карается по германскому закону тюремным заключением, а в особых случаях — смертью.

Но свидетель не ступевался и парирует:

— Я должен был бы слишком много делать таких сообщений. Ведь совершено более ста тысяч убийств, о которых я знал.

Адвокаты порой пытались злоупотреблять терпимостью председателя трибунала.

Свидетель, бывший статс-секретарь германского министерства иностранных дел Штеенгархт, отвечая на вопросы адвоката, нагло пользовался шпаргалкой.

Лоуренс, обычно спокойный, раздраженно обратился к защитнику Риббентропа:

— Доктор Хорн, свидетели могут освежать свою память, пользуясь заметками, но трибуналу кажется, что этот свидетель читает почти каждое слово. Он фактически читает речь, которую написали заранее.

Однажды адвокат Диксон, обращаясь к свидетелю с вопросами по содержанию документа, стал его сам оглашать. Свидетелю уже не приходилось догадываться, какой ответ нужен адвокату. Председатель сделал замечание адвокату, что не следует свидетелю подсказывать желательные ответы.

Защитники и свидетели от защиты из кожи лезут вон, чтобы доказать, что черное — это белое, что преступники, сидящие на скамье подсудимых — ангелы-хранители мира на земле.

Свидетель от защиты, адъютант Геринга генерал Боденшатц, заявил, что Геринг — миротворец и «благодетель евреев».

— Вы заявляете, что Геринг ничего не знал даже об акциях против евреев в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года? — спрашивает судья Джексон.

— Он узнал об этом на следующее утро из газет и был очень потрясен,— не моргнув глазом, отвечает Боденшатц.

— Вы хотите, чтобы мы поняли из ваших показаний, что Геринг был потрясен и чувствовал себя оскорбленным тем, что произошло с евреями в ночь с 9 на 10 ноября? — уточняет судья Джексон.

— А известно ли вам, — спрашивает далее судья Джексон, — что 12 ноября, через три дня после этих ужасных погромов, Геринг подписал приказ о конфискации у еврейского населения миллиарда марок и об исключении их из деловой и государственной жизни?

Свидетель молчит.

Во время перекрестного допроса Боденшатц проговорился, что адвокат Штамер подготовил его к допросу и даже сообщил ему некоторые факты, о которых он должен был дать показания.

«Боденшатц:

Вы спрашиваете, присутствовал ли Далерус? На сто процентов я не могу сказать, что он там присутствовал. Я знаю только, что когда я говорил с г-ном адвокатом, он сказал мне, что Далерус присутствовал там. Но присутствовал ли он там действительно, я не могу утверждать... Далерус, очевидно, устроил это совещание. Однако впервые я узнал об этом из беседы с защитником г-ном Штамером...»

Аналогичный случай произошел при допросе свидетеля Лаутер-бахера, вызванного на допрос по ходатайству адвоката Заутера — защитника подсудимого Шираха.

Свидетелем защиты выступает гитлеровский фельдмаршал Мильх. Этот организатор налетов на мирные города, автор варварского словечка «ковентрировать», происходящего от мирного английского городка Ковентри, почти целиком уничтоженного гитлеровской авиацией, этот эксплуататор миллионов невольников и военнопленных, мечтавший «ковентрировать» всю Европу.

Главный обвинитель от Соединенных Штатов судья Джексон несколькими меткими ударами сразу срывает с физиономии Миль-ха остатки благообразного грима.

Ему предъявляют подлинник документа, в котором он просит Гиммлера помочь его представителю доктору Рашеру производить в широких масштабах свои палаческие опыты над живыми людьми в концентрационных лагерях. Он не знал, что в Германии в гигантских масштабах военнопленные используются в военной промышленности и даже на подсобной службе в армии? Ему показывают протоколы многочисленных совещаний, где записаны его речи, в которых он требует для этой цели военнопленных тысячами, десятками и сотнями тысяч.

И он вынужден признать:

— Да, знал.

Он ничего якобы не знал об ужасах гестапо. Этим занимался Гиммлер, и никто в Германии, даже он, фельдмаршал, боявшийся гестапо, ничего об этом не знал. Ему предъявляют протокол совещания фашистских чиновников, в котором записана его собственная речь, где он требует применить по отношению к «лодырям» из иностранных рабочих «особые меры» и привлечь для этого дела гестапо и СС, которые, как он знает, отлично справляются с такой работой.

Свидетель с трудом выдавливая из себя:

— Да, знал,— а потом под общий смех в зале добавляет: — Знал и забыл многое. Вот этого матерого фашистского волка, ближайшего сподвижника Гитлера и Геринга во всех их преступлениях, и вытащила защита на свидетельскую трибуну для того, чтобы его лжепоказаниями обелять фашизм.

Когда Руденко спрашивает Мильха, как же он, фельдмаршал, может объяснить, что, с одной стороны, война, по его словам, была вызвана якобы намерением Советского Союза напасть на Германию, а с другой стороны, уже в 1940 году генштаб разрабатывал планы нападения на Советский Союз, Мильх, совершенно прижатый к стене, опустив голову, вынужден сам опрокинуть воздвигнутую защитой концепцию о превентивной войне.

Тем, кто присутствовал на процессе, запомнился допрос ближайшего помощника Гиммлера, обер-группенфюрера СС Бах-Зелевски. После нападения на Советский Союз он был назначен высшим руководителем СС и полиции в тыловом районе центрального направления действий войск, а со временем — начальником всех войск по борьбе с партизанами. Он из личного опыта знал об убийствах миллионов ни в чем не повинных людей.

Бах-Зелевски заявил, что еще в начале 1941 года Гиммлер в Ве-зельсбурге заявил: «Целью похода на Россию является истребление тридцати миллионов славянского населения».

Вот как вспоминает эпизод перекрестного допроса Бах-Зелевски помощник главного обвинителя генерал-лейтенант М. Ю. Рагинский:

«Казалось, для защитников при данных обстоятельствах самым благоразумным было бы молчать. Понукаемые подсудимыми, адвокаты снова пошли в «атаку». Но тут сработал бумеранг, который, как известно, после броска, описав замкнутую кривую, возвращается к метателю».

Адвокат Экснер:

Знаете ли вы, что донесения, которые вы посылали Гиммлеру относительно мероприятий, проводимых вами, Гиммлер передавал непосредственно фюреру?

Бах-Зелевски:

Разрешите мне ответить на этот вопрос более подробно (и он очень обстоятельно рассказал о постоянном контакте между его штабом и военными инстанциями, включая генеральный штаб сухопутных сил, о взаимном обмене донесениями и т. д.).

Экснер, не оценив ситуации, продолжал задавать вопросы. На один из них он получил такой ответ.

Бах-Зелевски:

Господа из верховного главнокомандования вооруженными силами сами мне здесь подтверждали, будучи уже в плену, что они получали эти донесения во время обсуждения обстановки.

Бумеранг завершил свой полет. Во время перерыва Геринг неистовствовал:

«Это грязная вероломная свинья! Он ведь самый кровавый убийца, продающий свою душу, чтобы спасти свою вонючую шею».

Штамер:

Известно ли вам, что Гитлер и Гиммлер особенно хвалили вас за жестокость мероприятий, которые вы проводили в отношении партизан и за которые вас и наградили?

Бах-Зелевски:

Все мои награды, начиная от пряжки к железному кресту, я получил за действия на фронте от военного командования.

Тома.

Считаете ли вы, что речь Гимmlера, в которой он потребовал, чтобы 30 миллионов славян были уничтожены, отражала его личное мировоззрение, или это мировоззрение, по вашему мнению, являлось вообще национал-социалистским мировоззрением?

Бах-Зелевски:

...Я считаю, что это явилось логическим следствием всего нашего национал-социалистского мировоззрения.

Тома:

Сегодня?

Бах-Зелевски:

Сегодня.

Тома.

А какое мнение у вас было в то время?

Бах-Зелевски:

Тяжело прийти немцу к такому заключению. Мне многое потребовалось для этого.

Когда Бах-Зелевски, закончив показания, проходил мимо Геринга, тот прошипел, но так, что слышали все: «Швайнехунд!» (Паршивая собака. —

Прим. авт.

)

Кровь бросилась в лицо фон Бах-Зелевскому, но он ничего не ответил. После этого инцидента свидетелей уже не водили мимо скамьи подсудимых. Теперь их путь лежал через дверь, которой обычно пользовались переводчики. А Герингу начальник тюрьмы полковник Эндрюс прочел нотацию и в наказание лишил на неделю табака.

Однако Геринг оказался недалек от истины, применив к Бах-Зелевскому эпитет «швайнехунд». Этот эсэсовец действительно был кровавым палачом. Тем не менее, позднее, оказавшись в Западной Германии, он с легкостью сумел избежать ответственности за свои преступления во время войны. Лишь по прошествии 15 лет его арестовали и судили в Нюрнберге. Но не за убийство сотен тысяч славян и евреев, а за то, что при подавлении так называемого путча Рема («ночь длинных ножей». —

Прим. авт.

) в 1934 году он расстрелял восточно-прусского помещика фон Хоберга (который сам был эсэсовцем, но в отношении его у Гитлера имелись какие-то подозрения). Бах-Зелевского осудили всего на четыре с половиной года, зачли предварительное заключение и вскоре выпустили. И даже назначили солидную пенсию.

До сих пор публикуются лживые утверждения, что на Нюрнбергском процессе ограничивали в правах немецкую защиту.

Исследование и обсуждение обстоятельств дела осуществлялись на основе оправданного многовековой практикой принципа состязательности.

Другое дело, что часто усилия адвокатов по причинам, от них не зависящим, не достигали цели, а подчас приводили к противоположным результатам.

Терпимость судей, их стремление избежать ограничений в защите исключали всякую возможность подвергнуть сомнению объективность ведения Международного военного трибунала.

Геринг дает интервью

24 ноября 1945 года трибунал утвердил правила совещаний подсудимых со своими защитниками в зале заседаний.

Однако правила в ряде случаев защитой нарушались, о чем, в частности, свидетельствует статья, опубликованная 7 декабря 1945 г. в газете Die Neue Zeitung (американская газета для немецкого населения).

Представитель «Ассошиэйтед Пресс» передал защитнику Германа Геринга д-ру Отто Штамеру листок с вопросами, который адвокат вручил своему подзащитному. Д-р Штамер записал ответы Геринга и передал представителю «Ассошиэйтед Пресс».

В этом письменном интервью Геринг заявляет: «Как представитель системы управления, введенной Гитлером, я готов к тому, чтобы быть осужденным Международным трибуналом. Я считаю неправильным поведение некоторых высших чиновников, заявляющих теперь, что они никогда не были настоящими нацистами. С 1942 года к власти все больше и больше продвигались радикалы, руководимые Гиммлером и Борманом, я же отходил на задний план. Не потому, что я спорил с Гитлером, но потому, что я потерял место, которое занимал ранее. Я имею полнейшее и неограниченное доверие к членам военного трибунала. Председатель ведет заседания примерным образом и показывает, что он стоит выше партий. Это, конечно, не меняет того факта, что суд сконструирован односторонне, так как он состоит только из представителей победивших стран. От действительно Международного трибунала я ожидал бы, чтобы в его состав были включены и представители нейтральных и побежденных государств. Это было бы справедливее. Но так как суд уже огласил свою точку зрения по этому вопросу, я склоняюсь перед его решением.

Имеется много свидетелей, которые могут подтвердить, что я никогда не хотел наступательной войны и стремился ей воспрепятствовать. Мы все учили в школе старую латинскую поговорку: «Кто хочет мира, должен готовиться к войне». Президент Трумэн также утверждал, что США должны быть сильны в военном отношении».

На вопрос о том, означает ли его оживленное кивание головой в некоторые моменты судебного следствия признание им точности доказательственного материала, Геринг заявил: «Если я киваю головой, то это означает мое согласие с содержанием приводимого доказательства. Я, например, не отрицаю своей работы по вооружению, но отрицаю обвинения в том, что я готовился именно к агрессивной войне. Я только вооружался, так как был убежден, что народ лишь тогда будет силен, если будет иметь сильное войско».

На вопрос, стал ли бы Геринг проводить «фюрерпринцип», если бы он теперь мог все начать снова, он заявил:

«Некоторые вещи я бы изменил. В остальном я думаю, что фюрерпринцип и национал-социализм являлись единственным выходом для Германии».

Относительно кинофильма о концентрационных лагерях Геринг сказал: «Как и все, я ужаснулся. Ясно, что я вводил такие лагеря вовсе не для этой цели. Я стремился к тому, чтобы перевоспитать политических упрямцев и поставить их на рельсы национал-социализма. С 1934 года руководство лагерями перешло к Гиммлеру, который из осторожности держал нас всех вдали от этого. Так что я не имею никакого понятия об этих ужасах».

На вопрос относительно своей антиеврейской политики Геринг заявил: «Я никогда не соглашался с формами и масштабом проводимого в Германии антисемитизма. Я никогда не имел в виду совершенно лишать евреев собственности. Я, по возможности, пытался препятствовать грубой несправедливости. В качестве примера я хотел бы привести случай с Лео Блехом» (дирижер оркестра государственной оперы. —

Прим. авт.

).

Опубликование так называемого интервью с подсудимым при посредничестве адвоката вызвало протест комитета обвинителей и явилось предметом специального обсуждения трибунала, который принял по этому поводу следующее решение (из стенограммы заседания Международного военного трибунала от 17 декабря 1945 г.):

Председатель:
Я должен сделать объявление.

Внимание трибунала привлечено опубликованием прессой так называемых интервью с некоторыми из подсудимых по настоящему делу, переданных в прессу через посредство их защитников.

Трибунал считает необходимым с максимальной ясностью заявить, что подобные действия не могут быть и не будут допущены.

Поэтому защитники предупреждаются, что они должны в максимальной мере соблюдать свой профессиональный долг в подобных случаях и не использовать предоставляющихся им возможностей непосредственного общения со своими подзащитными для посредничества между подсудимыми и прессой, и что они также должны соблюдать величайшую профессиональную осторожность в том, чтобы делать какие-либо заявления от собственного имени.

Трибунал признает, что в процессе, подобном настоящему, в котором заинтересовано общественное мнение всего мира, чрезвычайно важным является то, чтобы все участники процесса, независимо от того, в качестве кого они в нем принимают участие, знали о своей ответственности за то, чтобы не делать ничего, способного нанести ущерб должному ведению судебного разбирательства.

Пресса всего мира оказывает большую услугу, предав гласности работу трибунала. Трибунал считает, что он может обратиться с просьбой о сотрудничестве ко всем, имеющим отношение к процессу, во избежание всего, способного помешать беспристрастному осуществлению правосудия».

Заключительные речи защитников

4 июля 1946 г. начались защитительные речи адвокатов. Первым выступил адвокат Герман Яройсс (профессор международного права). Его речь «Нарушение мира между государствами и его наказуемость» преследовала цель подвести «теоретическую» правовую базу под попытки адвоката Штамера и других защитников оспорить юрисдикцию Международного военного трибунала и доказать неправомочность трибунала судить главных немецких военных преступников.

Чувствуя полную несостоятельность своей аргументации, Яройсс пытался запугать судей. Он заявил:

«Осуждение отдельных лиц за нарушение мира между государствами является с правовой точки зрения чем-то совершенно новым, тем самым, что вызовет целый переворот».

По существу, все рассуждения Яройсса сводились к следующему: физических лиц судить нельзя, а можно судить только государство. Но так как государство посадить на скамью подсудимых невозможно, то вообще судить некого.

В таком же духе выступали и другие защитники. Так, защитник подсудимого Риббентропа адвокат Хорн пустил в ход избитую версию о том, что Риббентроп являлся механическим исполнителем чужой воли. Защитник подсудимого Кальтенбруннера адвокат Кауфман утверждал, что Кальтенбруннер якобы формально был заместителем Гимmlера, а фактически ведал лишь службой информации. Фашистский палач Кальтенбруннер, которого не без основания называли «маленьким Гимmlером» и «вторым Гейдрихом», характеризовался адвокатом чуть ли не противником гитлеровского режима.

Защитник Розенберга адвокат Тома, жонглируя пространными цитатами из различных справочников и ссылками на международное право, старался оправдать установление рабского труда в оккупированных немцами странах, угон жителей этих стран, в частности советских граждан, в Германию, разграбление гитлеровцами предметов искусства и т. д.

В своем выступлении адвокат Тома пропагандировал расизм, что вызвало протест главного обвинителя от СССР Р. Руденко.

«Господин председатель, — заявил Р. А. Руденко, — я бы не хотел прерывать защитника и отнимать время у трибунала. Но то, что я услышал сейчас, переходит все границы допустимого. Когда гитлеровские заговорщики, сидящие на скамье подсудимых, пытались здесь, на суде, высказать свои фашистские суждения, эти попытки признавались неумышленными и пресекались трибуналом. Тем более нетерпимо, когда защитник использует трибуну суда для человеконенавистнической пропаганды.

Я считаю своей обязанностью заявить решительный протест против использования защитником трибуны Международного военного трибунала для фашистской пропаганды. Я прошу суд обсудить это заявление и принять соответствующее решение».

Председатель трибунала прервал попытку Тома возразить на этот протест, указав, что защитник не должен делать возражений по этому поводу.

Защитник подсудимого Фрика адвокат Панненбекер заявлял, будто деятельность его подзащитного носила внутригерманский характер и не касалась внешнеполитических дел. На этом «основании» защитник утверждал, что Фрик не подлежит суду Международного военного трибунала. Панненбекер пытался доказать, что Фрик не виновен в преступлениях, связанных с концентрационными лагерями, уничтожением евреев, оккупацией территорий других стран. Как и другие защитники, Панненбекер сваливал всю вину на Гитлера и Гимmlера, с тем, чтобы выгородить своего подзащитного.

Защитник подсудимого Штрейхера адвокат Маркс не скрывал, что Штрейхер был издавна убежденным антисемитом и вел антисемитскую пропаганду, но адвокат вместе с тем всячески старался умалить вину подсудимого.

Защитник подсудимого Функа адвокат Заутер всячески пытался приуменьшить роль, которую играл его подзащитный в подготовке агрессивных войн и в вооружении гитлеровской Германии.

Рассматривая вопрос о преступной деятельности Йодля против партизан, защитник Экснер назвал последних «партизанскими бандами». Это выражение Экснера, почерпнутое из арсенала гитлеровской пропаганды, вызвало протест главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко.

«Господин председатель, — обратился советский обвинитель к председателю трибунала, — защитник называет бандами партизанское движение, охватившее, как известно, миллионы патриотов, поднявшихся на борьбу с поработителями — немецко-фашистскими захватчиками. Я считаю, что такое выражение защитника следует расценивать как оскорбительный выпад против партизан, внесших огромный вклад в дело разгрома гитлеровских захватчиков, и я заявляю протест в связи с этим».

Трибунал согласился с протестом советского обвинителя.

Адвокат Людингхаузен, защищавший подсудимого Нейрата, самым подробным образом остановился на деятельности подсудимого в качестве «имперского протектора Богемии и Моравии», стараясь представить его преступную деятельность в выгодном для своего подзащитного свете.

В заключение адвокат просил трибунал оправдать Нейрата.

В том же духе выступали и другие адвокаты.

В ходе долгих месяцев процесса свидетельские показания, документальные фильмы и бесчисленные документальные доказательства превратились в кровавую летопись преступлений фашизма, потрясающую по своей разоблачительной силе, огромную по своему объему.

Адвокатам и подсудимым пришлось отказаться от попыток убедить трибунал и мировое общественное мнение в том, что подсудимые не хотели войны, что массовое уничтожение народов проводилось без их ведома, что вермахт отличался непорочной солдатской чистотой, что Геринг не хотел войны...

Последнее слово подсудимых

31 августа 1946 года каждому подсудимому было предоставлено последнее слово.

Не исключено было, что подсудимые будут использовать его для пропаганды фашистских взглядов.

В целях пресечения подобных попыток и желания затянуть окончание процесса трибунал решил:

«Ввиду того, что как подсудимые, так и их защитники, уже выступали с соответствующими заявлениями, трибунал считает, что если подсудимые пожелают выступить снова, их выступления должны ограничиться вопросами, на которых они не останавливались ранее. Подсудимым не будет позволено произносить речей или повторять то, что уже было сказано ими самими или их защитниками.

Подсудимые будут произносить свое последнее слово со скамьи подсудимых перед микрофоном, установленным перед каждым во время его выступления».

Геринг начал последнее слово с жалобы на обвинителей, что они в своих заключительных речах объявили защиту и ее доказательства совершенно несостоятельными; показания, данные подсудимыми под присягой, признавались ими абсолютно истинными лишь тогда, когда они служили для поддержания аргументов обвинения, и объявлялись ложными и нарушающими присягу, когда эти показания опровергали доводы обвинения.

Делая это демагогическое заявление, Геринг не привел и не мог привести ни одного факта.

Дальше подсудимый, пытаясь уйти от ответственности, нагло лгал, утверждая, что он якобы самым строгим образом осуждал массовые убийства; самые тяжкие преступления были совершены тайно, и нацист № 2 о них будто бы не знал; он-де не хотел войны и не способствовал ее развязыванию.

Гесс продолжал притворяться, играть роль психически неполноценного субъекта.

Риббентроп уверял трибунал, что корни несчастья Германии в Версальском договоре, что он не несет ответственности за руководство внешней политикой: ею руководил другой. Не удержался он и от провокации, заявив, что сегодня, мол, для Европы и мира осталась лишь одна основная проблема — овладеет ли Азия Европой, или западные державы смогут ликвидировать влияние Советов на Эльбе. Цель этого и ему подобных заявлений была более чем очевидна.

Кейтель сделал основную ставку на показное раскаяние, отрицал, что «руководил вооруженными силами при осуществлении преступных намерений». Хотя он наверняка знал о таком, например, приказе, который направил в войска в 1942 году его ближайший помощник генерал Адольф Хойзингер: «Если в этой борьбе против партии как на Востоке, так и на Балканах не будут применены самые жесточайшие меры, то в недалеком будущем нам не хватит наличных сил, чтобы избавиться от этой чумы. Поэтому войска правомочны и обязаны без всяких ограничений использовать в этой борьбе любые средства, в том числе против женщин и детей».

Кальтенбруннер объяснял свои преступления «неправильным пониманием чувства долга».

Гиммлер и другие его, видите ли, «обманывали».

Розенберг клялся, что его совесть чиста: у него даже мыслей не было о физическом уничтожении славян и евреев, и его действия никогда не были преступными; он даже считал, что истребление народов должно быть заклеено международным соглашением как преступление и строжайшим образом наказываться.

Франк все преступления, включая собственные, валил на Гитлера, которому сам бы «вынес приговор» как главному подсудимому. А с него, Франка, взять нечего, во всем виновен только один Адольф Гитлер.

Штрейхер вслед за Франком и другими подсудимыми тоже винил во всем фюрера, который отдавал приказы о массовых убийствах. А осуществлял эти приказы «в совершенной секретности» Генрих Гиммлер. Штрейхер же не ведал о них ни сном ни духом.

Функ о кошмарных преступлениях, в которые были «частично втянуты» руководимые им учреждения, ровно ничего не знал; эти преступления «заставляют его краснеть»; его «обманул Гиммлер».

Шахт, оказалось, был фанатичным противником войн. Просто он «недостаточно скоро разгадал размах преступной природы Гитлера», но сам не замарал рук своих ни одним незаконным или безнравственным поступком.

Дениц представлял себя главой государства, «ответственным перед немецким народом», который действовал, «сообразуясь со своей совестью».

Редер отчасти признал свою вину, но «не перед судом, который проводится людьми, а перед богом».

Ширах признался, что воспитывал молодежь для человека (Гитлера), который погубил миллионы людей, однако, как и Редер, готов ответить только перед богом и перед своей совестью.

Заукель говорил со страданием в голосе, что бесчеловечные действия, выявленные на процессе, поразили его «в самое сердце» и он «с глубоким смирением склоняет свою голову перед жертвами»; что в душе и мыслях своих он всегда остался моряком и рабочим, глубоко верующим человеком и хорошим семьянином.

Йодль воспользовался последним словом, чтобы попытаться оправдать действия высших военных руководителей, а заодно и свои.

Папен, естественно, никаких преступлений не совершал. Этому заявлению никто не удивился — так говорили многие обвиняемые. Зейсс-Инкварт высказал правильную мысль: «Германия в своих собственных интересах не должна желать войны, она должна следить за тем, чтобы никто не вложил в ее руки оружие. Другие народы также не хотят войны».

Шпеер в последнем слове явно преувеличивал значение техники в жизни людей и пугал всех ужасами будущей войны. Это имело для него определенный смысл: он, Шпеер, владеет, мол, многими исключительной важности секретами, а потому ему обязательно должна быть сохранена жизнь. Он как бы говорил: «Я вам еще пригожусь, господа!» и не скупился на ругань в адрес Гитлера, которому служил всю свою жизнь.

Нейрат высказался очень кратко: он не виноват ни в чем.

Фриче заявил, что его вина заключается только в том, что он верил заверениям Гитлера о его стремлении к миру, верил во все германские опровержения иностранных сообщений о фашистских зверствах. «Если коллективная ответственность должна коснуться людей, доверчивостью которых злоупотребили, — говорил этот ханжа и лицемер, — тогда, господа судьи, привлекайте и меня к ответственности».

23 сентября трибунал удалился на совещание для вынесения приговора.

13

Финиш

Многомесячный судебный процесс подошел к эпилогу.

Допрошены подсудимые, дали показания свидетели обвинения и защиты.

Перед судом прошло огромное количество доказательств преступлений, совершенных фашистскими главарями.

Обвинители предъявили суду доказательства злодеяний фашистских варваров.

Сказали свои последние слова подсудимые.

Суд тридцать дней совещался, чтобы определить меру наказания каждому подсудимому.

30 сентября был подписан приговор истории. Это беспрецедентный, поистине исторический документ. Судьи, сменяя друг друга, читают текст приговора. Их выступление превратилось в оглашение одного длинного и жуткого перечня нацистских преступлений, спланированных агрессивных, нарушенных соглашений, зверств, массовых убийств.

Когда судьи закончили читать приговор, был уже полдень, и обоснование приговоров каждого из обвиняемых было перенесено на следующий день. Их отвели обратно в камеры, где они провели еще одну томительную ночь.

Утром 1 октября Герман Геринг был вызван первым. Встав на кафедру перед членами трибунала, он стал слушать лорда-судью Лоуренса, читавшего обоснование его приговора.

Прочитав обширный перечень злодеяний, которые Геринг организовал, лорд-судья прочитал заключительную часть обоснования приговора:

«Ничего не возможно сказать в смягчение его вины. Ибо Геринг часто, а на самом деле почти всегда сам был движущей силой, был вторым в государстве после своего вождя. Он являлся зачинщиком войны как политический и военный лидер; он был руководителем программ по использованию принудительного труда и угнетению евреев и людей других национальностей у себя на родине и за рубежом. Все эти преступления откровенно признал. Его вина уникальна по своей чудовищности. В материалах дела не нашлось никаких оправданий для этого человека. Мы находим его виновным по всем четырем пунктам обвинительного акта». Геринг вернулся на свое место и пока зачитывалось обоснование приговоров остальных обвиняемых сидел неподвижно с отсутствующим выражением лица.

После зачтения вердиктов лорд-судья Лоуренс объявил перерыв на ланч.

1 октября 1946 года 14 часов 50 минут. Суд заседает последний раз. Галерея прессы и гостевой балкон забиты до отказа. На своих местах обвинители, защитники, переводчики, стенографы. «Встать, суд идет!» — объявляет маршал суда. Из совещательной комнаты выходят судьи. Трибунал, вопреки особому мнению советского судьи И. Т. Ни-китченко, оправдал трех подсудимых — Шахта, Папена, Фриче. Но не все знают, что хотя их тут же, в зале суда, освободили из-под стражи, они попросились переночевать в тюремных камерах. Оказывается, немецкое население Нюрнберга, узнав об их оправдании, вышло на улицы с протестом. Здание трибунала было заблокировано. Только на следующий вечер на трех грузовиках и на большой скорости трое оправданных были вывезены из тюрьмы. Время показало, что немецкому народу не по пути с неофашизмом.

Подсудимых доставляли по одному, и Лоуренс объявлял каждому: «Трибунал признал вас виновным по таким-то разделам обвинительного заключения и приговорил...». Одного уводили и доставляли следующего — в такой же последовательности, как они сидели на скамье подсудимых.

Герман Геринг вновь первым был приведен в зал суда. Он встал за кафедру между двумя солдатами военной полиции и надел наушники. Лорд-судья Лоуренс приступил к оглашению приговора.

— Герман Вильгельм Геринг, — начал он и вдруг заметил, что Геринг вертит в руках наушники, показывая, что они плохо работают. Пока радиотехники устраняли неисправность, зал ждал в тяжелой тишине, а обвиняемый и судья пристально смотрели друг на друга.

— Герман Вильгельм Геринг, — продолжил лорд-судья Лоуренс, — на основании пунктов обвинительного акта, по которым вы были признаны виновным, Международный военный трибунал приговаривает вас к казни через повешение.

Чуть помедлив, Геринг стянул наушники, уронил их на крышку кафедры, повернулся и, не сказав ни слова, покинул зал.

Как вели себя другие осужденные?

Убийцы миллионов людей пытались, но не смогли скрыть свой страх. Риббентропа, Розенберга и Йодля охранники вынуждены были поддерживать с двух сторон, так как они не держались на ногах.

В зале тишина. Казалось, что слышен шепот миллионов свидетелей — живых и мертвых, которые были замучены, убиты. В данто-вом аду не предусмотрены муки, которые соответствовали бы чудовищным злодеяниям преступников, пытавшихся в ходе процесса и в последнем слове выпросить себе пощаду.

Из приговора Международного военного трибунала

«8 августа 1945 г. Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Правительство Союза Советских Социалистических Республик, Правительство Соединенных Штатов Америки и Временное Правительство Французской Республики вступили в соглашение, в соответствии с которым учрежден трибунал для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом. В соответствии со ст. 5 правительства следующих государств, входящих в Объединенные Нации, заявили о своем присоединении к соглашению: Греции, Дании, Югославии, Голландии, Чехословакии, Польши, Бельгии, Эфиопии, Австралии, Гондураса, Норвегии, Панамы, Люксембурга, Гаити, Новой Зеландии, Индии, Венесуэлы, Уругвая и Парагвая.

Устав, приложенный к соглашению, определил организацию, юрисдикцию и функции трибунала.

Процесс начался 20 ноября 1945 г. и велся на четырех языках — английском, русском, французском и немецком. Все подсудимые, кроме Бормана, не признали себя виновными.

Предъявление доказательств и речи сторон закончились 31 августа 1946 г. Состоялось 403 открытых судебных заседания трибунала. Тридцать три свидетеля обвинения дали устные показания против отдельных подсудимых; был опрошен шестьдесят один свидетель защиты. Еще сто сорок три свидетеля защиты дали показания путем представления письменных ответов на опросные листы. Трибунал назначил уполномоченных для подбора доказательств, относящихся к организациям. Сто один свидетель защиты дал показания перед уполномоченными, и было представлено 1809 письменных показаний других свидетелей. Было также представлено 6 отчетов, резюмирующих содержание большого числа других письменных показаний. 38000 письменных показаний, подписанных 155 тысячами человек, было представлено по делу политических руководителей; 136 213 — по делу СС; 10 000 — по делу СА; 7 000 — по делу СД; 3 000 — по делу генерального штаба и ОКБ и 2 000 — по делу гестапо.

Трибунал сам заслушал двадцать двух свидетелей по делу организаций. Документы, представленные в качестве доказательств по обвинению отдельных подсудимых и организаций, исчисляются несколькими тысячами.

Большая часть доказательств, представленных трибуналу обвинением, являлась документальными доказательствами, захваченными союзными армиями в германских армейских штабах, в правительственных зданиях и в других местах. Некоторые из документов были обнаружены в соляных копиях, зарытыми в землю, спрятанными за ложными стенами и в других местах, которые считались недоступными с точки зрения обнаружения этих документов. Таким образом, обвинение против подсудимых базируется в большей степени на документах, составленных ими самими, аутентичность которых не оспаривалась, за исключением одного или двух случаев».

Двенадцать подсудимых
были приговорены к смертной казни через повешение:

Борман Мартин
— руководитель партийной канцелярии, секретарь и ближайший советник Гитлера (был судим заочно в соответствии со ст. 12 устава трибунала);

Геринг Герман Вильгельм
— рейхсмаршал, главнокомандующий военно-воздушными силами фашистской Германии, ближайший помощник Гитлера с 1922 года, организатор и руководитель штурмовых отрядов (СА), один из организаторов поджога рейхстага и захвата власти нацистами;

Заукель Фриц
— обер-группенфюрер СС, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы;

Зейс-Инкварт Артур
— видный руководитель фашистской партии, имперский наместник Австрии, заместитель генерал-губернатора Польши, имперский уполномоченный по оккупированным Нидерландам;

Йодль Альфред

— генерал-полковник, начальник штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил;

Кальтенбруннер Эрнст

— обер-группенфюрер СС, начальник главного имперского управления безопасности (РСХА) и начальник полиции безопасности, ближайший помощник Гимmlера;

Кейтель Вильгельм

— фельдмаршал, начальник штаба вооруженных сил Германии (ОКВ);

Фон Риббентроп Иоахим

— уполномоченный фашистской партии по вопросам внешней политики, затем посол в Англии и министр иностранных дел;

Розенберг Альфред

— заместитель Гитлера по вопросам духовной и идеологической подготовки членов фашистской партии, имперский министр по делам оккупированных восточных территорий;

Франк Ганс

— рейхслайтер фашистской партии по правовым вопросам и президент Германской академии права, затем имперский министр юстиции, генерал-губернатор Польши;

Фрик Вильгельм

— имперский министр внутренних дел, протектор Богемии и Моравии.

Штрейхер Юлиус

— один из организаторов фашистской партии, организатор еврейских погромов, идеолог антисемитизма.

Трое подсудимых

приговорены к пожизненному тюремному заключению:

Гесс Рудольф

— заместитель Гитлера по фашистской партии, министр без портфеля, член тайного совета, член совета министров по обороне империи;

Редер Эрих

— гросс-адмирал, бывший главнокомандующий военно-морскими силами Германии (1935-1943), адмирал-инспектор военно-морского флота;

Функ Вальтер

— заместитель имперского министра пропаганды, затем имперский министр экономики, президент Рейхсбанка и генеральный уполномоченный по военной экономике, член совета министров по обороне империи и член центрального комитета по планированию.

Четверо подсудимых
приговорены к различным срокам лишения свободы:

Дениц Карл

— гросс-адмирал, командующий подводным флотом, затем главнокомандующий военно-морскими силами Германии и преемник Гитлера на посту главы государства (десять лет тюремного заключения);

Фон Нейрат Константин

— имперский министр без портфеля, председатель тайного совета министров и член имперского совета обороны, протектор Богемии и Моравии (пятнадцать лет тюремного заключения);

Фон Ширах Бальдур

— организатор и руководитель гитлеровской молодежной организации гитлерюгенд, гауляйтер фашистской партии и имперский наместник Вены (двадцать лет тюремного заключения).

Шпеер Альберт

— имперский министр вооружений и боеприпасов, один из руководителей центрального комитета по планированию (двадцать лет тюремного заключения).

«Ходатайства о помиловании могут быть поданы в Контрольный совет в Германии в течение четырех дней после оглашения приговора через Генерального Секретаря трибунала. Приговор составлен в четырех экземплярах на русском, английском, французском и немецком языках. Все тексты аутентичны и имеют одинаковую силу».

Члены

Международного

трибунала:

От Великобритании От СССР От США От Французской Республики

Председательству

ющий:

Джеффри Лоуренс Иона Никитченко Фрэнсис Биддл
Анри Доннедье де Вабр

Их заместители:

Норман Биркетт Александр Волчков Джон Паркер
Робер Фалько

Нюрнберг, 1 октября 1946 г

После оглашения приговора Лоуренс сделал следующее объявление: «Член трибунала от Союза Советских Социалистических Республик желает занести в протокол свое несогласие с решением трибунала по делам подсудимых Шахта, фон Папена и Фриче. Он придерживается мнения, что они должны быть осуждены, а не оправданы. Он также не согласен с решением в отношении имперского кабинета, генерального штаба и верховного командования, придерживаясь мнения, что они должны быть объявлены преступными организациями. Он также не согласен с решением о мере наказания в отношении Гесса и считает, что Гесс должен быть приговорен к смертной казни, а не к пожизненному заключению... Это особое мнение будет изложено в письменном виде и приобщено к приговору».

Решение чрезвычайного заседания Контрольного Совета по ходатайству осужденных о помиловании

9 и 10 октября 1946 г. в Берлине состоялось 42-е чрезвычайное заседание Контрольного совета под председательством генерала армии Кенига. На заседании присутствовали: маршал Советского Союза Соколовский, генерал Макнерни и маршал Королевских воздушных сил сэр Шолто Дуглас.

I. Контрольный совет, действуя во исполнение положений Лондонского соглашения и устава от 8 августа 1945 г. и своей директивы № 35, рассмотрел все просьбы о помиловании, представленные ему обвиняемыми, осужденными Международным военным трибуналом в Нюрнберге 1 октября 1946 г., или их защитниками.

II. Просьбы о помиловании были представлены от имени Геринга, Гесса, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Функа, Деница, Редера, Заукеля, Йодля, Зейсс-Инквар-та, фон Нейрата, а также от имени следующих организаций, объявленных преступными по приговору Международного военного трибунала, а именно: СС, гестапо, СД и руководящего состава нацистской партии.

III. Просьбы о помиловании не были представлены Кальтенбрун-нером, фон Ширахом и Шпеером.

IV. Просьбы о помиловании Геринга, Штрейхера, Франка и фон Нейрата были представлены их защитниками без согласия на то или полномочий со стороны подзащитных; тем не менее Контрольный совет рассмотрел по существу эти просьбы о помиловании наравне со всеми другими.

V. Действуя на основании вышеизложенного, Контрольный совет решил:

1) ходатайства, представленные организациями СС, гестапо, СД и руководящим составом нацистской партии, неприемлемы, поскольку Контрольный совет не уполномочен пересматривать приговоры Международного военного трибунала и может только осуществлять право помилования;

2) ходатайство Редера неприемлемо, потому что Контрольный совет может осуществлять только право помилования по уже принятым приговорам, но не увеличивать меру наказания (Подсудимый Редер просил заменить ему пожизненное заключение расстрелом.

—

Прим. авт.

);

3) отклонить просьбы о помиловании, представленные Герингом, Гессом, Риббентропом, Кейтелем, Розенбергом, Франком, Фриком, Штрейхером, Заукелем, Йодлем, Зейсс-Инквартом, Функом, Дени-цем и фон Нейратом;

4) отклонить ходатайства Геринга, Йодля, Кейтеля, поданные ими на случай, если их просьбы о помиловании будут отклонены, о замене казни через повешение расстрелом;

5) что просьба о помиловании, представленная от имени Бормана, отклоняется как преждевременная. Однако Борману предоставляется право представить такую просьбу в течение четырех дней после его ареста, когда таковой будет иметь место.

VI. В конце заседания маршал Соколовский как советский представитель сделал следующее заявление Контрольному совету:

«...Как член Контрольного совета я должен констатировать, что трибунал, в течение 10 месяцев тщательно рассматривавший все предъявленные доказательства, вынес приговор, который дает полную картину преступлений гитлеровцев.

Я твердо убежден в том, что осужденные трибуналом военные преступники, с приговором которым мы только что согласились, заслужили определенное им трибуналом наказание.

Одновременно я считаю своим долгом заявить, что я в полной мере разделяю мнение члена трибунала от СССР генерала Никит-ченко и полагаю, что имелись вполне достаточные основания также для осуждения Шахта, Папена и Фриче и применения смертной казни в отношении Гесса и для признания преступными организациями гитлеровского правительства, генерального штаба и верховного военного командования.

Во время разбора дела на суде было ясно установлено, что Па-пен и Шахт активно помогали Гитлеру прийти к власти. Шахт обеспечил затем экономическую и финансовую подготовку агрессии. Фриче вместе с Геббельсом в течение ряда лет вел отвращающую германский народ нацистскую пропаганду. Гесс — заместитель Гитлера по партии, третий по значению человек в гитлеровской Германии, ответственен за все преступления гитлеровского режима.

Отношение мирового общественного мнения к приговору трибунала и особому мнению представителя от СССР убеждает делегацию от Советского Союза в Контрольном совете в справедливости как рассмотренных нами решений Международного военного трибунала, так и особого мнения члена Международного военного трибунала от СССР».

Казнь главарей фашистского режима

В августе 1946 года, еще до окончания судебных заседаний и вынесения смертных приговоров нацистским военным преступникам, из американского города Сант-Антонио для совершения казней был приглашен палач — сержант Джон Вудд.

К этому времени он уже совершил 347 казней в тюрьмах своего штата.

15 октября в 22 часа немецкому врачу было приказано провести вечерний обход приговоренных к смерти преступников, если они пожелают, дать им по таблетке снотворного. Предполагалось, что осужденные не должны догадываться о предстоящей ночью казни.

По воспоминаниям доктора Пфлюкера, Геринг, прощаясь с ним, задал вопрос: «Вы придете посмотреть, как я умираю?» Через 50 минут Геринг был найден в агонии после того, как проглотил ампулу с цианистым калием.

Преступников, приговоренных к казни, осталось десять.

В 23 часа 45 минут их разбудили и сообщили, что Контрольный совет отклонил их ходатайства о помиловании. Также было сообщено, что просьба Кейтеля и Йодля о замене им как генералам казни через повешение на расстрел не удовлетворена.

После этого преступникам был предложен последний ужин: сосиски с картофелем или блины с фруктами на выбор.

В 1 час ночи 16 октября в Нюрнбергской тюрьме собрались представители союзных держав, по одному генералу от СССР, США, Великобритании и Франции.

В качестве официально уполномоченных свидетелей от немецкого народа присутствовали: министр-президент Баварии д-р Вильгельм Хогнер, главный прокурор г. Нюрнберга д-р Фридрих Лей-снер. Им показали труп Германа Вильгельма Геринга.

Казнь была совершена в гимнастическом зале, находящемся в Нюрнбергской тюрьме. Там были установлены три механизированные виселицы, сооруженные на деревянных помостах. К маленьким четырехугольным платформам каждой виселицы вели тринадцать ступенек. На каждой из этих платформ — прямоугольник из двух балок. В центре поперечной балки — большой железный крюк, на котором раскачивалась веревка.

Приведение приговора в исполнение началось в 1 час 11 минут.

Первым для исполнения приговора был введен Риббентроп. Он находился в состоянии полной прострации. Пастор читает краткую молитву. На голову Риббентропа палач — сержант армии США Джон Вудд — быстро накидывает черный колпак и петлю, нажимает на рычаг механизированной виселицы, и осужденный падает в люк. Так один за другим были казнены приговоренные к смерти главные военные преступники.

Уже в Америке Вудд в интервью американской армейской газете говорил: «Нет, я не нервничал, у меня просто нет нервов — при моей профессии нельзя себе позволять их иметь. Эта работа в Нюрнберге было как раз то, что я хотел. Все прошло гладко».

Вудд впоследствии отмечал, что перед казнью преступники вели себя достойно. Один лишь Штрейхер устроил истерику, и его пришлось тащить к виселице силой.

В другом интервью Вудд отмечал, что подсудимые оказались очень живучими. Риббентроп, Йодль, Кейтель мучились в петле по несколько минут, а Штрейхера пришлось руками додушить.

В 2 часа 45 минут все было кончено.

Сержант Вудд в зените своей популярности погиб при исполнении служебных обязанностей в 1950 году, испытывая электрический стул.

О том, кто присутствовал на казни преступников и как она происходила, написано много. Так, в военно-историческом журнале за 2001 год приводится высказывание известного советского фотокорреспондента Евгения Халдея, аккредитованного на Международном военном трибунале.

«...На казнь американцы советских корреспондентов не пустили. Саму казнь вообще никто не снимал, а тела казненных с веревками на шее они позволили сфотографировать только своим корреспондентам.

Геринг, отравившийся за два часа до казни, лежал вместе со всеми, но без петли».

Добавлю от себя, что некоторые свидетели процесса в своих статьях, выступлениях приводили такую деталь, что якобы Геринга мертвого повесили. Этого не было.

Аркадий Полторацк пишет: «Пресса была представлена всего восемью лицами — по два от СССР, США, Англии и Франции. Киносъемки и фотографирование во время исполнения приговора запрещались. Из советских журналистов у эшафота находились корреспондент ТАСС Борис Владимирович Афанасьев... и фронтовой корреспондент Виктор Антонович Темин».

«Судьба свела меня, — пишет далее Полторацк, — с Борисом Владимировичем тотчас после совершения казни, и мы проговорили почти до рассвета. Под свежим впечатлением он рассказал мне массу небезынтересных деталей». Однажды Аркадий Иосифович Полторацк рассказывал мне эти детали.

Так что во время казни присутствовали и наши корреспонденты. И скажу по секрету: были и фотографии казни. Я сам не видел их. В то время это была величайшая тайна.

После казни тела преступников сложили в завешенном брезентом помещении, где представители всех союзных держав осмотрели их и расписались на свидетельствах о смерти. Были сделаны фотоснимки каждого тела, одетого и обнаженного. Потом каждый труп завернули в матрац вместе с последней одеждой, которая на нем была, и веревкой, на которой он был повешен, и положили в гроб. Все гробы были опечатаны.

Пока управлялись с остальными телами, было принесено на носилках и тело Геринга, накрытое армейским одеялом.

В 4 часа утра гробы погрузили в 2,5-тонные грузовики, ожидавшие в тюремном дворе, накрыли непромокаемым брезентом и повезли в сопровождении военного эскорта. Конвой прокатил по Нюрнбергу и, выехав из города, взял направление на юг. Репортеры, было, решили его преследовать, однако им посоветовали отказаться от этой идеи при помощи пулемета.

Автоколонна, отправившись в темноте раннего дождливого и туманного утра, была в пути несколько часов; сопровождающая охрана менялась четыре раза, но никто не спрашивал, что было в грузовиках. С рассветом они подъехали к Мюнхену и сразу направились на окраину города к крематорию, владельца которого предупредили о прибытии трупов «четырнадцати американских солдат». Трупов на самом деле было только одиннадцать, но так сказали затем, чтобы усыпить возможные подозрения персонала крематория.

Крематорий окружили оцеплением. Была налажена радиосвязь на случай какой-нибудь тревоги. Всякому, кто заходил в крематорий, не разрешалось выйти обратно до конца дня.

Гробы были распечатаны, тела проверены американскими, британскими, французскими и советскими генералами, присутствовавшими при казни, для уверенности, что их не подменили по дороге. После этого немедленно началась кремация, которая продолжалась весь день. Когда и с этим делом покончили, к крематорию подъехал автомобиль, в него положили контейнер с пеплом, и он отправился куда-то в сельскую местность. По-прежнему шел дождь.

Час спустя пепел хозяев Третьего рейха, среди них — Германа Геринга, был высыпан на повороте какой-то сельской дороги в мутный поток дождевой воды, бежавшей по придорожной канаве.

В некоторых публикациях сообщается, что самолеты развеяли прах в воздухе. По окончании процесса эта деталь меня не интересовала. И сейчас считаю, что это несущественно. Суд народов состоялся. Главари фашистской банды были наказаны.

Очистив землю от этих нелюдей, мы должны обезопасить человечество от рецидива коричневой чумы.

Отпущение грехов

Из-за отхода западных держав от принятых в ходе войны и после ее окончания международных обязательств относительно преследования и наказания нацистских военных преступников Международный военный трибунал в октябре 1946 г. перестал существовать.

Судебное преследование продолжало осуществляться военными трибуналами оккупационных властей в соответствующих оккупационных зонах. В Нюрнберге начали свою деятельность шесть составов американских военных трибуналов. С 1947-го по 1949 г. состоялось 12 процессов.

Американские военные трибуналы (АВТ) рассмотрели дела в отношении 185 нацистских преступников; четверо обвиняемых покончили самоубийством, в отношении четырех дела были выделены в связи с их болезнью, перед судом предстали сто семьдесят семь лиц, из них — тридцать пять оправданы. Смертные приговоры были вынесены только в трех процессах (врачей, по делу Поля, по делу эйнзацгрупп).

Характерную картину дает статистика по концлагерю Освенцим. Из 10 тысяч охранников этого конвейера смерти к ответственности в пяти судебных процессах привлекались только тридцать эсэсовцев. Остальные либо оправданы за недостаточность доказательств, либо освобождены от ответственности по причине неспособности выносить тюремное заключение. Аналогичная картина сложилась в ходе процесса по делу эсэсовских охранников концлагеря Майда-нек, длившегося 5 с половиной лет в Дюссельдорфе и закончившегося несколькими оправдательными приговорами и минимальными сроками от 3,5 до 4 лет, что практически означало освобождение от наказания всех подсудимых.

Политические и правовые убеждения американских судей менялись на глазах.

Снисходительность была проявлена в процессе по делу эйнзацгрупп, которые проводили на оккупированных территориях массовые карательные акции против гражданского населения. Игнорируя этот факт, американские власти из многих тысяч эсэсовских палачей предали суду лишь двадцать четыре, трибунал вынес 14 смертных приговоров, но вышестоящие апелляционные инстанции утвердили лишь четыре. Остальные подсудимые хотя и были приговорены к длительным срокам тюремного заключения, однако в течение 1950-1951 гг. были почти все помилованы и освобождены американскими оккупационными властями.

Альфред Крупп, который за использование на своих заводах 5 тысяч узников концлагерей, 18 тысяч военнопленных и 55 тысяч иностранных рабочих, угнанных в рабство, был осужден к 12 годам тюремного заключения, в 1951 г. покинул Ландсбергскую тюрьму № 1 для военных преступников. Ему была возвращена вся его собственность, и он начал восстанавливать военную промышленность Западной Германии.

В феврале 1951 г. все осужденные по делу военно-промышленного комплекса «И. Г. Фарбениндустри» были выпущены на свободу американскими властями за «хорошее поведение». Такое отношение к военным преступникам из «И. Г. Фарбениндустри» объясняется тем, что в течение всей второй мировой войны этот концерн был связан с американским военно-промышленным комплексом.

Шахт спустя несколько месяцев (уже по завершении судебного разбирательства), когда в ожидании приговора его допрашивали по делу некоторых промышленников, сказал смеясь в лицо американскому офицеру: «Если вы хотите вынести приговор промышленникам, которые помогли вооружить Германию, вам придется осудить также и ваших собственных. Возьмите хотя бы заводы Опеля, которые ничего, кроме военной продукции, не выпускали! Они же были собственностью «Дженерал моторс». Нет тут никакого выхода. Не можете вы осудить промышленников».

Советский Союз, Польская Народная Республика неуклонно выполняли свои обязательства о судебном преследовании и наказании лиц, совершивших злодеяния во время войны.

10 ноября 1945 г. в Польше была создана Главная комиссия по расследованию гитлеровских преступлений в этой стране. 22 января 1946 г. был издан специальный декрет об образовании Верховного Народного Трибунала. ВНТ решал на процессе вопросы вины в составе трех судей и четырех заседателей. Его приговоры считались окончательными, подсудимым предоставлялось право подачи прошения о помиловании.

За период своей более чем двухлетней деятельности. ВНТ рассмотрел в общей сложности семь дел в отношении лиц, которые ввиду объема их преступной деятельности или исполняемых ими на территории оккупированной Польши функций должны были предстать перед судом высокого ранга.

На одном из них, с 11 по 29 марта 1947 г., ВНТ слушал дело коменданта концлагеря Освенцим Рудольфа Гесса. Он был признан виновным в убийстве двух с половиной миллионов человек, привезенных в лагерь с целью их уничтожения, убийстве 20 тысяч советских военнопленных, заключенных в лагерь вопреки положениям международного права. Кроме того, суд признал его виновным в организации в лагере системы жестокой эксплуатации и физических издевательств над заключенными и массового грабежа их имущества. Р. Гесс был приговорен к смертной казни, и приговор приведен в исполнение на территории концлагеря Освенцим. Затем ВНТ рассматривал дело сорока других сотрудников этого лагеря с 24 ноября по 16 декабря 1947 г.

19 апреля 1943 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР. В нем, в частности, указывалось: «Немецко-фашистские преступники виновны в совершении тяжких преступлений против советских граждан, подлежат смертной казни через повешение, а их пособники — каторжным работам».

Согласно Указу от 19 апреля в июле 1943 года двадцать два человека, обвинявшихся в государственной измене, были судимы за злодеяния, совершенные ими в городе Краснодаре и Краснодарском крае.

Восьмерых подсудимых приговорили к смертной казни, остальных — к каторжным работам, каждого сроком на 20 лет. Все подсудимые были советскими гражданами.

В декабре 1943 года газета «Красная звезда» сообщила, что «в деревне, расположенной к западу от Кременчуга, состоялось первое приведение в исполнение приговора к смертной казни через повешение, вынесенное военно-полевым судом немецкому военному преступнику». Он был повешен на том самом дереве, где ранее были повешены жительницы этой деревни за то, что резали свою домашнюю птицу без разрешения германских властей. Харьковское дело над тремя немцами и одним советским гражданином явилось первым публичным процессом над немцами (15 декабря 1943 г.).

По данным, которые были опубликованы в мае 1950 года, за военные преступления были наказаны 9 717 немецких военнопленных, а 3 185 содержались под стражей в ожидании окончания предварительного следствия.

Нюрнбергский процесс вне стенограмм

Для руководства советской делегацией на Нюрнбергском процессе в Москве была создана специальная правительственная комиссия. Ее работу в соответствии с указаниями Сталина Молотов контролировал через Вышинского. В комиссию входили Генеральный прокурор СССР

К. П. Горшенин (председатель), нарком юстиции, представитель органов госбезопасности и др. Делегация СССР на процессе постоянно находилась под жестким гласным и негласным контролем. Все основные документы — речи обвинителей, проекты обвинительного заключения и прочие материалы — посылались Сталину, Молотову, Маленкову, Берии, Микояну, Жданову, Горшенину, Рычкову (наркому юстиции РСФСР) и Деканозову (зам. наркома иностранных дел СССР).

Находясь в Москве, члены комиссии не всегда адекватно оценивали обстановку на процессе и зачастую давали совершенно невыполнимые указания. В частности, по категорическому требованию Вышинского советская сторона пыталась получить от главного обвинителя от США Р. Джексона согласие на передачу ей всех документов, касавшихся СССР. Однако это было невозможно, поскольку тему общего заговора должна была освещать американская делегация.

Абсолютно невыполнимым оказалось и другое требование Вышинского. Сочтя, что советская делегация еще недостаточно хорошо подготовлена к процессу, а вступительная речь, которую комиссия послала на апробацию в ЦК, не вернулась с надлежащими рекомендациями, он добивался отсрочки открытия процесса недели на две-три. Сам Руденко был вызван в Москву, чтобы тем самым создать препятствие для начала процесса. Однако на этот раз партнеры СССР по комитету обвинителей не пошли на уступки.

По указанию Молотова, в конце ноября в Нюрнберг отправился сам Вышинский. Одним из первых его дел здесь было составление и утверждение перечня вопросов, которые «являются недопустимыми для обсуждения на суде». Руденко было поручено «договориться с другими обвинителями не касаться ряда вопросов, чтобы СССР, США, Англия, Франция не стали объектом критики со стороны подсудимых».

Видимо, Сталин и Молотов понимали, что такие действия, как совместный с Германией захват Польши, присоединение трех независимых прибалтийских государств с помощью угрозы применения силы, можно квалифицировать как преступление против мира. Было решено: «Обязать т. Руденко и т. Никитченко предварительно просматривать все поступающие от других делегаций для предъявления суду документы и требовать, чтобы эти документы утверждались на комитете обвинителей. По каждому документу т. Руденко и т. Никитченко обязаны давать заключение о его приемлемости или неприемлемости с точки зрения интересов СССР, в случае надобности не допускать передачи и оглашения на суде нежелательных документов».

Приложением к этому протоколу служил перечень вопросов:

1. Отношение СССР к Версальскому миру.
2. Советско-германский пакт о ненападении 1939 года и все вопросы, имеющие к нему какое-либо отношение.
3. Посещение Молотовым Берлина, посещение Риббентропом Москвы.
4. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР.
5. Советские прибалтийские республики.
6. Советско-германское соглашение об обмене немецкого населения Литвы, Латвии и Эстонии с Германией.
7. Внешняя политика Советского Союза и, в частности, вопросы о проливах, о якобы территориальных притязаниях СССР.
8. Балканский вопрос.
9. Советско-польские отношения (вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии).

Следует отметить, что у западных союзников тоже были темные пятна на репутации и они очень не хотели, чтобы о них вспоминали. Вот почему в приватном порядке участники процесса обменялись списками «неудобных тем» и договорились подобные вопросы не поднимать. В основном эти договоренности соблюдались всеми.

Протокол заседания комиссии

от 16 ноября 1945 г.

Присутствуют:

члены комиссии и т. Карев

Повестка дня:

1. О ходе работы по подготовке процесса.
2. О свидетелях на процессе.

Слушали:

О ходе работы по подготовке процесса.

Вышинский:

Нами дана директива о включении Альфреда Круп-па в список военных преступников, подлежащих суду военного трибунала. Мнения наших коллег не одинаковы.

До сих пор у т. Руденко нет плана проведения процесса. Руденко не готов к проведению процесса. Вступительную речь, которую мы с вами выработали, я послал в ЦК.

Кабулов:

Наши люди, которые сейчас находятся в Нюрнберге, сообщают нам о поведении обвиняемых на допросах (читает записку). Геринг, Йодль, Кейтель и др. вызывающе держат себя при допросах. В их ответах часто слышатся антисоветские выпады, а наш следователь т. Александров слабо парирует их. Обвиняемым удается прикинуться простыми чиновниками и исполнителями воли верховного командования.

При допросе англичанами Редера последний заявил, что русские хотели его завербовать, что он давал показания под нажимом. Это его заявление было записано на пленку.

Вышинский:

Прокурор должен, где это надо, срезать обвиняемого, не давать ему делать антисоветские выпады.

Этот сталинский инквизитор имел богатый опыт «срезать» обвиняемых на процессах 1937-1938 годах.

Стал известен такой факт. О нем поведал бывший ответственный сотрудник ЦК КПСС Замятин. Министр иностранных дел Украины, старый большевик Ману-ильский обратился к Сталину с письмом. В нем он сообщал, что располагает конкретными неопровержимыми доказательствами, что Вышинский был «стукачом» царской охранки и по его наводке были расстреляны многие революционеры. На письме Сталин написал: «А. Вышинскому И. Ст.». У Замятина были комментарии по поводу такой резолюции. Ее смысл можно выразить поговоркой: «Рыбак рыбака видит издалека». У меня нет комментариев этой странной резолюции. Приведу лишь один пример того, за что расстреливали людей в 1937-1938 годах. Парторгом 508-го механизированного полка был майор Никитин. Мы с ним учились в военно-политической академии. Однажды он мне по большому секрету рассказал, что в деревне, где жила его семья, было два трактора. Его отец, Иван Никитин, будучи прилежным трактористом, не успел «причепурить» свой трактор к какому-то празднику (подробно не помню), как это сделал его коллега на другом тракторе, и за это был расстрелян как враг народа. На суде в той или иной форме заходила речь и о московских политических процессах в 1937-1938 годах.

Гесс не называл прямо, где именно проходили эти процессы, но и без того было ясно. Он утверждал, что подсудимые весьма странным образом изобличали сами себя, а когда им выносили смертный приговор, то они аплодировали, к удивлению всего мира.

В связи с заявлением Кабулова на заседании комиссии от 16 ноября 1945 года начальнику следственного отдела г. Александрову пришлось оправдываться.

Тов. Горшенину К. П.

В связи с поступившими к вам сведениями о том, что будто бы во время производившихся мною в Нюрнберге допросов обвиняемых по делу о главных военных преступниках с их стороны были сделаны выпады против СССР и лично против меня, докладываю следующее:

1. На всех допросах, кроме меня, присутствовали полковник юстиции Ро-зенблит и, как правило, полковник юстиции Покровский.
2. Никаких выпадов против СССР и лично против меня ни со стороны допрошенных обвиняемых, ни со стороны допрошенных свидетелей сделано не было.
3. Случай, о котором вам было сообщено как о случае, будто бы имевшем место со мной, в действительности имел место в моем присутствии во время допроса 18 октября с. г. американским подполковником Хинкелем обвиняемого Франка.

По окончании допроса Франк действительно обозвал Хинкеля свиньей.

На этом допросе я присутствовал в качестве наблюдателя. Я лично приступил к допросам только с 3 ноября с. г.

Докладывая об изложенном, я считаю, что в данном случае правительственные органы были дезинформированы о действительной обстановке, в которой протекали допросы обвиняемых.

Я прошу назначить специальное расследование для установления виновных в подобной дезинформации и привлечь их к строгой ответственности.

Вместе с тем я прошу пресечь различного рода кривотолки в связи с производившимися допросами обвиняемых, т. к. все это создает нездоровую обстановку и мешает дальнейшей работе.

При этом прошу учесть следующее:

- а) Вопросники, подготовленные для допроса обвиняемых, были переданы для ознакомления т. Руденко и им санкционированы.
- б) Точно так же им был санкционирован и допрос обвиняемых, для чего т. Руденко лично вел необходимые переговоры с американским обвинителем Джексонем, т. к. в первой стадии американцы возражали против того, чтобы допросы мы производили непосредственно сами, а не через них.

Г. Александров.

2 декабря 1945 г.

Чтобы читатель имел представление о работе комиссии, привожу еще несколько документов.

Телефонограмма по ВЧ

Из Берлина. 19 ноября 1945 г. 01 ч. 15 м.

Тов. Вышинскому А. Я.

Покровский сообщил следующее:

1. В Комитете обвинителей первоначально была договоренность о том, что вступительная речь будет длиться до 2-х часов. Но дня четыре тому назад договорились иначе, о чем Покровский якобы сообщил Руденко. Было решено, что для вступительных речей потребуется значительно больше времени.

Порядок выступлений предусмотрен следующий:

Первая речь Джексона — «Общий план или заговор» — будет построена на документах и на анализе доказательств и займет 2-3 дня. После речи Джексона его помощники будут зачитывать суду все документы, на которые Джексон будет ссылаться в речи.

Вторая речь — английского обвинителя — займет одно полное заседание. Затем будут зачитываться документы.

Третья речь — француза.

Руденко будет выступать последним.

В связи с таким порядком в английской записке Покровскому по поводу нашей просьбы отложить начало процесса сказано, что англичане не видят возможностей поддержать на комитете просьбу отложить процесс, т. к. Руденко должен будет выступить через 3-4 недели.

В настоящий момент американский обвинитель еще не дал ответа на нашу просьбу. Французский обвинитель дал понять, что хочет поддержать нас, но сделал это в устной и необязывающей форме.

2. О вступительных речах обвинителей. Предполагается, что в основе вступительных речей будет лежать обвинительный акт. Джексон, приводя положения одного-двух абзацев обвинительного акта, предполагает подкреплять эти положения бесспорными документами, а не свидетельскими показаниями. Вступительная речь должна быть обстоятельной и включать в себя, например, краткую историческую справку о договоре, указание о фактах нарушения договора и т. п.

По общему мнению англичан, французов и американцев, желательно иметь минимальное количество свидетелей где-либо неподалеку от Нюрнберга, например, в Берлине, Париже и т. п. на случай, если кто-либо будет пытаться говорить о неясности или сомнительности доказательств. Обвинители хотят энергично избежать скользких вопросов и не давать возможности подсудимым заниматься дискуссиями или вовлекать суд в дискуссии.

В этой связи признали желательным до начала суда обменяться списком вопросов, которые не должны обсуждаться на суде, с тем, чтобы иметь возможность во время процесса их отводить немедленно.

Покровский сообщил, что Розенберг потребовал вызвать свидетеля, чтобы доказать, что в Прибалтике при Советской власти также были высылка, переселения и прочее. Комитет обвинителей отвел эту попытку, заявив, что не дело суда заниматься обсуждением политики других государств.

Семенов

Послано с просьбой ознакомиться

т.т. Молотову В. М., Маленкову Г. М., Берия Л. П., Микояну А. И. 19.XI.

Берлин, Семенову

Немедленно передайте т. Покровскому следующее:

«В дополнение к нашей телеграмме № 46, в которой мы указывали, что вы не должны на утреннем заседании девятнадцатого ноября заявлять об отказе присутствовать на открытии процесса ввиду болезни т. Руденко, руководствуйтесь следующим.

Если на заседании обвинителей будет складываться мнение большинства обвинителей против нашего предложения об отложении процесса, то вы должны заявить, что вами не получено полномочий участвовать на процессе, в случае если процесс начнется без главного обвинителя от СССР, и что вы вынуждены будете довести до сведения Советского Правительства об отклонении предложения советского обвинителя и о создавшемся в силу этого положении.

Надеемся, что эта директива вам понятна и что вам понятно также, чем она отличается от вашего предложения. Наше предложение содержит в себе угрозу отказа от участия в начинающемся процессе, но еще не является отказом. Таким образом, наше предложение является способом давления на других обвинителей для достижения нашей цели.

Этой же директивой должен руководствоваться т. Никитченко на заседании трибунала при обсуждении этого вопроса».

Исполнение телеграфируйте.

19.XI. 3.40

Передано по ВЧ

М. Грибанов А. Вышинский

Перед Руденко и Никитченко стояли задачи не допускать обсуждения предвоенных отношений Сталина и Гитлера. Эти темы не раз всплывали на процессе и в западной печати.

Беспокойство по поводу возможных разоблачений политики великих держав в предвоенный период ощущалось в ходе процесса.

В министерстве иностранных дел рейха были обнаружены записи совещания, состоявшегося 22 августа 1939 года в Оберзальцбер-ге, где перед командующими всех видов вооруженных сил Германии выступил Гитлер.

У нас эта речь ранее не публиковалась. Вот некоторые фрагменты выступления Гитлера.

«С осени 1938 года... я решил идти вместе со Сталиным... Сталин и я — единственные, которые смотрим только в будущее. Так, я в ближайшие недели на германо-советской границе подам руку Сталину и вместе с ним приступлю к новому разделу мира... Генерал-полковник фон Браухич обещал мне войну с Польшей закончить в течение нескольких недель. Если бы он мне доложил, что потребуется даже два или один год для этого, я бы не дал приказа о наступлении, и договор бы заключил не с Россией, а с Англией. Мы не можем вести длительную войну. Несчастных червей — Даладье и Чемберлена — я узнал в Мюнхене. Они слишком трусливы, чтобы атаковать нас. Они не могут осуществить блокаду. Наоборот, у нас есть наша автаркия и русское сырье.

Польша будет опустошена и заселена немцами. Мой договор с Польшей был только выигрышем во времени. В общем, господа, с Россией случится то, что я сделал с Польшей. После смерти Сталина, он тяжело больной человек, мы разобьем Советскую Россию. Тогда взойдет солнце немецкого мирового господства.

...Мы в дальнейшем будем сеять беспокойство на Дальнем Востоке и Аравии. Мы являемся господами и смотрим на эти народы, в лучшем случае, как на лакированных обезьян, которые хотят почувствовать кнут.

Обстоятельства для нас благоприятные, как никогда. У меня только одна забота, что Чемберлен или какой-либо другой негодяй придет ко мне с предложениями о посредничестве. Он полетит с лестницы...

Наступление и уничтожение Польши начнется рано утром в воскресенье. Я пушу несколько рот в польской форме... Поверит мир этому или нет — для меня безразлично. Мир верит только успеху...

Россия не заинтересована в сохранении Польши, и Сталин знает, что его режиму придет конец, независимо от того, выйдут ли его солдаты из войны победителями или побежденными.

Смещение Литвинова сыграло решающую роль. Изменение отношений с Россией я осуществил постепенно.

В связи с торговым договором мы вступили в политические переговоры. Предложили заключить пакт о ненападении. Затем последовало многогранное предложение со стороны России... Россия ответила, что готова к заключению договора. Установлен личный контакт со Сталиным. Послезавтра Риббентроп заключит договор. Теперь Польша оказалась в том положении, в каком я стремился ее видеть».

В записи совещания помечено: «Речь фюрера была встречена с воодушевлением и большим вниманием. Геринг вскочил на стол и заплясал, некоторые в задумчивости молчали».

Сталин помнил телеграмму Гитлера в день его, Сталина, шестидесятилетия:

«Господину Иосифу Сталину. Ко дню вашего 60-летия прошу Вас принять мои самые сердечные поздравления. С этим я связываю свои наилучшие пожелания. Желаю доброго

здоровья Вам лично, а также счастливого будущего народу дружественного Советского Союза...».

А однажды Геринг выразился: «Если я сижу на этой скамье, то справа от меня должен сидеть Сталин, а слева — Черчилль».

Взаимодействие и поддержка обвинителями друг друга наглядно проявлялась при обсуждении вопроса о заключении советско-германского договора от 23 августа 1939 года и дебатах о существовании секретного протокола к нему.

Защитник Гесса Альфред Зейдль получил в свое распоряжение affidavit (надлежащим образом заверенные письменные показания). —

Прим. авт.

) бывшего начальника юридического отдела МИД Германии в ранге посла Фридриха Гауса. Последний сопровождал Риббентропа в его поездке в Москву в августе 1939 года.

Affidavit содержал краткое описание хода переговоров и подробное изложение секретного протокола к пакту о ненападении от 23 августа.

Адвокат Зейдль, решив, что с помощью affidavit Гауса «можно перевернуть процесс», добился его обсуждения. Это ему удалось, поскольку Руденко, не имея перевода на русский язык и не зная его содержания, не воспротивился его предъявлению трибуналу. Зейдль добивался признания факта подписания секретного протокола. Суд должен был принять affidavit Гауса в качестве доказательства защиты. Вот что говорилось в третьем пункте показания Гауса, как он был зачитан в суде: «...Кроме пакта о ненападении долго обсуждался секретный документ, который, как я помню, получил название «секретный протокол» или «секретный дополнительный протокол». В нем шла речь о разграничении сфер интересов обеих сторон в расположенных между ними европейских территориях. Я не могу вспомнить, употреблялись ли там выражения типа «сферы интересов» или другие подобные обороты. Германия объявляла себя политически не заинтересованной в Латвии, Эстонии и Финляндии, напротив, Литву в соответствии с этим документом она относила к сфере своих интересов. Относительно политической незаинтересованности в отношении обоих прибалтийских государств споры возникли тогда, когда рейхсминистр в соответствии с полученными инструкциями захотел исключить некоторую часть прибалтийских территорий из советской сферы интересов. Это встретило неодобрение с советской стороны. Особенно это касалось располагавшихся там портов. Рейхсминистр по этим пунктам... заказал разговор по телефону с Гитлером...

Гитлер уполномочил Риббентропа одобрить советскую точку зрения. Для области Польши была установлена демаркационная линия... Относительно Польши было достигнуто соглашение, в котором говорилось примерно то, что обе державы при окончательном урегулировании вопросов, касающихся этой страны, будут действовать во взаимном согласии».

Далее, в пятом пункте говорилось: «При состоявшихся приблизительно через месяц переговорах о втором советско-германском договоре (переговоры состоялись по советской инициативе). —

Прим. авт.

) секретный протокол был изменен так, что теперь и Литва, за исключением небольшой территории, вдовавшейся в Восточную Пруссию, была исключена из сферы интересов Германии. Однако демаркационная линия на польской территории была перенесена дальше на восток. Позднее, как я помню, только в начале 1941 года или в конце 1940 года германская сторона в результате дипломатических переговоров отказалась от этого литовского выступа».

Какую реакцию у Сталина, Молотова и Вышинского вызвало обсуждение в суде affidavit Гауса, нетрудно себе представить. Из Москвы немедленно последовало указание посылать телеграфом на имя Молотова каждодневные доклады о ходе судебных заседаний...

Однако Зейдль не ограничился представлением показаний Гауса. Раздобыв где-то копию с фотокопии секретного протокола, он сделал попытку огласить текст протокола во время

заседания трибунала. Суд потребовал сообщить источник, откуда был получен документ, ибо без этого невозможно было судить о его доказательственной силе. Зейдль отказался это сделать. После того как Зейдль отказался назвать источник получения протокола, трибунал запретил оглашать этот документ как не вызывающий доверия. Но Зейдль не прекращал попыток добиться признания секретного протокола в качестве доказательства. 17 апреля он внес предложение вызвать в качестве свидетелей бывшего советника германского посольства в Москве Г. Хильгера, участвовавшего в советско-германских переговорах в августе 1939 года, и заместителя Риббентропа Вайцзеккера. Трибунал согласился с вызовом Вайцзеккера в качестве свидетеля.

Поскольку защита не прекращала своих усилий вернуть суд к рассмотрению уже решенных вопросов, комитет обвинителей обратился 1 июня 1946 года к трибуналу с ходатайством: «...заявление защитника подсудимого Гесса адвоката Зейдля от 22, 23 и 24 мая 1946 года о приобщении к материалам процесса «копий» так называемых «секретных дополнительных протоколов» к договорам от 23.VIII.39 г. и 28.IX.39 г. является повторением попыток вернуть суд к рассмотрению уже решенных вопросов.

В свое время трибунал уже отклонил ходатайство адвоката о приобщении к делу этих заведомо «дефектных» документов, являющихся «копиями» неизвестно где находящихся фотокопий и удостоверенных «по памяти» одним из участников в преступлениях подсудимого Риббентропа Гаусом.

Это ходатайство должно быть отклонено также и потому, что оно является одним из резких проявлений принятой защитником тактики, направленной на то, чтобы отвлечь внимание трибунала от выяснения личной вины подсудимых и сделать объектом исследований действия государств, создавших трибунал для суда над главными военными преступниками.

Излишне указывать, насколько противоречило бы статусу трибунала и вредило объективному судебному исследованию подобное искажение судебной процедуры в случае хотя бы частичного успеха защиты. В силу изложенного мы возражаем против удовлетворения ходатайства адвоката Зейдля от 22, 23 и 24 мая 1946 года и просим трибунал его отклонить».

Суд счел аргументы комитета обвинителей убедительными и удовлетворил его просьбу. Однако Зейдль в своей речи, стремясь поставить под вопрос правомерность участия СССР в процессе, обвинил его в совместной с Германией агрессии против Польши. Трибунал постановил исключить это место из речи и не допустил включения этих обвинений в протокол.

Последний раз на процессе факт заключения советско-германского дополнительного соглашения 23 августа 1939 года, без указания его формы, был упомянут в последнем слове обвиняемого Риббентропа, который заявил: «Когда я приехал в Москву в 1939 году к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта в рамках пакта Бриа-на-Келлога, а дал понять, что если он не получит половины Польши и прибалтийские страны еще без Литвы с портом Либавы, то я могу сразу же вылетать назад.

Ведение войны, видимо, не считалось там в 1939 году преступлением против мира, в противном случае, я не могу объяснить телеграмму Сталина после окончания польской кампании, которая гласила: «Дружба Германии и Советского Союза, основанная на совместно пролитой крови, имеет перспективы быть длительной и прочной».

Зейдль ознакомил с протоколом помощника главного советского обвинителя генерал-майора Николая Зорю. После визита Зейдля он послал Сталину докладную записку. Через некоторое время Зоря погиб при чистке своего пистолета. Зорю тайно похоронили на Восточном кладбище в Лейпциге.

Ю. Зоря, Н. Лебедева в исследовании «1939 год в Нюрнбергском досье» пишут:

«История неминуемо представляет события прошлого — тайные или явные — в их истинной значимости. И то, что сегодня спадают завесы секретности с деяний минувших лет, лишней раз подтверждает — никакие сговоры и тайные сделки, затрагивающие судьбы народов, скрыть невозможно. Что же касается советско-германского пакта о ненападении 1939 года, то его оценки существенно расходятся. И все же — сегодня мы это видим более зримо — этот договор стал одним из звеньев трагической цепи событий, которые завершились пожаром мировой войны».

При обсуждении вопроса о Катыни немецкая защита проявила железную хватку. Было ясно, что они, наконец, дождались обсуждения вопроса, где все козыри были у них.

Три дня защитники уверяли суд, что поляков расстреляли мы, где-то в марте 1940 года, а наша делегация настаивала, что это дело рук фашистов, совершивших злодеяния осенью 1941 года. Адвокаты представили серьезные доказательства, что польские офицеры были убиты до оккупации немцами этих мест. Данные комиссии под председательством академика Бурденко вызвали сомнения у суда. Несмотря на резкие возражения Руденко, суд отказался приобщить к делу материалы катынского расследования комиссии академика Бурденко. Это был один из немногих случаев, когда трибунал отклонял документ такого рода.

Несмотря на то, что статья 21 устава трибунала предусматривала: «Трибунал. будет принимать без доказательств официальные представительные документы и доклады Объединенных Наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования преступлений, протоколы и приговоры военных или других трибуналов каждой из Объединенных Наций».

В действительности массовые расстрелы в Катыни были произведены не в сентябре 1941 г., а весной 1940 г., и не немецкими, а советскими палачами — сотрудниками НКВД, действовавшими во исполнение постановления Политбюро ЦК ВКП(б) под председательством Сталина от 5 марта 1940 г. И число жертв, по данным учета КГБ СССР, составило не 11 тысяч, а 21 тысячу 857 человек.

Приговор МВТ содержит специальный раздел «Убийства военнопленных и жестокое обращение с ними». В нем признаны доказанными казни только советских и британских, но не польских военнопленных.

За злодеяния в Катыни по сей день никто ответственность не понес. Следует подчеркнуть со всей определенностью, что попытка переложить на подсудимых ответственность за преступления против человечности в Катыни характеризует не Нюрнбергский процесс, а действительных виновников этих преступлений — руководителей ВКП(б) и НКВД.

Американцы и англичане уже тогда точно знали, что происходило в Катыни. Знали, что на совести сталинского КГБ несмываемым пятном лежит это чудовищное преступление. Хотя мы, советские люди, там, в Нюрнберге, и мысли такой не допускали.

Наталья Лебедева, много сделавшая для того, чтобы советские люди узнали правду о процессе, рассказывала: «У меня есть текст письма, посланного Рузвельтом одному из адресатов, который собирался сделать публичное заявление насчет Катыни. Президент Рузвельт незадолго до смерти предостерегает его, запрещая что-либо печатать на эту тему. Они все знали, но считали невозможным для себя в тот момент ссориться с Советским Союзом и временно закрывали глаза. Видимо, действовало правило, сформулированное Черчиллем: «Надо знать, когда, где и кому говорить правду».

Весьма щекотливым было и то обстоятельство, что в разделе Польши в 1939 году принимал участие СССР, который был исключен из Лиги Наций за агрессию против Финляндии. В 1939 году Англия и Франция объявили войну Германии, за что советский премьер Молотов назвал их «империалистическими поджигателями войны». И только нападение Германии на Францию в мае 1940 года было наконец квалифицировано как агрессия.

Были и другие щекотливые обстоятельства, но их на Нюрнбергском процессе не обсуждали. Александр Бовин в книге «XX век как жизнь» приводит выдержку из письма подполковника в отставке Ю. А. Прохорова из Петербурга.

«Уважаемый Александр Евгеньевич! Откликаясь на ваши две последние геополитические работы «Мы ничего не должны Германии» и «Мы ничего не должны Японии», я предлагаю вам, двигаясь вдоль наших рубежей против часовой стрелки, продолжить сериал еще девятнадцатью «Мы ничего не должны...»

1. «Мы ничего не должны Финляндии». Подписав 31.12.17 г. Акт о суверенитете, мы в 1919-м, 1939-м, 1944-м громили ее самым лихим образом.

2. «Мы ничего не должны Эстонии». Подписав в 1920 г. Тартуский договор, ворвались в нее в 1939 г, захихнули в тюрьму президента, еще четырнадцать тысяч ни в чем не

повинных людей вывезли в лагерь, в 1946 г. водрузили флаг РСФСР над Ивангородом, сдвинув границу к западу на 20-25 км.

3. «Мы ничего не должны Латвии», разбавляя 50 на 50 переселенцами бестолковых аборигенов, плохо говорящих по-русски.

4. «Мы ничего не должны Литве», въехав в нее на танках в 1939 г. по сговору с другим разбойником и уничтожив там элиту и фермеров.

5. «Мы ничего не должны Польше», наводя там порядок в 1780-1794 гг., 1831-м, 1862-м, 1920 гг. («Даешь Варшаву!»), подло ударив 17.09.39 г. в тыл борющейся с фашистами польской армии, расстреляв захваченных в плен офицеров. Один парад войск Еременко и Гудериана (октябрь 1939 г.) в Бресте чего стоит.

6. «Мы ничего не должны Чехословакии», оттяпав у нее Закарпатье и въехав в компании стран ВД в Прагу 22.08.68 г.

7. «Мы ничего не должны Венгрии», разгромив Будапешт в ноябре 1956 г., повесили ихнего премьера И.Надя, выманив его из одного из посольств.

8. «Мы ничего не должны Румынии», отобрав у нее в 1940 г., по сговору с Гитлером, Молдавию и Буковину, а в 1947 г. танками подавив народное восстание, посадили туда в конце концов какого-то диктатора, расстрелянного впоследствии собственным народом.

9. «Мы ничего не должны Болгарии», объявив ей войну 08.08.44 г. и разогнав правителей (хорошо, оставив в живых малолетнего царя).

10. «Мы ничего не должны Югославии», которой с 1947-го по 1955 годы все время грозились, но не решились оказать интернациональную помощь.

11. «Мы ничего не должны Армении», в которую, имея договор, ворвались в 1921 г. на конях, предварительно оказав помощь Аташюрку в захвате Западной Армении.

12. «Мы ничего не должны Ирану», разбомбив в августе 1941 г. Тегеран и разделив страну пополам с Великобританией, создав на севере страны еще одну марионеточную Азербайджанскую республику и почему-то (есть ссылки на Трумэна) нехотя уйдя оттуда в 1946 г.

13. «Мы ничего не должны Грузии», с которой РСФСР имела договор, но в 1921 г. вошла с юга на бронепоезде, случайно позволив удрать правительству.

14. «Мы ничего не должны Бухаре», тому эмирату, который вообще не входил в Российскую империю, взяв штурмом в 1921 г. Бухару.

15. «Мы ничего не должны Туве», ликвидировав в 1944 г. это государство с чудесными марками.

16. «Мы ничего не должны Монголии», разогнав в 1921 г. администрацию и духовенство этой территории с помощью авиации и конницы.

17. «Мы ничего не должны Корею», поддерживая диктаторский режим Ким Ир Сена и вооружив его для рывка 22.06.50 г. через 38-ю параллель на Пусан. А теперь ожидаем от наследника испытания ядерного оружия.

18. «Мы ничего не должны Афганистану», в который в декабре 1979 г. ввели ограниченный контингент, разумеется, по просьбе правительства Афганистана (как в Венгрию, как в ЧССР), но тут же уничтожив не только главного правителя, но и его жену, и его малолетних детей (живет июль Екатеринбург в сердцах воинов).

19. «Мы ничего не должны правительству США», получив по ленд-лизу после окончания боевых действий и имея не утраченную в боях технику на общую сумму 2,5 миллиарда долларов».

О том, что фельдмаршала Паулюса 11 февраля 1946 года советские обвинители предъявили ошеломленному трибуналу в качестве свидетеля, писалось много. А вот как Паулюс был доставлен в Нюрнберг, стало известно несколько лет назад.

Об этом поведала наша переводчица с немецкого языка Ольга Свидовская.

«Ко мне обратились с просьбой помочь доставить Паулюса из Берлина в Нюрнберг так, чтобы об этом никто не знал. Для въезда в американскую зону оккупации нужны были визы...».

Ольга Свидовская пишет, что после долгих споров решили оформить визу на руководителя следственной части при советском обвинении Георгия Александровича Александрова и 10 сопровождающих.

Операция проводилась в полной тайне. Пришли к общему мнению, что к американцам за визой следует обратиться в субботу, за пять минут до конца рабочей недели.

Точно в 13.55 Оля открывает дверь отдела, который выдавал визы.

В отделе оказались все как один молодые красивые ребята. Они уже собрались уходить со службы.

«Увидев меня, тот, кто обычно ставил печати на визах, беззлобно выругался: «Черт бы тебя побрал!» Я старалась шутить. В душе отвратительно посапывал липкий страх. Болтовня помогала кое-как скрывать его. До сих пор помню листки виз на ладонях американца и как он выдавливал печать на ладони.

Американцы отдали мне визы, и я пошла, сопровождаемая тем же «перебрёхом».

Без особых трудностей доставили Паулюса в Нюрнберг. Возникли трудности с тем, как провести его во Дворец юстиции. И с этой задачей Оля Свидовская справилась успешно. Сидя в машине и улыбаясь, она помахала старым, с истекшим сроком годности пропуском, и американец сказал «о'кей!».

Оля рассказала, как она выполнила еще одну просьбу.

Ей предложили, чтобы она сходила к американцам: «Они тебя знают. Попробуй достать что-нибудь о Гессе». И она пошла. «... В хранилище документов были два молодых американца.

Они сняли с полки одну из цинковых банок с закрывающейся крышкой. Вытащили из банки «свиток», отдали его мне. Не помню, расписывалась ли я в получении «свитка», или нет. Вряд ли. «Свиток» состоял из длинных телеграфных листов. Когда я принесла его и начала переводить, наступила тишина. Потом меня попросили перевести документ с предельной точностью письменно.

Документ содержал в себе обвинение всей верхушке британского общества в тайном сговоре с Гитлером за нашей спиной. Мне сказали, что документ будет срочно отправлен в Москву прямо Сталину. Меня же попросили забыть все, что я перевела».

Это были документы Гесса о его переговорах в Англии.

Американцы подняли страшный шум. Олю на всякий случай упрятали на некоторое время. Двух американцев, которые выдали документы, она «больше не видела, исчезли». Оле очень большое начальство объявило благодарность.

Ольга Свидовская вспоминает такой курьезный случай: «Я с детства любила хрусталь. В соседнем от Нюрнберга городке купила в комиссионном магазине старинную хрустальную вазу. Ваза была вывезена из России. Все мне завидовали. Деньги в Нюрнберге было тратить некуда. Практически они не имели для нас цены.

И вот приехал Вышинский. И был по этому случаю дан обед в его честь.

Пока мы суетились вокруг стола, вошел Вышинский. Быстро все осмотрев, он остался доволен и, очевидно, приняв меня за одну из немецких горничных, потрепал небрежно по щеке. Я обозлилась.

Дело на том не кончилось. На стол решили поставить фрукты. Фрукты захотелось положить в красивую вазу. Вспомнили про мою. Ваза произвела фурор. Я и не предполагала, что вижу ее в последний раз. Когда Вышинский уехал, он увез мою вазу с собой. Никто не рискнул ему сказать, что она является в некотором роде частной собственностью».

Кража вазы Вышинским — не самый большой грех в его жизни. По его вине были расстреляны многие ни в чем не повинные люди. Если человек подлый, то он подлый и в большом, и в малом.

Я обратил внимание на то, что Ольга Свидовская не пишет, почему именно к ней обращались с такими серьезными просьбами. То, что она не называет тех, кто ее «просил», само собой разумеется.

Объективности ради скажу, что американские разведчики работали не меньше наших. Но им, наверное, было труднее. У нас не было такой беспечности и такого разгильдяйства. Вряд ли сотрудники американской делегации, даже если они были такими же красивыми, как Оля, смогли у наших работников архива получить документ. У нас «исчезали» люди за значительно меньшие провинности.

В беседе с Елизаветой Ефимовной Щемилевой-Стениной, которая была на Нюрнбергском процессе одним из двенадцати советских переводчиков-синхронистов, корреспондент «Известий» А. Плутник спросил:

— На каком основании вы делаете вывод о недостаточном внимании в России к Нюрнбергскому процессу?

— Самое веское основание, — ответила Елизавета Ефимовна, — полное собрание его документов, в том числе и стенограмма допросов подсудимых, всех судебных заседаний, а это 42 тома, у нас не издано до сих пор, хотя Международный трибунал в марте 1946 года принял решение об официальном издании всех документов на четырех языках. На трех оно было осуществлено в Нюрнберге в 1947-1949 годах — английском, немецком и французском. А вот на русском языке так и не появилось по сей день. Лишь при Хрущеве издали семь томов, а с 1986 г. приступили к выпуску восьмитомника, вышло лишь пять книг.

— Как Вы думаете, в чем причина? — спросил корреспондент.

— Главная — там в полный голос говорили о таких вещах, которые в СССР не обсуждались даже шепотом. Да и, как я поняла позже, та правда о фашистском правлении, о господствовавших в Третьем рейхе политических нравах была невыгодна советскому руководству, так как вызывала нежелательные для него аналогии. Ну а в последующие годы руководители страны полагали, видимо, что события отхлынули, интерес к ним ослаб... У нас всегда есть объяснение необъяснимому.

Я оптимист. Рано или поздно (лучше рано) полный стенографический отчет всех судебных заседаний Международного военного трибунала будет опубликован на русском и многих других языках. Правду истории скрыть невозможно. Она обязательно станет достоянием народов.

Рассказывают, что немецкий генерал Мольтке после одной из войн собрал журналистов и посоветовал им: «Пишите правду!» Потом тихо добавил: «Только не всю». Думаю, что о Нюрнбергском трибунале когда-нибудь будет написана вся правда.

Зарождение «холодной войны»

Говоря об итогах Нюрнбергского процесса, необходимо считаться с тем, что за судебным столом собрались не друзья, даже не единомышленники, а временные попутчики. Не стало общего врага — стал распадаться союз антигитлеровской коалиции. Мы должны быть благодарны, что союзники успели назвать и осудить чудовищные преступления фашизма и главных виновников этих преступлений.

Трещина в отношениях между Востоком и Западом решительно расширялась, и наше счастье, что она задержалась перед Дворцом правосудия в Нюрнберге. Ведь процесс шел, когда уже была произнесена известная антисоветская речь Уинстона Черчилля, в которой он сказал: «Еще до того, как кончилась война, в то время, когда немцы сдавались сотнями тысяч, а наши улицы были заполнены ликующими толпами, я направил Монтгомери телеграмму, предписывая ему тщательно собирать оружие и складывать его, чтобы потом легко было снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось».

Речь Черчилля в Фултоне ознаменовала собой конец периода антигитлеровских совместных действий, а вместе с тем начало нового этапа, который вскоре получил название «холодная война».

Подсудимые в Нюрнберге в своих камерах читали речь Черчилля, а потом обсуждали ее с большим оживлением и с не меньшим удовлетворением. Атомная бомба над Хиросимой стала орудием политического давления в дипломатической войне.

Когда Геринг узнал о речи Черчилля, то высказал предположение, что единственные союзники, которые еще не переругались, — это обвинители на Нюрнбергском процессе.

Он ошибся. Как раз в это время выявились серьезные разногласия между обвинителями.

Но мир узнал о них много лет спустя.

5 апреля 1946 года во Дворце юстиции в комнате 117 состоялась встреча обвинителей четырех держав. Она носила доверительный характер.

Ни для кого не было секретом, что у германских промышленников и финансистов были влиятельные покровители в западных странах и что с самого начала оказывалось сильное давление, чтобы дело до процесса не дошло. Свою роль играли тут и личные знакомства, и общность интересов, подкрепляемая широкими международными связями, и, наконец, нежелание создавать юридический прецедент.

В такой вот атмосфере открылась эта конфиденциальная встреча и прозвучал вопрос, поставленный представителем британского обвинения: «Стоит ли судить руководителей монополии?».

От имени советской делегации генерал Руденко и полковник Покровский ответили, что советское правительство выступает за совместное проведение четырьмя главными союзниками дальнейших процессов против главных военных преступников действующим ныне Международным военным трибуналом.

Выступление прокурора Джексона от имени делегации США тотчас же прояснило, кто и какие позиции занимает. Джексон заявил, что у него есть серьезные сомнения, «можно ли вообще возбуждать дело против промышленников, если Шахт (а это вполне вероятно) на нынешнем процессе будет оправдан». Такое заявление, сделанное в разгаре продолжавшегося процесса, за 5 месяцев до его окончания, до того даже, как трибунал приступил к рассмотрению конкретных обвинений против Шахта, было и неожиданностью, и по меньшей мере бестактностью.

Джексон привел еще и другой аргумент. Он предупредил, что Соединенные Штаты не смогут позволить себе расходов, которые связаны с их участием в Международном трибунале. Он высказался за проведение следующих процессов местными, зональными военными судами.

Стало очевидным, что США не только против процесса промышленников, но и вообще не хотят продлевать жизнь Международному трибуналу.

Р. Джексон писал президенту США Трумэну:

«...Теперь нам предлагают новый международный процесс, в котором на скамью подсудимых сели бы преимущественно промышленники и финансисты. Однако процесс, собравший только промышленников, мог бы произвести впечатление, будто мы преследуем этих людей лишь за то, что они промышленники. Такая реакция тем более вероятна, если принять во внимание, что

в своей прокурорской работе мы будем действовать бок о бок с коммунистами Советского Союза и французскими левыми... Есть также опасность, что председателем такого суда мог бы стать русский или француз... Мой ответ таков: промышленников можно наказать с помощью программы денацификации без Международного трибунала. Я против таких процессов в будущем и не рекомендую их правительству США».

Подробности, касающиеся конфиденциального совещания в комнате №117 Дворца юстиции, а также секретного донесения прокурора Джексона президенту Трумэну, обнародовал в 1949 году Телфорд Тейлор, который вскоре стал объектом нападок и газетной травли в США за свою деятельность обвинителем в Нюрнберге. Тейлором занималась в конце сороковых годов пресловутая комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, возглавлявшаяся сенатором Маккарти.

Справедливость не торжествует

В феврале 1994 года к бывшему тогда президенту России Борису Ельцину обратилась Елизавета Ефимовна Щемелева-Стенина.

«Глубокоуважаемый господин президент!

От имени граждан России — участников Международного процесса над главными нацистскими преступниками, прошу вас оказать нам содействие в решении вопроса о награждении ее участников».

К своему письму Б. Н. Ельцину Щемелева-Стенина приложила копию проекта указа Президиума Верховного Совета СССР, которую нашла в архивах. Среди тех, кого предполагалось отметить, была и ее фамилия. Ей полагалась медаль «За трудовую доблесть». В подтверждение своей правоты Елизавета Ефимовна приводит в письме к президенту такие аргументы: «У главного обвинителя от США Джексона было шесть заместителей и шестнадцать помощников. У Р. А. Руденко — один заместитель и четыре помощника. Американцы привезли в Германию 640 переводчиков, а мы — 40».

Я не вникал в работу переводчиков, но однажды переводчик, мой однофамилец Евгений Гофман, рассказывал, что трудились они порой «до потери пульса».

Еще из письма Елизаветы Щемелевой-Стениной — Б. Н. Ельцину.

«В эпоху гласности общественности стали известны те факты истории, которые обсуждались на Нюрнбергском процессе и были засекречены в течение длительного периода. Имеются в виду такие события, как заключение пакта Молотова-Риббентропа и подписание секретных протоколов к нему, так называемое Хотыньское дело и другие. Очевидно, в свое время эти государственные секреты и заставляли придерживаться железной позиции в отношении участников процесса.

Носители секретной информации у нас всегда были под подозрением, тем более, если в их число попадали не очень проверенные люди. А там, в Нюрнберге, таковые имелись, так как у переводчиков-синхронистов, например, предпочтение волей-неволей пришлось отдать отменным специалистам перед, так сказать, надежными людьми».

Надо полагать, что к Б. Н. Ельцину письмо бывшего синхронного переводчика, а впоследствии преподавателя престижного вуза, автора вузовских и школьных учебников немецкого языка не попало.

Она получила ответ председателя комиссии по государственным наградам при Президенте Российской Федерации:

«На ваше обращение о награждении особо отличившихся участников Нюрнбергского процесса сообщаем, что Комиссия по государственным наградам на расширенном заседании 12 апреля с.г. рассмотрела данный вопрос.

Учитывая, что правовых оснований для этого по действующему законодательству нет, комиссия приняла решение о нецелесообразности награждения государственными наградами Российской Федерации за участие в Нюрнбергском процессе по наградным спискам 46-47 годов».

Вопрос был рассмотрен 12 апреля, а ответили 14 июля.

Елизавета Щемелева-Стенина обращалась еще во многие инстанции, ко многим начальникам, но безрезультатно.

Что удивительно — в то время, как в стране «непуганных чиновников» ей отказывали в попытке возродить внимание к участникам Нюрнбергского процесса и к самому процессу, союзники по антигитлеровской коалиции наперебой предлагали свои ордена.

Из ноты французского правительства в МИД СССР, 28 октября 1946 года.

В МИД Франции поступило ходатайство о награждении орденом Почетного легиона некоторых представителей союзного обвинения при Международном трибунале в Нюрнберге.

«До принятия определенного решения французские власти желали бы узнать, дает ли Советское правительство свое согласие по этому поводу и не имеет ли оно намерение отметить со своей стороны почетными наградами французских представителей союзного обвинения при этом трибунале».

С чисто французской галантностью подписавший ноту мсье Шер-пантье заключал: «Я был бы весьма благодарен, если бы вы сообразовали уведомить меня о мнении компетентных советских властей по данному вопросу. Весь к вашим услугам...»

Но советская сторона не торопится идти на поводу. В обстановке строгой секретности начинаются пристрастные консультации наших дипломатов с Генеральной прокуратурой. Завотделом МИД А. Смирнов обращается к заму Генерального прокурора Г. Сафонову. На следующий день, видимо, сочтя ранг вчерашнего обращения недостаточно высоким, заместитель министра иностранных дел В. Декано-зов (впоследствии расстрелянный по делу Берии) шлет депешу Генеральному прокурору К. Горшенину.

Константии Горшенин — Владимиру Деканозову.

«Полагаю, что возражать против награждения наших обвинителей французскими орденами неудобно. Желательно было бы предварительно узнать, сколько человек и кого именно французы собираются награждать.

Это дало бы нам возможность знать, на что французы надеются при нашем ответном награждении их обвинителей, на которое, конечно, придется идти, если мы согласимся на награждение наших участников процесса».

Елизавета Ефимовна в архивах нашла, что французов опередили американцы. Еще в январе 46-го, то есть по завершении предварительного следствия, они известили наш МИД о желании увенчать американскими орденами представителей советского обвинения в Международном военном трибунале, а также предложили список американских, английских и французских обвинителей, которых можно бы отметить советскими орденами. Несколько позже, в феврале 47-го, на наши компетентные органы, все еще не решившие вопрос о взаимных награждениях союзников, сыплются новые предложения: МИД Польши просит согласия на награждение польскими орденами девяти советских участников Нюрнбергского процесса.

О своем решении отметить национальными наградами наших людей одновременно сообщает МИД Чехословакии.

И завертелась бюрократическая карусель уточнения списков, грянул звездный для аппарата час, припела пора мучительных, но и сладостных чиновничьих раздумий о том, кто достоин, а кто не заслуживает, кого вписать, а кого вычеркнуть.

«Очень похоже, — пишет А. Плутник, — что, решая вопросы о наказании своих граждан, вплоть до физического уничтожения, наше государство в лице своих ключевых институтов было куда менее осторожно и осмотрительно, нежели при рассмотрении вопроса об их поощрении».

В заключение необходимо отметить, что в этом чиновничьем круговороте решение так и не было достигнуто.

Между тем не дать заслуженного — значит, по сути — обокрасть. Но по этой части, надо заметить, наше прежнее социалистическое, а ныне демократическое государство, как и наше славное бюрократическое сословие с его незыблемыми традициями, бо-о-льшие спецы.

На выживаемость проверенный В немислимые холода,

На семи ветрах просеянный В послевоенные года.

Мои мытарства после Нюрнбергского процесса

Судьба не баловала меня. Иногда мне казалось, что на фронте я себя чувствовал более комфортно, чем в мирное советское время. Конечно, о комфорте на войне, тем более в стрелковом полку, не могло быть и речи. Но, к сожалению, в послевоенное время мне досталось под завязку.

На моем жизненном пути было немало настоящих, верных друзей. Они в трудное время меня поддерживали, приходили на помощь. До конца жизни я им буду благодарен. Большинство моих начальников относились ко мне с уважением, ценили мое трудолюбие.

Я никогда не выслуживался. Помнил и придерживался известного высказывания: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь».

И после войны судьба не раз испытывала меня на изгиб и на скручивание. В 1947 г. был направлен в Ивановское военно-политическое училище. Учился не хуже других, был знаменосцем. По окончании училища в 1949 г. назначен секретарем комитета комсомола 508-го механизированного полка, который дислоцировался в городе Николаеве.

В эти годы шла борьба с «безродными космополитами». По сути, шла антисемитская кампания. Не буду рассказывать, что творилось в стране. Напишу лишь, что касалось меня лично.

Полком командовал полковник Чибарев. Каждое утро к нему привозили парикмахера. И в самый разгар антиеврейской кампании парикмахер поведал мне, что во время бритья Чибарев сказал: «Надо присмотреться к Гофману. Что-то он мне не нравится».

Чтобы читатель имел представление о том времени, привожу еще один случай.

Полк стоял недалеко от областной больницы, и чтобы попасть на трамвай, надо было пройти к парку Петровского метров двести. После партсобрания поздно вечером коммунисты, где-то человек двадцать-тридцать, растянувшись метров на 40-50, шли к трамваю. У самого парка стояли два пьяных лба и каждого спрашивали: «Ты жид?» Им с радостью отвечают: «Нет! Нет!» Я шел почти последний. Никто и не подумал меня защитить. Хорошо, что я в училище занимался боксом.

Когда умер Сталин, выпустили «врачей-вредителей», я зашел к командиру полка и спрашиваю:

— Товарищ полковник! Как-то вы говорили, что я не внушаю доверия. Я ведь очень переживаю. В чем конкретно дело?

— Я старый чекист, — отвечает он. — Мне если б сказали перестрелять всех евреев, я бы приказ выполнил. Я солдат партии.

У такого командира началась моя офицерская служба. Заместителем командира полка был полковник Тарасов — до войны секретарь обкома комсомола не помню какой области. Войну окончил командиром танкового полка в Австрии.

Сталин снимает Жукова. Идет партийный актив. Все горячо одобряют снятие Жукова.

Выступает коммунист Тарасов и говорит, что с Жуковым поступили, как с Суворовым.

Одержал победу — и выгнали. Ему объявляют строгий выговор по партийной линии. Снимают с должности и в характеристике пишут: «Может быть заместителем у умного командира». И назначают заместителем к Чибаре-ву. Чибарев уходит в отпуск. За командира остается Тарасов. Собирает офицеров полка и говорит:

— Я вам не тот старый дурак. Я научу вас ходить строевым шагом. Я вам ноги сотру до самой ж...

Командир приходит из отпуска, ему докладывает замполит, что говорил о нем Тарасов. Приезжает комиссия из штаба округа во главе с генералом. Вызывают меня и спрашивают: говорил ли Тарасов такое о командире? Если бы он это сказал не на совещании, я бы, конечно, не подтвердил. А так я подтвердил. Комиссия о чем-то между собой заговорила. Я стою. Тарасов выгоняет меня из комнаты. Комиссия молчит. Ну, думаю, пропал Гофман. Надо бежать из полка. Написал рапорт с просьбой отпустить меня для сдачи экзаменов в военно-политическую академию. Командир полка написал на рапорте: «В связи с тем, что в полку много случаев дизентерии, отказать».

Полковник Тарасов вызывает меня и говорит: «Я помогу тебе». Он едет к командиру дивизии и добивается, чтобы меня отпустили в академию.

Я дружил с командиром танкового батальона подполковником Красногирем, видно, он Тарасову характеризовал меня положительно.

Не хочу, чтобы у читателя сложилось впечатление о Тарасове как о самодуре. Нет и еще раз нет. Он был сильным, жестким, волевым человеком. Его любимая поговорка: «Порядочность, как и девственность, теряется раз и навсегда». Он с уважением и заботливо относился к молодым офицерам. Помогал им в нелегкой службе.

...Сталин в 1953 году умирает. Жуков вновь становится министром обороны. Тарасова назначают командиром танкового полка. Часть завоевывает звание отличной.

Но... Хрущев снимает Жукова. При обсуждении письма на партийной конференции Одесского военного округа с докладом выступил член политбюро ЦК КПСС А. И. Микоян. Все делегаты горячо и единогласно одобряют решение ЦК КПСС, и лишь коммунист Тарасов воздерживается. В конце концов, это его право. Тарасова вызывают, беседуют, требуют объяснения, почему он не одобрил решения ЦК КПСС. Он объясняет, что верит ЦК партии, но пока ему не скажут, что говорил в свое оправдание Жуков, он голосовать не будет. Его вывели в резерв. Дальнейшую судьбу нетрудно представить.

История с Жуковым имеет продолжение. Я зашел на политические занятия в группу прапорщиков. Речь шла об ошибках Жукова, и слушатели обвиняли Г. К. Жукова во всех смертных грехах: что он не подчинился решениям партии, что расправлялся с политработниками и т.д. и т.п. Я попросил руководителя занятий оставить мне 10 минут времени. В своем выступлении я сказал, что необходимо объективно оценивать заслуги Г. К. Жукова. Партия не заинтересована, чтобы Жукова обливали грязью. При Жукове я был политработником, и никто не собирался меня уничтожить. Советские люди гордятся, что являются современниками Жукова, и низко кланяются ему за его вклад в разгром фашистской армии. Через несколько дней ко мне в кабинет заходит офицер особого отдела майор С. и говорит, что у него есть информация, будто бы я выступал с ревизией постановления ЦК КПСС по Жукову, и он обязан доложить своему вышестоящему начальству.

— Володя (мы дружили семьями), то, что я говорил на политзанятиях, я готов письменно подтвердить. И от своих слов не откажусь.

Не давай денежного поощрения твоему лживому информатору.

Хорошо, что это были 70-е годы, а не 37-й.

В академию я все же поступил, но с четвертого захода. Хотя сдавал вступительные экзамены успешно. В последнем заходе имел две четверки по уставам и истории КПСС.

Наверное, надо рассказать подробнее. Сдаю вступительные экзамены по истории КПСС.

Ответил на вопросы билета, начали задавать дополнительные вопросы. Не помню, сколько. Их было много. Запомнил только последний: «Что говорил Сокольников на XIV-м съезде партии?» Кто такой Сокольников, а тем более, что он говорил, я не знаю. Стою и сам с собою рассуждаю. В связи с именем Сталина такой фамилии не знаю. XIV-й съезд был съездом индустриализации, значит, он выступал против индустриализации.

Будь что будет.

— Сокольников выступал против индустриализации страны, хотел оставить ее сырьевым придатком империалистическим акулам.

Ничего комиссия мне не сказала. Видно, расстроились, что я и на этот вопрос ответил.

Поставили четверку. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» было две строчки о Сокольникове, что он выступал против индустриализации.

Потом, когда учился в Военно-политической академии им. В. И. Ленина, я поинтересовался, кто же такой Сокольников. Оказывается, это первый нарком финансов Советского Союза,

руководитель денежной реформы после гражданской войны. Рубль стал при нем конвертируемым. Награжден орденом Красного Знамени, в то время — высшей наградой страны. Американцы писали, что большевики должны поставить Сокольникову памятник при жизни. Знал шесть языков. Часто повторял: «Эмиссия — опиум для народа». Чем-то он Сталину не понравился, и Сокольникову отправили на дипломатическую работу в Англию. В эмигрантской газете Милюков похвалил Сокольникова, а Сталина критиковал. Сокольникова отзывают в Москву и расстреливают.

Сдаю уставы Советской Армии. Принимает полковник. Холеный. Надменный. Трудная у него работа! Я ответил правильно на вопрос, кто имеет право проверять караулы без допуска. Это командир роты, командир батальона (дивизиона). Он мне говорит, что я не знаю устава. Спорить бесполезно — поставит двойку, и никто не поможет. Полковник задает дополнительный вопрос.

— Какая должна быть длина цепочки от питьевого бачка до кружки?

— Полтора метра, — говорю.

— Неправильно. Каждый солдат должен пить из своей кружки.

Здесь он прав. Но вопрос был явно на засыпку. Он еще долго надо мной издевался. В конце концов поставил четверку.

Академию я окончил в 1957 г. в звании майора, в должности пропагандиста ракетной части в Николаеве. В начальство не рвался. Придерживался правила: «Любовь, награды и должности не выпрашивают, а завоевывают».

В части работала девушка — заведующая полковой библиотекой. Трудилась добросовестно, но чем-то не угодила начальнику политического отдела. Он ее ел поедом. Вообще-то у него у самого ошибок, промахов, глупостей была масса. Только один пример. Проводит он во втором ракетном дивизионе политинформацию. Солдат-грузин задает ему вопрос. Начальник политотдела не может ответить. Ничего в этом страшного нет. Когда я был замполитом роты, служил солдат по фамилии Гроза. Прошло 50 лет, а я помню его фамилию. Он выскивал каверзные вопросы, на которые я не мог бы ответить. Представляете, с каким настроением я, молодой лейтенант, шел на политзанятия!.. Один такой вопрос и сейчас помню.

— Кто капитан испанской футбольной команды?

Сказал, что узнаю и на следующем занятии отвечу.

Начальник политотдела поступил по-другому. Он говорит солдату: «А ты ответь на мой вопрос. Зачем ты носишь усы?» Солдат отвечает: «Хочу быть красивым». На что начальник политотдела возражает: «Это потому что ты импотент».

Читатель, наверное, подумал, зачем я об этом пишу? Мало ли неумных людей на свете.

Отвечаю. В начале 60-х годов я написал письмо в ЦК КПСС, что отказываюсь быть коммунистом и политработником, если таких офицеров, как мой начальник политотдела, назначают на такую большую должность.

Читателю трудно представить, какой был переполох. Приехала комиссия из Москвы. Меня вызвали к командующему армии ПВО генералу Покрышкину. В итоге начальнику политотдела объявили строгий выговор по партийной линии — за аполитичность, сняли с должности и направили в одно из полтавских училищ преподавателем истории партии. Мы потом в Полтаве встретились.

Получаю телеграмму: «Подтвердите ваше согласие на должность пропагандиста Харьковской дивизии ПВО». Были еще предложения. От всех я отказался. Приезжает начальник отдела кадров политсостава армии и возмущается тем, что я не соглашаюсь идти на повышение. Я говорю, что предыдущий начальник политического отдела аттестовал меня на должность начальника ПО. Аттестация утверждена вышестоящими начальниками, и я соглашусь только на эту должность. Если у меня есть недостатки по службе, то укажите, дайте срок — я исправлю.

Ответ: «Ты не знаешь, что евреев на эту должность не назначают?»

«Первый раз слышу», — говорю ему. Хотя не сомневался, что он говорит правду.

Пообедали в «Трех ступеньках». Кадровик мне говорит: «Покрыш-кин велел за месяц убрать из Николаева и того, на кого писали, и того, кто писал. Одного я уже убрал. А тебя никак не переведу. Выпендриваешься. Давай с тобой договоримся. Когда я буду у командующего подписывать приказы по кадровым вопросам и у него будет хорошее настроение, скажу, что ты нормальный мужик, знаешь свою работу, имеешь высшее военно-политическое образование и по своим деловым и политическим качествам достоин работать начальником ПО. Согласится —

значит, тебе повезет. Нет — ты даешь согласие на службу в Харькове или во Львове». Ударили по рукам.

Командующий согласился, и меня вызвали на военный совет армии. В первый день до меня очередь не дошла. Разбирали старших офицеров, генералов, которые не сдали квартиры по старому месту службы. На следующий день очередь дошла до меня. Зашел. Доложил. Где-то вдали сидит генерал Покрышкин и вдоль длинного стола человек 20 генералов. Смотрю, Покрышкин листает мое личное дело. Вопросов было много и все по существу предстоящей работы. Покрышкин спрашивает члена военного совета генерала Данина: он москвичей выселит из московских квартир? Данин заверил командующего, что в этом сомнения нет. Речь шла вот о чем. Ракетная часть, в которую меня собирались назначить начальником ПО, во время войны охраняла небо Москвы, и совсем недавно ее передислоцировали из Москвы в Коростень. И, конечно, никто из офицеров не хотел сдавать московскую квартиру. И начальство, видно, решило: умеешь критиковать — так покажи, на что ты способен. Вообще, многие мои сослуживцы до сих пор удивляются: как меня за это письмо не отправили в сумасшедший дом. Ведь это был самый расцвет застоя. Поднимается трижды Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР, генерал-лейтенант Покрышкин и говорит: «Я внимательно изучил ваше личное дело. Неплохо воевали. Я подпишу представление на вас, но утвердит ли Москва — не знаю». И после паузы добавил: «Я еду на днях в Москву на сессию Верховного Совета и постараюсь сделать все, чтобы вас утвердили». И сделал. Москва утвердила меня на должность начальника ПО ракетной части в г. Коростене Житомирской области.

После скандала с письмом в ЦК КПСС я твердо решил, что не буду высовываться. Сколько политработников — и никто не добивается снятия своих начальников, а Гофману больше всех надо. Все! Конеч. Упрячут в психушку, и никто не узнает, где могилка моя. Но... Опять «но». Недаром говорят, что человек предполагает, а Бог располагает. Приезжаю в Коростень. Никто не встретил. Хотя давал телеграмму командиру. Нахожу часть. Дежурный по части показал мне полковника, который сидел на табуретке в тени под деревом и отдавал команды. Подхожу, докладываю:

— Товарищ полковник! Майор Гофман прибыл для прохождения службы в должности начальника политотдела.

Ответ:

— Иди работай.

— Разрешите доложить о моих первых шагах работы. Познакомлюсь с личным составом ракетных дивизионов, штаба, чтобы конкретно ориентироваться в политической работе.

— Давай, езжай.

— На чем?

— На попутных.

Вряд ли еще где-либо и когда-либо так встречал командир начальника ПО. Я понял, что служба с ним мне медом не покажется. Конечно, на попутных я не ездил. Проходит месяц. Подведение итогов. Выступаю с докладом о состоянии воинской дисциплины и партийно-политической работы.

— Я горжусь тем, что меня Москва назначила служить в часть с такими богатыми боевыми традициями. Обидно, что у вас до сих пор нет комнаты боевой славы. Вы ведь сбили семь фашистских самолетов, летевших бомбить Москву.

Командир меня перебивает:

— А ты сделаешь?

— Не я сделаю, а мы с вами сделаем, если вы дорожите славными боевыми традициями полка.

— Ты у меня седьмой начальник ПО. Все трепитесь и ничего не делаете.

— Товарищи офицеры, очередное подведение итогов будет в комнате боевой славы.

И продолжил доклад.

Отношения с полковником И. С. Замогильным — как в сказке. Чем дальше, тем страшнее. На следующий месяц подведение итогов было в комнате боевой славы. Но это мне стоило невероятных усилий. Только один пример (а их были десятки). Приходит ко мне секретарь партийной организации технического дивизиона и говорит:

— Вы приказали выделить художника для оборудования комнаты славы, а командир сказал, что не даст.

— Передайте командиру дивизиона, чтобы явился ко мне.

Приходит командир дивизиона. Я вынимаю из сейфа инструкцию ЦК КПСС партийным организациям Советской Армии и в течение часа ее читаю.

— Все понял? — спрашиваю его.

— Так точно. Срочно вызываю с позиции столяра и художника и направляю в распоряжение начальника клуба.

— Идите!

Проходит несколько дней. Опять приходит секретарь парторганизации и жалуется, что людей на комнату славы командир не дает. «Я ему сказал, что доложу Гофману, а он ответил, что положил на Гофмана...»

Даю команду дежурному по штабу вызвать ко мне командира технического дивизиона.

Приходит. Вяло, небрежно докладывает. Я с большим трудом сдерживаю себя, чтобы не сорваться. Опять читаю ему инструкцию партийным органам Советской Армии.

— Я все понял.

— Ничего ты не понял. Готовься на парткомиссию. Будем решать вопрос о твоём пребывании в партии.

Рассказал об этом случае потому, что он возникнет на Военном совете армии. Я понимал, что дело не в нем, а в командире части. Подчиненные тонко улавливают взаимоотношения командира с начальником ПО. Надо заканчивать комнату славы и браться за командира. Я узнаю, что при переезде в Коростень из Москвы привезли несколько вагонов леса, металла, и командирские холуи, в том числе и командир технического дивизиона, торгуют неучтенными материалами, а выручку сдают командиру. Вызываю особиста. После расстрела Берии их поставили на партийный учет в политические отделы, а по оперативной работе они подчинялись своему начальству.

— Подполковник Мохов, даю вам партийное поручение. Надо разоблачить шайку торговцев стройматериалами.

Недели через две он приходит ко мне и показывает документы, что командир присвоил 16 тыс. рублей. В то время это — две «Волги».

3 января 1963 г. Военный совет армии в полном составе прилетает в Коростень для решения вопроса об отстранении полковника Замогильного от занимаемой должности. Я — докладчик на Военном совете.

Не буду утомлять читателя ходом заседания. Приведу один эпизод.

Покрышкин спрашивает Замогильного:

— Гофман приводил примеры твоего грубого, хамского отношения к подчиненным. А как вел себя Гофман?

Замогильный отвечает:

— Еще хуже, чем я. Пусть он расскажет, как он оскорблял командира техдивизиона.

Я рассказал, как я ему читал инструкцию и чем закончилась наша беседа. Покрышкин:

— Гофман, так ты еще молодец, я б этому командиру морду набил.

Военный совет отстранил от должности командира полка и решил передать материалы в прокуратуру для привлечения к уголовной ответственности всей шайки-лейки.

Военный трибунал приговорил Замогильного к трем годам заключения. Ни тогда, ни тем более сейчас я не злорадствую. Замогильный был талантливым организатором, строгим, требовательным командиром, и очень много сделал, чтобы часть стала отличной. Погубило его зазнайство. Он мнил себя Наполеоном. Когда наши взаимоотношения достигли «критической точки», я ему рассказал такую байку: в селе, где я родился, жил интересный мужик. Ему часто снилось, что он наделал полные штаны. Просыпается — полные карманы золота. А однажды ему приснилось, что он весь в золоте. Проснулся весь в дерьме...

Наверное, Замогильный не понял сути байки. А может, его подвела моя фамилия.

На моем веку мне встречалось немало руководителей, которым снилось, что они в золоте.

Считаю своим долгом рассказать еще об одном поступке Замогильного, который убедит читателя, что он действительно был человеком сильным.

Дивизией в то время командовал сын председателя Президиума Верховного Совета Украины генерал А. Д. Коротченко. После снятия Замогильного около года он меня в упор не видел. В один прекрасный день прилетает в часть. Он был классным летчиком. Мы с новым командиром встретили его на аэродроме. Я отдал ему честь. И вдруг впервые генерал подает мне руку.

Обычно они обедали с командиром вдвоем. А тут командир говорит, что Коротченко сказал, чтобы я был на обеде. После обеда Коротченко приглашает нас с командиром в 19.00 в гостиницу на преферанс. В назначенное время приезжаем. Номер «люкс». Для преферанса все готово. На одном столе

— новые нераспечатанные карты. На другом — все для дружеского ужина. Он нас предупреждал, чтобы мы ничего с собой не брали. Играем. Никак не пойму, почему изменилось ко мне отношение?

Зачем меня пригласили? Неужели только потому, что нужен был третий? А тут еще Коротченко «сел» на мизере и на довольно приличную сумму. Есть такое правило в преферансе: кто «сел» на мизере, тому наливают. Налили проигравшему. Он выпил и предложил сделать небольшой перерыв. Вынимает из кармана письмо и говорит, что его прислал из мест заключения полковник Замогильный. И зачитывает письмо. Не буду его пересказывать, передам лишь суть. У Замогильного я был седьмым начальником политотдела. И если бы Гофман был не седьмым, а первым, он бы не сидел в тюрьме; что он для армии мертвец, но армия ему не безразлична, и просит генерала ценить Гофмана. Это политработник, который заслуживает уважения.

Поверьте мне, что рассказал не для того, чтобы похвастаться, а показать, что Замогильный был действительно незаурядной личностью. Нашел в себе мужество оценить объективно свои и мои действия. Коротченко прочитал письмо, пожал мне руку и сказал:

— Яблоков (это новый командир) хвалил тебя. Я ему не верил, думал, что он тебя боится.

Замогильному верю. Только ты не зазнавайся. Будет трудно — обращайся.

Вообще-то генерал Коротченко был умным и добрым человеком. Любил шутку и умел шутить.

Примеров много. Приведу несколько.

Идет подведение итогов боевой и политической подготовки полка за год. С докладом выступает Коротченко.

— Мне написали одни недостатки, — говорит генерал. — Если я с этого начну, то Гофман на очередном партийном активе выступит и скажет, что год личный состав трудился, а Коротченко и его штаб ничего хорошего не нашли. Я нашел положительный пример. У вас возле штаба хороший цветник. Он мне понравился. А теперь слушайте недостатки.

На меня написали анонимку, что я излишне строг, пропиваю спирт, который предназначен для обслуживания техники. Была комиссия из политотдела армии во главе с полковником Ганзюком. Ничего не подтвердилось.

Я рассказал об этой анонимке генералу Коротченко.

— Что это за анонимка! Вот на меня пишут анонимки. Берут газету «Правда», вырезают буквы, наклеивают и отсылают в ЦК. А ты расстроился.

Ему присвоили звание генерала. Отец приглашает по такому случаю Политбюро Компартии Украины во главе с Шелестом на вечер. Настроение у всех прекрасное. Но весь вечер хвалят не виновника веселья, а его жену. Это дочь выдающегося оперного певца Патор-жинского.

Поднимается Коротченко и говорит: «Все, что говорили о моей жене хорошего, это правда. Она еще лучше, чем вы тут говорили. Я вспомнил анекдот. Банкет по подобному случаю, как у нас. И жена говорит мужу: «Ваня, ну кто ты? А спать будешь с генеральшей». Я на этом банкете не был. Это мне рассказал мой друг генерал авиации А. М. Беликов.

В заключение хочу сказать, что наши отношения с генералом Коротченко были самыми добрыми. Пока отец был у руля, его хвалили. Отца не стало — руководство круто изменило к нему отношение. Об этом он мне сам с грустью рассказывал.

Нет смысла продолжать список моих сражений с хамами, с теми, кто признавал только два мнения: свое и неправильное. Попутно хочу заметить, что хамы обычно хамят младшим по службе, а перед начальством юлят и стоят на задних лапках.

Не хочу, чтобы у читателя сложилось ложное мнение, будто бы я всю почти сорокалетнюю службу в армии сам не жил и другим жить не давал. Написал на одного — сняли, написал на другого — посадили и т.д. Дело в том, что этих наглых, нечистоплотных людей многие просто не хотели замечать. Так спокойнее жить.

Расскажу поучительную историю. Думаю, она будет к месту. Взводу солдат по какому-то событию предстояло дать трехкратный залп холостыми патронами. Стоит солдат в строю и решает, что стрелять не будет. Ведь никто не заметит, а ему карабин чистить не надо будет.

Командир взвода командует «Пли!», а никто не стреляет. Оказалось, что весь взвод так думал.

Наверное, я принадлежу к тем людям, которые не сваливают выполнение своих обязанностей на других. Однажды армянское радио спросили: какой зверь самый опасный? Оно ответило: легко раненный кабан. Поэтому я начинал бой, когда был уверен, что правда восторжествует. У преферансистов есть такое понятие — «неловле-ный мизёр» — это когда выигрыш не подлежит сомнению.

К счастью, на моем тернистом жизненном пути больше встречалось людей порядочных, умных, волевых. Это были личности. Они умели жить, думать, чувствовать, дружить. Я уже писал о генерале Коротченко, полковнике Тарасове.

Был у меня самый верный, самый надежный друг — авиатор генерал Беликов.

Так случилось, что по службе мне пришлось общаться с командующим армией генерал-лейтенантом Покрышкиным. Я до сих пор ношу наручные часы, на которых выгравировано «Майору Гофману И. Д. за усердие по службе. Генерал Покрышкин. 12.12.1964 г.»

Летом 1965 года генералу Покрышкину позвонили из ЦК КПСС, что в 8-ю армию ПВО планируется направить делегацию политических работников Войска польского для обмена опытом работы.

Видно, доложили командующему армией, что в ракетной части, где начальником политического отдела Гофман есть что показать и рассказать.

Покрышкин с большой свитой прилетает в Коростень, чтобы лично в этом убедиться. Звонок из ЦК КПСС обязывает.

Поводил я их по ленинским комнатам, кабинетам марксистско-ленинской подготовки офицеров, показал клуб, библиотеку, комнату боевой славы части, наглядную агитацию в военном городке. Покрышкин говорит мне:

— Кто тебя сюда назначил? Служил бы в Киеве или в Крыму. Показали бы им, что ты тут нарисовал, а вечером пригласили бы гостей в ресторан, театр. Что я с ними буду делать в твоём... Коростене?

— Товарищ командующий, переведите меня в Киев, я и там так сделаю.

— Об этом будем говорить после отъезда делегации.

Но поляки почему-то не приехали в нашу армию. Разговор о моем переводе в Киев не состоялся.

Самые добрые чувства у меня сохранились к Роману Андреевичу Руденко. Будучи главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском трибунале, по окончании процесса он нашел время написать личное письмо командующему 8-й гвардейской армией генералу Чуйкову, где благодарил меня, сержанта Гофмана, за службу и просил предоставить мне месячный отпуск.

Коротко расскажу еще об одном умном порядочном человеке, командире полка полковнике Ширяеве. Не скажу, что мы были друзьями, но где-то больше, чем товарищами. Пришел приказ о присвоении мне очередного звания — майора. Ширяев говорит:

— Не будем обмывать твоё звание в Николаеве. Предлагаю по такому торжественному событию осчастливить Одессу.

В воскресный день командир, начальник штаба подполковник Кирсанов, заместитель по политической части подполковник Клим-чук и я — молодой майор — на командирском «газике» едем в Одессу. Это где-то 120 км от Николаева. Решили обосноваться в ресторане «Красный». Командир положил майорскую звезду в бокал (не в рюмку) с коньяком. Я выпил содержимое бокала и достал звезду. Так я был принят в старшие офицеры. Меня обнимают, хлопают по плечу, желают присутствовать при обмывании моего генеральского звания. Где-то в 10 часов вечера Ширяев приглашает руководителя ресторанного оркестра, вынимает пачку пятирублевых купюр и говорит:

— Сколько здесь пятерок, столько раз играй марш артиллеристов.

Оркестр несколько раз подряд играет марш. Народ стал роптать.

Подходит капельмейстер к Ширяеву и спрашивает:

— Можно, мы будем играть марш через раз?

— Нет, играй на все пятерки подряд. (А их было штук 25-30).

Кто-то сообщил в комендатуру. Заходит патруль и говорит, что военный комендант города Одессы приглашает полковника в машину.

Комендант велел следовать за его машиной в комендатуру. Кирсанов любил петь «Гуцулку Ксению», особенно когда был «под ша-фе». Едем по ночной Одессе. Кирсанов во всю глотку поет свою любимую песню. Дальше интересного мало.

Нет-нет, это были очень приличные люди. Ширяев был одним из самых грамотных артиллеристов Одесского военного округа. Вскоре он был назначен командующим ракетными войсками армии во

Владивосток. Кирсанов — командиром полка. На повышение пошел и прекрасный человек, политработник от Бога замполит Климчук. Они были настоящими офицерами, умели добросовестно службу нести и весело отдыхать. Кроме того, они были классными преферансистами.

Несмотря на то, что я достиг возраста, где я еще кому-то нужен, но изредка, не слишком и по делу, у меня есть верные друзья. Они, как хороший коньяк, с годами не теряют крепости и становятся лучше. Я придерживаюсь принципа, что дружба и чай хороши, когда они крепкие и не очень сладкие.

Как-то мне рассказали притчу о том, как старый человек обратился к Богу с просьбой продлить ему жизнь. Бог ответил, что может продлить жизнь на столько лет, сколько у просящего друзей. И старик загрустил. Если это так, то мне еще рано грустить.

Судьба пока ко мне благосклонна. Прошел пекло войны и был только раз ранен и раз контужен. Многие в моем возрасте жалуются, что старость не радость. Я же встретил ее с улыбкой и сказал: «Спасибо, что пришла. Ведь могло так случиться, что мы и не встретились бы». Кредо моей жизни: «Не умирать раньше смерти».

...А за мгновеньем — дни и годы Бескомпромиссной, честной жизни.

Ты не искал помельче брода.

Всегда был риск, отвага мысли.

Е. П. Лавриненкова

16

Человек из больших букв

После опубликования моей книги «О прошлом во имя будущего» жена дважды Героя Советского Союза Владимира Дмитриевича Лавриненкова Евдокия Петровна прислала мне две книги с теплыми дарственными надписями.

«Возвращение в небо». Это волнующий рассказ генерала Лавриненкова о боевых подвигах летчиков-сослуживцев и о своей нелегкой, порой трагической судьбе в годы Великой Отечественной войны.

Вторая — «Легендарный Лавриненков». У могилы легендарного летчика-истребителя генерал-полковника В. Д. Лавриненкова его друзья и товарищи поклялись создать книгу-воспоминание о нем, раскрыть все грани характера этой необычной, незаурядной личности.

Свою клятву они сдержали. В книге 54 друга, товарищи, соратники пишут о встречах с ним. Вот несколько названий очерков: «Больше таких не встречал», «Честный боец», «Жил для людей», «Горячее сердце», «Невероятно прост и доступен», «Нравственный пример».

Я прочитал обе книги, как говорится, на одном дыхании. Вспоминал о моих встречах с Владимиром Дмитриевичем Лавриненко-вым, о его добром отношении ко мне. Позвонил Евдокии Петровне в Киев. Поблагодарил за книги, рассказал о моих встречах с Владимиром Дмитриевичем и о том, что пишу новую книгу, обещал написать свои воспоминания о нем.

Судьба несколько раз дарила мне встречи с этим легендарным человеком.

В. Д. Лавриненков — человек, каким Бог хотел видеть созданных им людей.

О нем написано много. Мне больше всего импонировало в нем доброе отношение к человеку, независимо от воинского звания и занимаемой должности. Он был доступен, несмотря на две Золотые Звезды Героя.

За многие годы службы в армии я повидал многих и разных начальников — и надменных, которые считали, что земля вертится лишь благодаря их усилиям, и тех, кто играл роль рубахи-парня. Авторитет, уважение подчиненных, успехи по службе Владимира Дмитриевича базировались на его моральной безупречности. В подтверждение этой мысли приведу несколько примеров.

Год 1965-й. Город Коростень Житомирской области. Прилетает заместитель командующего армией генерал-лейтенант Лавриненков. Мы с командиром его встретили. После краткого разговора о служебных делах Владимир Дмитриевич говорит, что приехал не по службе, а по долгу боевой дружбы. Весь день будет занят, а после 17.00, если у нас будет время и желание, то будет ждать в гостинице. Естественно, у нас оказалось и время, и желание.

Владимир Дмитриевич рассказывал о своем первом боевом вылете, что вышел из боя, не выпустив ни одной очереди. Как сбил первый фашистский самолет. Подробно рассказал о воздушном бое, который принес Герою Советского Союза старшему лейтенанту Лавриненкову много бед.

Генерал Лавриненков подробно рассказал о воздушном поединке с фашистским летчиком, который кончился тем, что он попал в плен. Думаю, что читателю будет интереснее прочитать воспоминания самого легендарного летчика об этом поединке, чем мои воспоминания сороколетней давности.

«Этот вылет, принесший мне столько испытаний, и начался-то не так, как другие. Как я уже упоминал, наш полк в тот день вообще не получал никаких заданий и вдруг:

— Полететь четверкой, непременно уничтожить «раму»!

Возможно, командарм сформулировал цель нашего полета не в столь категоричной форме, но мне было понятно: «раму» надо сбить. Иначе для чего выделены четыре истребителя на одного корректировщика?

Мой самолет был неисправен, и командир полка тут же предложил свой.

Я летел на машине Морозова, имевшей номер 01. Но вдруг услышал в наушниках: «Сокол-17, не узнаю вас!» Говорил кто-то из тех, кто находился на командном пункте нашей воздушной армии или штаба фронта. «Выходит, там знали, кто ведет морозовскую машину! А я непрослительно промазал... Любой ценой надо немедленно сбить вражеского разведчика!» — решил я.

Но сперва необходимо было ответить на голос земли. Я включил передатчик.

— Я — Сокол-17. Надеюсь, в ближайшие минуты вы узнаете меня. Я — Сокол-17. Прием.

«Рама», видимо, уже сфотографировала позиции советских войск и, петляя, устремилась под огневую завесу своих зенитчиков.

Я пошел в атаку...

До «фокке-вульфа» оставалось метров пятьдесят-семьдесят. Я выдержал еще секунду. Трассы прошли оба фюзеляжа. Стрелок не ответил. Дальше все совершалось будто само собой. Я хотел обойти «раму». Но то ли мой самолет развил столь большую скорость, что я не успел отвернуть в сторону, то ли «рама», потеряв управление, произвольно скользнула туда же, куда сворачивал я?! А может, причиной всему был необычно широкий фюзеляж «фокке-вульфа»? Только нам двоим не хватило места, чтобы разминуться.

Крылом «кобры» я задел хвостовое оперение «рамы». От удара меня бросило вперед. Грудью натолкнулся на ручку управления, головой ударился о прицел.

Мой самолет с одним крылом (второе отломилось), переворачиваясь, падал к земле. От резких движений при падении я очнулся. Правой рукой сильно нажал на аварийный рычаг. Дверцу словно вырвало ветром. Попробовал продвинуться к отверстию, помешали ремни.

Освободившись от них, я вывалился на крыло. Струей воздуха меня смело с него.

Чтобы ускорить спуск парашюта, натянул несколько строп и, наматывая их на руку, перекошил купол.

Уже взорвались оба падавших самолета. Уже «кобры» моих товарищей растаяли в синеве...

Родная земля принимала меня не так, как я рассчитывал. Я падал слишком быстро и мог покалечиться. Пришлось выпустить из рук стропы. И тут же услышал, как мимо просвистела пуля — она прострелила купол. Мне сдавило горло. Я закашлялся, ртом пошла кровь. Наконец

почувствовал под ногами мягкую землю. Парашют немного протащил меня. А затем несколько гитлеровцев схватили меня и поволокли в траншею. Навалились, придушили, обезоружили, начали обыскивать.

Рядом, громко переговариваясь, немецкие солдаты сминали, сжимали белое полотнище моего парашюта.

Потом услышал над собой властный голос, и цепкие руки, державшие меня, разжались. Один из гитлеровцев взял меня за плечо, помог подняться.

Офицер подтолкнул меня, солдаты расступились. Я догадался, что надо идти.

Тяжко идти, не ведая куда. Продвигаясь по узкой траншее, я боялся выстрела в затылок, боялся, что не успею бросить в лицо врагу свое проклятье».

После долгих допросов и побоев военнопленного Лавриненкова переводят в пересыльный пункт в Днепродзержинске. Там он подружился с бывшим летчиком капитаном Виктором Карюкиным.

Виктора Карюкина судьба не баловала. Летом 1943 года он на «кукурузнике» вез в штаб армии секретные документы. Самолет попал в туман, пилот сбился с курса, потерял ориентировку. Гитлеровцы обстреляли беззащитный самолет, и он упал в расположение противника. Летчик погиб, а Карюкина, раненого, окружили фашисты. Отстреливаясь, он зубами рвал документы, и все же некоторые из них попали в руки врага.

Несколько раз в день его вызывали на допросы. Избитого, после допроса, волокли в камеру и швыряли на пол.

Доставалось на допросах и Лавриненкову. Когда почти все было готово к побегу, их двоих поездом повезли в Берлин в ставку Гитлера. Где-то в районе Фастова им удалось выпрыгнуть с идущего поезда. Бежали всю ночь. Утром зарылись в стог соломы, проспали почти сутки. Благодаря местным крестьянам нашли партизан. Партизаны вели себя осторожно, не сразу приняли их в отряд.

Лавриненков воевал в партизанском отряде имени Чапаева, пока Советская Армия не освободила Переяслав-Хмельницкий. Он тепло отзывался о партизанах, их смелости, боевой дружбе. Особенно отмечал партизан Ломака, Ткипко, Процько.

Прошу читателя запомнить последнюю фамилию.

Так завершился трудный воздушный бой Героя Советского Союза старшего лейтенанта В. Д. Лавриненкова. Вскоре он вернулся в свой полк и продолжал сбивать немецкие самолеты.

Читатель, наверное, ждет развязки этой истории. Зачем же генерал прилетал в город Коростень?

Оказывается, что несколько месяцев назад В. Д. Лавриненков узнал об аресте партизана Ильи Артемовича Процько, работавшего в то время директором фарфорового завода в Коростене.

Генерал долго пытался попасть на прием к прокурору республики Панасюку. Удалось только при содействии Александра Ивановича Покрышкина.

Разговор с прокурором был нелिцеприятным. Не выслушав генерал-лейтенанта Лавриненкова, прокурор заявил: «Если бы у вас было еще две золотые звезды, генерал, и тогда бы я не освободил жулика и расхитителя».

Лавриненков возразил прокурору: «Процько — честный человек, он не пойдет со своей совестью на сделку, приписанная ему недостача товаров на сумму 60 тысяч рублей — это блеф. Я буду бороться за него до конца».

В эти дни в Коростене судили директора фарфорового завода Процько. В. Д. Лавриненков прилетел в Коростень, чтобы выступить на суде. Он рассказал, что обратился к суду с просьбой не лишать Процько свободы, что он был смелым разведчиком, пролил кровь за Родину, награжден правительственными наградами. «Степень вины установит суд. Я знаю его как честного человека. Если виновен, то пусть возместит ущерб. Прошу не лишать его свободы».

Однако суд приговорил партизана Процько к длительному сроку заключения. Генерал сказал, что будет бороться за свободу партизана и не оставит его в беде.

Правда восторжествовала. Процько освободили, сняв с него все обвинения, благодаря неустанному ходатайству Владимира Дмитриевича.

Я был знаком с Ильей Артемовичем. Он посещал нашу часть. Пополнял иногда солдатскую столовую приличной посудой.

После освобождения мы с ним встретились. Он был надломлен. С болью рассказывал, как над ним издевались в тюрьме. Подсаживали к нему в камеру «уток». Но своей вины не признал. Он

благодарил Владимира Дмитриевича Лавриненкова за его благородство, за то, что не забыл партизанскую дружбу.

И к моей судьбе генерал Лавриненков не остался равнодушным.

Где-то поздней осенью 1973 года вечером звонит мне домой командир дивизии генерал Яковлев. «Сегодня член Военного Совета армии Стопников, в связи с войной между Египтом и Израилем, приказал тебя уволить. Я ему ответил, что в Донецке на такой же должности служит подполковник Бондарь. Он на год старше Гофмана. Давайте в этом году уволим Бондаря, а в будущем году — Гофмана. Стопников стал настаивать, чтобы уволили тебя. Тогда я ему сказал, что Бондарь тоже еврей, и получил команду уволить вас обоих».

Я стал уговаривать генерала, чтобы он не беспокоился. Пенсию я уже заслужил, мне надоели наскоки на меня. Пусть увольняют.

«Нет. Я тебя выслушал, теперь ты выслушай меня. Командующий армией завтра утром улетает в Москву на операцию. Я ему утром позвоню домой. Он тебя знает. И попрошу тебя не увольнять. Почему завтра, а не сегодня? Сегодня Стопников его уговорит. А завтра, когда Лавриненков улетит, я позвоню Стопникову, что командующий армией приказал Гофмана не увольнять. Не будет же он звонить в госпиталь о такой фигуре, как Гофман».

Так и было. Лавриненков дал указание меня не увольнять. Я еще три года служил.

Владимир Дмитриевич перенес очень сложную операцию. Все прошло удачно. Выдающийся военачальник, справедливый человек генерал-полковник Лавриненков прожил еще 14 лет. Это Всевышний продлил ему жизнь за все его добрые дела. Пухом ему земля. Светлая память о Владимире Дмитриевиче будет жить, пока живы все, кто его знал, их дети и внуки.

Еще была одна встреча. Я о ней забыл. А вспомнил, когда читал интервью Евдокии Петровны газете «Комсомольская правда в Украине».

Корреспондент спрашивает:

— Что предпочитал из еды генерал дома?

— Да так, непритязателен. Щи — такие, чтоб ложка стояла. Ну и селедочку к водке. Всякие там виски не любил.

И тут я вспомнил приезд генерал-полковника Лавриненкова в Полтаву.

Позвонили из штаба армии (это было где-то в середине 70-х): в Полтаву прилетит командующий армией, по личным делам. Ответственный за встречу и организацию отдыха в течение двух дней полковник Гофман. Командир был в отпуске.

Сразу же доложил начальнику гарнизона генерал-лейтенанту Василию Сидоровичу Образу. У нас с ним были добрые отношения. О нем можно и нужно писать книги. Это был умнейший генерал.

К приезду командарма все было готово. По моей просьбе генерал Образ на 2 дня дал свою служебную «Волгу». В нашей части были только «газики». Продуман маршрут экскурсии. Подобран самый эрудированный экскурсовод. В банкетном зале гарнизонной столовой накрыт стол. Армянский коньяк, вино, конфеты. Вроде все предусмотрено.

В 14.00 генерал-полковник и его попутчики подъехали к столовой. Все сели за столы. И тут командарм обращается ко мне:

— А нет ли в Полтаве простой русской водочки?

— Товарищ командующий, в Полтаве, как в Греции, все есть.

Нахожу заведующего столовой и прошу, чтобы поставили на стол бутылку водки.

— Мы водкой не торгуем. Кажется, есть только «сучок».

Это был самый низший сорт водки. А магазин закрыт на обед. Рядом стоит официантка, которая обслуживала банкетный зал, и успокаивает меня:

— Не беспокойтесь, у меня есть пустая бутылка из-под «Столичной». Я сейчас туда перелью «сучок», перед генералом открою пробку и все будет в порядке.

Я не знаю, понял ли генерал, что водка не «Столичная», скорее всего, понял, но упреков ни за низкое качество водки, ни по поводу обеда не было никаких.

Во время обеда вел себя демократично. Никого ни разу не перебил. Он соблюдал приличия не ради этикета, а потому, что иначе не мог.

На этом можно было бы завершить небольшую страничку, вернее, абзац из большой книги жизни легендарного летчика, человека из больших букв, Владимира Дмитриевича

Лавриненкова. Однако было бы несправедливо, если бы я ничего не сказал о его верном друге, жене «высшей квалификации» Евдокии Петровне.

Она рассказывала: «Мы познакомились, когда мне еще и восемнадцать не исполнилось... Это было в 1944 году. Папа работал во внешней разведке ГРУ. Собирался в командировку в Норвегию, а перед этим получил семейную путевку. В санатории и встретился Владимир Дмитриевич. ...К этому времени он уже был дважды Героем Советского Союза, имел на счету больше сотни воздушных боев и около 50 сбитых вражеских самолетов, командовал полком истребителей. От роду комполка было 25 лет.

Ой, я сразу влюбилась. ...Чтобы слишком красавец, так нет. Просто настоящий мужик. Лицо сильного человека, взгляд... Женщина такого чувствует.

Уже позже Ольга Чкалова сказала: «Твой — как мой Валерий Павлович. Держись, деточка, будет нелегко. Он тебя подчинит».

Но я сама быстро в плен сдалась. Знаете, есть такие натуры, у которых быть пленницей хочется».

В очерке «Умеем дорожить мы дружбой» Евдокия Петровна пишет:

«Однажды меня спросили, что такое счастье. Это было во время тяжелой болезни Владимира Дмитриевича, когда он находился на операции в Москве, а я жила там у своей мамы. Ездил к нему каждый день и была там с утра до вечера, не зная, что принесёт нам следующий день.

Когда я уходила, было уже темно. В палате на втором этаже горел свет, и я, проходя мимо корпуса, видела его, стоящего у окна и провожающего меня взглядом.

Что передумал он за время болезни — тяжелой, безысходной? Но ни разу не жаловался, не ныл. Боролся.

А на тумбочке около постели лежали стихи Гамзатова. «Журавли»...

На несколько дней я уехала в Киев, и, будучи на юбилей одного из друзей В. Д., мне был задан вопрос о счастье, о женском счастье. «Счастье — это когда проснёшься, протянешь руку, а муж рядом», — ответила я. Тогда я особенно это чувствовала.

В. Д. Лавриненков... В этом имени и с этим именем — вся моя жизнь.

Я часто вспоминаю Илью Эренбурга, прекрасного писателя. Он говорил: чтобы оценить и почувствовать красоту и величие построенного здания, нельзя смотреть на него, стоя возле подъезда. Надо отойти. И тогда на фоне неба, природы, движения жизни мы увидим все его достоинства в значительно большей мере.

Чем больше проходит времени без В. Д., тем больше я узнаю о нём как о человеке, командире, друге.

Порой я слышу от совсем незнакомых людей, которым пришлось встретиться с В. Д., несколько фраз, несколько небольших случаев, но как они характеризуют В. Д.!.. Не потому, что люди хвалили его — просто рассказывали какие-то небольшие эпизоды из жизни, казалось бы, совсем обыденные, но в них вся суть его души и натуры: прекрасный командир, хороший друг, мировой мужик.

От себя могу добавить — хороший и верный муж и отец. Он в своём сердце хранил верность друзьям: фронтовым, с кем учился, с кем работал, с кем был в годы юности, просто людям, с которыми его столкнула жизнь и которые пришлись ему по душе.

Двери нашего дома всегда были открыты для всех. В. Д. был радушным хозяином. В доме у нас побывало много интересных людей: сослуживцы, фронтовики, друзья, были просто случайные встречи. Всех В. Д. принимал с уважением, но всегда был верен словам:

Умеем дорожить мы дружбой,

С годами дорожим вдвойне:

Цена товарищей по службе, —

В сто крат — с кем были на войне!

Наша дружба с А. И. Покрышкиным и его семьёй — большой кусок жизни и сердца. Они оба уважали и любили друг друга мужской немногословной любовью. Друг друга понимали с полуслова.

Будучи в Киеве во время второго нашего приезда, В. Д. был заместителем Александра Ивановича. Это были прекрасные годы. Работали, полностью доверяя друг другу, как говорил В. Д.: «не оглядываясь».

В жизни не всё было просто. Путь не был усеян лаврами. Но он шёл не сгибаясь, в полный рост. Отстаивал своё мнение, не считаясь с авторитетом и гневом начальства. А дома часто изливал свою душу, делился событиями, переживаниями. Был хорошим мужем — это не значит, что сдувал с меня пылинки и говорил всё время, как я тебя люблю. Нет. Но я знала, всегда знала, что его крепкая рука меня поддержит, и на его плечо можно опереться в любую трудную минуту. Он был хорошим отцом, хорошим сыном и братом для всей своей большой семьи. Я всегда старалась быть рядом. В одном из моих стихотворений памяти В. Д. есть такие слова: «Твоею жизнью жизнь прожита». Да, это так. Я была как бы «запасным крылом», которое всегда было готово поддержать его. Он мне отвечал тем же.

На вешалке уже больше 12 лет лежит его фуражка. Когда я открываю дверь, первая мысль: он дома! Да, он всегда дома, со мной.

М. К. Покрышкина после смерти Александра Ивановича подарила мне свою книгу воспоминаний с надписью: «Благодарю тебя за дружбу длиной в целую жизнь».

Я могу сказать в память о В. Д.: «Благодарю тебя за любовь длиной в целую жизнь».

Евдокия Петровна наделена поэтическим даром. Ее стихи берут за душу. Веришь, что это написано искренне, ее добрым и умным сердцем. Вот только два стихотворения.

Именем генерала Лавриненкова был назван красавец-теплоход. В Киевском речном порту теплоходу была устроена волнующая торжественная встреча. Был митинг. Затаив дыхание, участники митинга слушали Евдокию Петровну, читавшую свое стихотворение:

...И теперь по Днепру Теплоход белокрылый,

Продолжая судьбу,

Понесёт твоё имя,

Продолжая твой путь,

Продолжая судьбу.

Я встречаю его,

Как былую весну.

А над ним журавли Пусть парят в небесах,

И в одном из них ты,

Как солдат на часах.

Пускай хранит моя мольба Корабль белокрылый,

С волной уходит прочь беда,

А ты плыви, мой милый...

17 мая 1980 года, когда легендарному летчику Владимиру Дмитриевичу Лавриненкову исполнилось бы 70 лет, в Киеве состоялось торжественное открытие памятного знака — мемориальной доски. И это было сделано по инициативе и при активном участии Евдокии Петровны. В честь этого события она написала стихотворение «Мемориальная доска»:

Ты не искал помельче броду.

Ты шёл на риск, отважно мыслил,

Умел всё видеть и предвидеть,

Мог разобраться, что и как,

Умел любить и ненавидеть.

И знал: где дело, где пустяк.

Любил ты Родину не словом,

А честной и большой душой,

И под её прошёл покровом Не иждивенческой судьбой.

Извини меня, читатель, что так много цитировал Евдокию Петровну. Это святая женщина. Мне хотелось бы, чтобы ты проникся к ней уважением.

Говорят, что Бог парует. Эта супружеская пара достойна восхищения и подражания. В них Всевышний вложил все свое умение.

Спасибо Вам, милая, умная, добрая Евдокия Петровна, за то, что Вы были настоящей боевой подругой, крепким тылом Владимира Дмитриевича. Спасибо Вам за необыкновенную душевную красоту, тонкую внутреннюю культуру, за то, что вокруг Вас создается удивительное ощущение чистоты душевной. Многие Вам лета.

P.S.

Книга о Владимире Дмитриевиче «Легендарный Лавриненков» издана всего-то в 500 экземплярах. Мне хотелось, чтобы о «человеке из больших букв» узнало больше людей. А мои встречи с ним — просто повод для написания этой главы.

Преступления, которые мы
стремились осудить и наказать,
столь преднамеренны, злостны и имеют столь

разрушительные последствия,
что цивилизация не может потерпеть, чтобы
их игнорировали, так как она погибнет,
если они повторятся...

Главный обвинитель от США Р. Джексон

17

Действовать до катастрофы, а не после

Прошло более шестидесяти лет с тех пор, как победоносные армии Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции сломали хребет фашистскому зверю и спасли человечество от гибели и фашистского порабощения.

Гитлер планировал в молниеносной войне разгромить Советский Союз, захватить его богатства, превратить в рабов наш народ и открыть тем самым себе путь к мировому господству.

Говорил же Гитлер своему фотографу, снимаясь в Париже на фоне Эйфелевой башни летом 1940 года: «Снимай, затем снимешь меня в Букингемском дворце, а там и перед небоскребами...». Единственным серьезным препятствием к тому, чтобы Гитлер сфотографировался в Букингемском дворце, а затем и перед небоскребами, был Советский Союз.

Однажды фюрер в беседе с Геббельсом сказал: «На нашей совести уже столько всего, что мы должны победить любой ценой, иначе весь немецкий народ с нами во главе будет стерт с лица земли вместе со всем, что нам дорого».

Благодаря героическим усилиям советского народа фашизм потерпел полное политическое, военное, экономическое и моральное поражение.

К сожалению, в руки правосудия попала, не считая Геринга, не главная когорта правителей фашистской Германии.

Гитлер отравился. Он боялся, что его будут возить «в железной клетке на потеху публике». Его участь разделили министр пропаганды Геббельс и главный палач рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. А вот шеф Гестапо Генрих Мюллер исчез без следа, как и Мартин Борман, «серый кардинал» Гитлера, но его приговорили к смерти заочно. Лей незадолго до суда повесился в тюрьме.

Советский Союз и англичане настаивали на том, чтобы предать суду военного промышленника Густава Круппа. Но специальная комиссия, состоящая из видных врачей, в том числе и советских, пришла к выводу, что он уже не жилец.

В последующем вместо Густава Круппа американским военным трибуналом был осужден его сын Альфред.

В Нюрнберге судили не только два десятка кровавых преступников. На скамье подсудимых судили фашизм, его идеологию. Кто-то из философов сказал, что идеи имеют ноги и руки. Те, кого судили в Нюрнберге, сделали все, чтобы идеи «Майн кампф» претворялись в жизнь.

Трибуналу были предоставлены неопровержимые доказательства неслыханной жестокости, садизма, моральной деградации всей фашистской системы.

Незадолго до окончания процесса главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко, выражая волю всех честных людей мира, призвал суд:

«Да свершится же над фашистскими палачами Суд народов, суд справедливый и суровый!».

Суд свершился.

Кровь миллионов жертв, жестокость и мракобесие фашизма останутся его виной на веки веков.

Масштаб злодеяний гитлеровской банды слишком велик, чтобы человеческий ум мог их охватить. Когда перед нами встают миллионы убитых, замученных, отравленных в газовых камерах, сожженных в крематориях гитлеровским режимом, человеческий разум отказывается воспринимать эти чудовищные злодеяния.

Невероятно, но факт: в XX веке человеческие существа причинили невероятные страдания миллионам себе подобных.

Самые ужасные преступления, от которых стынет кровь, совершенные императором Нероном, Аттилой, Чингизханом, самыми кровожадными тиранами всей мировой истории, бледнеют по сравнению с ужасами уничтожения, которые были совершены Гитлером и его подручными. Гитлеровские банды за двенадцать лет существования фашистского рейха погубили больше людей, чем все уголовники мира за всю историю человеческой цивилизации.

Об этом надо говорить сегодня, чтобы напомнить о той опасности, которая грозила человечеству и от которой оно было избавлено благодаря героическому подвигу советского народа, понесшего огромные жертвы во имя спасения человеческой цивилизации от фашистского варварства.

Всеволод Вишневский писал в репортаже из Нюрнберга:

«Да, все это было. И пусть память наша не упустит ничего. Пусть она, и здравый смысл, и неумирающая вера наша в светлый мир, в любовь и дружбу, в братские начала человеческого труда, в общий прогресс помогут нам начисто и навсегда убрать из этого мира кошмар фашизма».

Нюрнбергский процесс вынес приговор не только фашистским главарям, но и всем тем силам, которые и сегодня стремятся к войне.

Весьма важно, что в приговоре Военного трибунала говорится: «Война по самому своему существу — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением...».

Этот вывод сохраняет поныне свое значение. Об этом свидетельствуют военные действия США во Вьетнаме, СССР в Афганистане, которые сопровождались многочисленными военными преступлениями и преступлениями против человечности. Как стало очевидно, зверства, которые совершались во время второй мировой войны, не ушли вместе с ней в историю. И в сегодняшнем мире немало регионов, где они совершаются. Достаточно напомнить о региональных войнах и межнациональных кровавых конфликтах в странах Африки, Азии, Карабахе, Таджикистане. Об этом же свидетельствуют и вооруженные конфликты в бывшей Югославии и в российской Чечне.

Действия воюющих сторон в этих конфликтах несовместимы с принципами и нормами Нюрнберга, получившими закрепление в современном международном гуманитарном праве. Непреходящее значение Нюрнбергского суда состоит и в том, что на практике был реализован принцип уголовной ответственности физических лиц, виновных в совершении преступлений против международного права. Тем самым было положено начало процессу становления и развития международного военного права, призванного защитить жизнь и достоинство человеческой личности, мир и безопасность народов.

Нюрнбергский процесс был выдающимся явлением в истории международных отношений, которое на многие десятилетия вперед дало пищу для размышлений государственным деятелям, историкам, юристам, дипломатам.

Уроки Нюрнберга зовут к бдительности, предостерегают против всех и всяческих форм возрождения осужденных народами идей расизма и милитаризма.

Сейчас, когда международный терроризм стал, пожалуй, главной угрозой миру, самое подходящее время напомнить молодежи уроки и значение Нюрнберга.

Нюрнбергский процесс — это символ победы добра над злом, величайшее предостережение истории.

Бесчисленные жертвы германского фашизма вызывают ко всем честным людям: «Запомните!» Забыть об этом будет преступлением перед памятью миллионов погибших от рук фашистских палачей.

Фальсификаторы истории с пеной у рта пытаются извратить правду о Нюрнбергском процессе, поставить под сомнение его нравственные и юридические основы. Добиваются реабилитации

военных преступников, и, страшно сказать, порой голоса обвинения жертв фашизма звучат громче, чем обвинения преступников. Нюрнбергский процесс изображается как акт мести и насилия победителей над побежденными.

На Западе до сих пор не прекращаются потуги подорвать авторитет Нюрнбергского трибунала. В одной немецкой газете был опубликован «обвинительный акт». Нацистский генерал Келлер требовал суда над помощником главного американского обвинителя Робертом Кемпнером. После окончания процесса он вернулся к себе на родину в Германию, откуда бежал после прихода к власти фашистов. Автор «обвинительного акта» требовал суда над Кемпнером за то, что трибунал вынес «бесчеловечный приговор» Кейтелю и Йодлю.

Английский юрист и политический деятель Моэм писал, что Нюрнбергский приговор был «отвратительным, несправедливым и политически вредным».

Американский сенатор Лантер объявил, что Нюрнбергский процесс был «коммунистическим заговором». Особенно проявляется усердие в том, чтобы доказать, что Нюрнберг был, но исчерпал себя. И пора о нем забыть.

Мрачное, кошмарное прошлое должны помнить люди новых поколений, если они хотят быть счастливыми.

В наши дни в условиях высокого уровня ядерной вооруженности необходимы решительные действия по преодолению взрывоопасной для всего человечества ситуации. Ученые подсчитали, что в мире накоплено столько ядерного оружия, что если разразится мировая война, то погибнет человеческая цивилизация.

Как-то спросили Эйнштейна: какой будет третья мировая война? Он ответил, что не знает, какой будет третья мировая война, но точно знает, что четвертой не будет.

Несколько лет тому назад в США был издан роман. Автор описывает такую ситуацию: летят друг другу навстречу два самолета, американский и советский, груженные термоядерными бомбами. Они одновременно сбрасывают бомбы. Гибнет все живое на земле. Остается в живых только американский летчик и одна обезьяна. И эта пара создает будущее человечество.

Эту тему обыграл Юрий Никулин в анекдотах. Летят навстречу друг другу американская и российская термоядерные ракеты. Встречаются они где-то на середине пути, и российская предлагает американской выпить на посошок. Пили они долго. Американская ракета говорит: «Я так напилась, что вряд ли долечу до России». Русская ракета успокаивает ее: «Не переживай, я тебя возьму под крылышки и направлю домой, в США». Эта мрачная фантастика не так уж и далека от нашего будущего, если не будут сделаны выводы из событий, которые осудил Нюрнбергский трибунал.

Объективности ради надо признать, что имеет право на жизнь и такая точка зрения: «Уроки Нюрнберга не понадобятся, если разразится термоядерная война. Не останется ни жертв агрессии, ни ее инициаторов».

Некому и некого будет судить.

Вопреки урокам Нюрнберга, ряд государственных мужей Европы вместо того, чтобы объединить свои усилия в борьбе с мусульманско-фашистским отродьем, пытаются ублажать главарей глобального террора. Президент Франции проявил трогательную заботу о главаре палестинских террористов Арафате. Посетил его в госпитале, а после кончины выразил глубокое соболезнование. А ведь по приказу Арафата была расстреляна израильская олимпийская команда в Берлине, убиты тысячи детей, женщин, стариков — граждан Израиля. Не потому ли Франция занимает одно из первых мест по антисемитизму? По сути, террористы принудили испанцев сменить свое правительство и вывести войска из Ирака. Боюсь, что это не последняя капитуляция перед террористами.

Попустительство террористам — это Мюнхен №2, но только с более страшными последствиями. Правители стран, недооценивающие угрозу терроризма, исповедывают принцип, что «зубная боль — ерунда, если зубы болят у другого». Пока «зубы болят» у жителей нескольких стран, но если демократические государства не объединят своих усилий в войне с чумой XXI века, то «зубы заболят» у всего человечества. Попустительство террору — гибель человеческой цивилизации.

И тогда действительно некому и некого будет судить.

«Интернационал» пусть прогремит, когда навеки похоронен будет последний на земле антисемит.

Еврейской крови нет в крови моей.

Но ненавистен злобой заскорузлой я всем антисемитам как еврей.
И потому — я настоящий русский!

Евгений Евтушенко

18

Слово за честь и достоинство моего народа

Многие граждане бывшего Советского Союза обвиняют Ельцина, Горбачева, Кравчука в развале страны. Я думаю, эти люди путают следствие с причиной. Главных причин развала Советского Союза, на мой взгляд, две:

- а) провал экономической политики,
- б) несправедливая национальная политика.

Вряд ли кто-то будет возражать по пункту «а». Что касается второй причины, то берусь утверждать: ничто так не вредит дружбе народов, как национальная несправедливость, это касается всех народов, населявших 1/6 часть земли. Голодомор 30-х годов в Украине лишил жизни миллионы людей. Насильственная коллективизация и раскулачивание унесли десятки миллионов жизней трудолюбивых, знающих толк в землепользовании крестьян. Эти невосполнимые потери до сих пор сказываются в такой важной отрасли народного хозяйства. Преступное массовое переселение в Сибирь и казахские степи чеченцев, ингушей, калмыков, крымских татар, народов прибалтийских стран до сих пор не получило должной оценки. Старшее поколение помнит, что в первые дни Великой Отечественной войны обращение Сталина к советскому народу начиналось словами: «Братья и сестры!», а на празднике Победы в 1945 году Сталин предложил тост только за один народ.

В позорной кампании против поэта Е. Евтушенко и его стихотворения «Бабий Яр» Хрущев обвинил евреев в предательстве: «Один Коган защищал Сталинград, а другой служил переводчиком у Паулюса».

Маршал Г. К. Жуков был другого мнения об участии евреев в Великой Отечественной войне. На одной из встреч в «Литературной газете» ему был задан вопрос: «Чей подвиг вам особенно запомнился?». Он ответил: «В один ряд с панфиловцами я бы поставил подвиг наводчика 694-го артиллерийского противотанкового полка рядового Ефима Дыскина». А было это так: в один из осенних дней 1941 года полк отражал атаку танков. Их было более пятидесяти. До атаки наши позиции бомбила фашистская авиация, после которой в третьей батарее уцелело одно-единственное орудие, а в живых остались только наводчик Дыскин и подносчик снарядов. На орудие двигалось восемь танков. Двумя выстрелами Дыскин подбил два из них. Погиб подносчик снарядов, и Дыскин продолжал поединок сам. Четыре раза он был ранен, но бой вел до тех пор, пока не подбил восьмой танк. Ефиму Дыскину, восемнадцатилетнему в ту пору юноше из Брянска, посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Но потом оказалось, что он жив и лечится в госпитале. Об этом было напечатано в «Литературной газете» от 18 ноября 1981 г.»

Интересен такой факт: за все годы войны военными трибуналами было осуждено около миллиона человек. Однако ни один воин-еврей не был осужден за измену Родине, по обвинению в трусости или в пособничестве врагу.

Что касается Сталинградской битвы, то широко известен героический подвиг защитников дома Павлова. Его защищали воины нескольких национальностей. В печати обычно перечислялись почти все национальности и добавлялось «и другие». Этим «другим» был пулеметчик-еврей Идель Хайт, погибший в доме Павлова.

Генерал Д. Ортенберг вспоминает:

«С должности редактора «Красной Звезды» я был снят и послан на фронт. Без всяких объяснений. Я мог только догадываться, что истинной причиной увольнения была моя

национальность. Месяца за два до моего увольнения Щербаков сказал: «У вас в редакции много евреев... Надо сократить...» Эти слова секретаря ЦК ошеломили меня. Я онемел, а потом ответил: «Уже сократили спецкоров Лапина, Хацревина, Розенфельца, Шуэра, Вилкомара, Слуцкого, Иша, Берштейна. Все погибли на фронте. Все они евреи. Могу сократить еще одного — себя». Мне в «Правде», когда я там работал, дали псевдоним Вадимов».

Победа в Великой Отечественной войне досталась большой ценой. Она обошлась Советскому Союзу в двадцать семь миллионов человеческих жизней. Страшную цену заплатил еврейский народ. Шесть миллионов жизней унесла эта война. Мы склоняем головы перед памятью тех, кто отдал жизнь за счастье грядущих поколений. Американцы подсчитали, что на средства, которые были истрачены на вторую мировую войну, можно было бы построить каждому жителю планеты пятикомнатную квартиру со всеми удобствами. А кто подсчитает, сколько пролито крови, сколько исковеркано судеб?

Все народы, населявшие Советский Союз, внесли посильный вклад в Победу.

На передовой, в окопе, в танке, в разведке была настоящая, боевая солдатская дружба. У меня в бою отказал автомат ППШ, и орловский парень Повага убил немца, который целился в меня. В бою национальность не имела значения. Главное было то, как ты воюешь.

Подвиг моего народа «не ради славы — ради жизни на земле» будет жить вечно вопреки усилиям тех, кто пытается скрыть правду.

Мы гордимся героическим подвигом Зои Космодемьянской. Вечная память ей и слава, но мы ничего не знали о не менее героических подвигах дочерей моего народа — Маши Брускиной и Тани Маркус.

Маша Брускина родилась в 1924 году. Публично казнена 26 октября 1941 года за то, что помогала раненым советским офицерам бежать из лагеря военнопленных. Сохранилась фотография: двое мужчин и между ними девушка со щитом на груди. Этот снимок фигурировал на Нюрнбергском процессе. Фамилии повешенных мужчин были опубликованы сразу после войны, а о девушке писали «неизвестная». Даже после того, как авторитетная экспертная комиссия дала заключение, что девушка со щитом на груди — Маша Брускина, в музее истории войны в Минске, где висит эта фотография, надпись «Неизвестная» осталась.

Татьяна Иосифовна Маркус родилась 21 сентября 1921 года в Киеве. Семья Маркус проживала на улице Владимирской, 91.

Когда немцы приблизились к Киеву, мама Тани, Ида Абрамовна, два брата и сестра эвакуировались. Отец уговаривал Таню ехать вместе с семьей. Она отказалась, так как по заданию Киевского городского комитета КП(б)У должна была остаться для подпольной работы. Остался в Киеве и отец, выполнял обязанности связного с подпольщиками. Он погиб при выполнении поручения руководителя диверсионно-истребительной группы В. И. Кудряшова. В этой же группе активно действовала Татьяна Маркус.

Из отчета Киевского городского комитета КП(б)У: «

Смелая, бесстрашная комсомолка Татьяна Маркус (кличка Маркусидзе) — активная участница истребительно-диверсионной группы — лично уничтожила десятки немецких солдат, офицеров, предателей. Выполняла самые ответственные задания организации по совершению диверсий».

Таня была очень красивой и совсем не похожей на еврейку. Многие немецкие солдаты и офицеры добивались встречи с ней. Она приглашала их в те места, где их ждали подпольщики. Приглашенных убивали, забирали документы, оружие, форму. Предатель Миронович выдал гестапо десятки людей.

22.08.1942 г. Таня застрелила предателя в его квартире. Вскоре фашисты выследили её. Выдержав более пяти месяцев пыток, она никого не выдала. После ее задержания не было ни одного ареста подпольщиков.

Таню посмертно наградили орденом Отечественной войны I степени, медалью «Партизан Великой Отечественной

Татьяна Маркус

войны».

После войны в партийные органы поступали многочисленные ходатайства о достойной награде Тане Маркус. Ответов не было.

Благодаря настойчивости президента Еврейского совета Украины, Председателя фонда «Память Бабьего Яра» Ильи Михайловича Левитаса справедливость восторжествовала.

Из обращения И. М. Левитаса к Президенту Украины В. А. Ющенко:

«...Учитывая героический подвиг киевлянки-подпольщицы, ее верность своей Родине и самоотверженность, обращаюсь к Вам, уважаемый Виктор Андреевич, с предложением: присвоить Маркус Татьяне Иосифовне звание «Герой Украины».

Присвоение самой высокой награды Украины будет знаковой оценкой подвига киевлянки, особенно в дни ознаменования 65-летия трагедии Бабьего Яра, а также посмертным подарком к ее дню рождения.

Более детальная информация о подвиге героической дочери Украины и еврейского народа прилагается».

Указ Президента Украины про присвоения звания Герой Украины

За особисту мужність і героїчну самопожертву, незламний духу в боротьбі з фашистськими загарбниками у Великій Вітчизняній війні 1941-1945 років

ПОСТАНОВЛЯЮ:

присвоїти звання Герой України з удостоєнням ордена «Золота Зірка»

Маркус Тетяш Йосипівні — учасниці антифашистського підпілля у місті Києві у 1941-1943 роках (помертно)

Президент України В. Ющенко м. Київ, 21 вересня 2006 року

Мы гордимся Николаем Гастелло. Он направил свой самолет на врага и своим подвигом заслужил честь и славу. Но мы ничего не слышали о восемнадцати героях — летчиках евреях, которые повторили подвиг легендарного Гастелло.

Подвиг Александра Матросова, безусловно, заслуживает преклонения, но почему-то нигде ни пишут о подвиге Абрама Левина, который за год до Матросова тоже закрыл своим телом вражеский дзот. В деревне Жигарево Московской области стоит (во всяком случае, стоял) памятник, на котором выгравировано: «На этом месте 22 февраля 1942 г. боец 881-го стрелкового полка 198-й стрелковой дивизии Левин Абрам Исаакович совершил героический подвиг, закрыв своим телом амбразуру вражеского дзота. Вечная память ему».

Долгое время скрывалось еврейское происхождение комиссара Брестской крепости полковника Ефима Моисеевича Фомина. При обороне крепости полковник был тяжело ранен. Нашелся подлец, который сообщил фашистам, что Фомин не только комиссар, но еще и еврей. Фомина тут же расстреляли. Правда, предателя вскоре убили сами военнопленные.

Первым директором завода, производившего боевую технику для фронта, которому было присвоено звание Героя Социалистического Труда, стал Исаак Моисеевич Зальцман. Сталин лично позвонил ему, поздравил с наградой и сообщил, что назначил его наркомом танковой промышленности СССР. В сибирские морозы под открытым небом выпускалось 100 танков Т-34 в сутки. После войны Зальцман отказался от требования Берии дать «компромат» на невинного человека. И снова приказ Сталина: снять с должности наркома Зальцмана и перевести на работу мастером в райцентр.

Академик Евгений Патон писал Зальцману:

«Вы совершили немеркнущий подвиг, который навсегда останется в памяти благодарных потомков». Во время похорон Исаака Моисеевича на подушечках несли Золотую Звезду Героя Социалистического Труда, три ордена Ленина, ордена Суворова и Кутузова, два ордена

Трудового Красного Знамени, ордена Отечественной войны и Красной Звезды. Некролога в газетах не было.

Многие годы умышленно не упоминались фамилии героев Советского Союза евреев-подводников Израиля Фисановича, Владимира Коновалова, Самуила Богорада, героя Малой Земли Цезаря Куникова.

Недавно вышла документальная книга Леонида Беренштейна, командира прославленного партизанского отряда имени Дмитрия Пожарского.

В ней автор рассказывает о боевых подвигах многонационального партизанского отряда на польской земле и о славном рейде в Словакию. Отряд Беренштейна уничтожил стартовую площадку ракет ФАУ-2.

Об этом подвиге партизан упоминается в переписке Сталина и Черчилля.

Бывший президент Украины Леонид Кучма, выступая на торжественном собрании, посвященном 60-летию освобождения Украины от фашистских захватчиков, говорил: «За освобождение Украины почти четыре тысячи человек были удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них 668 украинцев, 2598 русских, 69 белорусов, 62 грузина, 35 армян, 33 узбека, 30 казахов, 17 азербайджанцев».

Из письма Еврейского Совета Украины Президенту Украины Л. Д. Кучме

2 ноября 2004 года.

«Уважаемый Леонид Данилович!

... К сожалению, в этом перечислении не указаны евреи, которые должны были быть на четвертом месте. Из общего числа ста шестидесяти одного Героя Советского Союза шестьдесят пять сыновей нашего народа стали Героями за освобождение Украины.

К слову, на фронтах Великой Отечественной войны с оружием в руках только киевлян погибло 22150 человек. Это три дивизии из одного города.

Приложение: на шести листах.

Президент Совета национальных обществ Украины президент Еврейского совета Украины
И. Н. Левитас.

Евреи — Герои Советского Союза

Всего
Урож. Украины

Присвоено звание Героя (1937-1991 гг.)
161
72

Из них посмертно
58
36

За освобождение Украины
65
36

Из них посмертно

35

21

За форсирование Днепра

32

21

Из них посмертно

18

13

Присвоено до войны (1937-1940 гг.)

10

6

Из них посмертно

2

1

Женщины Герои Советского Союза

2

2

Из них посмертно

1

1

Генералы Герои Советского Союза

22

8

Генералы Герои Социалистического Труда

15

7

* * *

Все чаще и настойчивее ставится под сомнение историческая достоверность цифры жертв Освенцима, Майданека, Трешлипки и многих других «фабрик смерти». Находятся умники, которые утверждают, будто все рассказы о газовых камерах, крематориях и массовых казнях — «обыкновенная ложь и клевета».

На Нюрнбергском процессе обвинитель от США Додд, говоря о геноциде еврейского народа, сказал:

«Человечество медленно пришло к здоровому осознанию его как печально свершившегося факта. Но это было еще не все, потому что нацисты через посредство своей пропаганды влили расовый и религиозный яд в сознание большей части европейского населения и значительной части населения мира.

Восстановление нравственного здоровья Центральной Европы еще не достигнуто, так как слишком долго потоки клеветы из канализационных труб нацизма оскверняли многие источники человеческого вдохновения, а бактерии ненависти и нетерпимости отравляли их воды. Многие поколения будут нуждаться в нравственном и идейном оздоровлении».

Прошло 60 лет с тех пор. А мысли обвинителя Додда злободневны, к сожалению, и сегодня. В Украине ректор Межрегиональной академии управления персоналом Георгий Щекин превратил это учебное заведение в рассадник межнациональной вражды, центр разжигания антисемитизма и человеконенавистничества. Нет необходимости цитировать его статьи, достаточно привести название одной из многих: «Об «антисемитизме» и еврейском фашизме как двух сторонах одной медали».

На такую же тему в Советском Союзе успешно защитил докторскую диссертацию наследник Ясира Арафата Махмуд Аббас. Это значит, что ученый совет, который присвоил Аббасу степень доктора наук, и ВАК (высшая аттестационная комиссия), которая подтвердила решение ученого совета, были с Аббасом единомышленниками. Такого же мнения был и председатель КГБ Ю. Андропов (приложение).

А чего стоит бред профессора Яременко, который трудится под началом Щекина! Щекин и Яременко распространяют идеологию, которая решительно противоречит Конституции. Еженедельник «Век», который издается в Украине и распространяется еще в пяти странах, напечатал мое открытое письмо профессору Яременко и его «партайгеноссе» (печатается в изложении).

Не могу молчать!

Я не только воевал с фашистской ордой (командовал взводом разведки стрелкового полка), мне посчастливилось присутствовать на Международном военном трибунале, где судили главных военных преступников фашистской Германии. Служил телохранителем главного обвинителя от Советского Союза Р. А. Руденко. Международный военный трибунал решительно осудил фашистскую идеологию как преступную, человеконенавистническую.

Выступая на процессе, Р. А. Руденко заявил: «В своих планах фашистские заговорщики наметили поголовное уничтожение еврейского населения мира, и они проводили это уничтожение на всем протяжении заговорщической деятельности, начиная с 1933 года... Зверское уничтожение еврейского населения имело место на Украине, в Белоруссии, Прибалтике».

Все народы понесли большие потери в войне с фашизмом. Но лишь евреи потеряли третью часть своего народа. Большинству из них пришлось умирать только за то, что они принадлежали к народу, давшему человечеству великие заповеди «не убий», «возлюби ближнего своего, как самого себя».

Да, фашисты убивали не только евреев, но и русских, и украинцев, и поляков, и другие народы. Убивали как воинов. Евреев же убивали за то, что они евреи. Народы мира были убеждены, что за страшные преступления фашизм будет проклят во веки веков на всех языках человечества. Им и в страшном сне не могло присниться, что более полувека после самой кровавой войны, после Нюрнбергского процесса сами жертвы будут обвинены в своей смерти.

Невероятно, но факт. Упреки жертвам звучат громче, чем осуждения палачей. На еврейский народ выливаются потоки лжи.

На вечный вопрос: «Кто виноват в бедах страны?» имеется один на все случаи ответ.

«Ты-то сам супер, порода и статья твои самые, самые. А вот окружили президента иноверцы с такими носами, с такими фамилиями и разорили страну, организовав геноцид «титульный нации». А дальше соображай сам».

И соображают, на радость тем, кто действительно довел страну до края пропасти. Шовинисту обычно свойственна наглость. Но то, что написал Василь Яременко, профессор, директор института культурологических и этнографических исследований при МАУП в статье «бвре`Т в УкраТш сьогодні: реальшть без міфів», может написать лишь человек, который люто ненавидит еврейский народ. Он пишет: «За покидьов полщаТв ми не вщповцаемо... Не вони творять облич-чя украТньского народу». С этим никто не спорит.

Но он тут же утверждает: «Щодо украТньскоТ трагедп евреТ ма-ють безпосередне вщношення». А сам огульно обвиняет весь еврейский народ. Нет, пан Яременко, это ложь. В связи с ядовитой стряпней Яременко я вспомнил мое выступление на телевидении по теме: «Великая Отечественная война и Нюрнбергский процесс». Телезрители многих областных центров задавали вопросы о второй мировой войне, о работе трибунала и о его решениях. Телезритель из Львова спросил: «Почему евреи не благодарят Гитлера за то, что он способствовал созданию еврейского государства?».

Сидевшая со мной рядом журналистка выключила микрофон и предложила на этот вопрос не отвечать. Я попросил ее включить микрофон и ответил телезрителю: «Евреи боролись с фашизмом в одном строю со всеми свободолюбивыми народами. Они послали в бой с врагом полтора миллиона своих сыновей и дочерей, что составляет 10 процентов еврейского населения Земли. В Советской Армии воевало 500 тысяч евреев, около 200 тысяч из них погибли в боях с фашистской чумой. Вместе с воинами других национальностей они лежали за одним пулеметом, вместе шли в разведку, горели в одном танке, делили голод и холод.

А благодарен мой народ, прежде всего, русскому и украинскому народам, которые внесли решающий вклад в разгром гитлеровской армии.

Пан Яременко обвиняет евреев в том, что, как он утверждает, 90 процентов кэгэбистов, якобы, были евреями. Это еще одна ложь. Не евреями же были палачи Ежов, Берия, Меркулов, Абакумов, Рюмин и другие! Почему же на палаческих постах пан Яременко узнал одних евреев? Мой народ был тысячелетиями гоним и истреблялся, но Яременко этого мало, ему надо совершить и свою казнь над евреями.

Особо меня возмутило утверждение Яременко, что в Украину пришла с фашистами 400-тысячная орда евреев-эсэсовцев. И это, пан Яременко, брехня. Четыреста тысяч — это сорок немецких дивизий. Не знаю, на кого рассчитывал профессор, когда писал этот бред. Видно, понимая, что нет доказательств, он пишет: «... що треба «шдкреслювати», але на документах і фактах, а не голослІвно». И он не может найти подтверждений своему заявлению, как будто он их ищет. Как не вспомнить украинскую поговорку: «Легше горло дерти, шж плуга перти». Профессору Яременко легче оклеветать народ, чем дать объективную оценку событиям, о которых он рассказывает. Будучи на Нюрнбергском процессе, я неоднократно присутствовал на заседаниях трибунала, но не слышал, чтобы обвинители или защитники говорили о полках, дивизиях немецкой армии, укомплектованных евреями-эсэсовцами.

Кое-чему жизнь научила меня. Я против сведения счетов, ибо счета в массовом порядке сводят чаще с невинными, это круговорот зла в истории. Народ не может быть в целом эксплуататором, трусом или предателем. Ими могут быть только отдельные личности, которые есть у любого народа. Этого, к сожалению, не понимает профессор Яременко. Винить во всех бедах украинского народа евреев, значит, унижать свой народ. Евреев в Украине меньше 1 процента, чего же тогда стоят 99 процентов, если евреи ими еще верховодят? Неужели антисемиты этого не понимают? Ненависть к моему народу затуманила их рассудок. Приведу в подтверждение этой мысли строчки Г. Губермана:

Всю Россию вверх еврей в мерзость и неразбериху.

Вот как может воробей изнасиловать слоницу.

За столетия совместного проживания наших двух народов накопились взаимные обиды. Порою необоснованно. И если мы будем в прошедших годах видеть только отрицательные моменты, то от этого проиграют наши народы.

И в заключение я подписываюсь под словами профессора Яременко: «Ми приречеш вже історією жити поруч і взаємно шукати прийнятих форм ствжиття і діалогу двох культур».

При одном условии, что профессор Яременко и его единомышленники сами будут стремиться выполнять эти мудрые слова.

У нас одна земля, одно небо, одна Украина, и мы можем и должны жить в мире и взаимном уважении».

Газета «Век» в 16 номере 2004 года писала: «Как же стало возможным, что в начале третьего тысячелетия в Украине. в официально аккредитированном вузе ректор этого заведения. печатает в собственной газете абсолютно профашистскую, антисемитскую пропаганду такого уровня! Как возможно, что в знак протеста из этой «академии» не выходят члены наблюдательного совета и учредители., которые «параллельно» работают народными депутатами. .Как может молчать украинская интеллигенция.»

На мой взгляд, фашизм (мы почему-то боимся употреблять этот термин к доморощенным фашистам), его появление и стремительная активизация свидетельствуют о бессилии и кризисе власти. Скорее всего, это попытка отвлечь народ от действительных виновников создавшегося положения в стране.

Сегодня удивляет не то, что говорят антисемиты, а то, что их фашиствующие заявления оказываются безнаказанными.

Весь ход истории показывает, что никогда, ни одному народу и государству преследование евреев не сошло с рук. Потому что само преследование губительно для любого народа и прежде всего растлевает его душу.

Н. Бердяев в труде «Христианство и антисемитизм» писал:

«Нельзя оскорблять евреев, забывая о том, что евреями были Иисус Христос и его мать, что апостолы Христа были евреями, что источниками христианской литургии являются священные книги евреев.

Христиане должны каяться за то зло, которое они причинили евреям.

...Ненависть к целому народу — грех».

Катастрофа евреев в годы второй мировой войны не является трагедией только евреев. Это трагедия всего человечества.

Предвидя упрек, что я слишком много уделяю внимания еврейскому вопросу, привожу высказывание историка, писателя Феликса Канделя:

«Нам скажут: вы больные, евреи, вы травмированы той Катастрофой и вечно ее поминаете, на всех перекрестках. Ответим на это: мы не больные. Мы опытные.

Нас уже уничтожали в этом веке.

И с нас достаточно!»

«Специальные акции повышают эффективность борьбы»

Приложения

Документ № 1071 от 23 апреля 1974 года СССР Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР

Совершенно секретно Особой важности Особая папка Товарищу Брежневу Л. И.

Комитет госбезопасности с 1968 года поддерживает деловой конспиративный контакт с членом Политбюро Народного фронта освобождения Палестины (НФОП), руководителем отдела

внешних операций НФОП Вадиа Хаддадом. На встрече с резидентом КГБ в Ливане, состоявшейся в апреле с.г., Вадиа Хаддад в доверительной беседе изложил перспективную программу диверсионно-террористической деятельности НФОП, которая в основном сводится к следующему. Основной целью специальных акций НФОП является повышение эффективности борьбы Палестинского движения сопротивления против Израиля, сионизма и американского империализма. Исходя из этого, главными направлениями диверсионно-террористической деятельности организации являются:

- продолжение особыми средствами «нефтяной войны» арабских стран против империалистических сил, поддерживающих Израиль;
 - осуществление акций против американского и израильского персонала в третьих странах с целью получения достоверной информации о планах и намерениях США и Израиля;
 - проведение диверсионно-террористической деятельности на территории Израиля;
 - организация диверсионных акций против алмазного треста, основные капиталы которого принадлежат израильским, английским, бельгийским и западногерманским компаниям.
- В соответствии с этим в настоящее время НФОП ведет подготовку ряда специальных операций, в том числе нанесение ударов по крупным нефтехранилищам в различных районах мира (Саудовская Аравия, Персидский залив, Гонконг и др.), уничтожение танкеров и супертанкеров, акции против американских и израильских представителей в Иране, Греции, Эфиопии, Кении, налет на здание алмазного центра в Тель-Авиве и др.

В. Хаддад обратился к нам с просьбой оказать помощь его организации в получении некоторых видов специальных технических средств, необходимых для проведения отдельных диверсионных операций.

(...) С учетом изложенного полагаем бы целесообразным на очередной встрече в целом положительно отнестись к просьбе Вадиа Хаддада об оказании Народному фронту освобождения Палестины помощи в специальных средствах. (...) Просим согласия.

Председатель Комитета Госбезопасности Ю. Андропов (Печатается с минимальными сокращениями).

О конфискации посылок с мацой, засылаемых в СССР

Секретно экз. № 2 сообщил тов. Галкин В. Е. ЦК КПСС 12.03.75 г.
Лично т. Черненко К. У. Согласие ЦК КПСС имеется
1 Сектор общего отдела ЦК КПСС Лаптев

сионистскими организациями из-за границы

Сионистские круги в странах Запада и Израиле, используя предстоящий религиозный праздник еврейской пасхи (27 марта с. г.), организовали массовую засылку в СССР посылок с мацой (ритуальная пасхальная пища) в расчете на возбуждение националистических настроений среди советских граждан еврейского происхождения.

Уже сейчас в Одессе, Риге, Львове и некоторых других городах страны скопилось несколько тысяч посылок, адресованных, как правило, лицам, известным своими националистическими и произраильскими настроениями.

Из опыта прежних лет известно, что доставка адресатам посылок вызывает негативные процессы среди еврейского населения СССР, усиливает националистические и эмиграционные настроения.

Учитывая это, а также то, что в настоящее время еврейские религиозные общины полностью обеспечены мацой, выпекаемой непосредственно на местах, Комитет госбезопасности считает необходимым посылки с мацой, поступающие из-за границы, конфисковывать.

В связи с этим полагаем целесообразным поручить Министерством внешней торговли и связи СССР дать соответствующие указания таможенным и почтовым службам.

С Министерством внешней торговли СССР (т. Кузьмин М. Р.), Министерством связи СССР (т. Шамшин В. А.) согласовано. Проект постановления ЦК КПСС прилагается. Просим рассмотреть.

Председатель Комитета госбезопасности

Андропов Ю. В.

Из докладной записки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарям ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву, Г. М. Маленкову, А. С. Щербакову

«О подборе и выдвижении кадров в искусстве»

от 17 августа 1942 г. (в изложении)

Отсутствие правильной и твердой партийной линии в деле развития советского искусства в Комитете по делам искусств при СНК СССР и имеющийся самотек в работе учреждений искусства привели к извращениям политики партии в деле подбора, выдвижения и воспитания руководящего состава учреждений искусства, а также вокалистов, музыкантов, режиссеров, критиков и поставили наши театры и музыкальные учреждения в крайне тяжелое положение. В течение ряда лет во всех отраслях искусства извращалась национальная политика партии. В управлениях Комитета по делам искусств и во главе учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи). В частности, в Комитете по делам искусств руководящие должности занимают: Фалковский, Владимирский, Плоткин, Шлифштейн, Гольцман и другие.

В Большом театре Союза СССР, являющемся центром великой русской музыкальной культуры и оперного искусства СССР, руководящий состав целиком нерусский. Имеется в виду, что на руководящей административной и творческой работе в театре находятся Леонтьев (главный режиссер), Самосуд (главный дирижер), дирижеры Файер, Штейнберг, Мелик-Пашаев (армянин), Габович, Мессерер, Купер-Кауфман, Жук, Садовников.

Такая же картина и в Московской государственной консерватории, где директор — Гольденвейзер, а его заместитель — Столяров (еврей). Все основные кафедры консерватории возглавляют евреи (Цейтлин, Ямпольский, Дорлиак, Гедике, Пекелис, Файберг). В Ленинградской государственной консерватории: заместитель директора — Островский, руководители кафедр — Штейнберг, Эйлин, Гинзбург.

Не случайно, что в консерваториях учащимся не прививается любовь к русской музыке, русской народной песне и большинство наших известных музыкантов и вокалистов (Ойстрах, Э. Гилельс, Флиэр, Л. Гилельс, Гинзбург, Фихтенгольц, Пантофель-Нечецкая) имеют в своем репертуаре главным образом произведения западноевропейских композиторов. С санкции Комитета по делам искусств во время войны ликвидированы оркестры русских народных инструментов в Москве и Ленинграде.

В музыкальной критике тоже засилье евреев. Наиболее активно в печати выступают Рабинович, Гринберг, Коган, Шлифштейн, Житомирский, Цукерман и другие. Они замалчивают концерты русского пианиста Софроницкого и дают пространные статьи о Э. Гилельсе, Ойстрахе и других. Во главе отделов литературы и искусства центральных газет также много евреев.

Учитывая изложенное, Управление пропаганды и агитации считает необходимым рекомендовать Комитету по делам искусств следующее:

- разработать мероприятия по подготовке и выдвижению русских кадров;
- провести уже сейчас частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства.

Начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

Г. Александров

Зав. отделом культурно-просветительных учреждений

Т. Зуева

Этот документ написан в дни тяжелейших боев в Сталинграде, где погибло немало воинов, в том числе и евреев.

После войны Александрова освободили от занимаемой должности за аморальное поведение. Переполнил чашу терпения высокого партийного начальства шабаш, устроенный в одной подмосковной деревне Александровым и секретарем Московского обкома комсомола. Обнаженные балерины танцевали на столах, а с улицы деревенские девчата и юноши подглядывали в плохо зашторенные окна, как главный идейный начальник страны проводит свой досуг. Они написали куда следует.

Вместо послесловия

Несколько отзывов о первом издании книги «Нюрнберг предостерегает»

Здравствуйтесь, Иосиф Давидович, славный человек, ставший таким родным и дорогим моему сердцу!

Получил от Вас замечательный подарок — книгу «Нюрнберг предостерегает». Прочитал ее незамедлительно, с глубоким душевным волнением. Сколько она породила у меня мыслей и чувств, как растрожила память...

Пропустить через себя такую немисливо тяжкую информацию и в таком количестве — какие нужно было мобилизовать душевные силы, какая это нагрузка на нервную систему. Ибо равнодушный человек — так написать, так организовать материал, так увлечь читателя неспособен.

Обращает на себя внимание сама архитектура книги, наличие в ней драматургии. Она просматривается в самой подборке и организации уникальных документов.

Как жалко, что мы с Вами не встретились раньше, когда я работал на киностудии «Укртелефильм» кинорежиссером документального кино. Какой большой фильм можно было бы сделать о Вашей сложной и интересной жизни! Какую солдатскую академию успели Вы пройти к 20-ти годам жизни!

...Стать в такие годы личным охранником Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко — это большая честь и очень большая ответственность.

Конечно, за судьбой такой книги надо непременно следить, переиздавать, возможно, дополнять и совершенствовать. Ваша книга — достойная лепта в создании ВЕЛИКОЙ КНИГИ ПАМЯТИ!

С уважением, Владимир Георгиенко г. Дюссельдорф, Германия

Книга-предостережение

Само название книги весьма символично и точно отражает цель и содержание книги.

Видится вполне обоснованная логика построения книги: откровенный и правдивый рассказ о себе, прежде всего солдате-разведчике, дошедшем с боями до рейхстага, о своей семье и фронтовых товарищах и о неожиданном повороте в личной судьбе, которая после войны преподнесла ему, как выразился автор, «щедрый подарок», определив его в охрану советских юристов на судебном процессе над главными фашистскими преступниками.

Не может не вызвать восхищение огромное количество документов, многие из которых появились в печати впервые, фотографий, литературных и других источников, далеко выходящих (по времени и месту) за пределы Нюрнбергского процесса.

А чего стоят точные и ёмкие характеристики главных военных преступников, состава Трибунала, обвинения.

Убедительно изложена глава-воспоминания о службе в послевоенное время. Поражает его феноменальная память, огромная эрудиция в области истории и умение сделать рассказ интересным, объективным и представляющим интерес как для ученого-историка, так и для обычного человека, молодого или старого, мужчины или женщины.

Несомненной заслугой автора является и то, что книга не только раскрывает предысторию, ход и исход Нюрнбергского процесса, но и объективно освещает исторические события послевоенного времени. Мой научный опыт говорит, что такой труд по силам лишь большому коллективу ученых-историков.

Савелий Басс,

кандидат экономических наук, доцент, полковник в отставке

г. Днепропетровск

Газета «Голос Украины»

Книга Иосифа Давидовича Гофмана — издание уникальное. Это эксклюзивное издание, где восприятия двадцатилетнего юноши, рядового защитника Отчизны и документальные свидетельства переплетаются с суждениями нашего современника, прожившего интересную, полную важными событиями жизнь.

О самом Иосифе Давидовиче так же можно написать книгу. И не одну. Ведь Нюрнбергский процесс — это лишь один год из жизни человека мудрого и много пережившего на своем жизненном пути.

В настоящее время Иосиф Давидович — активный участник ветеранского движения. Он желанный гость в школах, вузах, на многих всеукраинских и международных конференциях, посвященных истории Великой Отечественной войны. Ведь он, возможно, единственный живой свидетель исторического события — Нюрнбергского процесса.

Книга Иосифа Гофмана — это не только обращение к будущим поколениям, но и возвращение частички долга, который числится перед теми, кто погиб в бою, кто был отравлен в газовых камерах, расстрелян и замучен в лагерях смерти. Вечная им память!

Виталий Скобельский, г. Киев

Глубокоуважаемый Иосиф Давидович!

Солдатское спасибо за книгу «Нюрнберг предостерегает». Я получил бесценный подарок к моему дню рождения. В последние годы все меньше и меньше пишут о Великой Отечественной войне. Честь и хвала Вам за написание такой книги. Она написана правдиво и профессионально. Книга заинтересует не только читателей старшего поколения, но и молодежь. Она должна знать и помнить великий подвиг нашего с вами поколения, что одним из источников нашей победы над фашистской чумой была дружба народов.

Мы лежали за одним пулеметом, вместе шли в атаку, горели в одном танке, бинтовали друг другу раны. Делили голод и холод...

Своевременность написания такой книги трудно переоценить. Это источник правдивого изложения истории минувшей войны и Нюрнбергского трибунала. Ваша книга — это удар по

тем силам, которые извращают значение нашей Победы над фашизмом и хотели бы забыть историческое значение Нюрнбергского трибунала.
Дорогой Иосиф Давидович, я благодарен судьбе за знакомство с Вами и горжусь этим. Здоровья Вам, вдохновения и творческих успехов!

Генерал Кутенков Юрий Федорович, г. Харьков

Дорогой Иосиф Давидович!
Я Вас знаю по совместной службе в дивизии около 10 лет.
Высоко ценю Вашу порядочность, работоспособность, умение решать возникающие проблемы. Вы служили примером не только в бою, но и в мирное время. Правда для Вас превыше всего и Вы с достоинством и честью отстаивали её.
Ваша книга «Нюрнберг предостерегает» получила широкую известность среди народа, особенно её ценят фронтовики. Я рад, что Вы сохранили оптимизм и порядочность.
...Фашисты уничтожили 50 миллионов человек. Только у меня на родине, в районе Полоцка, было уничтожено 150 000 человек многих национальностей.
Было бы очень хорошо, чтобы Вашу книгу прочитали не только рядовые граждане, но и властьимущие.
Еще раз, Иосиф Давидович, большое спасибо за книгу.

Генерал Яковлев Николай Васильевич, г. Москва

Книга «Нюрнберг предостерегает» заставляет думать. Она актуальна, своевременна, необходима.

М. Зархи, Израиль

1029 Brighton Beach Ave., 2nd Fl. • Brooklyn, NY 11235 • Tel.: (718) 332-49-09

Уважаемый Иосиф Давидович!

Мы получили Вашу замечательную книгу «Нюрнберг предостерегает». Я с большим интересом прочитал эту историческую книгу. Считаю, что ее необходимо издать многомиллионным тиражом на многих языках народов мира и изучать её во всех учебных заведениях. Историческую правду о фашизме и антисемизме должны знать все.
Огромная Вам благодарность за Ваш подвиг. Мы всегда будем помнить об этом. Наша ассоциация ветеранов войны награждает Вас за написание этой книги медалью «Victori».
Примите от нас самые сердечные пожелания здоровья и благополучия Вам, Вашей семье и ветеранам.

Искренне Ваш, президент американской ассоциации инвалидов и ветеранов войны Леонид Розенберг.

Живых свидетелей этого уникального в своем роде события в мире остались единицы. Среди них есть человек поистине выдающийся — ветеран Великой Отечественной войны Иосиф Давидович Гофман. Его «путь в историю» начался в 1942 году, когда он попал служить в 271-й гвардейский стрелковый полк. С боями дошёл до Берлина и даже расписался на поверженном рейхстаге.

На этом война для него не кончилась...

Иосиф Гофман получил ответственное задание — стал личным телохранителем Романа Руденко. Недавно он выпустил книгу воспоминаний «Нюрнберг предостерегает». Правда, по словам автора, в книгу вошли далеко не все известные ему факты — часть информации о суде до сих пор засекречена.

О некоторых неизвестных подробностях Нюрнбергского процесса Иосиф Гофман рассказал в интервью «Итогам».

Журнал «Итоги» Григорий Савин, Москва

Глубокоуважаемый Иосиф Давидович!

Книгу «Нюрнберг предостерегает», которую Вы мне подарили, прочел от первой до последней страницы.

Я восхищаюсь Вашей книгой. Она написана талантливо и правдиво. Молодое поколение должно знать о злодеяниях фашистских захватчиков на нашей советской земле.

Я сам пережил оккупацию. В городе Умань был концлагерь, где в страшных условиях содержались 70 тысяч советских военнопленных. Их всех фашисты расстреляли.

С глубоким уважением к Вам, желаю Вам крепкого здоровья.

Поклонник Вашего трудолюбия и таланта, инвалид первой группы Григорий Иванович Яковенко, г. Днепропетровск

Газета «Pravda»

Полковник в отставке Иосиф Гофман — легенда. Он был телохранителем Романа Руденко — главного обвинителя от СССР на Международном военном трибунале в Нюрнберге, где судили главных фашистских преступников.

В своей книге «Нюрнберг предостерегает» на богатом документальном материале убедительно рассказывает о Нюрнбергском трибунале, начиная с подготовительной работы и первого судебного заседания вплоть до кремации тел преступников, казненных через повешение по приговору трибунала.

Нюрнбергский процесс, бесчисленные жертвы фашизма вызывают ко всем честным людям: «Помните, если хотите быть счастливыми».

К этому призывают нынешние и грядущие поколения автор книги «Нюрнберг предостерегает»

Иван Драбек, г. Братислава

Уважаемый господин Гофман!

Библиотека YAD VASHEM искренне признательна Вам за переданную книгу воспоминаний «Нюрнберг предостерегает».

Книги, подобные Вашей, представляют большую ценность для YAD VASHEM, поскольку дают возможность восстановить и сохранить неизвестные ранее страницы истории Второй мировой войны.

Желаем успехов в продолжающейся работе, здоровья и благополучия.

С уважением, зав. русским фондом Анна Шиндер, Израиль

«Новое русское слово»

... Живых свидетелей этого уникального в своем роде события в мире остались единицы, но они есть и многое помнят.

Среди них — личный телохранитель главного обвинителя от Советского Союза Романа Руденко Иосиф Гофман. Недавно он выпустил книгу воспоминаний «Нюрнберг предостерегает». Автор убедительно, на фактическом материале убеждает читателя, что процесс стал важным правовым прецедентом. И заложил основу последующих судебных процессов над военными преступниками, а также Международного уголовного права.

Дарина Никольская, США

Нелегкий труд заслуживает наивысшей похвалы.

Я и мои товарищи прочли Вашу книгу «Нюрнберг предостерегает», что называется, на одном дыхании. Мы убеждены, что Ваша книга заслуживает высокой награды.

Мы с удовольствием читали добрые отзывы о Вашей книге во многих газетах и журналах.

Киевская газета «Дело» в статье «Жизнь после Нюрнберга» писала: «К нему приезжали корреспонденты многих телеканалов. В Киеве не всякий политик удостоится такого числа видеокамер».

Поздравляем Вас с наградой Американской ассоциации ветеранов второй мировой войны — медалью «Victori».

Желаем Вам крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов.

С уважением, Сергей Rogozin, Полтава

Уважаемый читатель!

Ты читаешь последнюю страницу книги.

Благодарю тебя за внимание к ней.

Меня часто спрашивают, почему эта книга написана сравнительно недавно, а не гораздо раньше? Отвечаю честно.

Когда я был на Нюрнбергском процессе, мне было 20 лет. Восприятие этого исторического события в том возрасте и ныне, когда за плечами сложная и нелегкая жизнь, — разные. Кроме того, я давал подписку соответствующим органам о неразглашении, а многие материалы Нюрнбергского процесса долгие годы были засекречены. И еще одно. Кто-то подсчитал, что полторы тысячи человек утверждали, будто несли бревно вместе с Лениным на субботнике.

Примерно то же самое получается с Нюрнбергским процессом. Но самое главное — Нюрнбергский процесс, увы, не потерял своей актуальности и злободневности, ведь поднимает голову неофашизм. В России, Украине, других странах последователи нацистов избивают и убивают людей только за то, что они имеют другой цвет кожи, молятся другому богу... Все эти причины и заставили меня взяться за перо.

Возможно, кого-то из читателей раздражает, что я часто цитирую документы, выступления, свидетельства лиц, имевших отношение к процессу. Наша память несовершенна, поэтому я брал в свидетели документы. Они более надежны, чем впечатления, оставшиеся через 60 лет. Я «перелопатил» горы документов, книг, воспоминаний участников процесса, прежде чем сесть за письменный стол.

Книга, которую ты, читатель, держишь в руках, не претендует на роль исторического исследования, что избавило меня от необходимости ссылаться на использованные источники. Моя книга — документально-публицистическое повествование. Я пытался дать читателю пищу для размышления и самостоятельного анализа.

Надеюсь, что книгу с увлечением прочитают и молодежь, и ветераны Великой Отечественной войны.

В народе говорят, что слова, идущие от сердца, обязательно попадут в сердце. Если хотя бы часть написанного мною в книге достигнет, читатель, твоего сердца, я буду ощущать себя безмерно счастливым.

Всем моим читателям еще многих лет здоровья, счастья, мирной благополучной жизни.

С уважением и любовью, Иосиф Гофман

Биографические сведения о некоторых участниках Нюрнбергского процесса

Международный военный трибунал

НИКИТЧЕНКО Иона Тимофеевич (1895-1968 гг.) — генерал-майор юстиции, участник первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн. Один из старейших деятелей советской военной юстиции. В июне 1945 года И. Т. Никитченко был командирован в Лондон в качестве главы советской делегации для участия в переговорах о создании Международного военного трибунала и разработки его устава. От имени СССР он вместе с профессором А. Н. Трайниным 8 августа 1945 г. подписал соглашение о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси. На Нюрнбергском процессе И. Т. Никитченко среди судей пользовался большим авторитетом. Он последовательно отстаивал позицию Советского государства, требуя сурового наказания главных виновников нацистских злодеяний. Об этом свидетельствует, в частности, его особое мнение по поводу оправдания Шахта, Папена, Фриче, неприменения смертной казни к Гессу, непризнания преступными организациями гитлеровского правительства, верховного командования и генерального штаба вермахта.

ВОЛЧКОВ Александр Федорович (1902-1978 гг.) — подполковник юстиции, на протяжении многих лет трудился в качестве следователя, прокурора. В августе 1945 года А. Ф. Волчков был назначен заместителем члена Международного военного трибунала от СССР и принимал активное участие в судебном разбирательстве дела главных нацистских военных преступников в Нюрнберге.

ЛОУРЕНС Джеффри (1880-1947 гг.) — лорд-судья Великобритании. Образование получил в Оксфорде. Лоуренс — участник первой мировой войны. В сентябре 1945 года был назначен членом Международного военного трибунала от Великобритании, а 13 октября избран председателем МВТ. Будучи высококвалифицированным юристом, Лоуренс строго следил за соблюдением на процессе норм устава и регламента МВТ.

БИРКЕТТ Уильям Норман (1883-1963 гг.) — английский юрист и политический деятель. Окончил Кембриджский университет. В 1924 году утвержден в звании королевского советника. В 1941-1950 гг. Биркетт занимал пост судьи отделения Королевской скамьи Высокого суда, в 1950-1957 гг. — лорд-судьи Высокого апелляционного суда. В сентябре 1945 года Биркетт назначен заместителем члена Международного военного трибунала от Великобритании.

Биркетт являлся почетным доктором права университетов Лондона, Бирмингема, Кембриджа.

БИДДЛ Фрэнсис (1886-1968 гг.) — американский юрист и государственный деятель. Окончил Гарвардский университет. В 1940-1941 гг. занимал пост заместителя министра юстиции, а в 1941-1945 гг. — министра юстиции США в правительстве Рузвельта. На Нюрнбергском процессе Биддл был назначен членом Международного военного трибунала от США. Биддл являлся бакалавром гуманитарных наук, доктором права Бостонского университета, автором ряда книг.

ПАРКЕР Джон Джонстон (1885-1965 гг.) — американский юрист и политический деятель. С октября 1925 года являлся окружным федеральным судьей, входил в состав сенатской комиссии по подготовке новой редакции конституции штата Северная Каролина, избирался почетным членом судейской корпорации в Англии. В сентябре 1945 года Паркер был назначен заместителем члена Международного военного трибунала от США.

ДЕ ВАБР Анри Доннедь (1806-1964 гг.) — французский юрист, профессор уголовного права Парижского университета. Де Вабр — автор ряда книг и публикаций по различным отраслям права.

В октябре 1945 года Де Вабр был назначен членом Международного военного трибунала от Франции.

Участвовал также в разработке устава и регламента МВТ. Придерживался консервативных взглядов и занимал пассивную позицию в ходе процесса.

ФАЛЬКО Робер (1897-1979 гг.) — французский юрист, видный судебный деятель Франции. Участник первой мировой войны. На Лондонских переговорах Фалько от имени Французской Республики участвовал в разработке Соглашения о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси, а также устава и регламента Международного военного трибунала. В октябре 1945 года Фалько был назначен заместителем члена трибунала от Французской Республики. Неизменно отстаивал положения устава МВТ. Придерживался прогрессивных взглядов.

Главные обвинители

РУДЕНКО Роман Андреевич (1907-1981 гг.) — действительный государственный советник юстиции. Свою трудовую деятельность Р. А. Руденко начал в 1929 году следователем Черниговской окружной прокуратуры. Затем трудился в следственных и прокурорских органах в Донбассе. Перед войной Р. А. Руденко работает в центральном аппарате Прокуратуры СССР. Во время Великой Отечественной войны исполнял обязанности прокурора УССР, а с 1944 года — прокурор УССР. В сентябре 1945 года Р. А. Руденко назначен главным обвинителем от СССР по делу главных нацистских военных преступников, участвовал в разработке устава, регламента МВТ и подготовке обвинительного заключения. Р. А. Руденко внес большой вклад в решение вопросов, связанных с преданием суду бывших главарей рейха, организацией советского обвинения. На Нюрнбергском процессе Р. А. Руденко выступал со вступительной и заключительной речами, а также по разделу о преступных организациях, лично допрашивал подсудимых Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Фриче, многочисленных свидетелей, в том числе и фельдмаршала Ф. Паулюса. Высокие профессиональные качества Р. А. Руденко ярко проявились и на посту Генерального прокурора СССР. За большие заслуги Р. А. Руденко был удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден шестью орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и многими медалями.

ДЖЕКССОН Роберт Хауорт (1892-1954 гг.) — видный американский юрист и государственный деятель. С июля 1941 года являлся членом Верховного суда США. Джексон возглавлял делегацию США на Лондонских переговорах, проявил активное участие в работе по созданию МВТ, разработке его устава и регламента, подготовке судебного процесса. В Нюрнберге Джексон являлся главным обвинителем от США, выступал со вступительной и заключительной речами, допрашивал многих подсудимых и свидетелей.

ШОУКРОСС Хартли Уильям (1902-2003 гг.) — английский юрист и политический деятель. В августе 1945 года был назначен главным обвинителем от Великобритании на Нюрнбергском процессе. Выступал со вступительной и заключительной речами. В Нюрнберге находился непродолжительное время. Фактически английское обвинение возглавлял Максвелл-Файф, его заместитель. В 1945-1949 гг. Шоукросс являлся постоянным представителем Великобритании в ООН.

ДЕ МЕНТОН Франсуа (1900 -1962 гг.) — политический и государственный деятель Франции, юрист, профессор политической экономии. В течение многих лет занимал важные государственные посты — в 1943-1944 гг. — комиссар юстиции Французского Комитета Национального Освобождения, назначался министром юстиции, министром национальной экономики, президентом Европейской консультативной Ассамблеи, вице-президентом комиссии иностранных дел Национального собрания Франции. 11 сентября 1945 года де Ментон был назначен главным обвинителем. В Нюрнберге де Ментон находился не постоянно, и в его отсутствие работой французской делегации руководил его заместитель — Шарль Дюбост. В январе 1946 года де Ментон вернулся в Париж. Главным обвинителем от Франции был назначен де Риб.

ДЕ РИБ ШАМПЕТЬЕ (1882 -1947 гг.) — политический и государственный деятель, один из лидеров Французской демократической народной партии, в течение многих лет был ее председателем. С 1934 года — член французского парламента, неоднократно занимал министерские посты. Де Риб являлся членом кабинета, объявившего в 1939 году войну гитлеровской Германии, а 10 июля 1940 г. выступил против маршала Петена. За оппозиционное отношение к правительству Виши был интернирован. В январе 1946 года де Риб был назначен Главным обвинителем от Франции на Нюрнбергском процессе. Он поддерживал обвинение также от имени Бельгии, Голландии и Люксембурга.

Комментарии

Абвер

(букв. оборона) — орган военной разведки и контрразведки верховного командования вооруженных сил Германии, создан в 1919 году. В 1935-1944 гг. возглавлялся адмиралом Канарисом. В 1944 году абвер был расформирован, а военная разведка и контрразведка подчинены главному имперскому управлению безопасности (РСХА).

Автаркия
(букв. самоудовлетворение) — экономическая политика, направленная на создание обособленного национального хозяйства страны.

Аушвиц
— немецкое название расположенного на территории Польши лагеря смерти Освенцим.

Аффидевит
— в англо-саксонском праве — письменное показание, данное под присягой.

«Барбаросса»
— кодовое название плана нападения гитлеровской Германии на СССР; по имени императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы (1155-1190 гг.), который проводил агрессивную политику и был участником крестовых походов на Восток.

Вермахт
— созданные в 1935 году в нарушение Версальского мирного договора и при попустительстве западных держав вооруженные силы гитлеровской Германии.

Геноцид
— одно из тяжчайших преступлений против человечества, заключающееся в истреблении отдельных групп населения по расовым, политическим, национальным, этническим или религиозным мотивам, а также умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное уничтожение этих групп. Преступления геноцида органически связаны с фашизмом и расизмом и совершались в огромных масштабах нацистами, японскими милитаристами в ходе Второй мировой войны.

Гестапо
— тайная государственная полиция, система органов политического сыска и контрразведки в фашистской Германии, создана в апреле 1933 года по распоряжению Геринга; осуществляла массовый террор в Германии и за ее пределами. Решением МВТ гестапо признана преступной организацией.

Гетто
(место в Венеции, возле которого находился еврейский квартал) — часть города, выделявшаяся в средние века в Центральной и Средней Европе, а также в некоторых современных капиталистических странах для принудительного поселения групп лиц определенной расовой, профессиональной или религиозной принадлежности. Создавая еврейские гетто, нацисты превращали их в лагеря уничтожения.

ГФП
— тайная полевая полиция в фашистской Германии.

ДАФ

— организация, созданная нацистами вместо разгромленных ими социал-демократических и христианских профсоюзов. ДАФ возглавлял рейхслайтер нацистской партии Р. Лей, покончивший с собой в тюрьме после получения обвинительного акта МВТ.

Дулаг

— пересыльный концентрационный лагерь для военнопленных.

Душегубки

— специально оборудованные автомашины, использовавшиеся для умерщвления помещенных в них людей отработанным газом. Особенно широко нацисты применяли их на захваченных территориях СССР.

«Зеленая папка»

— немецко-фашистские директивы по экономическому ограблению захваченных территорий СССР и учреждению на них администрации; подготовлены в 1941 году под руководством Г. Геринга верховным главнокомандованием вермахта; хранились в специальной папке зеленого цвета.

Зондеркоманда

(специальные отряды) — формирования СС и СД, которые осуществляли массовое уничтожение мирного населения и военнопленных главным образом на захваченной территории СССР.

Контрольный совет

— высший контрольный орган четырех союзных держав, учрежденный после разгрома фашистской Германии для осуществления верховной власти в Германии в период выполнения ею основных требований безоговорочной капитуляции. Членами совета являлись главнокомандующие оккупационными войсками четырех союзных держав в Германии.

«Коричневая папка»

— сборник приказов и распоряжений, подготовленных германским министерством по делам оккупированных восточных территорий, «узаконивших» порабощение народов СССР, уничтожение их культуры и т. п. «Коричневая папка» являлась продолжением и дополнением «зеленой папки».

«Кугель»

(букв. пуля) — кодовое название приказа верховного командования вермахта о немедленном расстреле при поимке военнопленных, бежавших из лагерей.

«Мертвая голова»

— особое формирование СС (во время Второй мировой войны — дивизия), действовавшее главным образом в нацистских концлагерях и на оккупированных территориях Европы; отличалось исключительной жестокостью.

«Мрак и туман»

— закодированное название изуверской нацистской директивы от 7 сентября 1941 г., согласно которой все лица, в какой-либо форме выступавшие против немецко-фашистских захватчиков, если их не казнили на месте, тайно вывозились в Германию. Родным об их судьбе ничего не сообщалось.

НСДАП

(Национал -социалистская германская рабочая партия) — так в целях обмана народных масс именовали свою партию фашисты. После разгрома нацистской Германии во второй мировой войне ликвидирована, а ее руководящий состав признан МВТ преступной организацией.

Нюрнбергские законы

— принятые 15 сентября 1935 г. в Германии расистские законы, направленные против евреев.

ОКБ

— верховное командование вермахта Германии.

ОКЛ

— верховное командование военно-воздушных сил Германии.

ОКМ

— верховное командование военно-морского флота Германии.

ОКХ

— верховное командование сухопутных сил Германии.

Операция «Котбус»

— массовое истребление еврейского населения Белоруссии и прибалтийских советских республик.

Операция «Сено»

— нацистский план захвата на временно оккупированных советских территориях 40-50 тыс. детей и подростков от 10 до 14 лет с целью вывоза их в гитлеровскую Германию для онемечивания.

Превентивная война

— война, начатая с целью упреждения противника ввиду явной угрозы нападения с его стороны. Фашистская Германия пыталась прикрыть свою агрессию против СССР лживыми ссылками на якобы превентивный характер развязанной ею войны, но этот миф был полностью разоблачен на Нюрнбергском процессе.

Рейхстаг

— германский парламент; после прихода к власти нацистов утратил какое-либо значение.

РСХА

— составная часть ведомства Гимmlера; РСХА с 1939 года возглавлял Гейдрих, а с 1943 г. — Кальтенбруннер.

СА

— штурмовые отряды, военизированная террористическая организация нацистской партии; создана в 1921 году. До 1933 года — главное орудие террора против антифашистов, школа кадров нацистских функционеров. После захвата власти в 1933 году нацистами члены СА осуществляли массовые аресты и убийства демократов.

СД

— служба безопасности, шпионско-террористическая организация германского фашизма, политическая разведка и контрразведка, действовавшая внутри рейха и за его пределами, руководившая террористическими акциями.

СС

— охранные отряды, военизированная террористическая организация нацистской партии, одна из главных опор фашистского режима. В 1925 году обособилась в СА как личная охрана фюрера (около 200 чел.), с 1929 года ее руководителем стал Гимmlер, с 1934 года — самостоятельная организация. В состав СС вошли части «Мертвая голова», войска СС, служба безопасности рейхсфюрера СС (СД). СС была главным орудием массового террора в Германии и на оккупированных территориях. Решением МВТ СС признана преступной организацией.

Свастика

— символ нацистской партии. Крест с загнутыми под прямым углом концами известен с самой глубокой древности. Принято считать, что свастика — это символ солнца. Гитлер выбрал в качестве эмблемы партии черный крест, вписанный в белый круг на красном фоне. Для него красный цвет символизировал социальные идеи партии, белый — националистические, а крест указывал на победу арийской расы.

Шталаг

— стационарный концлагерь для военнопленных.

Эйнзацгруппы

— специальные мобильные военно-террористические части СС, СД и полиции, проводившие массовое истребление мирного населения на оккупированных территориях.

Оглавление

Иосиф Гофман

НЮРНБЕРГ ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ

Документально-публицистическое издание
Литературный редактор Виталий Скобельский
Корректор Лариса Чемёркина
Компьютерный дизайн и верстка Галина Орехова
Подписано к печати 22.03.2007 г. Формат 60x84/16 Гарнитуры Авангард, Квант Антиква.
Бумага офсетная Печать офсетная. Усл.-печ. листов 11,00 Усл. кр.-отт. 11,25 Тираж 1000 экз.
Оригинал-макет изготовлен
Заказ №24 от 12.03.2007 г. Отпечатано с готовых фотоформ в типографии ЧП Говоров С. В.
36020, г. Полтава, ул. Ленина, 13

1

В начале тридцатых годов на территории СССР было совместно создано несколько секретных военно-учебных центров, которые готовили кадры для вермахта.

Так, полковник авиации фон Белов, адъютант Гитлера, получил подготовку в авиационном центре «Липецк». В книге «Я был адъютантом Гитлера» он пишет: «Учебные занятия, полностью заполнявшие нашу жизнь, начинались в 5 часов утра. Хотя мы носили штатскую одежду, военный характер этого учебного заведения не вызывал никаких сомнений. С русским населением у нас контактов не было».

В танковом центре «Кама» обучался будущий генерал-полковник танковых войск Гейнц Гудериан. В химическом центре «Томка» (Самарская область) обучался цвет будущего фашистского вермахта.

В Москве, в военной академии Красной Армии, получили высшее военное образование, к примеру, будущие гитлеровские генерал-фельдмаршалы: военный министр Вернер фон Бломберг, начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) Вильгельм Кейтель, главнокомандующий сухопутных войск Вальтер фон Браухич...

В помощь вооружению Германии на территории СССР в глубокой тайне строились и действовали совместные военные заводы, на которых собирались из привезенных деталей самолеты и танки новейших образцов, оборудовались для их испытаний аэродромы и полигоны. (Ю.Л. Дьяков, Т.С. Бушуева «Фашистский меч ковался в СССР», «Аргументы и факты» 1999 г. №18 «Как мы помогали врагам».)

2

Генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель во время высадки союзников во Франции был тяжело ранен и направлен в Ульм на лечение. Ввиду причастности к заговору 1944 г. по приказу Гитлера принужден генералом Бургдорфом принять яд, после чего ему были в пропагандистских целях устроены пышные похороны как национальному герою, скончавшемуся от ранений.

3

Одно время и Сталин собирался ускорить гибель Гитлера. В своих воспоминаниях «Разведка и Кремль» (М., 1996 г., с. 133) бывший начальник Управления спецопераций НКВД СССР генерал Павел Судоплатов пишет, что еще в 1943 г. Сталин в самый последний момент

отказался от уже подготовленного его службой убийства Гитлера с помощью агента — знаменитой в Германии русской киноактрисы и любимицы Гитлера Ольги Чеховой. Сталин боялся, что союзники заключат сепаратный договор с новым германским правительством.

4

Эта кровавая акция получила одобрение Сталина. По свидетельству Микояна (приведенному в книге Бережкова «Как я стал переводчиком Сталина» М. 1993), Сталин отозвался так: «Гитлер! О, какой молодец! Вот как надо поступать с политическими противниками!»

5

Фрич был уволен после того, как его ложно обвинили в гомосексуализме, хотя обвинение и было снято еще до войны. Однако Гитлер его так и не реабилитировал. Осенью 1939 г. Фрич отправился на польский фронт и там нашел свою смерть.